

Д-р. Хант

ВОСХОЖДЕНИЕ

НА

ЭВЕРЕСТ

Джон Хант

Восхождение на Эверест

Сканирование и вычитка – Niche

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157242

Восхождение на Эверест: Иностранная литература; Москва; 1956

Оригинал: John Hunt, "The Ascent of Everest"

Перевод:

Юлия Борисовна Гиппенрейтер

Ю. М. Широков

Б. А. Гарф

Аннотация

Книга представляет собой описание английской гималайской экспедиции 1953 г., которой удалось достичь высочайшей вершины земного шара – Джомолунгмы (Эвереста). В книге рассказывается о подготовке экспедиции, ее снаряжении, технике подъема и трудностях, с которыми встретились участники экспедиции во время похода. В книге приводится краткий обзор предшествующих попыток восхождения на Джомолунгму, а также описание ландшафтов предгорьев и Гималаев. Большое значение для альпинистов имеют главы, в которых рассматриваются условия акклиматизации и способы разрешения «кислородной проблемы».

Описание ведется живым языком и иллюстрировано хорошими фотографиями.

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ	7
ОТ АВТОРА	31
ЧАСТЬ I	34
Глава I	34
Глава II	46
ЧАСТЬ II	63
Глава III	63
Глава IV	120
ЧАСТЬ III	154
Глава V	154
Глава VI	172
Глава VII	189
Глава VIII	229
ЧАСТЬ IV	275
Глава IX	275
Глава X	299
Глава XI	319
Глава XII	339
ЧАСТЬ V	367
Глава XIII	367
Глава XIV	385
Глава XV	426
Глава XVI	454

ЧАСТЬ VI	479
Глава XVII	479
Глава XVIII	515
ПРИЛОЖЕНИЯ	527
Приложение I	527
Обувь	527
Палатки	531
Ветронепроницаемая ткань	533
Радиооборудование	534
Кухни	537
Приспособления для перехода через трещины	539
Приложение II	542
Кислородные баллоны	542
Станок для переноски баллонов	543
Аппарат открытого типа	543
Аппарат закрытого типа	545
Аппарат, применяемый во время сна	547
Потребное количество аппаратов	548
Приложение III	554
Выводы	558
Содержание пищевых рационов	561
I. Ящик «компо» по 14 суточных человеко-рационов.	561
II. Ящики с продуктами для приготовления напитков.	566

III. Ящики с галетами.	567
IV. Ящики с штурмовыми рационами.	567
V. Ящики улучшенного питания.	569
VI. Разные продукты.	570
VII. Поливитамины в капсулах	570
Приложение IV	572
Физиологические изменения на больших высотах	578
Холод	582
Потребность в жидкости	583
Кислород	586
Санитария и медицинское обеспечение	590
Физиологические исследования	593
Приложение V	594
Стена Лходзе (лагерь VII)	594
При двух аппаратах открытого типа	594
При одном аппарате закрытого типа и одном аппарате открытого типа	595
Южная седловина (лагерь VIII)	596
При двух аппаратах открытого типа	596
При одном аппарате закрытого типа и одном аппарате открытого типа	597
Юго-Восточный гребень (лагерь IX)	599
При двух аппаратах открытого типа	599
При одном аппарате закрытого типа и одном аппарате открытого типа	600

Общий итог	601
СЛОВАРЬ НЕКОТОРЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В КНИГЕ	602

ДЖОН ХАНТ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ЭВЕРЕСТ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Эверест, величайшая горная вершина мира, долго являлась недостижимым магнитом, который привлекал к себе мечты всех альпинистов.

В течение последних тридцати лет этот снежный гигант успешно защищался от попыток победить его. Лишь 29 мая 1953 г. новозеландцу Хиллари и непальцу Тенсингу (ныне гражданину Республики Индии), участникам английской экспедиции под начальством Ханта, удалось установить этот мировой рекорд.

Экспедиция 1953 г. явилась завершением десяти предшествовавших экспедиций, которые начиная с 1921 г. штурмовали Эверест. Только благодаря многолетнему опыту вос-

ходителей, поднимавшихся на большие высоты, удалось в 1953 г. победить эту неприступную вершину.

В книге Ханта приводятся лишь очень краткие данные о предшествовавших экспедициях, и поэтому, чтобы яснее представить себе, какие трудности встретились при восхождении и как они преодолевались, необходимо дать краткий обзор истории эверестских экспедиций.

Эверест был открыт более ста лет назад. В 1849 г. Геодезическая служба Индии произвела тригонометрическим путем определение высоты ряда недоступных вершин Гималаев, которые были обозначены номерами. Вычисления продолжались несколько лет, и в 1852 г. было установлено, что наиболее высокой из всех этих вершин является пик XV, высота которого была определена в 29002 фута (8840 м). Не выясняя, имеет ли этот пик местное название, англичане назвали его в честь организатора работ 1849 г. геодезиста Эвереста горой Эверест. Только в XX в. выяснилось, что местное население называет гору Джомолунгма («Богиня мать Мира»).

Позднейшие геодезические определения дали несколько более значительную цифру – 29141 фут (8882 м). Но определение высот в Гималаях сильно затруднено тем, что эта огромная горная страна имеет очень большую массу и чрезвычайно трудно точно установить форму геоида в ее пределах. Поэтому Геодезическая служба Индии и английские исследователи Гималаев придерживаются первоначального

определения высоты Эвереста; эта цифра принята и в книге Ханта.

В советских географических изданиях большей частью указывается цифра 8882 м. В 1955 г. де Грааф-Хантер опубликовал в журнале Английского географического общества критический обзор всех выполненных до сих пор определений высоты Эвереста и на основании своих вычислений дал как наиболее точную высоту вершины горы над поверхностью геоида – 29 040 футов (8851,23 м). Этой цифре и надо отдать предпочтение.

До 1903 г. Эверест называли также Гауризанкаром, так как в 1857 г. известный путешественник Герман Шлагинтвейт сообщил, что высокая гора Гауризанкар, видимая из предгорьев Гималаев, и есть пик XV. Но в 1903 г. Вуд, работавший в Гималаях по поручению Геодезической службы Индии, установил, что эта горная группа лежит в 57 км к юго-западу от Эвереста и представляет две самостоятельные вершины – пик XX, или Санкар, высотой 7143 м, и более низкий пик Гаури, или Парбач.

Теперь название этой горной группы передается на картах как Гаури-Санкар (или Занкар).

Несмотря на большой интерес к Эвересту у европейских альпинистов, до начала XX в. не удавалось организовать экспедиций в эту часть Гималаев. Эверест лежит на границе Непала и Тибета и ни та, ни другая страна не позволяла европейцам проводить исследования в этом районе.

Только в декабре 1920 г. далай-лама по настоянию вице-короля Индии дал разрешение на организацию первой английской экспедиции. Поэтому первые попытки восхождения на Эверест производились с севера, со стороны Тибета. Конечным пунктом, где снаряжались экспедиции, был город Дарджилинг в Западной Бенгалии, откуда наиболее короткий маршрут проходил сначала на север или северо-восток, огибая Непал с востока, а затем уже к западу по тибетской территории вдоль границ Непала. Весь путь от Дарджилинга до Эвереста равен 480 км.

Английское географическое общество и Английский альпийский клуб учредили специальный объединенный Эверестский комитет, который и организовал все десять английских экспедиций на Эверест.

Начальником первой экспедиции 1921 г. был полковник Говард-Бюри; кроме альпинистов, в ней принимали участие один геолог и два топографа. Эта экспедиция была чисто рекогносцировочной. Она выяснила, что из путей, ведущих с востока и севера к вершине Эвереста, наиболее удобен подъем по правой ветви ледника Ронгбук и затем – на Северную седловину горы. Было также установлено, что муссонная погода с ветрами и снегопадами в районе Эвереста начинается с 6—10 июня (на юге, в Индии, юго-западный муссон начинается с конца мая). Самое лучшее время для восхождения – это последние недели перед муссоном или первые после него, то есть в конце сентября. Очень важно также для вос-

хождения состояние снега: до высоты 7000 м летом он тает, и поэтому образует довольно плотный покров, а на больших высотах, особенно выше 7500 м, он лежит в виде порошкообразной массы. В кулуарах и под утесами восходитель проваливается в снег до пояса и вскоре истощает все свои силы, пробивая путь вверх; на этих высотах всякая физическая работа чрезвычайно трудна.

В 1922 г. Эверестский комитет поручил руководство новой экспедиции генералу Брюсу – известному знатоку Гималаев. Восхождение было начато по намеченному в 1921 г. пути с севера. Груз от Дарджилинга перебросили сначала вьюком в Тибет, к северному склону группы Эвереста, далее его несли до нижних лагерей носильщики тибетцы, выше работали только носильщики непальцы из племени шерпа. Это племя во время всех эверестских и многих других гималайских экспедиций поставляло проводников и носильщиков. Горные жители – шерпы – легко привыкали к разреженному воздуху на больших высотах, и их смелости и выносливости гималайские экспедиции вообще и эверестские в частности в значительной степени обязаны своими успехами. Путь на вершину был проложен по правой ветви ледника Ронгбук и затем по крутому склону на Северную седловину (Чанг-Ла) Эвереста. Подъем на эту седловину по лавиноопасному и покрытому льдом склону оказался одним из самых опасных участков. Тем не менее восходителям удалось установить на седловине один из промежуточных лагерей и под-

няться далее вверх по Северному гребню и северному склону Эвереста. При первой попытке была достигнута высота 8138 м и при второй – 8321 м. До вершины оставалось, таким образом, только 519 м по высоте и менее 1 км по горизонтали. Дальнейшие попытки были прекращены сначала из-за болезни главных восходителей, а затем – из-за начала муссона. 6 июня было предпринято последнее восхождение с нижнего лагеря-базы на Северную седловину. В этом восхождении участвовали 3 англичанина и 14 носильщиков шерпов. На склоне в ста восьмидесяти метрах ниже седловины восходители были захвачены лавиной: верхние две связки были увлечены лишь верхним слоем скользящего снега, и после того как лавина остановилась, могли из нее выбраться и выкопать людей двух нижних связок из глубокого снега. Из 9 носильщиков шерпов в нижних связках остались в живых только двое. Этот трагический опыт показал, что после начала муссона нельзя подниматься по лавиноопасным склонам. Из опыта экспедиции 1922 г. важно отметить, что Брюс и Финч поднялись до максимальной достигнутой ими высоты 8321 м в кислородных аппаратах.

В 1924 г. тот же генерал Брюс возглавил новую экспедицию, но вскоре заболел малярией и передал начальство Нортону. Подъем совершался по тому же пути, что и в 1922 г. Носильщики шерпы доставили груз на Северный гребень до высоты 8170 м, где был устроен шестой лагерь. Первую попытку дальнейшего восхождения (без кислородных аппара-

тов) предприняли Нортон и Соммервелл. Соммервелл принужден был отказаться от подъема на высоте около 8540 м из-за полного истощения сил, а Нортон прошел по склону еще триста метров и достиг высоты около 8573 м.

Следующая попытка в этом году была предпринята Меллори и Ирвином; они шли с тяжелыми кислородными аппаратами. Оба погибли, по-видимому, достигнув высоты около 8500 м, и не были найдены при поисках. В 1933 г. на скло-не вершины Эвереста на этой высоте был найден ледоруб, принадлежавший Меллори или Ирвину; по-видимому, один из них поскользнулся и увлек за собой другого; оба скати-лись вниз по склону к леднику Ронгбук, лежащему на 3000 м ниже. Во время экспедиции от истощения в результате гор-ной болезни и холода в лагере на леднике Ронгбук умер еще один из четырех офицеров, сопровождавших экспедицию, и от воспаления легких – один из тибетцев-носильщиков.

После трагической гибели лучших восходителей в 1924 г. больше не предпринималось попыток восхождения на вер-шину.

Экспедиция Брюса и Нортона еще больше, чем предыду-щая, доказала, что хорошая высотная акклиматизация лю-дей происходит лишь до высоты 7000 м. Выше акклиматизи-руются очень немногие, но даже и они могут двигаться очень медленно; с высотой физические силы их падают и исчезают активность и интерес к восхождению. На больших высотах человек попадает в совершенно другие условия – низкое ат-

мосферное давление, небольшая плотность воздуха, сильное солнечное облучение, особенно в ультрафиолетовой части спектра, низкая температура и незначительная влажность. Человеческий организм должен приспособиться к этой новой среде путем изменения дыхания и работы сердца и увеличения количества красных кровяных шариков. Большой опасностью является усиление испарения с поверхности кожи: тело как бы высыхает, и приходится пить большое количество жидкости, чтобы восстановить равновесие. Другое препятствие – охлаждение тела при низких температурах и сильных ветрах, почти постоянно дующих на высоких вершинах. Даже в яркие солнечные дни у восходителей нередко замерзали ноги при соприкосновении с холодным снегом.

Основываясь на опыте экспедиций 1922—1924 гг., многие альпинисты стали считать, что 8500 м – предел для восхождения без кислорода. Нортон и Соммервелл на этой высоте едва плелись, и Нортон не мог одолеть кулуара с сыпучим снегом. Кислород, как полагали, следует вдыхать с высоты 7000 м, постепенно увеличивая дозы. Но были и ярые защитники бескислородного подъема: они считали, что акклиматизировавшийся на высоте человек может подняться на вершину Эвереста без кислородного аппарата. В этом отношении был очень показателен пример геолога Оделла, который в 1924 г. при организации лагерей и поисках Меллори и Ирвина в течение четырех дней дважды поднимался в одиночку до высоты 8230 м. и спал одиннадцать ночей на вы-

соте более 7000 м. без кислородного аппарата. Носильщики шерпы поднялись в 1924 г. до высоты 8170 м. также без кислородных аппаратов. Как уже отмечено выше, Нортон и Сомервелл достигли высоты, несколько превышающей 8500 м, также без кислорода.

Опыт 1924 г. доказал, что шерпы лучше европейцев акклиматизируются на высотах, выносливее и обладают большой смелостью и упорством в преодолении препятствий на больших высотах. Им недоставало только знакомства с техникой альпинизма. Поэтому успех всех последующих экспедиций зависел в значительной степени от того, до какой максимальной высоты носильщики шерпы доставят груз для последнего лагеря, из которого уже наиболее акклиматизировавшиеся из восходителей европейцев делали попытку преодолеть последний, самый изнурительный участок подъема.

В течение последующих восьми лет далай-лама снова не давал разрешения, и только в 1933 г. Эверестскому комитету удалось отправить экспедицию под начальством Раттледжа. К этому времени участники прежних экспедиций на Эверест уже по возрасту не годились для таких восхождений, и почти весь состав был новый. Подъем был произведен по тому же северному пути через Северную седловину. Носильщики шерпы доставили груз до высоты 8350 м; но при двух попытках европейцам не удалось достигнуть высоты более 8565 м. В этом году обычного двухнедельного затишья перед началом муссона не было, и страшные ветры мешали восхож-

дению; восходители, так же как Нортон в 1924 г., не могли преодолеть сыпучего снега в кулуаре, по которому надо было пройти через зону утесов северного склона. Все восхождения 1933 г. были совершены без кислородных аппаратов.

В 1933 г. была организована и другая английская экспедиция в районе Эвереста – на самолете. Целью экспедиции было заснять район Эвереста с воздуха; кроме того, она должна была доказать превосходство новых английских самолетов «Пегас» над американскими при полете на больших высотах с большим грузом горючего. Два самолета экспедиции выполнили 3 и 19 апреля два полета над районом Эвереста, и при втором полете были сделаны хорошие аэроснимки.

В следующем (1934) году Эверест привлек полусумасшедшего англичанина Уилсона, который считал, что подъем может быть совершен после трехнедельного поста человеком, очищенным от земной скверны и укрепившим при помощи поста тело и дух. Он хотел пролететь из Индии на Эверест, посадить самолет на склоне горы и добраться до вершины пешком. Но его самолет был задержан в Индии английскими властями. Тогда Уилсон проник в Тибет, переодетый в тибетское платье, и с тремя проводниками шерпами достиг третьего базового лагеря предыдущих экспедиций. Отсюда он пытался подняться на ледопады Северной седловины. Но он не имел никакого альпинистского опыта, не умел прорубать ступени во льду, и в конце концов шерпы, опасаясь за свою судьбу, ушли домой. Уилсон некоторое время питался

остатками продовольствия предыдущей экспедиции и повторял попытки восхождения на Северную седловину; в конце концов он умер от горной болезни и холода в третьем базовом лагере, где его труп и дневник были найдены экспедицией 1935 г.

Такие попытки отдельных европейцев – проникнуть без разрешения в Тибет и пройти тайком к Эвересту – повторялись еще дважды: в 1947 г. канадцем Денманом и в 1951 г. датчанином Ларсеном. И тот и другой нанимали в качестве носильщиков двух-трех шерпов (Денмана сопровождал шерп Тенсинг Норки, взошедший в 1953 г. на вершину Эвереста). Оба смелых альпиниста прошли до третьего лагеря, но не смогли подняться на Северную седловину.

В 1935 г. ввиду позднего получения разрешения от тибетского правительства англичанам не удалось организовать экспедицию в домуссонный период – и была отправлена небольшая рекогносцировочная партия под начальством Шиптона. Она должна была выяснить, не изменяются ли условия восхождения в благоприятную сторону во время муссона или после него и не образуется ли плотный покров снега и во время муссона. Экспедиция поднялась в июле до Северной седловины; при спуске с нее оказалось, что часть склона, по которому они только что поднимались, снесена лавиной – и дальнейшие попытки были признаны опасными. Экспедиция использовала следующие два месяца для подъема на 26 вершин к северу, востоку и западу от Эвереста, в

том числе на пять, превышающих 7000 м.

В 1936 г. была сделана попытка подняться на Эверест с севера. Экспедиция под начальством Раттледжа дошла до Северной седловины, но 22 апреля – необычайно рано – начался муссон, и при подъеме на седловину Шиптон едва не погиб в лавине. Дальнейшие попытки восхождения были оставлены.

В 1938 г. экспедиция под начальством Тильмана снова направилась по северному пути. Шестой лагерь был организован на высоте 8290 м, куда носильщики шерпы внесли груз, не пользуясь кислородными приборами. Подъем к вершине не осуществился из-за сильного мороза и глубокого сыпучего снега, заполнявшего впадины. При этой экспедиции были испробованы кислородные приборы закрытого и открытого типа; последние оказались удобнее.

После мировой войны тибетское правительство не давало разрешения на организацию экспедиции, но под давлением англичан непальское правительство начало разрешать экспедиции в Непал; в 1950 г. английские и французские экспедиции изучали восточный Непал, и французы поднялись на пик Аннапурна высотой 8075 м. Это был первый восьмитысячник, взятый альпинистами. Осенью 1950 г. небольшой американской экспедиции было разрешено подойти к Эвересту с юга. В течение 5 дней экспедиция (в которой участвовал англичанин Тильман, уже поднимавшийся на Эверест) ознакомилась с южным склоном горного массива.

Южный путь на Эверест в то время считался очень трудным и опасным на основании наблюдений экспедиций 1921 и 1935 гг., участники которых могли видеть отдельные отрезки этого пути при подъеме на вершину Эвереста. Меллори писал в своем дневнике о троге ледника Кхумбу, что это наиболее ужасное зрелище из всех, когда-либо представлявшихся человеческому взору.

Но изучение аэрофотоснимков и фотографий показывало, что верхняя часть пути по пирамиде вершины Эвереста легче, чем на северном ее склоне. Поэтому имело смысл преодолеть трудности пути внизу, чтобы обеспечить более легкий подъем на самом изнурительном участке выше 7000 м.

В 1951 г. Эверестский комитет организовал экспедицию под начальством Шиптона для изучения южных вариантов путей на вершину Эвереста. Было решено подняться по леднику Кхумбу, который спускается от пирамиды Эвереста на запад. Экспедиция почти преодолела огромный грозный ледопад в среднем течении ледника, но была остановлена глубокой и широкой трещиной, пересекавшей ледник от края и до края в верхней части ледопада. Затем была изучена горная страна к востоку, северо-западу и западу до горной группы Гаури-Санкар. Наиболее удобный путь на вершину Эвереста был намечен далее вверх по леднику Кхумбу, через его левую ветвь и Южную седловину и затем вверх по Юго-Восточному гребню. Но позднее время года (экспедиция достигла района Эвереста после муссона в сентябре) не позво-

лило осуществить этот план в том же году. По этому пути, намеченному в 1951 г., прошли две следующие экспедиции – швейцарская в 1952 г., которую финансировала Швейцарская организация содействия альпийским исследованиям, и английская – Эверестского комитета – в 1953 г.

В швейцарской экспедиции под начальством Висс-Дюна-на в отличие от английских участвовали и научные работники – геолог, ботаник и этнограф. Ледопад ледника Кхумбу и в 1952 г. оказался невероятно трудным для прохождения, с огромными трещинами, пересекающими весь ледник; путь по склонам трога слева и справа вдоль ледника был невозможен из-за частого падения лавин.

Преодолев ледопад, восходители прошли по Западному цирку, затем поднялись на Южную седловину и отсюда двинулись вверх по Юго-Восточному гребню. На высоте 8405 м был устроен последний лагерь, где швейцарский проводник Ламбер и шерп Тенсинг Норки провели ночь без спальных мешков и примуса. На следующий день они поднялись до высоты 8600 м, но идти далее не могли – кислородные аппараты закрытого типа оказались неудачной конструкции и ими можно было пользоваться только на стоянках, но не на ходу. Ламбер и Тенсинг должны были отдыхать после каждых трех шагов.

Осенью того же года швейцарская экспедиция сделала новую попытку восхождения, но на Юго-Восточном гребне их остановил сильный ветер при 40° мороза. Во время этого

восхождения на подъеме к Южной седловине был убит упавшей глыбой льда один из носильщиков шерпов.

Швейцарская экспедиция, таким образом, проложила путь почти до самой вершины. Подтвердилось предположение, основанное на изучении фотографий, что южный склон самой пирамиды Эвереста для подъема гораздо лучше, чем северный – на последнем несколько высоких гряд утесов надо было обходить по склону и затем подниматься по заполненным сыпучим снегом кулуарам. На высоте 8000 м эти препятствия, как показали предыдущие экспедиции, были непреодолимыми. Наиболее труден на южном пути оказался ледопад на леднике Кхумбу, на преодоление которого тратилось несколько дней, но он лежит на высоте всего 5200—5800 м, где физическая работа не требует таких невероятных усилий, как на вершине Эвереста.

Участники швейцарской экспедиции пришли к выводу, что подъем выше 8500 м без кислородных аппаратов невозможен. Кислород надо применять систематически, а не только во время последнего штурма вершины. Необходимо также, чтобы верхние лагеря были организованы людьми, не принимающими участия в последнем восхождении. Одной из причин неудач Ламбера и Тенсинга является то, что они сами организовали три верхних лагеря и провели, кроме того, бессонную ночь на морозе без спальных мешков и почти без пищи в маленькой палатке последнего лагеря. По мнению Висс-Дюнана, выше Южной седловины (7880 м) чело-

век может оставаться безнаказанно не более трех суток. Как подтвердила и эта экспедиция, горная болезнь и чрезвычайные усилия, которые требуются от человеческого организма для работы в условиях кислородного голодания при подъеме выше 8000 м, настолько истощают человека, что только последующий отдых на высоте ниже 5000—6000 м в течение двух-трех недель может восстановить его силы и позволить совершить новый подъем.

В 1952 г. англичане также хотели организовать экспедицию на Эверест, но так как туда поехали швейцарцы, то Эверестский комитет послал в этом году только тренировочную партию; ее целью было восхождение на вершину Чо-Ойю (высотой 8187 м), расположенную в 35 км к западу-северо-западу от Эвереста. При этом восхождении предполагалось проверить на практике кислородные аппараты и подготовить людей к восхождению на Эверест. Начальник экспедиции Шиптон, который видел издали южные склоны Чо-Ойю при подъеме на Эверест, считал, что на эту гору можно взобраться с юга, но оказалось, что путь этот невозможен, и участники экспедиции поднялись только до высоты 6858 м. В состав этой экспедиции был включен врач, который вел наблюдения над участниками экспедиции для изучения горной болезни и выяснения явлений высотной акклиматизации.

Экспедиция 1953 г. под начальством Ханта не только использовала опыт предыдущих экспедиций, но и включала ряд людей, уже привыкших к восхождениям на высокие пи-

ки Гималаев, а путь почти до самой вершины Эвереста был уже изучен швейцарской экспедицией 1952 г.

История эверестских экспедиций показывает, насколько труден подъем на высотах выше 8000 м; уже экспедиция 1922 г. поднялась до 8321 м, а на преодоление остающихся 500 м понадобилось целых 30 лет. Только более высокое техническое оснащение и превосходная организация позволили, наконец, десятой английской экспедиции в 1953 г. победить Эверест.

Одновременно с экспедицией Ханта в западном конце Гималаев в хребте Панги австро-немецкая экспедиция под начальством врача Херрлигкоффера поднималась на другой из восьмитысячников – Нанга-Парбат (8126 м). Экспедиция эта еще больше подчеркивает, насколько важны для высокогорных восхождений хорошая организация, спаянный коллектив и использование кислорода. Несмотря на то, что гора Нанга-Парбат имела мрачную славу – во время предшествовавших попыток восхождения погиб в общем 31 человек: альпинисты, научные сотрудники и носильщики (на Эвересте с 1921 по 1952 г. погибло 12 человек) – экспедиция 1953 г. была организована недостаточно осмотрительно.

Восходители на Нанга-Парбат были подобраны не по действительным их достоинствам, а по их прошлой славе; коллектив не был достаточно спаянным и дисциплинированным, и вскоре начались раздоры, мешавшие правильному распределению сил. Во главе экспедиции стоял врач, а не

альпинист. Кислород использовался только в крайних случаях – при болезни восходителей. Наконец, эта экспедиция лишней раз доказала, какое огромное значение имеют для успешного восхождения шерпы. В распоряжении экспедиции были только непривычные к большим высотам жители Кашмира, которые в конце подъема могли нести очень мало груза. Все эти недостатки организации привели к тому, что последний лагерь V удалось разбить на высоте всего лишь 6900 м. Из пришедших туда четырех альпинистов и трех носильщиков могли остаться ночевать только двое – так мала была палатка. Утром 3 июля один из восходителей, Кемптер, из-за горной болезни был не в силах начать восхождение. Герман Буль вышел один в 2 часа утра. Ему предстояло подняться на 1226 м, причем он должен был пройти большое расстояние по снежно-ледовым склонам и по дороге преодолеть глубокую седловину. В 7 часов вечера он достиг вершины Нанга-Парбата, и после получасового отдыха, спустившись на 150 м, остался ночевать на склоне – без палатки и спального мешка. В 4 часа утра 4 июля он двинулся дальше и к вечеру достиг лагеря V, совершенно истощенный и измученный горной болезнью. Только необычная выносливость Буля и превосходная безветренная погода позволили выполнить это исключительное в истории альпинизма восхождение.

Сравнение этих двух гималайских экспедиций 1953 г. показывает, что английская эверестская экспедиция действи-

тельно может служить образцом для организации восхождений на большие высоты. Опыт ее был использован при последующих восхождениях на семи- и восьмитысячники Гималаев.

В следующем, 1954 г., итальянской экспедицией профессора Миланского университета геолога Децио 31 июля было совершено восхождение на вторую по высоте вершину мира – Чогори (другие названия этой горы – Дапсанг, Годуин-Остен и пик К-2) в Каракоруме, высотой 8610 м.

Экспедиция была организована как комплексная – в ней участвовало, кроме самого Децио, еще четыре ученых, которые вели в более низких частях хребта геологические, этнографические, археологические и гляциологические исследования и произвели магнитные, астрономические и гравиметрические измерения. Восходителей было 11 человек, из них на вершину пика 31 июля поднялись только двое – Компаньоли и Лачеделли.

В том же году австрийская экспедиция поднялась на Чо-Ойю (высота которой определена в 8158 м).

В 1955 г. Эванс (который в 1953 г. штурмовал Эверест в первой двойке) руководил английской экспедицией на гору Кангченджунга (8580 м) в восточных Гималаях в Сиккиме – третью по высоте вершину мира (ее название в переводе значит «Пять священных сокровищ снегов»). 25 мая участники экспедиции поднялись на вершину. В этом восхождении из членов эверестской экспедиции 1953 г. участвовал

еще Бенд; руководителем шерпов был Дава Тенсинг.

В том же 1955 г. французская экспедиция под начальством Франко совершила восхождение на четвертую вершину мира – грозный пик Макалу (8470 м). Это восхождение замечательно тем, что все девять восходителей – участников штурма – поднялись на вершину.

Как отмечено выше, решающее значение для успеха большинства гималайских экспедиций имело участие в них носильщиков из племени шерпа. Успеху эверестской экспедиции 1953 г., безусловно, очень много помогло, кроме того, личное участие шерпа Тенсинга Норки (в книге Ханта просто Тенсинг; другие его имена Тенсинг Кхансапа и Тенсинг Бхутиа). Тенсинг родился в Непале, но впоследствии переселился в Дарджилинг (в Западной Бенгалии) и стал гражданином Республики Индии. Он наиболее выдающийся из шерпов, участвовавших в эверестских экспедициях. До 1953 г. Тенсинг уже шесть раз поднимался на Эверест: в 1935, 1936, 1938, 1947 гг. и дважды в 1952 г. и принимал участие, в общем, в одиннадцати гималайских экспедициях. После своего восхождения на Эверест с швейцарским проводником Ламбером в 1952 г., когда они поднялись до высоты 8600 м, он сделался одним из крупнейших альпинистов мира. В экспедиции 1953 г. он не только руководил шерпами-носильщиками, но был включен во вторую штурмовую двойку: англичанам, которые до этого времени ревниво следили за тем, чтобы мировой рекорд восхождения на Эверест сохранил-

ся за англичанами, было уже неудобно отстранить наиболее опытного из восходителей – Тенсинга.

После того как вместе с Хиллари Тенсинг поднялся на вершину Эвереста, он в глазах непальцев и индийцев стал национальным героем. По всенародной подписке в Индии и Непале для него и его семьи был построен небольшой дом в Дарджилинге. Индийское правительство организовало в Дарджилинге школу альпинизма для шерпов, и Тенсинг, пройдя в 1954 г. практический курс альпинизма в Бернских Альпах в Швейцарии, был назначен директором школы. Ассоциация шерпов избрала его своим председателем. После восхождения на Эверест Тенсинг вместе с Хиллари, Хантом и другими участниками экспедиции присутствовал на торжественных приемах в Непале, Индии и Англии. Он получил орден звезды (высший непальский орден), высшие отличия в Индии, медаль Георга в Англии, медаль Хаббарда – высшую награду Национального Географического Общества США – и др. Город Шамони в Савойских Альпах, известный издавна своими альпийскими проводниками, избрал Тенсинга почетным гражданином.

Другой из победителей Эвереста, Хиллари, новозеландский пчеловод, вернулся к своим ульям, но скоро его опять потянуло в горы. В 1954 г. он организовал альпинистскую экспедицию в Гималаи, целью которой было восхождение на ряд еще не взятых вершин главного хребта между Эверестом и Макалу. Участникам экспедиции удалось подняться

на 23 новых пика, из них 19 превосходили 6000 м. Но для самого Хиллари экспедиция закончилась неудачно. Во время движения по леднику один из альпинистов упал в трещину ледника и получил тяжелые повреждения. Хиллари, которому сообщили о несчастье, спустился в трещину, чтобы наладить подъем. Когда шерпы вытаскивали обратно Хиллари, они придавили его к верхнему карнизу трещины и сломили ему несколько ребер. Несмотря на это, Хиллари остался в ближайшем высотном лагере и собирался даже продолжать восхождения, но через месяц почувствовал себя плохо и ему пришлось вернуться в Индию. Хиллари в ноябре 1955 г. выехал в Антарктику для участия в трансантарктической экспедиции 1955—1958 гг., организованной Британским содружеством наций.

Из описания истории эверестских английских экспедиций видно, что единственной их целью было – поставить мировой рекорд подъема на высочайшую вершину земного шара. В то время как в швейцарской экспедиции 1952 г. участвовали три натуралиста, только в первую английскую экспедицию 1921 г. был включен геолог, а все дальнейшие состояли только из альпинистов и носильщиков. Геолог Оделл, участвовавший в экспедиции 1924 г. как один из лучших восходителей, фактически не мог заниматься геологическими исследованиями. Таким образом статьи физиолога Пафа с изложением наблюдений над высотной акклиматизацией – вот весь научный результат десяти дорогостоящих экспедиций

за истекшие 30 лет, не считая детальной топографической съемки пограничной полосы Непала и Тибета и района Эвереста. Остается пожелать, чтобы теперь, когда мировой рекорд поставлен и взят не только Эверест, но и ряд следующих за ним по высоте вершин, дальнейшие гималайские экспедиции ставили бы себе более широкие научные задачи.

В книге Ханта, которая выпускается теперь в русском переводе, описан очень подробно весь ход экспедиции. Автор дает много сведений об организации восхождения, техническом оснащении и шаг за шагом разбирает все детали штурма. Поэтому его книга имеет большое значение как практическое руководство для восхождения на высокие вершины. Но вместе с тем книга будет интересна и для широких кругов советских читателей, так как она дает красочное и часто захватывающее изложение одного из самых смелых и опасных человеческих предприятий.

Перевод книги Ханта сделан с 4-го английского издания 1954 г.; первое издание вышло в ноябре 1953 г. В 1954 г. – под другим названием: «Покорение Эвереста» («The conquest of Everest») – та же самая книга была выпущена в США, где выдержала несколько изданий. Английское издание отличается от американского тем, что в нескольких местах указан еще ряд фамилий лиц, так или иначе помогавших экспедиции. В 1953 г. вышел и французский перевод.

Кроме этих книг, Хант опубликовал несколько сокращен-

ных изданий – для детей и взрослых. В зарубежных географических журналах и в общей прессе было опубликовано большое количество статей Ханта, Хиллари и других участников восхождения. В 1955 г. вышли на английском языке автобиографические книги Хиллари и Тенсинга. В связи с большим интересом к Эвересту и к Гималаям за рубежом был выпущен в 1953—1955 гг. ряд книг о предшествовавших восхождениях на Эверест и об экспедициях в другие части Гималаев¹.

С. В. Обручев.

¹ В переводимой на русский язык книге Ханта «Восхождение на Эверест» географические названия даются в транскрипции Большого атласа мира 1954 г.; когда в атласе нет упомянутых в книге Ханта географических названий по европейским странам и США они транскрибируются согласно правилам, принятым для атласа. Что касается географических названий Индии, Тибета и Непала, то в книге Ханта, как вообще на английских картах и других изданиях, для них принята транскрипция, выработанная «Постоянным комитетом по географическим названиям» при английском географическом обществе (опубликована в «Geographical Journal», 1921, № 1). Поэтому мы транскрибируем все многочисленные местные названия, которых нет в Большом атласе мира, согласно этим правилам. В трех случаях пришлось отступить от транскрипции атласа, так как она неудачна, и принять: Кангченджунга – вместо Канченджанга Гаури-Санкар – вместо Гаури-Занкар Намче-Базар – вместо Найнче-Базар. Следует отметить, что в Большой советской энциклопедии названия некоторых гималайских вершин даны в другой транскрипции, чем в Большом атласе мира (Чомолунгма, Годвин-Остен, Кинчинджунга). В английских книгах о Гималаях можно также найти различные транскрипции некоторых названий – например ледник Кхумбу у Маррея назван "Кхомбу" и т. п. Имена и фамилии транскрибированы согласно изложенным выше правилам. Названия английских учреждений и торговых компаний даны в форме, принятой в словаре английских и американских сокращений Е. В. Алешина, В. О. Блувштейн и Ю. В. Семенова (2-ое изд. 1954 г.).

ОТ АВТОРА

Хотя эта книга и написана мной, она в действительности является коллективным творчеством всех членов английской экспедиции 1953 г. на Эверест. Все мы были творцами истории покорения Эвереста и вместе переживали описываемые здесь события. Поэтому, в первую очередь, я должен выразить признательность моим товарищам по экспедиции: тем, кто прочел рукопись и помог мне ценными советами и уточнением фактов; тем, кто составлял приложения к книге. Я глубоко благодарен Грегори и Лоу, которые помогли мне выбрать фотоиллюстрации из нашей многотысячной коллекции, Эвансу, чьи зарисовки пером так оживили некоторые мои бледные описания. Особенно же я в долгу перед Хиллари, написавшем столь волнующую главу о конечном этапе восхождения.

Многим я обязан также моей жене. Помощь ее была неоценима. Она вдохновляла и ободряла меня в течение всей экспедиции. Она же помогала мне писать эту книгу. По поручению Объединенного Гималайского комитета Б. Р. Гудфеллоу прочел рукопись, и его ценные советы помогли мне уточнить описываемые события и помещенные в книгу карты. В этом помогали также и другие лица: Джоан Кемп-Уэлч, Харольд Харлей из Найтона, преподобный Джек Уилльямс из Стоу, а также Ленвейр Уотердайн. А. У. Бридж составил

прекрасную записку по изготовлению кислородного оборудования, которая явилась весьма полезным источником информации и запечатлеет для будущего проделанную в этой области работу.

Командование военно-воздушных сил Индии было настолько любезно, что разрешило мне воспользоваться прекрасными аэрофотоснимками, сделанными во время полета над Эверестом, вскоре после того как мы покинули его. Особенно приятно мне отметить, что кроки стены Лходзе выполнены моим другом У. Хитоном Купером, который так блестяще сумел передать характерные черты Эвереста. Образцовыми являются карты, составленные Холлендом из Королевского Географического Общества.

Приношу благодарность Швейцарской организации содействия альпийским исследованиям, сообщившей нам правильную транскрипцию имен наших шерпов. Этой транскрипцией я пользовался на протяжении всей книги. Исключение составляет лишь имя Тенсинга, которое я пишу так, как хотелось ему самому. Я также учитывал все данные, которые были нам сообщены швейцарцами о высоте расположения их лагерей, а также о высотах некоторых других достигнутых ими на Эвересте пунктов. Однако, основываясь на опыте тех, кто достиг обеих вершин Эвереста, члены английской экспедиции сочли необходимым в отдельных случаях несколько изменить эти данные.

Настоятельно требовалось возможно быстрее рассказать

об экспедиции, и книга была написана менее чем за месяц. Это было бы невозможно без самоотверженной помощи Эльси Херрон, любезно выделенной для этой цели моими издателями Ходдером и Стаутоном. Она переписывала рукопись на машинке, читала и правила гранки, вела всю переписку, связанную с изданием книги, и многими другими путями содействовала ее появлению в свет. Всем этим лицам я приношу благодарность.

Джон Хант.

Найтон, Радноршир,
август 1953 г.

ЧАСТЬ I

ПРЕДПОСЫЛКИ

Глава I

ИЗ ПРОШЛОГО

Это рассказ о том, как 29 мая 1953 г. два человека, обладающие исключительной выносливостью, высоким мастерством и непреклонной решимостью, поднялись на вершину Эвереста и благополучно вернулись к своим товарищам.

Рассказ этот, однако, будет далеко не полным. Ведь восхождение на Эверест не было делом одного дня или даже плодом тех незабываемых, полных волнения недель того лета, когда велась подготовка и осуществлялось восхождение. В сущности, история покорения Эвереста – это рассказ о последовательных настойчивых попытках многих людей в течение долгого времени. Пытаться осветить полностью всю длительную драматическую эпопею в рамках этой книги значило бы чрезмерно расширить объем книги и сделать ее скучной или несправедливо умолчать о роли некоторых участников. Кроме того, ранние этапы борьбы за Эверест были в свое время подробно описаны и обобщены другими авторами, поэтому я напому о них лишь в самых об-

щих чертах.

Прошло более тридцати лет со времени первой экспедиции, посланной на разведку Эвереста с серьезным намерением совершить затем попытку восхождения на ее вершину. С той поры, с 1921 г., не менее одиннадцати крупных экспедиций следовали одна за другой, причем восемь из них ставили своей целью достижение вершины. Три из этих экспедиций были наиболее близки к успеху. В 1924 и 1933 гг. четыре английских альпиниста, а в 1952 г. местный житель из племени шерпа вместе с одним швейцарцем почти достигли вершины – им оставалось не более трехсот метров; однако они вынуждены были отступить, исчерпав до конца свои силы или побежденные непогодой и тяжелыми снежными условиями. Кроме этих экспедиций, штурмовать Эверест пытались несколько мелких групп и даже отдельные альпинисты. Нельзя забывать и о том, что эти попытки стоили нескольких человеческих жизней.

До последней мировой войны все попытки восхождения на Эверест предпринимались с севера, после длинного и утомительного пути из Индии через Тибет. В то время границы далекого Тибета были открыты для нас, а его духовный и светский правитель, далай-лама, благожелательно относился к тому, что мы интересовались горной группой Джомолунгма, хотя и ему и его подданным наши намерения могли показаться странными. Для экспедиций тех лет стало традицией получать благословение настоятеля знаменитого буддийско-

го монастыря Ронгбук, расположенного у подножья северных склонов Эвереста. Затем в 1951 г. в Тибете имели место глубокие политические изменения, и наши надежды на возобновление попыток восхождения с севера значительно уменьшились.

О южных склонах Эвереста тогда было известно очень мало. В 1921 г., во время первой разведки подступов к вершине с севера, Меллори удалось издали увидеть ледопад Кхумбу. Западный и южный склоны массива не просматривались, путь по ледопаду казался весьма сложным. Меллори пришел к выводу, что вряд ли можно было подняться на вершину с юга. Это впечатление было позднее подтверждено членами разведывательной экспедиции 1935 г.

Южные склоны Эвереста расположены в Непале. Правительство этого королевства открыло границы для иностранцев лишь с 1949 г. До этого времени разведка пути с юга была исключена, если не считать данных, полученных при мимолетном осмотре издали. Поэтому тот день, когда появилась возможность произвести такую разведку, стал важной вехой в истории альпинизма. Несмотря на то, что предыдущие заключения были неутешительными, альпинисты не замедлили воспользоваться удобным случаем для более подробного исследования южного варианта пути. Ведь к альпинизму, пожалуй, больше чем к любой другой области человеческой деятельности применимо золотое правило: не терять драгоценного времени и, ни в коем случае не смущаясь неблаго-

приятными выводами предшественников, стараться самим прощупать каждое препятствие.

В 1950 г. небольшая англо-американская экспедиция прибыла в Непал, чтобы произвести разведку подходов к Эвересту с юга. В ее состав входили Чарльз Хаустон, руководитель американских экспедиций на пик К-2 (8610 м) в 1938 и в 1953 гг., и Тильман, начальник последней довоенной британской экспедиции на Эверест. Эта экспедиция из-за недостатка времени не успела продвинуться достаточно далеко и возвратилась, полная сомнений, – лукавый Эверест скрыл от них уязвимые места в своей броне. Из отчета экспедиции было невозможно сделать необходимые выводы, так что имелись все основания для организации повторной, более детальной разведки. Летом 1951 г. отправилась вторая экспедиция, организованная по инициативе М. П. Уорда, У. Маррея и К. Секорда и руководимая прославленным ветераном предвоенных экспедиций на Эверест Эриком Шиптоном. Целью этой экспедиции было также изучение подступов к вершине с юга и попытка преодоления препятствий на этом пути. Альпинисты не возлагали больших надежд на эту разведку. Однако она увенчалась блестящим успехом: группа не только наметила возможный путь на вершину, оказавшийся впоследствии наиболее правильным, но и прошла один из наиболее трудных участков этого пути. Открытие вполне приемлемого, по-видимому, пути к вершине вызвало сенсацию в альпинистских кругах. Данными разведки по-

спешили воспользоваться швейцарцы; весной и поздней осенью 1952 г. они предприняли две замечательные попытки восхождения; ценой невероятных лишений два члена экспедиции – альпийский проводник Ламбер и шерп Тенсинг достигли примерно той же высоты на Юго-Восточном гребне, что и Нортон на северном склоне горы за двадцать восемь лет до этого.

Тем временем мы готовились к тому, чтобы прийти на смену швейцарцам в случае их неудачи. Летом 1952 г. тренировочная экспедиция, возглавлявшаяся Эриком Шиптоном, в состав которой были включены предполагаемые участники восхождения на Эверест, прибыла в Гималаи. В задачи этой экспедиции входили тренировка к будущему штурму Эвереста, испытание кислородной аппаратуры и изучение физиологических проблем, связанных с восхождениями на большие высоты. Выполняя это задание, участники экспедиции попытались взойти на одну из высочайших гималайских вершин – Чо-Ойю (8187 м), а также исследовали дикую, никем до того не посещенную долину. Испытание кислородных приборов оказало большое влияние на разработку конструкции нашего оборудования, а результаты физиологических исследований были использованы нами для составления собственной программы подготовки людей. Таким образом во время экспедиции на Чо-Ойю Шиптон и его группа внесли ценный вклад в дело покорения Эвереста.

Итак, разведка 1951 г., две попытки швейцарцев и ис-

пытания, проведенные на Чо-Ойю, были последними вехами перед решающим штурмом вершины. Ценный опыт всех четырех экспедиций, трудности и лишения, испытанные их участниками, заставляли меня трезво смотреть на действительность и определяли характер наших планов. Однако они же и вдохновляли нас, звали вперед к заветной цели.

Без упоминания об этих простых событиях нельзя было бы правильно определить значение нашей экспедиции. Наше предприятие не было чем-то новым; в конце концов оно явилось лишь завершением цепи событий, большая часть которых была пережита и описана задолго до нас. Когда в 1952 г. швейцарцы включились в борьбу за Эверест, они признавали, что многим были обязаны опыту прежних английских экспедиций. Особо признательны они были экспедиции, руководимой Шиптоном, которая в 1951 г. впервые исследовала возможности восхождения с юга. Сразу после своего возвращения швейцарские альпинисты поделились с нами своим ценным опытом и предоставили нам сведения, полученные при попытках восхождения. Таким образом, можно считать, что мы, следовавшие за ними, уже прошли большую часть трудного пути к вершине, так как опыт, накопленный нашими предшественниками, был действительно чрезвычайно ценным.

Мы можем гордиться тем, что из одиннадцати экспедиций на Эверест девять были английскими. Но не следует забы-

вать и того, что мы пользовались в Индии привилегированным положением, что облегчало англичанам в период между двумя мировыми войнами доступ к Эвересту. Мы должны быть также благодарны альпинистам других стран, которые на обширной арене Гималаев всегда признавали за нами право первовосхождения на Эверест, завоеванное в непрестанной борьбе. В эти годы существовало как бы неписаное соглашение о том, что восхождения на некоторые высочайшие вершины Гималаев должны являться делом экспедиций определенной нации.

Мы рассматривали свою задачу отнюдь не как гигантское соревнование, в котором мы старались бы превзойти усилия предыдущих экспедиций, сколь бы ни был привлекателен такой подход. В действительности длительные попытки покорения сложной вершины принципиально отличаются или должны отличаться от спортивного соревнования. Наиболее правильным будет сравнение с эстафетным бегом, где каждый член команды, преодолев свой участок пути, передает палочку следующему, пока не будет пройдена вся дистанция. В 1952 г. швейцарские альпинисты приняли эстафету знаний и опыта из рук последнего в длинном ряду британских восходителей и, блестяще пройдя свой участок, в свою очередь передали ее нам, которым посчастливилось завершить эту исключительную эстафету; но если бы нам не удалось дойти до финиша, мы передали бы наш опыт французским товарищам, готовившимся прийти нам на смену.

Однако эта борьба человека с вершиной выходит за рамки альпинизма в его чисто спортивном понимании. В моих глазах она является символом борьбы человека с силами природы; в ней ярко выражены непрерывность этой тяжелой битвы и сплоченность всех, кто принимал в ней участие. Нашим противником была не другая группа альпинистов, а сам Эверест.

Эта книга – не только повесть о двух смельчаках, достигших вершины. Всякое нормальное и успешное восхождение в своей основе является делом коллектива. Конечно, некоторые маршруты по скалам Англии или на вершинах альпийских масштабов могут быть безопасно пройдены двумя альпинистами без всякой помощи извне. Но даже в этом случае действует коллектив: два восходителя связаны веревкой, и она служит не только для взаимного обеспечения безопасности, но как бы символизирует единство их цели. Каждый в связке выполняет свою важную часть общей работы: ведущий выбирает и подготавливает путь, второй несет снаряжение, страхует ведущего, следит за его продвижением, дает советы, поправляет, если нужно, вырубленные ступени. Чем выше и сложнее вершина, тем более спаянным и целеустремленным и, вероятно, более многочисленным должен быть коллектив. Восхождение на Эверест – высочайшую вершину мира – сложнейшее из всех альпинистских предприятий и, чтобы добиться успеха, мы должны были не только

проникнуться духом единства с нашими предшественниками, но и добиться его в своей экспедиции.

В любом правиле существуют исключения, и Эверест мог быть одним из таких исключений. Мы считали, что в определенных благоприятных условиях могло оказаться возможным и даже необходимым, чтобы последний короткий участок пути к вершине был бы преодолен одним восходителем. Такой точки зрения, по всей видимости, придерживались и прежние экспедиции. Так, например, Нортон в 1924 г. и Смайт в 1933 г. продолжали в одиночестве восхождение после того, как их партнеры в связке оказывались не в состоянии идти дальше. Возможность первовосхождения на вершину Эвереста является случаем настолько особым, уникальным, что нарушение приведенного мною золотого правила может быть вполне оправдано. Однако это ни в коей мере не исключает коллективных усилий, необходимых для успеха мероприятия в целом.

Вскоре после нашего возвращения с Эвереста некоторым из нас пришлось беседовать с группой студентов. Один из них обратился ко мне с вопросом: «В чем смысл восхождения на Эверест? Вы были материально заинтересованы или это просто своего рода сумасшествие?» Многих, возможно, интересует, почему мы и наши предшественники стремились взойти на Эверест, и будет, пожалуй, лучше всего попытаться ответить на этот вопрос в самом начале повество-

вания.

Для тех, кто ищет во всем материальную заинтересованность, ответ будет неудовлетворительным, так как в действительности мы не искали и не ожидали ее. Гималаи – широкое поле для исследовательской работы, однако для тех, кто стремится к исследованию «белых пятен» на карте или к научным открытиям, есть много районов столь же интересных и менее изученных, чем горная группа Эвереста. При многочисленных попытках штурма вершины эта территория была изучена сравнительно хорошо. Экспедиции на Эверест стремились не только взойти на него, но ставили перед собой и другие цели, однако эти цели всегда были второстепенными по сравнению с основной задачей – покорением вершины. Более того, опыт прошлого говорит, что наука и альпинизм сочетаются с трудом; я, во всяком случае, считал, что мы должны целиком сосредоточиться на основной цели – восхождении.

Ответом на вопрос студента не может служить также просто страсть к лазанью по горам. Конечно, для всех нас альпинизм как спорт является или должен являться источником удовольствия; мы совершаем восхождения потому, что это нам нравится. Но я сомневаюсь в том, чтобы кто-либо из нас начал в 1953 г. восхождение на Эверест, рассчитывая получить такое же удовольствие от него, как и в горах ближе к родине. Альпинистская техника, приобретенная в более доступных горах, может не найти себе применения в Гималаях

из-за отсутствия трудных объектов восхождения. Большинство из нас уже бывало в Гималаях, и нам было известно, что чисто технические сложности восхождения там значительно проще и встречаются реже, чем, например, в Альпах, а возможности применения высокой техники более ограничены.

Однако в любой области человеческой деятельности решение задачи, которую долго не могли решить другие, обладающие мастерством и настойчивостью, имеет непреодолимую притягательную силу. Это и имел в виду Меллори в своем, на первый взгляд, наивном ответе на тот же самый вопрос: «Потому что он (Эверест) существует!» Меллори и его спутник Ирвин в 1924 г. во время третьей экспедиции пропали без вести при восхождении в верхней части Северо-Восточного гребня Эвереста. С тех пор многие безуспешно пытались достичь вершины, и их пример призывал нас в свою очередь попробовать свои силы там, где они потерпели неудачу. Несмотря на многочисленные повторные попытки восхождения, Эверест все еще оставался непобежденным, и этого было, конечно, достаточно, чтобы сдерживать в нас безрассудный оптимизм. Однако нас так же, как в свое время и наших предшественников, ободряло наличие у нас большого накопленного опыта. Возможность проникнуть в неизведанное, сознание того, что Эверест – высшая точка земного шара, вели нас вперед. Стоящая перед нами задача не допускала никаких унижающих сравнений; это был вопрос слишком близко затрагивающий интересы всего коллектива

и каждого из его участников в отдельности. Вызов был брошен, и не принять его было невозможно.

Глава II

ПРОБЛЕМА

В чем заключается проблема покорения Эвереста? Каким оружием были отбиты многочисленные атаки стольких решительных людей? Прошлой осенью, когда мы готовились к нашему предприятию, его характер был уже в значительной мере ясен: по существу в какой-то степени задача была почти решена, оставались непройденными последние триста метров. Только романтик мог бы считать, что на эту последнюю часть крепости наложено заклятие, что на высоте около 8500 м проходит непреодолимый барьер, за который не могли проникнуть даже такие полные решимости альпинисты, как Нортон, Смайт, Уин Харрис и Уэджер, Ламбер и Тенсинг. Могло показаться, что задача заключается именно в разрушении этого заклятия, в преодолении этого невидимого препятствия, какой-то точки в пространстве, сравнимой с звуковым барьером. Возможно, что эта точка зрения в физиологическом смысле до некоторой степени оправдана. Однако думать так, значило бы прийти к совершенно неверным представлениям, так же как неправильно было бы считать, что после удачного восхождения в 1953 г. будущие восходители не встретят уже на своем пути к вершине никаких новых трудностей. Некоторые поднимались и до нас с разных сторон вершины Эвереста примерно до указанной высо-

ты, но на их пути не было никаких физических препятствий, недоступных для их мастерства. Путь был проходим. Выражаясь на альпинистском жаргоне, «идти было можно». Некоторые из этих выдающихся альпинистов утверждали, что они не смогли продолжать восхождения лишь из-за недостатка времени. Я вернусь к этому вопросу позднее; сейчас достаточно указать, что они были побеждены нарастающим действием высоты, влияние которой сказывалось на них и на их вспомогательных группах, начиная со значительно более ранних этапов восхождения.

Тем, кто решил испытать свои силы на высочайших вершинах, придется встретиться с тремя грозными факторами. Это – явления, связанные с высотой, метеорологические условия и технические трудности восхождения. Рассмотрим сначала влияние высоты.

На верхних участках Эвереста, так же как и на других высочайших вершинах, разреженность воздуха сильно затрудняет движение даже при легком маршруте. Недостаток кислорода сказывается также и на умственной деятельности человека. Выше определенной границы становится невозможной сама жизнь. С другой стороны, в настоящее время уже полностью доказано, что влияние высоты на организм может быть, во всяком случае, уменьшено тщательным соблюдением режима; организм постепенно приспособливается в течение определенного времени ко все возрастающей высоте, то есть акклиматизируется. Конечно, индивидуальные способ-

ности к работе на высотах различны у разных людей. Однако можно утверждать, что тот, кто лучше других приспособлен для восхождения на большие высоты, может, постепенно акклиматизируясь, достичь, по меньшей мере, 6400 м и оставаться на этой высоте без серьезного вреда для себя, во всяком случае достаточное время для того, чтобы попытаться достичь еще большей высоты (если только последняя не слишком велика).

Серьезные недомогания начинаются выше этой высоты, что и служит одной из главных причин, почему действительно высокие горы, достигающие 8000 м и более, принадлежат качественно к другой категории трудности, нежели любые более низкие вершины. На этих высотах постепенная акклиматизация уже теряет свое значение, так как мышцы быстро ослабевают, и сопротивляемость альпиниста низкой температуре, ветру и непогоде резко снижается. Он обычно теряет ощущение голода и жажды и лишается необходимого для отдыха нормального сна. В действительности, начиная с высоты 6400 м, альпинисту необходимо увеличивать скорость своего движения вверх, применять тактику «рывка». Однако на это он уже неспособен, наоборот, ему становится все труднее и труднее бороться с высотой, его продвижение становится мучительно медленным, умственные усилия так же, как физические неизмеримо затрудняются. Если все это справедливо для технически легкого маршрута, то тем более это имеет место при усложнении пути, даже

минимальном на меньших высотах, не способном задержать альпиниста средней квалификации. Незначительное увеличение уклона может оказаться той соломинкой, которая сломает спину верблюду. Если учесть, что Эверест имеет высоту около 8840 м и что примерно 2400 м должны быть преодолены выше установленного предела успешной акклиматизации, то станет ясной та сторона поставленной перед нами задачи, которая всегда играла важную роль в неудачах прошлых экспедиций. Для предохранения организма от быстрого истощения было бы крайне желательно преодолеть эти 2400 м за один, максимум два дня, но об этом не может быть и речи: восходитель, предоставленный своим собственным силам, движется настолько медленно, что для этого ему нужно, по меньшей мере, четыре-пять дней, не считая времени, требующегося для последующего спуска. К тому же самое позднее на четвертый день он настолько ослабеет физически и морально, что у него уже не останется ни воли, ни сил для последнего решительного этапа, когда эти силы как раз больше всего необходимы. Именно так и происходило ранее на высоте примерно 8500 м.

Однако же проблема гораздо сложнее. В эти дни, проведенные на уровне выше 6400 м, требуется установить ряд высотных лагерей, что, в свою очередь, означает необходимость иметь с собой палатки, спальные мешки, надувные матрасы, продукты, переносные кухни, горючее, а также альпинистское снаряжение. Весь этот груз нужно перенести на-

верх, причем общий вес его неизбежно весьма велик, так как необходимо обеспечить хотя бы минимальные удобства и, что еще важнее, защиту от холода. Переноска груза далеко выходит за пределы физических возможностей альпинистов, назначенных для решающего штурма, и их следует, насколько это позволяют обстоятельства, освободить от всякой посторонней работы, сберегая их силы для выполнения основной задачи. Переноску груза следует поручать другим членам вспомогательной группы. Кроме того, так как размер каждого высотного лагеря и его оснащение должны быть уменьшены до предела, необходимо, чтобы вспомогательные группы двигались по строгому графику. Грузы должны перемещаться вверх последовательно, с интервалом в несколько дней. Однако на организацию каждого нового лагеря требуется все больше и больше времени, так как на большой высоте груз, который человек способен нести на себе, очень мал. Таким образом, время, потребное для восхождения на Эверест, весьма значительно не только из-за необходимости постепенной акклиматизации, начиная с определенной высоты, но и потому, что завершающие усилия замедляются недостатком кислорода.

Выигрыш во времени особенно важен на последних этапах восхождения не только вследствие ослабления организма, но и ввиду другого фактора, самого важного из всех, а именно состояния погоды.

Во всех горных районах, за исключением таких, где высоты невелики или где не встречается никаких серьезных трудностей при восхождении, погода играет громадную роль в альпинистских планах. Непогода значительно уменьшает способность восходителя преодолевать трудности маршрута, замедляет его движение, заставляет страдать от ветра и холода. Застигнутый ею альпинист может потерять ориентировку, попасть на трудный участок и быть вынужден заночевать на неудобном месте. Опасности плохой погоды в горах хорошо известны, и я упоминаю о них лишь для того, чтобы подчеркнуть их еще более губительное влияние при подъеме на высочайшие вершины. Периоды, когда погода достаточно хороша для серьезной попытки достигнуть вершины Эвереста, не только весьма кратки и редки в течение года, но и выдаются, по-видимому, далеко не каждый год. В течение всей зимы, с ноября по март, почти непрерывно свирепствуют северо-западные штормы. Ледяной ветер исключительной силы (его скорость достигает, вероятно, 130—150 км в час) обнажает северные склоны хребта и откладывает снег на его южных склонах. Этот снег, лежащий на старом фирне, очень неустойчив и может в любой момент обрушиться грандиозными лавинами. Зимой этот свирепый западный ветер безраздельно властвует над высокими и пустынными Гималайскими горами. Совершить в подобное время года восхождение на один из высочайших гималайских пиков вряд ли вообще возможно, разве только по очень простому и исключи-

тельно хорошо защищенному маршруту.

В начале лета (конец мая или начало июня, в зависимости от положения вершины в хребте) начинается противоположное движение воздуха – муссоны с юго-востока. Эти теплые, насыщенные) влагой ветры, дующие из Бенгальского залива, приносят массы влажного снега, скапливающегося на более высоких склонах горного барьера; ветер особенно интенсивен в юго-восточной части Гималаев, на которые он обрушивается со всей своей мощью после того, как достигнет конца залива. Именно в этом районе и возвышается Эверест. Обычно здесь сезон муссонов продолжается до конца сентября. Некоторые, более легкие восхождения можно совершить в это время, однако сложность подъема на высокие вершины, в особенности в юго-восточных Гималаях, резко увеличивается из-за трудного для преодоления и весьма опасного глубокого недавно выпавшего снега. Возможности успешного восхождения на Эверест, по всей вероятности, ограничены кратким промежутком времени между прекращением действия одной разбушевавшейся стихии и началом действия другой; такие промежутки бывают в мае и в начале октября, то есть непосредственно перед муссоном и сразу после него. Почти все попытки восхождения на Эверест производились в промежуток времени перед началом муссона, хотя швейцарцы в 1952 г. сочли возможным вернуться осенью для повторного штурма. Несмотря на отсутствие полной ясности в этом вопросе, можно считать, что

осенний период дает очень мало шансов на успех. Действительно, глубокий снег должен быть сметен со склонов западным ветром, а этот ветер, когда он дует в полную силу, явится непреодолимым препятствием для восхождения. Какой бы промежуток в году ни выбрать, он будет очень кратковременным. К тому же нет никакой гарантии, что между окончанием зимы и наступлением муссона обязательно будет какой-либо интервал. Именно с таким явлением – отсутствием спокойного периода – пришлось столкнуться английским экспедициям на Эверест в 1936 и 1938 гг.

Оба эти фактора – высота и погода – каждый в отдельности и оба вместе стремятся задержать альпиниста. Высота истощает его силы, замедляет движение, заставляет тратить дни и ночи на восхождение. Плохая погода не только увеличивает расход физической и моральной энергии альпиниста, но и угрожает ему потерей времени, необходимого для выполнения задачи. Если в более низких горах и при сравнительно легком пути непогода может лишь затруднить движение, то в Гималаях она является решающим фактором, независимо от характера маршрута.

Выводы, которые следует сделать на основании этих двух факторов, вполне очевидны. Мы должны или быть так подготовлены, чтобы существовать и действовать без вреда для себя, находясь выше предела естественной акклиматизации или, что еще лучше, мы должны решить проблему ускорения

восхождения. В сущности желательно удовлетворить оба эти требования и тем самым подготовить для борьбы с непогодой тех участников экспедиции, которые выбраны для окончательного штурма вершины и сопровождающую их вспомогательную группу, ибо безопасность в альпинизме в такой же мере зависит как от скорости, так и от уверенности продвижения. Эти требования, порознь и вместе, могут быть выполнены лишь с применением кислорода в количестве, достаточном, чтобы компенсировать недостаток его в воздухе в течение всего времени подъема выше предела успешной акклиматизации. Иначе говоря, кислород может рассматриваться как средство, уничтожающее действие высоты и создающее условия, подобные существующим при восхождении на более привычные, более низкие вершины.

Потребность в кислороде при восхождении на Эверест не является новой проблемой; это хорошо знали уже много лет назад, хотя все альпинисты не считали кислород решающим фактором. Некоторые восходители придерживались даже того мнения, что употребление кислорода нежелательно с точки зрения спортивной этики. Кислород был применен Финчем и Брюсом в экспедиции 1922 г., представлявшей первую серьезную попытку восхождения на Эверест. Однако применявшаяся ранее аппаратура не позволила альпинистам достигнуть большой высоты в лучшем состоянии по сравнению с теми, кто не пользовался кислородом. Это объясняется малой производительностью кислородного аппарата на

единицу его веса. Вопрос добавочного веса на больших высотах, если только он не компенсируется с избытком кислородным питанием, имеет чрезвычайно важное значение. По видимому, все прежние кислородные аппараты сравнительно мало способствовали уменьшению напряжения, усталости и ослабления организма; нашей задачей являлось создание аппаратов, по своим качествам значительно превышавших прежние. Чем легче аппарат (при условии достаточной длительности действия его без пополнения запаса кислорода), тем быстрее сможет подниматься альпинист.

Перейдем теперь к физическим препятствиям на нашем пути к вершине – к трудностям, требующим для своего преодоления альпинистского мастерства и опыта. Те, кто недостаточно знаком с Эверестом, часто говорят, что, с точки зрения альпинистской техники, он является легкой вершиной. Допуская, что имеются и более сложные, с альпинистской точки зрения, вершины, я все же должен подчеркнуть, что такое положение в корне неверно. Если трудности, связанные с рельефом местности, отнесены мной на последнее место при перечислении основных факторов, которые нам пришлось учитывать при подготовке экспедиции, то это объясняется, во-первых, желанием оставить у читателя более свежее представление об орографии массива и, во-вторых, тем, что, какова бы ни была техническая сложность пути, она, во всяком случае, увеличивалась и отодвигалась на вто-

рой план влиянием высоты и непогоды.

Познакомимся теперь по карте (см. рис. 1) с орографией южного склона горной группы Эвереста. Эта карта дает довольно правильное представление о районе, за исключением его масштабов. Мы ведь весьма склонны измерять высоту гор мерилком своего собственного опыта. Те же, кто мало знаком с Гималаями и не побывал в них, могут по фотографиям не оценить их грандиозных размеров подобно тому, как ошибаются и те, кто впервые видит эти горы воочию.

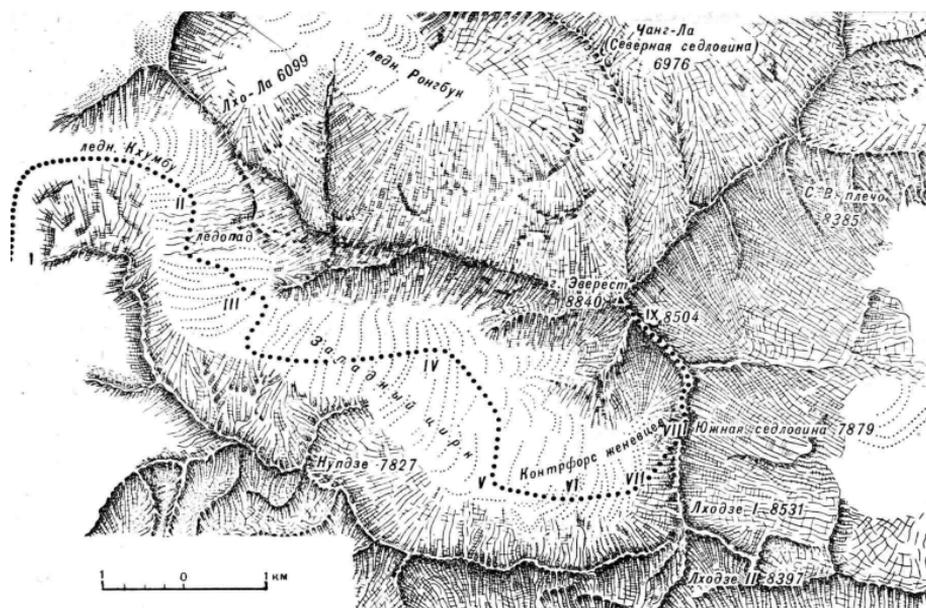

Рис. 1. Ближайшие подступы к Эвересту.

Эверест – один из трех громадных пиков, возвышающихся

ся на непало-тибетской границе. Они окружают узкую высокогорную долину, открывающуюся на запад, – чудо горной архитектуры, дно которой полого опускается к западу с 6700 до 5800 м. Когда Меллори впервые увидел ее во время первой разведки Эвереста в 1921 г., он дал ей название «Западный коум» (Западный цирк), без сомнения, из любви к милым его сердцу горам Уэльса. В верховьях долины возвышается центральная из трех вершин, громадный скалистый пик Лходзе, высотой около 8540 м. Его западные склоны круто падают в долину, совершенно замыкая ее верховья. Если смотреть вверх по Западному цирку, Эверест находится слева, и его западный гребень образует стену, ограничивающую цирк с севера. С противоположной стороны возвышается Нупдзе, скорее хребет, чем вершина, острый и рваный гребень которого, начинаясь от южных отрогов Лходзе, тянется на расстояние более трех километров со средней высотой более 7600 м. Западный цирк – этот чудовищный каприз природы, лежащий между Эверестом и Нупдзе и замыкаемый склонами Лходзе, – приводит альпиниста к самому подножью вершины; он является исходным пунктом, откуда начинается восхождение с юга.

Однако прежде чем начать восхождение, необходимо еще проникнуть в этот цирк, а между тем вход в него находится под надежной охраной. На дне цирка залегает слой льда мощностью, вероятно, в сотню метров. Ледник Кхумбу, берущий здесь свое начало, после спокойного течения

на протяжении более пяти километров, внезапно обрывается грандиозным уступом высотой более 600 м. Затем, снизившись примерно до 5500 м, ледник поворачивает под прямым углом налево, выравнивает свой профиль и плавно стекает, оканчиваясь километрах в тринадцати ниже. Упомянутый выше перегиб, или ледопад, образует вход в Западный цирк; его преодоление представляет сложнейшую задачу для восходителей, направляющихся в Западный цирк или выше него. Ледопадом называют, если можно так выразиться, застывший ледяной каскад, часто гигантских размеров. Ледопад Кхумбу является действительно чудовищным. При движении ледника по крутому скалистому ложу поверхность его разрывается, разламывается, превращаясь в лабиринт трещин, неустойчивых и уже упавших ледяных глыб. Ледопад постоянно находится в динамическом состоянии, вечно изменяясь, так как ледники в Гималаях обычно движутся быстрее, чем, например, в европейских Альпах. За одну ночь на ровной поверхности льда возникают гигантские трещины, расширяющиеся или закрывающиеся совершенно внезапно. Грандиозные многотонные массы льда нависают в неустойчивом равновесии над пропастями и внезапно срываются вниз, сметая все на своем пути и заваливая склоны громадными обломками льда. Несмотря на то, что ледопад был пройден группой Шиптона в 1951 г. и дважды швейцарскими альпинистами в 1952 г., он оставался для нас наиболее серьезным препятствием, характер которого мог измениться

до неузнаваемости к тому времени, когда мы доберемся до него в 1953 г.

Теперь представим себе, что мы добрались до верховьев Западного цирка и бросим взгляд на западный склон Лходзе, ибо нам необходимо преодолеть этот барьер, чтобы выйти до подножья вершинной пирамиды. Нашей непосредственной целью является понижение между Эверестом и Лходзе, получившее название «Южной седловины». Чтобы добраться до нее, нужно преодолеть крутые снежно-ледовые склоны Лходзе и Южной седловины и подняться более чем на 1200 м. Нам представлялось, что именно здесь и находится наиболее сложный участок всего восхождения на Эверест. Южная седловина лежит на высоте около 7800 м, но после того, как будет достигнута эта исключительно большая высота (лишь немного уступающая Аннапурне, наивысшей из покоренных до 1953 г. вершин), нам останется еще не менее 900 м подъема, считая по вертикали. Достижение Южной седловины само по себе является изнурительным и сложным предприятием. Значительной части участников необходимо будет проделать этот путь, неся на себе большой груз продуктов и снаряжения, чтобы как следует обеспечить успех заключительного штурма. Швейцарцы, несмотря на их достойные восхищения усилия, потерпели поражение именно на этом участке маршрута. И хотя Тенсинг и Ламбер поднялись высоко над Южной седловиной, они не имели за собой надежного резерва, способного поддержать их замечатель-

ную попытку. Обеспечение этого тыла, создание на Южной седловине запаса продуктов и снаряжения и сосредоточение здесь надежной группы поддержки – это и было нашей основной заботой в течение последующих месяцев.

Продолжим мысленно наш путь. Представим себе, что, вооруженные опытом весенней швейцарской экспедиции, мы добрались до Южной седловины; обследуем теперь верхнюю часть пути. Чтобы добраться до вершины, восходитель должен подниматься по Юго-Восточному гребню, идущему к вершине от Южной седловины. На пути он должен будет преодолеть небольшой выступ на гребне, известный под названием «Южного пика», высотой более 8750 м. Насколько нам тогда было известно, гребень вплоть до этого места не должен был представлять особых затруднений, однако участок между южной вершиной и главной оставался загадкой. Участок этот не просматривался с Южной седловины, так что швейцарцы ничего не могли сказать о нем. По данным аэрофотосъемки, находившимися в нашем распоряжении, у нас создалось впечатление об узком снежном или ледовом гребне с опасными громадными карнизами, нависающими над восточной пропастью; они созданы господствующими здесь западными ветрами. В то время когда производилась эта аэрофотосъемка, даже сама вершина выглядела, как гребень колоссального карниза, нависающего не менее чем на семь-восемь метров. Уже в те дни осени 1952 г. нам было ясно, что этот последний участок достойно завершал

тяжелый путь восхождения. И, может быть, некоторые из нас затаили невысказанное чувство досады на то, что Эверест как бы приберег этот последний вал укреплений для смельчаков, сумевших добраться так далеко. Было очевидно, что преодоление участка протяжением в 450 м с разницей высот в 120 м, отделявшего Южный пик от вершины Эвереста, потребует от восходителей ясности мысли, сосредоточенного внимания и достаточного запаса сил, тем более, что спуск на участке до Южного пика должен был быть почти столь же напряженным, как и подъем. Как добиться того, чтобы участники нашей штурмовой группы сохранили необходимые силы и энергию? Это являлось основным вопросом, решению которого были в конечном счете подчинены все наши планы.

Таковы были в самых общих чертах три главных фактора, составляющие проблему Эвереста, – высота, погода и рельеф. В тщательном изучении этих факторов и их влияния на прошлые экспедиции, последовательно штурмовавшие в течение многих лет Эверест, и заключалась в основном наша подготовительная работа; отсюда родился и наш оперативный план. Нас очень воодушевляло то, что многие трудности, возникающие в связи с этими факторами, были уже успешно преодолены нашими предшественниками, но мы сознавали также, что нам придется, в свою очередь, встретиться с этими трудностями, причем, вероятно, в другой обстановке и, возможно, в более сложных условиях. Наконец, мы знали, что для того, чтобы достигнуть вершины, нам нуж-

но как-то избежать такого положения, какое создавалось до сих пор даже у наиболее квалифицированных и настойчивых наших предшественников, когда двое, а иногда лишь один человек после отчаянной борьбы, не дойдя до цели около трехсот метров, не имели сил для достижения вершины и, во всяком случае, для восхождения и благополучного спуска к своим товарищам.

Говоря языком романтика, нам предстояло перейти заколдованный барьер, сняв сперва с него то заклятие, при помощи которого вершина могла навсегда задержать дерзкого нарушителя в своих ледяных объятиях.

ЧАСТЬ II

СОСТАВЛЕНИЕ ПЛАНА

Глава III

ПОДГОТОВКА. ПЕРВЫЙ ЭТАП

Организация большой экспедиции куда бы то ни было: в Гималаи, в Арктику или в Центральную Африку – всегда является сложнейшим мероприятием. Мой опыт ограничивается лишь гималайскими экспедициями, но я могу теперь глубоко сочувствовать тем, кому приходится планировать и готовить любые другие путешествия или исследования. Представьте себе, что вам вместе с другими предстоит выполнить длительное и весьма трудное задание в каком-то далеком и ненаселенном уголке земного шара, где климатические условия исключительно тяжелы. Успех вашего мероприятия зависит, в первую очередь, от ваших спутников, от объединенных усилий всех членов вашего коллектива. Физическая или моральная неподготовленность хотя бы одного или двух участников экспедиции неизмеримо увеличивает трудности задания. На вас лежит ответственность за подбор людей, от которых требуется счастливое сочетание трудно совместимых качеств. Очень часто вы даже не в состоянии

будете проверить их качества, по крайней мере в условиях, близких к тем, с которыми придется иметь дело в действительности; возможно, что вам даже не приходилось встречаться ранее с большинством из этих людей. Вам предстоит обеспечить весь состав экспедиции одеждой и снаряжением, требующимися для выполнения задачи в весьма сложных условиях. Вы должны позаботиться, чтобы партия захватила с собой все снаряжение, которое ей может потребоваться при этом и должны иметь в виду, что путь будет длинный, медленный и трудный и что на все время вашей экспедиции вы будете всецело предоставлены самим себе. Часть снаряжения носит весьма специальный характер, и придется решать трудные вопросы о конструкции такого снаряжения и о его количестве. Продукты должны быть запасены на все время пребывания экспедиции вдали от цивилизованного мира, а выбор их должен быть произведен с большой тщательностью, так как пища должна соответствовать климатическим условиям и характеру работы. Все многочисленные продукты и предметы снаряжения нужно заказать заранее, причем некоторые из них – лишь после тщательных испытаний, проведенных в условиях, возможно более приближающихся к действительным. Вы должны позаботиться об упаковке и описи всех этих предметов, а также о доставке грузов и людей к начальному пункту маршрута в какой-то отдаленной стране, откуда более примитивными транспортными средствами все должно быть доставлено непосредственно к

месту работы. Последней, но никак не менее важной заботой является вопрос о финансировании, решающий судьбу всего мероприятия; на вас лежит также составление сметы экспедиции. В дополнение ко всему этому предположите, что на подготовку экспедиции вам дано крайне ограниченное время и что в любой момент, даже в самый разгар приготовления, экспедиция может быть отменена. К тому же вам известно, что необходимо предусмотреть организацию повторной экспедиции, если первая потерпит неудачу. При таких условиях, я думаю, вы будете склонны считать, что на вашу долю выпала такая трудная задача, с какой вам никогда еще не приходилось встречаться и вряд ли придется встретиться в будущем.

Таковы были, во всяком случае, мои мысли, когда 11 сентября 1952 г. я получил телеграмму, в которой мне предлагали принять на себя руководство английской экспедицией на Эверест весной 1953 г. В это время я был очень занят последними приготовлениями к проведению маневров союзных войск в Германии и знал, что не смогу освободиться ранее, чем через месяц. Я испытывал большое возбуждение, но одновременно меня одолевали сомнения. Впрочем, забегаю вперед, я должен успокоить вас, ибо положение оказалось в действительности не столь плохим, как я боялся.

Уже со времени организации первой экспедиции на Эверест в 1919 г. подобные мероприятия возглавлялись, финансировались и поддерживались комитетом, образован-

ным совместно Альпийским клубом – старейшим обществом восходителей – и Королевским Географическим Обществом, одной из главных задач которого является поощрение географических исследований. С 1951 г. этот комитет вел подготовку предстоящей экспедиции. Вслед за разведкой, произведенной в 1951 г., и тренировочной экспедицией на Чо-Ойю в 1952 г. должна была состояться в 1953 г. решающая попытка восхождения на Эверест, в том случае если швейцарцев постигнет неудача. Так осуществлялась непрерывность общего руководства.

Кроме планирования экспедиций на Эверест, получения разрешения от правительства и проведения основной подготовки, одной из главных задач Объединенного Гималайского комитета являлось также финансирование экспедиций. Только те, кому непосредственно приходилось нести тяжесть подобных забот, могут полностью оценить тот труд и те беспокойства, которые связаны с изысканием значительных денежных средств для финансирования таких мероприятий. Особо следует учитывать то неблагоприятное впечатление, которое неизбежно создают в широких массах последовательные неудачи, вызванные отсутствием какой-либо денежной поддержки, кроме средств, предоставленных членами комитета. Я не в силах с достаточной полнотой выразить мою личную признательность членам комитета, в особенности почетному секретарю Б. Р. Гудфеллоу, а также директо-

ру² Королевского Географического Общества Л. П. Керуону за их поддержку экспедиции. Финансированию экспедиции помогали многие частные лица и организации, в особенности газета «Таймс», которая оказывала существенную поддержку также и предыдущим экспедициям. Как и прежде, Научно-исследовательский совет по вопросам медицины образовал специальный Высотный комитет для консультации по вопросам снаряжения и питания. Один из физиологов этого учреждения, доктор Л. Г. К. Паф, участвовал в гималайской экспедиции Шиптона в 1952 г. и составил отчет, из которого можно было почерпнуть много полезных сведений. Сам Эрик Шиптон уже приступил к составлению общего плана и благодаря своему большому опыту по гималайским экспедициям мог дать много ценных советов. Был также назначен организационный секретарь, начавший подготовительную работу по снаряжению. Таким образом, вернувшись из Германии в Лондон, чтобы приступить к подготовке экспедиции, я нашел, что значительная часть предварительной работы была уже начата.

Однако было ясно, что оставалось еще очень много работы, которую надо было выполнить в чрезвычайно сжатые сроки. Чтобы сложная машина подготовки экспедиции могла быть пущена полным ходом, необходимо было привлечь

² В обязанности директора Королевского Географического Общества в Лондоне входит заведование зданием общества и руководство организацией докладов и лекций. – *Прим. ред.*

на добровольных началах большое количество опытных помощников. Последних следовало вербовать, по возможности, из предполагаемых членов экспедиции, так как их участие в предстоящем восхождении определяло их личную заинтересованность в подготовительных работах.

Одним из самых существенных вопросов был подбор личного состава. В этом отношении была также уже проведена некоторая подготовка. Имелись участники разведки 1951 г. и экспедиции на Чо-Ойю, преимущество которых составлял их недавний опыт, полученный в районе Эвереста; в послевоенное время Гималаи посещались также другими частными английскими экспедициями; различным альпинистским клубам было предложено рекомендовать из числа своих членов кандидатов для участия в экспедиции. Таким образом, в нашем распоряжении имелись обширные списки кандидатов. Многие из них обладали опытом альпийских восхождений, некоторые совершили за последние годы выдающиеся восхождения в Альпах. Наконец, из всех уголков страны поступали многочисленные заявки от желающих принять участие в экспедиции. Некоторые из них не обладали достаточной квалификацией, но все они горели бескорыстной страстью к приключениям. Выбор затруднялся обилием кандидатов.

Считаясь прежде всего с необходимостью распределения забот по подготовке, я поставил себе целью уже к 1 ноября представить мои предложения комитету, от которого долж-

ны были исходить официальные приглашения. В течение трех недель после моего прибытия в Англию я был чрезвычайно занят отбором кандидатов. Я составлял все более и более короткие списки, беседуя с отдельными альпинистами и выслушивая отзывы людей, лично их знавших. Во многих отношениях это была наиболее трудная часть всей работы, так как от комплектования возможно лучшего коллектива зависело очень многое; я считал этот фактор основным, решающим успех всей экспедиции. В то же время было очень трудно отказывать многим способным и полным энтузиазма кандидатам. Мне невольно вспомнились мои собственные переживания, когда шестнадцать лет назад я был включен в экспедицию на Эверест и затем забракован врачебной комиссией. При окончательном отборе я исходил из четырех критериев: возраст, моральные качества, альпинистский опыт и физические данные. Я стремился к подбору такого коллектива, каждый член которого мог бы впоследствии быть участником штурмовой группы.

Что касается возраста, я старался выбирать кандидатов от 25 до 40 лет. Предшествующий опыт – как мой, так и других восходителей – показывал, что для альпинистов моложе 25 лет подъем на высочайшие вершины Гималаев (более 7600 м) может оказаться не по силам, так как он требует исключительной выносливости и выдержки, которые если и приобретаются, то обычно лишь с годами. Установить верхний предел было сложнее. Несмотря на некоторые заме-

чательные исключения, я считал, что было бы редкой удачей найти альпинистов свыше 40 лет, сумевших сохранить свою спортивную подготовленность постоянной практикой восхождений.

Вопрос о возрасте решался легко; гораздо сложнее было судить о моральных качествах кандидатов. Это было самым трудным, так как я добивался наличия у них двух качеств, редко встречающихся вместе. С одной стороны, нужно было быть уверенным в том, что каждый участник команды действительно хочет достичь вершины. Таким стремлением должен был быть охвачен как каждый участник восхождения, так и весь коллектив, ибо суровые требования, предъявляемые Эверестом, были таковы, что любой из нас мог быть направлен на штурм вершины. Я хотел, чтобы девизом каждого члена экспедиции было «все выше и выше». С другой стороны, Эверест требовал также исключительного терпения и самоотречения. С общего согласия было решено, что при выборе группы для окончательного штурма не должны учитываться никакие личные мотивы; те, кому не посчастливится попасть в штурмовую группу, должны быть готовы в наиболее критической фазе восхождения к неблагодарной работе, полной разочарований; это, конечно, потребует немало самообладания от будущих членов команды: в каждой большой экспедиции моральные качества людей подвергаются сильному и длительному испытанию. В то же время каждый участник может поставить под удар един-

ство и дух всей группы, а единство коллектива очень важно в таком предприятии, как восхождение на Эверест.

В отношении альпинистского опыта было желательно, чтобы участники экспедиции имели бы за собой достаточное число крупных восхождений в Альпах, включающих скальные, снежные и ледовые участки – то, что французы называют *Grandes Courses*³. И чем длительнее период накопления такого опыта, тем лучше, так как вряд ли можно как следует изучить изменчивые состояния погоды или снежного покрова в течение одного-двух сезонов в Альпах. У себя на родине английским альпинистам чаще всего приходится иметь дело со скальными маршрутами. Правда, зимой в некоторых горных районах Британских островов, например в Шотландском нагорье, можно совершать неплохие снежно-ледовые восхождения, однако обычно наши молодые восходители предпочитают и в Альпах ограничиваться привычными скальными маршрутами. В Гималаях же, по крайней мере в настоящее время, выдающиеся способности к скалолазанию отнюдь не являются необходимым требованием. К сожалению, большинству английских альпинистов редко представлялась возможность совершать восхождение на крупнейшие снежно-ледовые вершины Альп, и это значительно сократило число кандидатов. Для оставшихся дополнительным и весьма желательным условием был опыт участия в гималайских экспедициях, так как условия восхождений в Гималаях

³ большие восхождения. – *Прим. ред.*

весьма своеобразны, и необходима была проверка способности к восхождению на большие высоты. Удовлетворявших этому требованию было, естественно, немного; это привело меня тогда к мысли о том, что в будущем целесообразно предоставлять нашей молодежи большие возможности для участия в высотных экспедициях.

Физические данные были тем критерием, в отношении которого гималайские восходители придерживались твердых, хотя и весьма различных точек зрения. Некоторые утверждали, что кандидат для восхождения на Эверест должен быть невысоким и коренастым; другие, наоборот, указывали, что на практике альпинисты высокого роста достигали на Эвересте и других вершинах большой высоты. Вообще говоря, очевидно, что чем крупнее человек, тем больше энергии требуется для его движения, и на больших высотах это может оказаться невыгодным обстоятельством. Мне казалось, что в случае отсутствия реальных доказательств фактической пригодности того или иного кандидата, следовало обращать внимание на пропорциональность сложения альпиниста, независимо от его роста. Даже при низком росте можно быть слишком тяжелым, а энергию, которую может развить человек, можно считать пропорциональной размерам его тела. Учитывая, что более крупные люди должны, вероятно, потреблять больше кислорода, я, тем не менее, обращал основное внимание на пропорциональное сложение, а не на рост кандидатов. Таким образом получилось, что боль-

шинство из нас имело рост около 1 м 80 см (6 футов), а некоторые были еще выше.

Наконец, я настаивал на личной встрече с теми кандидатами, которых я не знал раньше. По этой причине некоторые заокеанские кандидаты были отвергнуты, хотя и обладали выдающимися качествами. Помимо всех других моментов, для успеха нашего предприятия было очень важно, чтобы каждый участник был «подходящим», а в этом я не мог убедиться заочно. Единственное исключение было сделано для двух новозеландских альпинистов, сопровождавших в 1952 г. Шиптона и хорошо знакомых тем членам экспедиции, чье участие в ней было уже обеспечено. Один из них, Хиллари, входил также в состав разведывательной экспедиции 1951 г. Их права на участие в экспедиции были настолько бесспорны, что я в данном случае удовлетворился рекомендациями тех, чье мнение для меня являлось достаточно авторитетным.

Одним из первых вопросов, которые надлежало разрешить, был вопрос о том, будет ли наша экспедиция международной по своему составу, так как имелись иностранные кандидаты, о которых стоило подумать. Просьбы об участии в экспедиции поступили из ряда стран, и Объединенному комитету пришлось весьма серьезно подойти к рассмотрению этих заявок.

С самого начала было принципиально решено, что если состав экспедиции будет подобран из английских восходите-

лей, то право на участие в ней будет предоставлено и представителям других стран Британского Содружества Наций, в частности Новой Зеландии и Кении, где имелись очень опытные альпинисты. Многого можно было сказать в пользу международного состава экспедиции, если принять во внимание, что за пределами альпинистских кругов шло много разговоров о соревновании в борьбе за Эверест. Однако я считал, что мы должны были ограничить свой выбор Британским Содружеством Наций, и комитет согласился с моей точкой зрения. В экспедиции такого исключительного характера от каждого участника, конечно, потребуется огромное напряжение всех сил, и я не мог допустить, согласившись на эксперимент международного сотрудничества, чтобы на пути к достижению столь важного для нас единства возникли дополнительные трудности. Отнюдь не считая, что восхождение на Эверест является предметом враждебного соперничества между альпинистами разных стран, мы в то же время знали, что многие думают иначе, и это, помимо нашей воли, могло внести дополнительные трудности при проведении экспедиции. Во всяком случае, восхождение на Эверест являлось делом, в котором английские альпинисты были с давних пор кровно заинтересованы. Имелось много доводов в пользу того, что именно английская экспедиция должна завершить то дело, которое не удалось закончить Тильману и его товарищам в 1938 г.

Среди множества писем с советами о составе экспеди-

ции было одно, в котором Гималайскому комитету предлагалось начать переговоры с Чехословацким правительством на предмет «передачи» и перехода в британское подданство знаменитого чешского бегуна Затопека. По мнению автора этого письма, не подлежало сомнению, что при этом, по крайней мере, один из участников экспедиции достигнет вершины.

К 1 ноября состав экспедиции был укомплектован и 7 ноября представлен на утверждение Гималайскому комитету. Он состоял из десяти альпинистов, врача и нескольких запасных участников. В предыдущей главе мной были приведены доводы в пользу расширенного состава экспедиции; на десяти человеках мы остановились после предварительного планирования, о котором будет рассказано далее.

Наш конечный выбор был таков:

Чарльз Эванс – член Королевского хирургического колледжа, 33 лет, коренастый блондин, невысокого роста. В то время Эванс работал врачом Уолтонского госпиталя в Ливерпуле. В перерывы между своей медицинской работой за последние три года он принимал участие в трех гималайских экспедициях: вместе с Тильманом на хребет Аннапурна в 1950 г., в горной группе Кулу в 1951 г. и в 1952 г. с Шиптоном на Чо-Ойю. Кроме того, у Эванса был богатый опыт восхождений в Альпах и на скальные вершины в Англии.

Том Бурдиллон – 28 лет – сопровождал Шиптона в разведывательной экспедиции на Эверест, а также в экспедиции

на Чо-Ойю, во время которой он проводил испытания кислородной аппаратуры. До экспедиции в Гималаи он уже прославился как выдающийся скалолаз, прошедший во французских Альпах несколько маршрутов, превосходящих по своей сложности все, на что были способны в то время другие английские альпинисты. Вдохновленные этими достижениями, английские молодые восходители последовали его примеру, доказав, что по квалификации они не уступают лучшим альпинистам континента. Бурдиллон – физик, работающий над усовершенствованием реактивных двигателей в министерстве снабжения. Он крупный и массивный, телосложением напоминающий нападающего второй линии в регби.

Альфред Грегори – директор туристского агентства в Блэкпуле – также принимал участие в экспедиции на Чо-Ойю. По своему возрасту (39 лет) он был, не считая меня, самым старшим из членов экспедиции. Грегори ростом ниже всех других участников, худощав, гибок и очень вынослив. Обладая длительным и разнообразным опытом восхождений в Альпах и у себя на родине, он проявил себя с наилучшей стороны и в экспедиции на Чо-Ойю, где показал свою способность к высотной акклиматизации.

Эдмунд Хиллари, 33 лет. Так же как Бурдиллон, он участвовал в обеих экспедициях, служивших «репетициями» перед решающим штурмом Эвереста, причем к первой из них он присоединился после весьма успешной новозеландской

экспедиции в Центральных Гималаях. Хотя его альпинистская карьера началась лишь вскоре после войны, он быстро выдвинулся в ряды сильнейших альпинистов Новой Зеландии. Экзамен, выдержанный Хиллари в Гималаях, показал, что он будет серьезным претендентом на участие не только в экспедиции вообще, но и в предполагаемой штурмовой группе. Я хорошо помню предсказание Шиптона при нашей встрече осенью 1952 г. – и он оказался совершенно прав! Задолго до того, как я встретился лично с ним, я представлял себе Хиллари по его письмам и по высказываниям его товарищей по разведывательной экспедиции 1951 г. и восхождению на Чо-Ойю. На меня произвел глубокое впечатление этот исключительно сильный человек, полный неистощимой, все преодолевающей энергии и обладающий острым умом, отмечающим все мнимые препятствия. Хиллари высокого роста; живет он возле Окленда и по профессии пчеловод.

Его соотечественник Джордж Лоу был также членом крепкого коллектива экспедиции Шиптона на Чо-Ойю. Его опыт альпийских восхождений в Новой Зеландии более длительный, чем у Хиллари, которого он приобщал к некоторым сложнейшим восхождениям в горах своей родины. Лоу, подобно Хиллари, владеет высокой ледовой техникой, приобретенной им в новозеландских горах, где имеются для этого исключительные возможности. Лоу высокого роста, хорошо сложен, возраст его – 28 лет. По профессии он учитель на-

чальной школы в Хейстингсе (Новая Зеландия).

Уже в начале сентября нам удалось добиться откомандирования военным министерством Чарльза Уайли, исполнявшего обязанности организационного секретаря до моего приезда и продолжавшего работать в этой должности как мой неоценимый помощник в течение всей подготовки экспедиции. Чарльз служит офицером в бригаде гурков; большую часть войны он провел в японском лагере для военнопленных. То, что он так хорошо выдержал это тяжелое испытание, объясняется, без сомнения, его самоотверженностью и чутким отношением к товарищам, его оптимизмом и жизнерадостным характером. Благодаря усилиям Уайли все снаряжение экспедиции было тщательно подготовлено и учтено, так что каждая малейшая деталь была предусмотрена и всесторонне продумана. Подобно Грегори, Уайли имел богатый опыт восхождений в Альпах и на родине, а вскоре после окончания войны ему довелось совершить восхождение в Гархуале. Возраст Уайли – 32 года.

Майкл Уэстмекотт, 27 лет. В гималайских экспедициях не участвовал, хотя в конце войны был офицером саперных войск на Востоке. Как бывший председатель альпинистского клуба Оксфордского университета, Уэстмекотт – первоклассный альпинист; за последние годы им было блестяще пройдено в Альпах несколько особо сложных маршрутов. Он занимается статистическими исследованиями на Ротемстедской экспериментальной станции.

Самым молодым среди нас был Джордж Бенд – старательный высокий юноша в очках. К тому времени, когда подбирался состав экспедиции, ему исполнялось всего лишь 23 года, что было ниже того предела, который я считал минимальным для участника восхождения на Эверест. Однако в активе Джорджа числились исключительно хорошие восхождения в Альпах и, кроме того, он обладал другими ценными качествами, которые я предполагал встретить лишь у людей более зрелого возраста. Бенд только что окончил Кембриджский университет и в прошлом был председателем альпинистского клуба университета.

Уилфрид Нойс, по профессии школьный учитель и писатель, по своему телосложению похож на Лоу. Ему 34 года. В 1939 г., перед началом войны, Нойс был одним из лучших молодых альпинистов; им были совершены ряд выдающихся по трудности восхождений в Альпах, а также на скальные вершины у себя на родине. Во время войны Нойс занимался в Кашмире горной подготовкой военно-воздушных войск. В течение некоторого времени он помогал мне проводить подобные тренировочные восхождения для пехоты. Им были выполнены восхождения в Гархуале, а также побежден высокий пик в Сиккиме – Паухунри (7132 м).

Последним был я сам. Альпинизмом я занимаюсь непрерывно с 1925 г., когда пятнадцатилетним подростком поднялся впервые на одну из высоких альпийских вершин. В Альпах я провел десять летних сезонов и, кроме того, мно-

го ходил на лыжах. Мной совершенно также много скальных восхождений в Англии. Благодаря тому, что мне посчастливилось в период между двумя мировыми войнами служить в Индии, я смог принять участие в трех гималайских экспедициях. Подобно Нойсу, мне пришлось обучать войсковые соединения ведению боевых действий в горах и снегах.

Благодаря занимаемым мной военным должностям я смог совершить большое количество восхождений в различных странах. Мне было 42 года.

Врачом экспедиции был 27-летний Майкл Уорд, являющийся одновременно прекрасным альпинистом. Он первый два года назад высказал мысль о разведке южных подступов к Эвересту и сам принял в ней участие. Неся главную ответственность за здоровье всего нашего большого каравана, он в то же время мог оказаться наиболее полезным в качестве запасного члена штурмовой группы.

Состав нашей экспедиции, по общему мнению, был велик. Это логически вытекало из наших планов, о которых я коротко скажу в дальнейшем. Наш коллектив был впоследствии еще увеличен присоединением к нему двух участников по рекомендации Научно-исследовательского совета по вопросам медицины и кинокомпании «Каунтримен филмс». Первым из них был Гриффит Паф, физиолог, работавший в Отделе физиологии человека этого совета и имевший большой опыт в области так называемой «горной физиологии». Во время войны он работал в данном направлении в Сред-

невосточной военной школе горной и лыжной подготовки в Лебаноне; позднее им были проведены ценные исследования во время экспедиции на Чо-Ойю. Еще до этого Паф имел уже некоторый опыт восхождений и, кроме того, был отличным лыжником. Вторым прикомандированным к нам участником был Том Стобарт, который должен был снимать фильм о работе экспедиции. Обладая высокой квалификацией в своей области, он уже бывал ранее в Гималаях, а также сопровождал различные экспедиции в Антарктику, Африку и Северный Квинсленд.

Присоединение этих двух участников вызвало в Объединенном комитете серьезную дискуссию. Вопрос рассматривался с чисто принципиальной точки зрения, не затрагивая персонального выбора. Было очевидно, что чем многочисленнее состав экспедиции, тем труднее будет для ее руководителя создать и сохранить чрезвычайно важное единство стремлений. К тому же эти трудности возрастают, когда в экспедицию включаются новые участники, задачи которых отличны от задач остального коллектива. В то же время нельзя отрицать того вклада, который в прошлом внесли в решение проблемы Эвереста физиологические исследования, причем в этой области многое еще оставалось неясным. В конце концов было решено, что включение в экспедицию физиолога можно рассматривать как дополнительную гарантию, ибо необходимость дальнейших попыток восхождения в будущем была вполне вероятной. Что касается Стобарта,

то было очевидно, что новая экспедиция на Эверест вызывала гораздо больший интерес, чем когда-либо ранее, и комитет считал, что создание фильма является, пожалуй, наилучшим способом ознакомить широкие круги населения с историей экспедиции. Кроме того, необходимо было, конечно по возможности, окупить расходы экспедиции, и заключение контракта с кинофирмой оказало бы значительную помощь в этом деле. В действительности же и Паф и Стобарт прекрасно подошли к нашему коллективу и во многих отношениях способствовали успеху экспедиции.

Таким образом, в итоге нас оказалось тринадцать человек. Мы старательно избегали всяких упоминаний об этом несчастливом числе, и я почувствовал облегчение, когда через несколько месяцев мне удалось привлечь в экспедицию Тенсинга. Как в этом, так и в других отношениях его присоединение к нам должно было принести удачу. Его появление в экспедиции на Эверест будет описано ниже.

В добавление к основному составу экспедиции я предложил комитету пригласить нескольких запасных участников, значившихся в последнем коротком списке. Эти альпинисты, как и многие другие, были настолько увлечены желанием содействовать успеху экспедиции, что охотно помогали нам в подготовительных работах. Кроме того, если бы оказалось, что в последний момент кто-либо из основных участников не сможет в надлежащее время выехать в экспедицию, мы имели бы возможность немедленно заменить его хорошо

нам известным кандидатом. Этими запасными являлись Д. Х. Эмлайн Джонс, Джон Джексон, Энтони Ролинсон, Хемиш Никол и позднее Джек Такер. Нас глубоко волновал и вдохновлял пример этих бескорыстных энтузиастов, которые с жаром взялись за работу, несмотря на то, что их заветные мечты были далеки от осуществления и они находились все время в состоянии мучительной неизвестности.

Прежде чем представить мои рекомендации комитету, мне посчастливилось воспользоваться содействием лорда Хордера, любезно предложившего лично проверить всех участников с точки зрения их общей пригодности к экспедиции. Участников некоторых предыдущих экспедиций заставляли проходить специальные строгие испытания, чтобы проверить, способны ли они успешно подниматься на большие высоты. Однако на основании личного опыта по прохождении такого испытания я был убежден, что оно может привести к совершенно неверным выводам. Единственно правильной проверкой приспособляемости к высоте являются сами горы. Значительную ценность имело для нас авторитетное суждение лорда Хордера о моральных и физических качествах проверенных им участников экспедиции.

Фото 1. Эверест с юго-запада.

В правом нижнем углу видна долина Кхумбу и ледник. Нижний конец ледопада находится в том месте, где ледник Кхумбу резко поворачивает вправо. Западный цирк частично скрытый облаком, поднимается к подножью крутой стены в его верховьях. Это стена Лходзе. Вершина Лходзе видна в правом верхнем углу. Понижение между вершинами Лходзе и Эверестом – Южная седловина.

Фото 2а. Группа восхождения. Джон Хант

Фото 2б. Группа восхождения. Эдмунд Хиллари

Фото 2 в. Группа восхождения. Тенсинг

Фото 2 г. Группа восхождения. Чарльз Эванс

Фото За. Группа восхождения. Джордж Лоу

Фото 3б. Группа восхождения. Уилфрид Нойс

Фото 3 в. Группа восхождения. Джордж Бенд

Фото 3 г. Группа восхождения. Альфред Грегори

Фото 4а. Группа восхождения. Том Бурдиллон

Фото 4б. Группа восхождения. Чарльз Уайли

Фото 4 в. Группа восхождения. Майкл Уэстмекотт

Фото 4 г. Группа восхождения. Майкл Уорд (врач

Экспедиции)

Фото 5а. Группа восхождения. Гриффит Паф (физиолог)

Фото 5б. Группа восхождения. Том Стобарт (фотограф)

Фото 5 в. Группа восхождения. Джемс Моррис (корреспондент газеты «Таймс»)

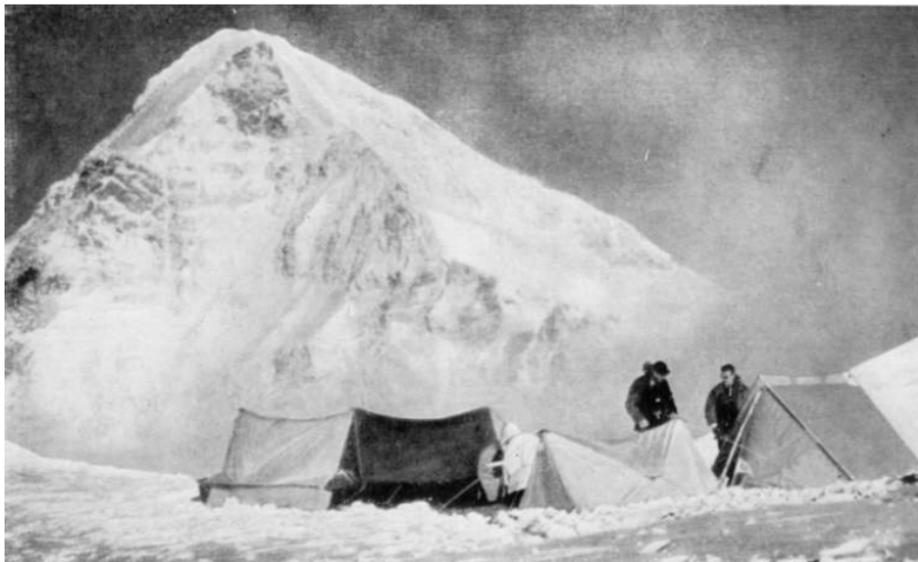

Фото 6. Испытание альпинистского снаряжения, декабрь 1952 г. Лагерь на Юнгфрау-Иох. На заднем плане – Мёнх.

Фото 7а. Испытание кислородного снаряжения в

Северном Уэльсе, январь, 1953 г. Уэстмекотт с кислородным снаряжением и Ролинсон. На заднем плане видна скальная вершина Трайфен.

Фото 76. Испытание кислородного снаряжения в

Северном Уэльсе, январь, 1953 г. Хант с кислородным аппаратом открытого типа. На заднем плане Бурдиллон.

Фото 8а. Наши шерпы. Аннулу

Фото 8б. Наши шерпы. Дава Тхондуп

Фото 8 в. Наши шерпы. Да Тенсинг

Фото 8 г. Наши шерпы. Тхондуп

Фото 8д. Наши шерпы. Да Намгьял

Фото 8е. Наши шерпы. Анг Ньима

Одновременно с подбором личного состава необходимо было также начать составление плана и подготовку экспедиции.

Я надеюсь, что после прочтения предыдущей главы читателю стали ясны те задачи, которые предстояло нам решить. Изучение этих задач привело нас к определенным выводам в отношении наших планов на следующий год. Сущность этих выводов может быть изложена следующим образом:

Во-первых, необходимо выделить время для тренировки

перед самым восхождением на Эверест. В течение этого периода тренировки мы должны были постепенно приспособиться к тем высотам, на которые возможны восхождения в начале года, а также привыкнуть к нашему снаряжению. Одновременно такая тренировка должна была служить для каждого из нас прекрасным средством сработаться между собой и привыкнуть друг к другу.

Во-вторых, так как мы должны были рассчитывать на то, что любой промежуток хорошей погоды перед муссонами будет непродолжительным, то нам было очень важно находиться во всех отношениях в полной готовности к шторму с того момента, когда, судя по опыту прошлых лет, можно было всего вероятнее ожидать хорошей погоды. По всей видимости, это должно было начаться с середины мая.

В-третьих, важно было, чтобы экспедиция провела на Эвересте лишь столько времени, сколько необходимо для восхождения. В прошлом штормовые группы страдали не только от все возрастающей вялости или изнурения, появляющихся на больших высотах, но также и от напряженной и утомительной работы в нижней части пути, протекавшей в тяжелых и неблагоприятных условиях. Другими словами, мы должны были избежать слишком ранних походов и в то же время быть в полной готовности в надлежащее время и в надлежащем месте. Для этого необходимы точный расчет времени, правильный анализ обстановки и, сверх того, определенный элемент удачи.

В-четвертых, мы должны были в полной мере использовать шансы, представляемые нам благоприятными условиями снежного покрова, ветра и погоды. Надо было иметь в соответствующее время и в надлежащем месте достаточно альпинистов, снаряжения и питания, чтобы произвести две, а при необходимости и три попытки штурма, каждая из которых была бы полностью обеспечена и людьми и снаряжением. Отсюда следовало, что состав экспедиции должен быть достаточно велик и что мы должны предусмотреть все необходимое для трех серьезных попыток штурма. В дополнение к этому очень важно было быть настолько подготовленными и снаряженными, чтобы такие попытки были произведены сравнительно быстро. А для этого требовались хорошая тренировка группы и легкое снаряжение.

В-пятых, мы должны были рассчитывать, что размеры кислородного питания будут зависеть от нашей способности перенести запасы кислорода. Нам необходимо применять его во время движения, а для того чтобы предотвратить или задержать истощение организма в высотных лагерях, мы вынуждены будем использовать его на период штурма и ночью, надевая кислородные маски на время сна.

Наконец, нужно было учесть обстоятельства, препятствующие доставке в Западный цирк и выше большого количества грузов, недостаток которых затруднил бы намечаемую поддержку штурмовых групп. Этими обстоятельствами, по-видимому, являлись: опасность пути по ледопаду и в связи

с этим стремление уменьшить по возможности количество рейсов на этом участке; вес поклажи, которую наши носильщики шерпы были в состоянии переносить на разных высотах; количество достаточно квалифицированных носильщиков, обладавших к тому же необходимой силой воли для решающей заброски на Южную седловину и, наконец, длительность периода удовлетворительной погоды, необходимой для окончания заброски грузов.

На основании результатов тренировочной экспедиции 1952 г. и опыта швейцарских экспедиций на Эверест в том же году, нами были сделаны также важные выводы относительно режима питания. Я не останавливаюсь на этом вопросе в настоящей главе, так как этому посвящено приложение III.

На основании этих выводов и ряда общих положений родился теоретический план штурма. Может показаться бессмысленным разрабатывать в Лондоне планы для того отдаленного времени, когда будет сделана решающая попытка достижения вершины Эвереста. Однако только путем составления такого рода планов и тщательного рассмотрения многих деталей, только на основе предположений, учитывающих неблагоприятное сочетание обстоятельств, мы могли установить численность экспедиции, количество продуктов, снаряжения и, в особенности, кислорода, необходимых для успешного достижения нашей цели. Фактически нам нужно было постараться уже в октябре 1952 г. предусмотреть

максимальные потребности экспедиции, определяемые различными препятствиями и неблагоприятными обстоятельствами, с таким расчетом, чтобы совершить восхождение на Эверест в мае – июне 1953 г. Такой «план» носил всецело теоретический и предположительный характер; он ни в коей мере не предопределял какой-либо определенной тактики, которой мы должны были бы придерживаться при восхождении. Подобная тактика должна и могла быть выработана лишь значительно позже, непосредственно на месте действия. Правильнее было бы сказать, что нами был составлен не план, а лишь та основа, на которой впоследствии могли возникнуть многие детальные планы, как, например, окончательный подбор состава экспедиции, разработка конструкции кислородной аппаратуры и планирование необходимых запасов кислорода, заказы продовольствия, палаток, альпинистского снаряжения и множества других предметов. Первый вариант такого документа под названием «Основы плана», предназначенный для тех, кто был непосредственно связан с подготовкой экспедиции, появился примерно в середине октября. Пересмотренный и улучшенный вариант был роздан в начале ноября, когда состав экспедиции был уже подобран и каждый из участников, руководствуясь этим документом, мог приступить к выполнению приходящейся на его долю задачи. Этот документ представляет определенный интерес для сравнения предполагаемого хода событий и потребностей экспедиции с теми, которые имели место в дей-

ствительности.

На основе этого документа я смог, во-первых, решить вопрос о количестве альпинистов и носильщиков. Исходя из предположения, что окажется необходимым трижды повторить штурм группами в два человека, и учитывая, что другие должны на меньшей высоте выполнять вспомогательную роль, мы пришли к выводу, что общее число восходителей должно равняться десяти. После подробного расчета веса грузов, которые должны быть перенесены в Западный цирк, и тех, которые нужно было поднять по склону пика Лходзе к Южной седловине, мы определили число шерпов, необходимых для восхождения, в тридцать четыре. Из них четырнадцать должны были работать на ледопаде – переносить грузы к нижнему краю Западного цирка; другие четырнадцать предназначались для транспортировки этих грузов выше, в глубину цирка, до лагеря, получавшего название «Передового базового лагеря». Отсюда, по опыту швейцарцев, мы считали целесообразным начинать проведение штурма. Остальные шестеро шерпов, как мы предполагали при составлении плана, должны были по двое сопровождать каждую штурмовую группу от Передового базового лагеря к седловине и выше по вершинному гребню.

История гималайских экспедиций показывает, что каждый раз попытки штурма вершины не доводились до конца также из-за упадка сил участников. При таком большом количестве участников экспедиции, объединенные усилия ко-

торых были необходимы для достижения поставленной цели, я считал, что в ее состав обязательно нужно включить врача, который одновременно был бы и альпинистом. Поэтому, приглашая Майкла Уорда в наш коллектив, я дал ему понять, что его основной обязанностью должна быть забота о нашем здоровье и что в случае необходимости ему придется послужить весьма полезным резервом для штурмовой группы. Майкл без колебаний согласился на такую роль.

Восхождение предполагалось разбить на два этапа: первый из них – транспортировка грузов из Базового лагеря, по всей вероятности, от подножья ледопада Кхумбу вверх в глубину Западного цирка и потом к Южной седловине, второй – непосредственный штурм вершины. Первый этап, названный нами периодом «организации лагерей», должен был занять, по нашим расчетам, около трех недель. Задача доставки на седловину необходимых грузов была так трудна и успешное решение ее зависело от стольких непредвиденных обстоятельств, что мы не пытались более точно определить необходимое для этого время. При составлении плана штурма мы исходили из того, что лишь третья попытка штурма будет успешной, а также учитывали частично непредвиденные затруднения и неблагоприятные условия погоды. В то же время, однако, мы оптимистически оценивали скорость продвижения хотя бы одной из трех штурмовых групп. При этих условиях длительность штурмового периода определялась нами равной семи дням, считая с момента выхода из

Передового базового лагеря до благополучного возвращения всех групп.

В этих наметках плана также определялось количество лагерей, которые должны быть установлены на пути к вершине; выяснено, каков будет их меняющийся контингент во время первоначального и штурмового периодов и, следовательно, количество и тип палаток, требующихся для каждого лагеря в каждый из этих периодов. Наиболее важными ввиду объема подготовительных работ, связанных с этим вопросом, были расчеты и мероприятия, принятые в отношении использования кислорода. Практика применения кислорода подробно освещена в приложении II. Здесь я хочу лишь указать, что окончательное решение этого вопроса было крайне срочным для тех, кто занимался проектированием аппаратуры, и уже 14 октября, всего через шесть дней после моего приезда из Германии, мне было предложено представить свой предварительный план на собрании Высотного комитета.

Я уже подчеркивал необходимость выделения времени для тренировки и акклиматизации. Помня, что наилучшие условия для достижения вершины Эвереста будут, очевидно, только после середины мая и учитывая время, необходимое для заброски грузов, мы считали, что большая часть апреля должна быть посвящена тренировке. Календарный план экспедиции был составлен с таким расчетом, чтобы вся подготовка в Англии была бы закончена к середине февраля. Со-

вершая переезд до Индии морем, мы должны были достичь ближайших подступов Эвереста к концу марта, так что в нашем распоряжении оставалось еще не менее трех недель для тренировки до начала восхождения. Ради интереса и разнообразия, а также потому, что в это время года еще рано предпринимать попытки восхождений на высоты более 6000 м, тренировку предполагалось осуществить в долинах южнее Эвереста, где встречается много более низких вершин и перевалов.

В процессе составления плана я советовался с участниками предыдущих экспедиций на Эверест и прежде чем закончить «Основы плана» направил их для критического рассмотрения некоторым из этих участников. Из многих дельных советов мне особенно запомнились слова Нортонa: «Вся история гималайских восхождений, как мне кажется, подчеркивает то обстоятельство, что попытки штурма производились из лагеря, который был расположен недостаточно высоко. Штурмовые группы терпели поражение, пытаясь пройти слишком длинный путь в последний день... Старайтесь установить ваш штурмовой лагерь на Южном пике или непосредственно под ним. Учитывая, что выше Южного пика предстоит вырубить значительное количество ступеней, я никогда не смогу серьезно надеяться на успех экспедиции, если штурмовой лагерь не будет расположен на такой высоте...» Эти слова, подкрепленные советом, который дал мне Лонгстаф – принять на свою личную ответственность орга-

низацию такого лагеря, – не выходили у меня из головы до того дня, когда этот лагерь был установлен.

Как только «Основы плана» были разработаны и состав экспедиции подобран, подготовка, которая уже велась достаточно интенсивно, пошла полным ходом. Об этой подготовке я расскажу в следующей главе.

Глава IV

ПОДГОТОВКА. ВТОРОЙ ЭТАП

Наступил период напряженной и волнующей деятельности. Для того чтобы в ходе подготовительной работы не упустить ни одной детали и согласовать все мероприятия, был составлен единый тщательно координированный календарный план; это постепенно подводило нас к знаменательному событию – погрузке багажа на борт корабля, идущего в Индию. Впервые мне удалось собрать всех членов экспедиции 17 ноября, и потом вплоть до отплытия мы встречались почти каждый месяц. С самого начала стало ясно, что в лице сотрудников экспедиции мы имели талантливых организаторов, способных позаботиться о всех видах снаряжения, которое мы предполагали использовать в нашем единоборстве с Эверестом. Обязанности по заказу и получению разнообразного снаряжения и продуктов питания были равномерно распределены между участниками штурмовой и вспомогательной групп. Разделив все эти заботы между большим числом способных и преисполненных энтузиазма людей, я испытал чувство огромного облегчения: теперь темпы наших приготовлений будут нарастать.

Чарльзу Уайли, проделавшему сложную работу по обеспечению экспедиции необходимым снаряжением, было поручено общее руководство всеми подготовительными ра-

ботами. Заботы об альпинистском снаряжении взял на себя Энтони Ролинсон, которому помогал Уилфрид Нойс; на последнего была возложена ответственность за снаряжение во время восхождения. Эмлайн Джонс вместе с Ральфом Джонсом, молодым способным альпинистом, добровольно согласившимся помочь в работе по снаряжению экспедиции, взяли на себя заботы по обеспечению участников одеждой; позднее, когда мы отплыли из Англии, эти заботы перешли к Чарльзу Эвансу. Майклу Уэстмекотту, обладавшему ценным опытом службы в инженерных войсках, была передана уже начатая работа по обеспечению экспедиции специальным снаряжением, требующимся для организации переправ и передвижения по особо трудным участкам; он также согласился заняться палатками. Джорджу Бенду, который недавно закончил свой срок службы в войсках связи, была, конечно, поручена радиоаппаратура. Его уговорили также вместе с Гриффитом Пафом взять на себя заботы о самом неприятном «детище» – питании; Джордж должен был позаботиться о том, чтобы мы регулярно получали прогнозы погоды от Индийской метеорологической службы в Алипоре. Мы связались с Всеиндийской радиоккомпанией и Би-би-си и договорились, чтобы эти прогнозы передавались нам по радио ежедневно, начиная с 1 мая. Том Бурдиллон был уже по горло занят кислородной аппаратурой, состоявшей из опытного прибора закрытого типа, над усовершенствованием которого работал Отдел электро-медицинских исследований в

Сток-Мандевилле. Я телеграфировал Эду Хиллари, прося его, несмотря на то, что он находился далеко, позаботиться о спальнях мешках; одновременно я также попросил его, когда экспедиция тронется в путь, взять на себя заботу о кухонном оборудовании. Пока же забота об этом очень важном вопросе падала на известного гималайского восходителя К. Р. Кука, а моя жена взяла на себя обеспечение экспедиции всем необходимым для кухни. Заботы по перевозке экспедиции и обеспечению ее фотопринадлежностями были возложены на Альфреда Грегори. Чарльз Уайли, помимо секретарской и координационной работы, должен был позаботиться о носильщиках шерпах; а во время экспедиции он будет начальником транспорта. Майклу Уорду было, конечно, поручено обеспечение экспедиции медицинским инвентарем и медикаментами. На долю Эмлайна Джонса, Ральфа Джонса и моей жены пал несчастливый жребий – позаботиться о целом ряде самых разнообразных вещей. Но если у вас сложится впечатление, что, возложив все эти заботы на плечи других, я остался без работы, то я должен решительно разуверить вас в этом, ибо предстояло сделать еще очень и очень многое.

Так в общих чертах распределялись обязанности на подготовительном этапе, однако я должен добавить, что в середине ноября в основном многое было уже сделано под руководством указанных выше лиц. Подготовка продовольствия и кислородной аппаратуры была уже обеспечена. Со времени моего возвращения в Лондон Гриффит Паф занимался

разработкой вопросов пищевого режима.

Что же касается кислородной аппаратуры, то тут положение еще вначале октября было далеко не благополучным. Для успеха нашей экспедиции этот вопрос был настолько важным, что 9 октября Объединенный Гималайский комитет по моему предложению взял на себя заботы по своевременному обеспечению экспедиции достаточным количеством приборов. Члену комитета Питеру Ллойд, участнику экспедиции на Эверест в 1938 г., был поручен контроль над усовершенствованием и конструированием кислородных приборов открытого типа – системы, на которой в основном было решено остановиться, и он отвечал перед комитетом за выполнение этой задачи. Он был вполне подготовлен к этой работе, обладая профессиональной квалификацией, а также и опытом, приобретенным во время экспедиции Тильмана, в которой он нес ответственность за кислородную аппаратуру, применяя ее постоянно вплоть до высшей достигнутой экспедицией точки. К середине октября Ллойд уже вплотную занялся этим вопросом; он координировал деятельность различных фирм, изготовлявших отдельные детали к кислородным приборам и баллонам, и поддерживал связь с консультирующим его Высотным комитетом, возглавляемым профессором Брайеном Меттьюсом, знаменитым кембриджским физиологом. Я заручился согласием Альфреда Бриджа, участвовавшего в восхождениях со мной и с некоторыми другими участниками нашей экспе-

диции, уделить часть своего времени для технической помощи Ллойд в этой работе первостепенной важности. Для тех из нас, кто знал этого ветерана альпинизма, его участие в подготовке нашей экспедиции было большим событием. Энтузиазм Бриджа, его огромная энергия и целеустремленность, более того, его способность вдохновлять других своим примером совершенно исключительны. Я знал, что Альфред Бридж ни за что не успокоится до тех пор, пока наш груз кислорода не будет отправлен. С вступлением Бриджа в ряды наших активных помощников мы могли больше не беспокоиться о кислороде. Итак, под мудрым и умелым руководством Питера Ллойда, с помощью Менсфорта, сотрудника фирмы «Нормалэйр», Роберта Девиса из фирмы «Сиб Гормен» и Джона Коутса из организации по изучению пневмокониоза в Кардиффе, на которого была возложена ответственность за изготовление кислородных масок для нашей экспедиции, а также благодаря ценным и опытным советам Брайена Меттьюса и помощи возглавляемого им комитета мы должны были быть хорошо обеспечены этим необходимым видом снаряжения.

Помимо обычного альпинистского снаряжения: тысяч метров веревки и шнура, крючьев, карабинов, ледовых молотков и ледорубов – мы взяли с собой и некоторые необычные предметы, которыми, учитывая трудности, с какими столкнулись швейцарцы на ледопаде и склоне Лходзе, стоило дополнить наше снаряжение. Мы знали, что, кроме тре-

щин альпийских размеров, на нашем пути могут встретиться широкие расселины и вероятнее всего там, где ледяная поверхность Западного цирка круто падает, переходя в ледопад Кхумбу. В этом месте швейцарцы устроили переправу через одну из таких расселин при помощи веревок, так как достать в ближайшей долине бревна нужной длины было невозможно. Один комплект веревок был использован ими при переправе альпинистов и носильщиков так называемым «тирольским способом», а другой – для переправы грузов. Для преодоления препятствий подобного рода мы взяли с собой легкую металлическую разборную лестницу, длиной 9 м, состоящую из пяти звеньев 1,8 м. длины. Ее переноска и сборка не требовали больших усилий и, в случае надобности, ее можно было передвигать с одной трещины на другую. Действуя таким образом, мы бы только использовали методы, которые применялись на заре альпийских восхождений. Клуб «Йоркшир ремблерс» (Йоркширские бродяги) подарил нам девятиметровую веревочную лестницу для преодоления отвесных ледовых стен.

Еще в Лондоне, во время обсуждения с друзьями вопросов организации переправ через трещины, была высказана мысль о возможности конструирования своеобразной катапульты, выбрасывающей веревку с якорем, который крепко вонзался бы в лед на другой стороне трещины. Это предложение послужило основанием для интересного эксперимента, проведенного на небольшом участке в саду при Коро-

левском Географическом Обществе. Приспособление было чрезвычайно простым: две рукоятки на обоих концах эластичной веревки, скрученной из нескольких резиновых нитей. Якорь имел зловещий вид и представлял собой большое деревянное ядро со множеством изогнутых крючков. К нему был прикреплен длинный нейлоновый шнур. Наблюдая за тем, как производивший опыт специалист разматывал шнур метр за метром, я выразил опасение по поводу радиуса действия этого орудия, так как было вытравлено уже около 140 м, а сад имел длину всего 70 м. Получив заверение, что все будет в порядке, мы с Чарльзом Уайли взялись за рукоятки и заняли места на расстоянии двух метров друг от друга; демонстратор натянул резиновую веревку позади нас и прикрепил к ней снаряд. В момент, когда натяжение достигло такой силы, что мы едва удерживались на ногах, метательный снаряд был пущен. Он взвился высоко в воздух, увлекая за собой нейлоновый шнур, и с большой скоростью пролетел над оградой сада, направляясь к улице Эксибишн-Род, где почти наверняка угодил бы в такси или какого-нибудь ничего не подозревающего прохожего. К счастью, от этой беды нас спасло дерево, которое остановило полет снаряда на высоте около 15 метров над землей. В итоге мы пришли к выводу, что на знаменитом ледопаде Кхумбу или в Западном цирке нам вряд ли встретятся какие-либо неожиданные препятствия, требующие применения подобных орудий.

Однако в целях предохранения от опасных снежных об-

валов, особенно на склоне Лходзе, мы решили взять с собой для бомбардировки лавиноопасных склонов двухдюймовую мортиру, предоставленную нам в пользование Военным министерством. Это маленькое орудие очень забавно стреляет, производя при выстреле непропорционально сильный для своих размеров грохот, поэтому мы считали, что оно будет в состоянии вызвать снежные лавины в радиусе нескольких миль вокруг. Возможно, что в этом вопросе на нас с Чарльзом Уайли оказала влияние наша профессия, но мы знали, что подобные орудия применяются для тех же целей и в Альпах. Каковы бы ни были достоинства этого орудия, переполох, который наше предложение вызвало в высших сферах при попытке получить на него разрешение, чуть было не заставил нас отказаться от мортиры. Позднее же, когда наше снаряжение пополнилось еще двумя нарезными ружьями, калибра 22 (5,59 мм), предназначавшимися для пополнения наших запасов свежей дичью, нас серьезно заподозрили в искренности действительных мотивов посещения Непала.

Тщательно был рассмотрен, но в итоге отвергнут ряд других вспомогательных средств, которые должны были бы содействовать нашему успеху. Трудности передвижения по крутому склону Лходзе и переброски грузов на Южную седловину в количествах, которые мы считали в то время необходимыми, делали для нас очень соблазнительной мысль взять с собой легкие сани и лебедку, позволившие бы под-

нять грузы немного выше вверх по склону. От этой идеи мы вынуждены были отказаться, так как обеспечить двигатель горючим и поддерживать нормальную его работу было бы трудно, и лебедку пришлось бы вращать вручную; к тому же мы не имели никакой уверенности в том, что характер местности позволит нам воспользоваться санями. С некоторым сожалением нами было отвергнуто и другое предложение, весьма оригинальное, но едва ли осуществимое. Некий изобретатель-самоучка предложил проект гарпуна, приводимого в действие пружиной, который одновременно служил бы и ледорубом. Направленный с Южной седловины снаряд позволил бы забросить крюк с веревкой на невидимую оттуда вершину Эвереста, находящуюся на расстоянии около 1600 м, с разницей высот более 900 м. Вдобавок ко всему, прочная веревка, держась за которую мы смогли бы легко подняться на вершину, должна была быть окрашена светящейся краской, чтобы обеспечить продвижение в темноте. Развивая свой фантастический проект, наш изобретатель отмечал, что вибрации веревки, предупреждая нас об опасных порывах ветра, дадут нам время лучше застраховаться, чтобы не быть слутыми с вершинного гребня.

Обмундирование, палатки и спальные принадлежности были предметом нашей особой заботы. Действие холода, усиленное ветром и высотой, не ограничивается травмами, вызванными обмороживанием, как бы они ни были серьезны сами по себе. Холод и ветер изнуряют тело и отрицатель-

но сказываются на моральном состоянии восходителя. С того времени, когда альпинисты в шерстяных костюмах, фетровых шляпах и обычных горных ботинках сумели впервые добраться до верхних подступов северного склона Эвереста, было много сделано для усовершенствования высокогорного обмундирования, чтобы оно стало надежной защитой от холода. Однако множество фактов свидетельствует о том, что и последующие экспедиции, вплоть до недавнего времени, испытывали чрезвычайные трудности, а их участники подвергались обмораживанием из-за отсутствия соответствующей одежды. Разрешение этой трудной задачи осложнялось необходимостью уменьшить вес обмундирования до минимума. Мы посетили Арктический исследовательский институт в Кембридже, где получили немало ценных указаний и полезных советов. Кроме того, мы воспользовались услугами многих английских и иностранных фирм.

В итоге наше обмундирование не отличалось от обычных образцов; серьезным усовершенствованиям подверглись лишь покрой и качество материалов. Наша верхняя одежда была сшита из ветронепроницаемой хлопчатой-нейлоновой ткани; и куртка и брюки были на нейлоновой подкладке. Такой костюм среднего размера весил немного более 1700 г. Куртка была снабжена капюшоном с козырьком для защиты лица от ветра и снега. Под этот ветронепроницаемый костюм на больших высотах восходитель должен надевать другой, пуховый, – брюки и рубашку с таким же капю-

шоном, как и у верхней куртки. Эта пуховая одежда устраняет необходимость иметь много шерстяных вещей, однако у каждого из нас было по две очень легких шерстяных фуфайки и по плотному свитеру.

Одна из главных трудностей экипировки восходителя в Гималаях заключается в сложности выбора подходящей обуви. Обычные высокогорные ботинки не защищали бы от холода, который проникает в них через подошву и верх; даже на больших высотах снег тает, и обувь, впитывая влагу от ног или от снега или от того и другого вместе, замерзает и становится твердой как камень. Поучительный опыт восхождения на Аннапурну, еще свежий в нашей памяти, убедил меня в необходимости иметь два типа высокогорной обуви, специально утепленной в расчете на максимальную защиту от холода. Обувь первого типа должна отличаться прочностью, а также быть достаточно легкой и удобной для лазания на трудных нижних участках маршрута, включая ледопад Кхумбу. Обувь второго типа рассчитана на применение только в высотной части маршрута и должна надежно предохранять ноги от особо сильных морозов в период штурма. Обувь первого типа весила в среднем 1700 г, по внешнему виду она сильно напоминала обычные альпинистские ботинки, но имела двойной верх из кожи с меховой прокладкой. Чтобы обувь не смерзалась, кожа была подвергнута специальной обработке. Верх специальной высотной обуви был утеплен прокладкой в два-три сантиметра толщиной из

«тропала» (спутанная масса капоковых волокон), заключенной между очень тонким слоем лайки и внутренней водонепроницаемой подкладкой. Вместо обычной тяжелой рифленой резины подошва была изготовлена из микропористой резины, значительно более легкой и вдобавок обладающей лучшими изоляционными качествами. Пара такой обуви среднего размера весила около 2 кг.

Не менее сложной была проблема защиты рук. Она усложнялась еще тем, что руками придется выполнять разнообразную работу, как зарядка фотоаппарата, фотосъемка, закрепление кошек и, наконец, что значительно проще, работа с ледорубом. После обстоятельного изучения мы остановились на рукавицах из ветронепроницаемой хлопчатобумажной ткани, под которые надевались пуховые или шерстяные варежки. Мы заказали и те и другие. Непосредственно на руку надевались просторные шелковые перчатки; как было установлено, последние, давая дополнительное тепло, позволяли, кроме того, на короткое время снимать верхние рукавицы, когда требовалось выполнять руками какую-нибудь тонкую работу.

Помимо выбора материала для палатки, материала действительно ветронепроницаемого, а также по возможности теплого и легкого, мы тщательно рассмотрели вопрос ее конструкции. Во время высотных восхождений наиболее практичны двухместные палатки: они легки, удобны для переноски и их можно установить на ограниченной площадке. Од-

нако мы учитывали и те случаи, когда палатка больших размеров окажется более экономичной, теплой и удобной. Мы принимали во внимание также и то, что наши носильщики шерпы привыкли к скученности и не находят неудобства в том, чтобы спать, разместившись подобно сардинам в коробке.

Стандартным типом палатки для нашей экспедиции была обычная двухскатная палатка на двух человек, имеющая цилиндрический рукавообразный вход с обоих концов, что позволяло соединять рядом стоящие палатки и тем самым обеспечивать внутреннее сообщение между ними. Кроме незначительных усовершенствований в приспособлениях для установки палатки, единственным новшеством был материал, из которого они шились. Проверка свойств хлопчатой-нейлоновой ткани, пропитанной мистолоном, проведенная и в лабораторных и в полевых условиях, показала ее чрезвычайную прочность, ветронепроницаемость и легкость. Эти стандартные палатки типа «Мид» весили около 7 кг.

Чтобы с большими удобствами оборудовать основные лагери, было решено взять две большие двенадцатиместные шатровые палатки; хотя они были довольно тяжелы – одна весила 50 кг, другая 38,5 кг, – мы все же надеялись поставить одну из них в нашем Передовом базовом лагере. С другой стороны, учитывая, что выше Западного цирка можно будет забросить лишь небольшое количество снаряжения,

мы подготовили для штурма вершины три небольшие палатки. Одна из них предназначалась для последнего высотного лагеря на Юго-Восточном гребне. Первая из этих палаток представляла собой уменьшенный вариант обычной палатки типа «Мид», вторая, новой конструкции, была заказана в США, третья, сделанная по проекту Кемпбелла Секорда, имела ромбовидную форму. Каждая из этих трех миниатюрных палаток весила в среднем 3,6 кг. Поскольку и стоимость и вес нашего снаряжения не могли быть сильно увеличены, мы всегда будем испытывать недостаток в палатках при восхождении; поэтому в Лондоне при составлении нашего общего плана пришлось разработать сложную схему передвижения палаток на каждом этапе восхождения.

Спальные мешки были изготовлены частью в Канаде, частью в Новой Зеландии и Англии по моделям, на которых мы остановились после испытаний, проведенных в Альпах. Каждому восходителю полагалось иметь по два пуховых мешка, внутренний и наружный, с нейлоновыми оболочками; общий вес их равнялся примерно 4 кг. Мы надеялись также, что нам удастся улучшить надувные матрасы по сравнению с более ранними образцами. Чтобы холод не проникал через промежутки между внутренними секциями, наполненными воздухом, и чтобы сам матрас был удобнее, секции были расположены в два ряда, причем секции верхнего ряда лежали в углублениях между секциями нижнего. Если нижний ряд секций надуть сильнее, а верхний слабее, то матрас получа-

ется очень мягкий, и на нем удобно лежать.

Наша радиоаппаратура имела двойное назначение: она должна была обеспечивать связь между лагерями в горах и принимать метеосводки. Для первой из этих целей экспедиция располагала несколькими компактными и легкими радиоустановками.

Другим видом снаряжения, которому мы уделили особое внимание, были приборы для изготовления пищи. Одна из основных физиологических особенностей человека на больших высотах – это потребность в довольно большом количестве жидкости. По ряду причин в высокогорных лагерях бывает очень трудно получить воду. Сначала нужно растопить снег. Это занимает много времени отчасти из-за того, что обычные нагревательные приборы дают мало тепла, причем значительная часть последнего расходуется впустую. Чтобы избежать утечки тепла, все наши примусы и газовые печи, работавшие на бутане, были снабжены специальными алюминиевыми кожухами, окружающими кастрюлю, которые изобрел мой друг К. Р. Кук.

Вопрос о питании оказался наиболее спорным. Поскольку он освещается очень подробно в приложении, помещаемом в конце книги, здесь я только коротко отмечу, что при обеспечении экспедиции продуктами мы учитывали армейский опыт. В основу мы положили два вида комбинированного рациона; один из них, применяемый сейчас в армии так называемый рацион «Компо», упакованный в пакеты по

14-суточных человеко-рационов, мы предназначали для периода, предшествующего штурму; содержание рациона было приведено в соответствие с нормами питания, рекомендованными Пафом. Штурмовой рацион – небольшой пакет весом 1350 г с суточным питанием на одного человека – специально подобран применительно к особым требованиям в высокогорных условиях; штурмовой рацион предназначался для периода восхождения, на время пребывания в Передовом базовом лагере и выше.

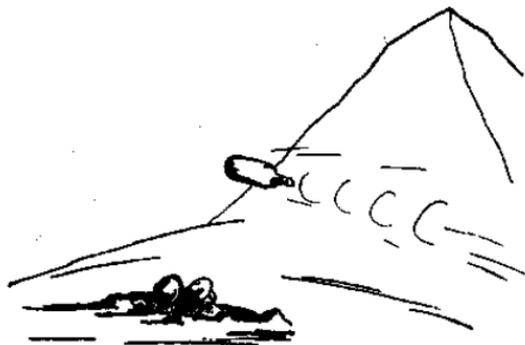
Кислородные приборы описаны в приложении II. К ним предъявлялись два основных требования: легкость и продолжительность действия. Последнее качество в идеале должно было дать возможность избежать или, по крайней мере, свести до минимума случаи перезарядки аппарата. В основном, как я уже говорил, мы возлагали надежды на уже проверенные аппараты открытого типа. В этом приборе кислород подается из баллона, находящегося за спиной восходителя, через маску, которая допускает вдыхание атмосферного воздуха. При выдохе кислород попадает в окружающую атмосферу. Таким образом при этой системе кислород не сохраняется. После каждого вдоха он улетучивается. То, что мы в такой значительной степени положились на применение кислородных аппаратов и, в частности, усовершенствовали прибор открытого типа, явилось отчасти признанием взглядов, отстаиваемых профессором Джорджем Финчем, который высказывался за применение кислородных аппаратов

описанной выше системы с тех пор, как он сам пользовался ими при восхождении на Эверест в 1922 г.

Экспериментальный прибор, сконструированный доктором Бурдиллоном и его сыном Томом, который мы также намеревались взять с собой, представлял собой аппарат закрытого типа; при этой системе восходитель вдыхает все 100% кислорода из аппарата. Атмосферный воздух под маску не попадает или, во всяком случае, не должен попадать. Часть выдыхаемого кислорода поступает обратно и снова используется, что значительно удлиняет срок работы кислородных баллонов и позволяет сократить их количество. Если бы прибор этой системы, пригодность которого для работы на больших высотах тогда еще не была проверена, показал хорошие результаты, он мог бы значительно упростить нашу задачу.

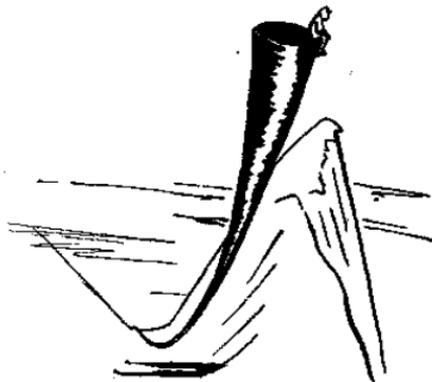
Вес нашего кислородного снаряжения, несмотря на все усилия уменьшить его, продолжал причинять нам большое беспокойство. Мы прекрасно понимали, что после значительных усовершенствований наш аппарат при данном весе был значительно лучше любого другого кислородного прибора, применявшегося в экспедициях на Эверест. Но факт оставался фактом: он был и громоздок и тяжел. В этом ни в коей мере не были повинны ни наши консультанты, ни фирмы, изготовлявшие детали и монтировавшие приборы. Дело просто заключалось в том, что за разрешение этой задачи взялись слишком поздно, чтобы можно было разработать и сконструировать радикально измененную модель. Нельзя

не восхищаться той самоотверженностью, с которой работали все, кто имел отношение к этому делу, стараясь к установленному сроку создать прибор, удовлетворяющий нашим требованиям. Очевидно, наши заботы были поняты многими нашими друзьями, которые хотя и не были столь тесно связаны с этой проблемой, но не менее нас желали найти ее разрешение. Мы получили множество всевозможных предложений. К сожалению, значительная часть из них поступила спустя много времени после того, как мы были вынуждены остановиться на принятой нами конструкции кислородного прибора.

Предлагалась, например, очень заманчивая, но едва ли

осуществимая идея: вооружиться крупной mortarой и палить с Западного цирка вместо снарядов кислородными баллонами, забрасывая их на Южную седловину. Как мы установили позднее, поверхность Южной седловины была столь тверда, что баллоны любой, конструкции должны были бы при приземлении не только отскакивать, но и разбиваться, не говоря уже о том, что мы были бы вынуждены заняться весьма забавной игрой – охотой за баллонами в высокогорных условиях. Перспектива недолета баллонов, которые в этом случае, набирая скорость, катились бы вниз по тысячеметровой круче обратно к месту выстрела, также нас мало прельщала. Не менее заманчиво было и другое предложение: проложить на всем пути вверх по склону Лходзе и далее по Юго-Восточному гребню трубопровод, по которому из запасов, находящихся в Западном цирке, подавался бы кислород. У отводов, предусмотренных вдоль всего трубопровода, утомленные альпинисты могли бы время от времени останавливаться, чтобы «хлебнуть глоток-другой».

Однако, трезво рассудив, мы решили, что предпочтительней все же нести баллоны на себе, несмотря на всю их громоздкость и тяжесть. Нам также советовали уменьшить тяжесть наших кислородных аппаратов при помощи воздушного шара, наполненного водородом, ровно настолько, чтобы обезопасить себя от обвинений в мошенническом восхождении на вершину по воздуху. Видение штурмующей двойки, на цыпочках поднимающейся вверх, едва касаясь снега, рассеялось, как только мы узнали о чудовищных размерах воздушного шара, необходимого для подъема.

При принятии другого предложения нам пришлось бы облечься в надувные костюмы, в которых поддерживалось бы давление при помощи либо специального механизма, прикрепленного к ноге, либо ветра, вращающего небольшой пропеллер, красующийся на лбу, что позволило бы нам одолеть трудности восхождения по склону Лходзе, имея при этом вид резиновых человечков, известных реклам автошин фирмы «Мишелен». Но от этого предложения нам пришлось отказаться. Более серьезным было предложение перебросить все наше снаряжение, включая кислородную аппаратуру, в район Западного цирка по воздуху. Даже ставился на обсуждение вопрос о заброске снаряжения на Южную седловину. Изучение этого предложения в министерстве авиации показало, что осуществление его связано с большими техническими трудностями. Абсолютной гарантии, что груз будет сброшен удачно, по сути дела, не было, и пришлось бы в любом случае заготавливать двойное количество запасов, если

мы не хотели рисковать тем, что они окажутся в Тибете или что нам придется направить нашу энергию на поиски и спасение потерпевшего крушение самолета.

Все наше время с ноября по февраль прошло в непрерывных хлопотах: совещания членов экспедиции, заседания комитетов и подкомитетов, переговоры с многочисленными специалистами, поездки на континент для осмотра снаряжения и для консультации с товарищами по гималайским восхождениям, выступления по радио, писание статей в «Таймс», разборка объемистой кипы ежедневной почты, испытание снаряжения и, наконец, выполнение светских условностей. В первой половине этого периода мы работали в атмосфере все нарастающего волнения и ожидания исхода смелой и мужественной попытки швейцарцев увенчать успехом великолепные достижения их весенней экспедиции. Нас не очень беспокоило то, что швейцарцы первыми возьмут вершину, когда мы уже так далеко зашли в наших приготовлениях, однако было вполне естественным опасаться, что в последний момент мы лишимся шансов испытать наши силы. Но что действительно нас беспокоило, так это предельные сроки для заказа снаряжения и продовольствия. Была точно установлена дата, к которой все должно было быть завершено, с учетом минимального времени, необходимого как на изготовление, так и на доставку грузов к упаковщикам. Последним, в частности, предстояло до дня

отплытия проделать огромную работу. Крайним сроком было назначено 10 декабря. Такое положение было сопряжено для Эверестского комитета с немалым финансовым риском, что вполне естественно беспокоило Р. У. Ллойда, добросовестного казначея комитета.

В начале декабря небольшая группа, в которую, кроме меня, входили Уайли, Грегори и Паф, выехала в Швейцарию в целях испытания некоторых видов нашего снаряжения и продуктов питания. К моменту нашего отъезда все еще не было никаких точных сведений о результатах швейцарской экспедиции, хотя ходило много непроверенных слухов, которые приписывали экспедиции либо победу, либо уже близкий успех. Мы должны были вернуться обратно в Англию к 8 декабря, но, уезжая, сознавали, что все наши усилия могли быть затрачены понапрасну. Но это ни в коей мере не уменьшало привлекательности предстоящей репетиции восхождения на Эверест. Мы остановились в Париже на день для того, чтобы обсудить и заказать снаряжение через Гастона Ребюффа, моего друга и спутника по восхождениям, а также одного из самых восторженных наших помощников на континенте. Гастон – один из выдающихся проводников в Альпах и участник экспедиции на Аннапурну.

В качестве испытательной площадки мы выбрали седловину Юнгфрау-Иох, с которой спускается Большой Алечский ледник; она находится на высоте 3500 м. в Бернских Альпах. Мы считали, что в середине зимы эта седловина,

расположенная между двумя из трех хорошо известных пиков – Эйгер, Мёнх и Юнгфрау, – может выдержать некоторое сравнение с другой седловиной, находящейся в районе нашей будущей экспедиции между тремя другими еще большими горными гигантами. Предположение наше оправдалось. На этой седловине мы нашли как раз те условия, которые требовались для испытания нашего снаряжения.

Была сильная метель, когда после длительного путешествия в поезде, блуждавшем в самых недрах Эйгера, мы очутились на площадке, расположенной над железнодорожной станцией, где в летнее время всегда толпятся туристы. Нам предстояло преодолеть снежную вьюгу и разбить небольшой опытный лагерь на гребне Иох. К счастью, от места бивуака нас отделяло всего несколько метров, однако погода была настолько скверной, что установить палатки оказалось нелегким делом. Вокруг бушевала дикая стихия, сметавшая снег с обступающих пиков и окрестных склонов. Мёнх и Юнгфрау были окутаны зловещим облаком. В эту первую ночь температура упала до -20° ; мы считали, что такая температура, вероятно, не ниже той, которую нам придется претерпевать на Эвересте. Мы испытали различные типы одежды, обуви, палаток, спальных мешков и матрацев, приборов для изготовления пищи и продукты питания. Часть снаряжения была взята в чересчур большом количестве для того ограниченного времени, которым мы располагали. Так, у каждого из нас было не менее восьми различных типов высокогорных боти-

нок. От некоторых образцов нам сразу пришлось отказаться, а остальные мы испытывали по одному дню, надевая на каждую ногу по ботинку различного типа. Варианты одежды, несмотря на различия в покрое и материале, были менее разнообразны, и мы были вынуждены обмениваться ветронепроницаемыми костюмами каждый день, а затем, по окончании испытания, сравнивать наши записи. Точно так же мы, меняясь, поочередно испытывали палатки и спальные мешки.

Два дня из четырех, проведенных на горе Юнгфрау-Иох, стояла ослепительно прекрасная погода, и два дня была буря. В один из таких чудесных дней двое из нас взошли на Мёнх, с вершины которого можно было видеть всю панораму Альп, не закрытых ни единым облачком. Во второй день большая по составу группа совершила переход на лыжах через ледник Эвиг-Шнефельд и вышла на гребень ниже Грос-Фишерхорна. С самого начала мы условились, что наши собственные силы не должны подвергаться испытанию, так как позднее не раз нам предоставится такая возможность. Поэтому, когда погода становилась совершенно невыносимой, мы покидали наш открытый ветрам маленький лагерь и укрывались в гостинице «Юнгфрау-Иох», где за кружкой пива или чашкой кофе утешали себя мыслями, что только при таких условиях погоды можно сделать правильные выводы о пригодности нашего снаряжения. Опыт этого зимнего путешествия в Швейцарию побудил нас заказать на ме-

сте пуховую одежду и договориться об изготовлении в Гриндельвальде специальных кошек для высокогорных ботинок, на которые пал наш выбор.

Вечером, перед нашим отъездом из Юнгфрау-Иох, я получил телеграмму, сообщающую о том, что после нескольких недель, проведенных в условиях ужасной погоды, швейцарцы в конце концов отказались от своей попытки взойти на Эверест. Мы были рады, наконец, узнать, что теперь наша экспедиция состоится, и удовлетворены тем, что пришел конец слишком затянувшемуся периоду неопределенности, которая грозила расстроить нашу экспедицию. Но вместе с тем мы не могли не восхищаться и не сочувствовать замечательным швейцарским альпинистам, особенно тем из них, которые обладали достаточной решимостью и мужеством, чтобы в течение одного года дважды штурмовать вершину Эвереста. Впоследствии, уже при восхождении на Эверест, когда мне пришлось столкнуться с постоянной угрозой перенесения нашей экспедиции на осень, я должен был признать, что это была крайне непривлекательная перспектива. И только тогда я смог в полной мере оценить мужество Шевалле, Ламбера и Тенсинга.

Возвратившись в Лондон, мы в первую очередь подтвердили наши заказы на снаряжение. Для упрощения этой процедуры письма и телеграммы были заготовлены еще перед нашим отъездом из Англии. Затем было созвано очень важное совещание представителей тех фирм, снаряжение кото-

рых мы испытали и о котором мы могли теперь высказать свои замечания. За вычетом рождественских праздников у нас оставалось около месяца на то, чтобы все заказанное снаряжение было доставлено к упаковщикам. Крайним сроком для этого было назначено 15 января 1953 г.

В середине января мы отправились в Хелиг, в Северном Уэльсе, где в домике альпинистского клуба собрались все участники и запасные члены экспедиции. Это было великолепным случаем получше узнать друг друга. Погода благоприятствовала нам. Том Бурдиллон хотел также, чтобы мы испытали различные типы станков для кислородных приборов открытого типа. Свои приборы закрытого типа он уже несколько раз испытывал в полевых условиях. С этой целью он и Джордж Бенд в теплый день с приборами за спиной вскарабкались на гору Сноудон по склону со стороны Нент-Гуинента. По словам Джорджа, это требовало большого напряжения и упорства, и я решил попробовать взобраться с аппаратом на небольшое возвышение, однако тут же чуть не изнемог от жары и неудобства. Но Том усиленно старался доказать мне, что его детище ведет себя исправно только при сильном холоде. Нужно признать, что опыты были произведены в необычно солнечный для января день.

В целом же эта совместная вылазка оказалась очень удачной. Я тогда уже почувствовал, а позднее мне и на деле пришлось убедиться в этом, что, когда мы вступим в единоборство с Эверестом, мы без особого труда сработаемся и будем

представлять полноценную команду. Я также знал, что у нас в резерве имелись люди, которые могли стать наиболее достойной заменой в случае необходимости.

Тем временем центр подготовительной деятельности постепенно перемещался на склады Эндрью Ласка в Уоппинг-Уолле, где производилась упаковка грузов под умелым руководством Стьюарта Бейна. Начиная с Нового года снаряжение поступало непрерывно, и к установленному сроку почти все было получено. Причины задержек во всех случаях были весьма уважительны, и я могу быть только благодарным всем нашим поставщикам за их удивительно четкую работу. Все оказывавшие нам помощь в наших приготовлениях делали это с большим рвением.

Я попросил Чарльза Эванса, Ральфа Джонса и Уилфрида Нойса уделить некоторое время упаковке, и еще до того, как все наше снаряжение и продовольствие было собрано, они разработали детальный план, чтобы избежать преждевременного вскрытия или пересортировки нашего багажа. Упаковочные ящики были рассчитаны на силы одного носильщика и вмещали 27 кг груза.

На каждом ящике был указан тот пункт нашего пути, в котором его следовало вскрыть. Такая организация упаковки оказалась исключительно ценной, во-первых, потому, что все было точно размечено, во-вторых, потому, что, по крайней мере, два члена экспедиции превосходно знали, где и как найти ту или иную вещь в нашей маленькой горе ящиков.

Среди хорошо проведенных подготовительных работ, способствовавших успеху нашей экспедиции, упаковка снаряжения занимала одно из первых мест; эта работа была проделана исключительно хорошо. Здесь я должен упомянуть также и о большой помощи, оказанной моей женой, а также господами Гудфеллоу и Моубрей-Грин, руками которых были пришиты многие сотни именных меток к нашей одежде, что предупреждало путаницу и отсюда возможные недоразумения во время восхождения.

Вскоре после возвращения из Уэльса, где были испробованы станки для кислородных приборов, мы отправились в Фарнборо, чтобы пройти в барокамере экспериментального авиазавода кислородные испытания. Я был в это время сильно простужен, и меня не стали подвергать испытанию. Тем не менее я интересно провел время, наблюдая сквозь глазок за очень странным поведением некоторых из моих товарищей по экспедиции, когда с них по очереди снимали кислородные маски в камере, атмосферное давление в которой соответствовало примерно давлению на высоте 8840 м. На Гриффа Пафа было страшно смотреть: с высунутым от недостатка кислорода языком он упрямо старался убедить доктора Джона Котса, изобретателя маски, проводившего испытание, что ему маска больше не нужна. В целом же это был весьма поучительный опыт, показывавший, как это и имелось в виду, насколько коварны приступы аноксии или какое вредное действие на организм оказывает недостаток кислорода.

Кислородное снаряжение пришлось отправлять отдельно, уже после нашего отъезда из Англии. К подготовке его было приступлено настолько поздно, что, несмотря на попытки все подготовить в срок, к 20 февраля была готова только аппаратура, крайне необходимая для тренировочного периода. Мы должны быть благодарны руководству английских военно-воздушных сил, согласившемуся доставить грузы с нашим кислородным снаряжением на попутном самолете в Индию, а также руководству военно-воздушных сил Индии за транспортировку их из Дели в Катманду. Первая партия груза весила 900 кг, вторая партия весом 1350 кг должна была быть послана таким же путем месяцем позже; последняя заключала запасы кислорода, необходимые, по нашим расчетам, для осуществления намеченного по плану восхождения. Я попросил майора Джимми Робертса, офицера гуркской части, обладающего большим опытом восхождений в Гималаях, встретить этот груз в Катманду и препроводить его в Тхьянбоче. Для того чтобы уложиться в сроки, установленные общим планом, он должен был прибыть туда 15 апреля. Организация отправки была оставлена в надежных руках Альфа Бриджа.

У меня, естественно, было большое желание как можно быстрее встретиться с членами швейцарской экспедиции по их возвращении из Непала. Встреча состоялась 25 января в Цюрихе. Вместе со мной на сутки в этот город приехал и Чарльз Эванс. Нас очень любезно принял Фейц из организа-

ции содействия альпийским исследованиям. Там мы встретились с Шевалле, руководителем осенней швейцарской экспедиции, и Раймондом Ламбером, который так высоко поднялся с Тенсингом весной 1952 г. Мы встретились также и с другими членами экспедиции. Они показали нам все свое снаряжение и очень откровенно и великодушно поделились с нами своими знаниями и опытом. Одно обстоятельство имело для нас большое значение и требовало немедленного решения: Ламбер мог приблизительно указать по фотографиям те места, где на большой высоте ими были оставлены заряженные кислородные баллоны. Если бы нам удалось найти их и использовать, то это было бы очень существенным дополнением к нашим собственным запасам. Швейцарцы помогли нам быстро связаться с немецкой фирмой Дрегера в Любеке, которая поставляла им кислородную аппаратуру, и наладить контакт между нею и фирмой «Нормалэйр», монтировавшей наши аппараты. Эрик Менсфорт, глава немецкой фирмы, живо интересовавшийся всеми вопросами, связанными с монтажом нашего штурмового кислородного снаряжения, тотчас же вмешался в это дело и вскоре после поездки Питера Фитта в Любек для нас с замечательной быстротой и очень удачно были изготовлены специальные адапторы. Несколькими месяцами позже мы испытали чувство большой благодарности ко всем, кто имел отношение к этой прекрасно выполненной работе.

С приближением дня отплытия основной группы участ-

ников период интенсивной подготовительной работы для нас и наших многочисленных бескорыстных помощников приходил к концу. Нет других документов, которые лучше всего свидетельствовали бы о масштабе проделанной работы, чем опись имущества и список упакованного снаряжения, они являются монументальными документами, подводящими итог нашей работе, в которой труд секретарей занимает не последнее место. Здесь уместно упомянуть о замечательной помощи, оказанной нам нашими секретарями Энн Дебенхем и Элизабет Джонсон, а также о добровольной помощи Билля Пакарда и Нормана Харди. Упомянем также и Джека Такера, одного из запасных членов экспедиции, который некоторое время замещал Чарльза Уайли.

Но оставалось сделать еще одно дело. Когда весенняя экспедиция швейцарцев потерпела неудачу, они решили как можно скорее снарядить другую экспедицию для второй попытки осенью. Это решение было принято только в июне, и вторая экспедиция прибыла к подножию Эвереста слишком поздно. Когда они обосновались в верхней части Западного цирка, зимние ветры уже с силой обрушились на гору. С этого момента надежд на успех было мало. Они стойко держались, испытывая ужасающие лишения и моральное напряжение, но им так и не удалось подняться на достаточно близкое расстояние от вершины. Мы, как и швейцарцы, получили разрешение непальского правительства на пребывание в районе Эвереста в течение всего года. Объединенный

Гималайский комитет решил, что в случае, если мы потерпим неудачу весной, попытка штурма должна быть повторена после периода муссонов. Было ясно, что воспользоваться периодом временного затишья после муссонов удастся только в том случае, если к попытке восхождения осенью подготовка будет идти уже во время пребывания экспедиции в Непале и независимо от ее успеха. Сверх того, на это следовало выделить часть средств.

Поэтому перед тем как выехать в Индию, я снова попытался заглянуть в будущее, стремясь на этот раз определить, сколько потребуется людей и снаряжения для подкрепления нашей теперешней экспедиции, которая после периода отдыха снова принялась бы за штурм вершины. Намечалось количество новых восходителей, необходимые запасы основных предметов снаряжения и продуктов питания, которые должны быть высланы дополнительно, и сроки, к которым мы должны были закончить работу. Всю связанную с этим подготовку взял на себя Эмлайн Джонс, который таким образом заменил Чарльза Уайли на посту секретаря-организатора и должен был стать членом резервной группы.

Когда мне пришлось сообщить ему, что он не поедет с нами, а будет лишь первым в списке участников второй партии, он нисколько не охладел к нашему делу. Великодушие и самоотверженность, с какими он продолжал работать, желая нам успеха и в то же время принимая меры на случай временной неудачи, выше всякой похвалы.

Одним из последних и наиболее волнующих событий накануне отъезда было мое посещение Букингемского дворца вместе с Ллойдом, членом Объединенного Гималайского комитета. Нам было приказано сделать доклад о планах и перспективах экспедиции герцогу Эдинбургскому, который милостиво согласился быть нашим патроном. Для нас большой поддержкой было сознание, что за нашими успехами будет с интересом следить тот, кто так высоко ценит дух предприимчивости и смелых дерзаний.

ЧАСТЬ III

ПРИБЛИЖЕНИЕ

Глава V

В НЕПАЛ

Всё было готово к тому, чтобы 12 февраля экспедиция могла отплыть на пароходе «Стратеден» в Индию; два участника должны были вылететь самолетом позже, но прибыть в назначенное место раньше нас, чтобы подготовить все необходимое для нашего путешествия через Индию к Непалу и выполнить ряд других первоочередных дел.

Мы отправили основную часть экспедиции морем не просто для того, чтобы сэкономить деньги, хотя наши финансы были в то время довольно ограничены. За последние месяцы некоторые из нас очень устали после напряженной подготовки к восхождению на Эверест и других забот. Мы нуждались в отдыхе от умственного и физического переутомления. Нет лучшего способа обеспечить такой отдых, чем вынужденное безделье во время морского путешествия. Воздушное путешествие, неоценимое во многих отношениях, не дало бы нам возможности отдохнуть от подготовительных работ, проведенных в Англии, к моменту, когда мы должны

были приступить к новым задачам, ждавшим нас в Индии и Непале. Но самое важное, по моему мнению, было то, что жизнь на корабле в идеальных условиях, без принуждений, назойливости и беспокойства, способствовала образованию дружного коллектива.

В основную часть экспедиции не вошли Том Бурдиллон, не успевший закончить вовремя работу над кислородными аппаратами, и Гриффит Паф, у которого была специальная договоренность с Научно-исследовательским советом по вопросам медицины. За несколько дней до отплытия я заболел гайморитом и мне пришлось лечь в больницу на операцию. С большим сожалением я вынужден был отказаться от плавания и в конце месяца вылетел самолетом, к счастью, не один, а в компании с Томом Бурдиллоном. Тем, что я, несмотря на это возникшее перед самым отъездом препятствие, смог принять активное участие в экспедиции, я обязан искусству члена Королевского хирургического колледжа Харгрова и уходу обслуживающего персонала санатория в Куорри, Хилл в Шрисбери.

Когда приблизилось время отъезда, мы увидели, что интерес публики к нашей экспедиции возрос. Имена некоторых из нас стали появляться в программах радиовещательных и телевизионных передач; мы читали лекции, давали интервью, публиковали статьи в «Таймс». Этот интерес к нам достиг высшей точки в Тильбёри, где шесть членов экспедиции, отплывавших в Индию, в течение полутора часов нахо-

дились под огнем сотрудников Би-би-си и газетных корреспондентов. Я не сожалел, что это тяжелое испытание не коснулось меня. Основным атакам в мое отсутствие подвергся Чарльз Уайли, который держался прекрасно.

После того как основная часть экспедиции благополучно отплыла, Чарльз Эванс и Альфред Грегори (в сокращении Грег) в качестве передового отряда вылетели на самолете 20 февраля; через восемь дней после них вылетели Том Бурдиллон и я. Последним отправился 1 марта Гриффит Паф. Экспедиция тронулась в путь. Тем временем с противоположного конца земного шара Хиллари и Лоу приближались к назначенному месту встречи в Непале. Плывший морем Лоу должен был прибыть в Бомбей с таким расчетом, чтобы вовремя приготовить там все и встретить главную часть экспедиции. Хиллари, чьи пчелы в это время года находились в периоде роения, вылетел через Калькутту в Катманду в начале марта. Все эти воздушные, морские, железнодорожные и, наконец, пешие пути сходились в Катманду – столицу королевства Непал. Пиринейско-Восточная пароходная компания и Британская компания трансокеанских воздушных сообщений сделали все, чтобы наше путешествие проходило беспрепятственно на всем своем протяжении. В Индии мы были окружены заботами Гималайского клуба. Будучи членом клуба и злоупотребляя добротой своих коллег, я, в сущности, передал в их умелые руки все проблемы, связанные с нашим проездом через Индию в Непал. В течение всего нашего

путешествия по Индии члены клуба, представители Верховной комиссии Соединенного Королевства в Индии, сотрудники компании «Бирма шелл» проявляли необыкновенное внимание, руководя нами и оказывая гостеприимство. Всем им мы приносим глубокую благодарность.

3 марта мы с Томом Бурдиллоном пролетали над Тераем – лесистыми предгорьями Непала – к открывавшейся за нами долине. Когда мы низко летели над последним хребтом, нашим взорам стали открываться раскинувшиеся на огромном пространстве Большие Гималаи, образующие зубчатую кайму ослепительной белизны за коричневыми и зелеными тонами находящихся перед ними хребтов. Мы увидели бесчисленное множество вершин между бастионами высочайшей из уже покоренных вершин – Аннапурны и Эверестом, который нам вскоре предстояло штурмовать.

В течение нескольких последующих дней те участники экспедиции, которые летели на самолетах, собрались в очаровательном городе Катманду, с тем чтобы в конце первой недели марта соединиться с главной партией. Членов этой партии встретил и чрезвычайно любезно принял сотрудник Индийской национальной химической лаборатории профессор Джордж Финч, один из выдающихся альпинистов тех времен, когда британские восходители впервые знакомились с Эверестом. Последние этапы путешествия основной части экспедиции были более утомительными, чем у нас. Начиная от Бомбея пришлось делать в пыли долгие переезды в ряде

поездов; затем ехали в кузовах грузовиков на кучах тюков с нашим снаряжением и, наконец, последний переход в тридцать один километр через горы, преграждающие путь в долину Непала, был проделан пешком. В Индии температура была исключительно высокой для этого времени года – немногим меньше 37° в тени – и в такую жару и пыль приходилось тщательно следить за перегрузкой 473 тюков, весивших 7,5 тонн, с судна на поезд, с большого поезда на маленький, с узкоколейной непальской железной дороги на грузовик и, наконец, с конечного пункта шоссе в южном Непале на последний этап – подвесную канатную дорогу через высокие хребты до Катманду.

Несмотря на все наши усилия ускорить продвижение грузов, наш багаж достиг конца канатной дороги только 8 марта, за день до того, как по плану нам предстояло выходить в дальнейший путь. Но даже после принятого нами решения об отсрочке выхода на сутки оставалось сомнительным, успеем ли мы отправиться вовремя. Здесь нам сильно помогли индийские саперы, прокладывавшие новую дорогу через хребты в долину. Непальская армейская часть любезно подготовила нам необходимое помещение для склада в районе своего расположения около города Бхадгаон, в тринадцати километрах восточнее Катманду. В этот склад мы доставили свои грузы, как только они были спущены с канатной дороги, и сэкономили на этом один день перехода к востоку от города, возместив таким образом имевшуюся по сравнению

с планом потерю времени.

В ожидании выступления в поход наш посол в Непале Кристофер Саммерхейс и его сотрудники всячески заботились о нашей экспедиции. Уже третий год подряд Саммерхейс помогает английским альпинистам в их длинных путешествиях, которые должны были завершиться на вершине Эвереста. Вместе со своим первым секретарем полковником Праудом и другими сотрудниками английского посольства в Катманду Саммерхейс вел дипломатические переговоры, связанные с нашей экспедицией, обеспечивал нас помещением, всячески облегчал наше продвижение, ускорял пересылку почты в обоих направлениях и тем самым в значительной мере способствовал окончательному успеху нашего предприятия. При отправлении большой экспедиции в поход различные подробности последних проводов оставляют неизгладимый отпечаток в памяти, тогда как надежда на теплую дружественную встречу при возвращении настраивает на приятные мысли в самые безнадежные моменты восхождения. Лучших проводов мы не могли бы желать.

Чарльз Уайли после высадки с корабля в Бомбее вылетел с Томом Стобартом, чтобы принять на себя трудные обязанности ответственного за транспортировку. До Калькутты им посчастливилось ехать вместе с Б. Р. Гудфеллоу, так много сделавшим для экспедиции в Лондоне. По пути через Калькутту, где президент Гималайского клуба Чарльз Крауфорд окружил его трогательной заботой, Чарльз Уайли встретил

доктора Малла из обсерватории в Алипоре и по поручению Джорджа Бенда обсудил с ним наши требования к сводкам прогноза погоды.

Мы обратились в Гималайский клуб с просьбой подобрать нам двадцать самых лучших носильщиков шерпов для работы на большой высоте и обеспечить их прибытие в Катманду в начале марта. Шерпы – горные жители, чьи селения находятся в округе Сола-Кхумбу в Восточном Непале. Это крепкие небольшого роста люди, обладающие всеми качествами прирожденных альпинистов. По происхождению и языку они близки к тибетцам. Многие из них переселились в Дарджилинг в Бенгалии, где при посредничестве Гималайского клуба они зарабатывали средства к существованию тем, что переносили грузы для иностранных экспедиций в Гималаи. Считается, что впервые шерпов использовал английский альпинист А. М. Келлас еще до первой британской экспедиции 1921 г. на Эверест. Они принимали затем участие и во всех последующих экспедициях на эту вершину. Некоторые из этих бодрых духом, покладистых и мужественных людей, обладающих исключительной смелостью, приобрели большой опыт восхождения по снегам и льду, что было отмечено Гималайским клубом, который присвоил им почетное звание «Тигр». В высокогорных восхождениях шерпы показали себя прекрасными товарищами.

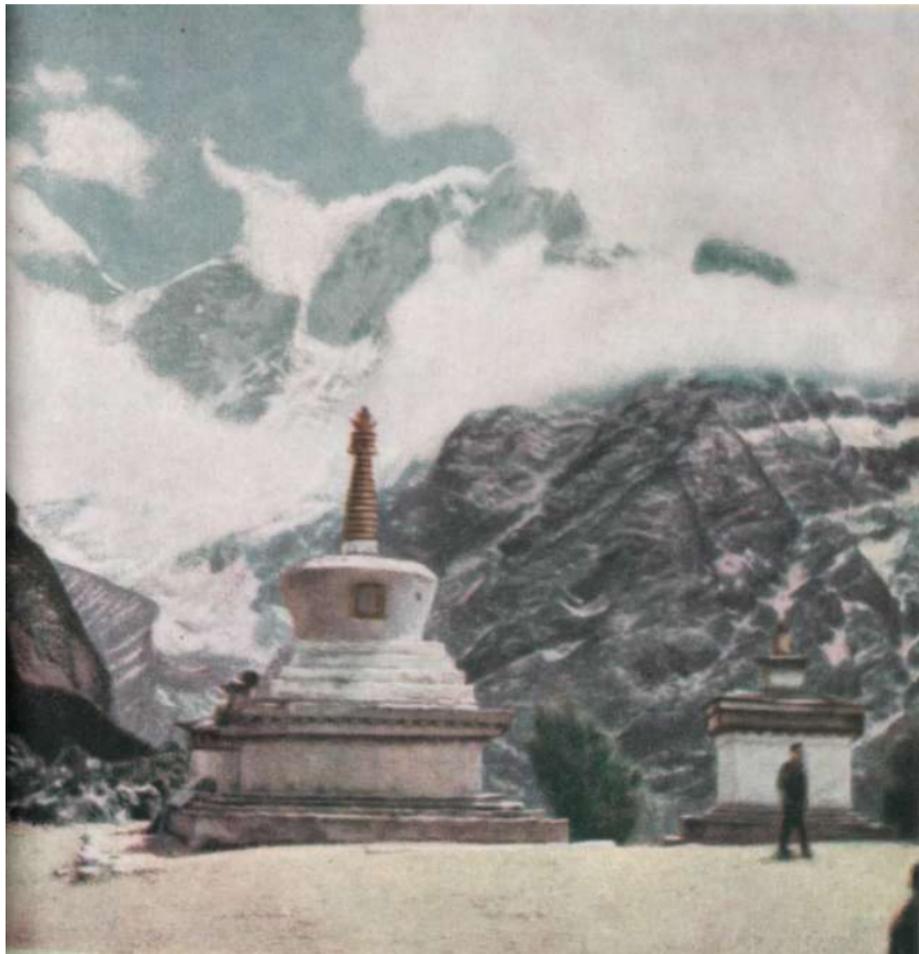

Фото 9. Вид на Кантегу от монастыря Тхьянгбоче. На переднем плане субурган.

Таковы были люди, которым предстояло переносить наши грузы в верхнюю часть Западного цирка и далее на Южную седловину. Шестеро лучших из них должны были вой-

ти в штурмовые группы. Шерпы прибыли в назначенный срок 4 марта во главе с знаменитым Тенсингом, который должен был у нас исполнять обязанности начальника их группы (сирдара). Тенсинг обладал исключительно большим опытом восхождений в Гималаях и особенно хорошо знал Эверест. Начав с разведывательной экспедиции на Эверест 1935 г., в которой он был молодым носильщиком, Тенсинг принимал участие почти во всех последующих экспедициях на эту вершину. Когда он примкнул к нашей экспедиции, ему исполнилось 39 лет, и это был его шестой выход на Эверест. Он также принимал участие в ряде других выдающихся гималайских предприятий, среди которых следует особо отметить французскую экспедицию 1951 г. на Нанда-Деви, где ему удалось достигнуть Восточного пика этой великой вершины. В 1952 г. Тенсинг вместе с швейцарским проводником Ламбером достиг на Юго-Восточном гребне Эвереста точки лишь на триста метров ниже вершины. Этим замечательным подвигом Тенсинг показал, что он является одним из сильнейших альпинистов не только своего народа, но и в мировом масштабе.

Мы ждали этой встречи с большим волнением. Здоровье Тенсинга сильно пошатнулось после ужасных испытаний 1952 г., особенно после его подъема вместе с Ламбером поздней осенью на Южную седловину, и мы серьезно опасались, что он не сможет присоединиться к нам. Однако Тенсинг проявил такой энтузиазм и такую стойкость, что еще во

время своего выздоровления прислал мне письмо, в котором предлагал свои услуги, чтобы пройти с нами хотя бы до верхнего конца ледопада. К тому времени, когда состоялась наша встреча в саду посольства, он, повидимому, полностью восстановил свои силы, хотя еще был несколько худ; во всяком случае было очевидно, что он не сомневался в своей пригодности к той роли, которую он собирался сыграть в экспедиции. Вскоре у нас завязалась крепкая дружба. Простота и веселый обаятельный нрав Тенсинга очаровали нас, и вскоре мы убедились, что в своей роли сирдара он имел непререкаемый авторитет.

Все прибывшие из Дарджилинга шерпы в той или иной мере обладали открытым и приятным характером; обладая одинаковыми привычками, они сильно отличались друг от друга по внешнему облику, особенно по одежде. Шерпы представляли собой колоритное зрелище в то утро, когда они впервые предстали перед нашими взорами. Большинство из них были одеты в обмундирование, оставшееся у них после предыдущих экспедиций. Тут попадались и зеленые береты, и голубые лыжные шапки, и ковбойки, и ярко расцвеченные свитеры, а также ботинки непомерных размеров.

Некоторые из шерпов были знакомы нам уже раньше и прибыли по персональным приглашениям. Повар Тхондуп участвовал в новозеландской экспедиции 1951 г. и в экспедиции 1952 г. на Чо-Ойю. Старше всех шерпов по возрасту, не имеющий большого опыта восхождений, он, тем не ме-

нее, представлял собой находку с точки зрения здоровья и моральных качеств. Его помощник Киркен также был знаком ряду членов экспедиции. Со своим лицом боксера и широкой улыбкой он выглядел человеком, с которым нелегко справиться. Братья Да Тенсинг и Аннулу прекрасно зарекомендовали себя в экспедиции на Чо-Ойю. Старшему, Да Тенсингу, было около сорока лет. Прямой, стройный, с морщинистым лицом и косичкой на голове, он обладал чувством собственного достоинства и вместе с тем учтивостью и обязательностью пожилых людей своего привлекательного народа. Он привел с собой своего сына Мингму, надеясь, что для него найдется полезная в смысле приобретения опыта работа в экспедиции. Бодрый и бойкий крепыш Аннулу был девятью годами моложе брата. Недавно он расстался со своей характерной для шерпов косичкой и в прошлогодней экспедиции удивил этим своих товарищей по экспедиции, внезапно превратившись из человека джунглей в европейского щеголя. Ни тот, ни другой не обладали сколько-нибудь значительным альпинистским опытом, но оба они были рекомендованы нам как способные многообещающие сотрудники. Важный, даже несколько загадочный вид имел Анг Намгьял, список восхождений которого показывал, что он является «тигром» высшего класса. Его почти что тезка Да Намгьял прославился своим участием в вошедшем в историю героическом подъеме швейцарцев на Южную седловину весной 1952 г. Во время осенней попытки швейцарцев он по-

пал под ледовый обвал на стене Лходзе и был ранен; в этом же обвале погиб другой первоклассный шерп – Мингма Дорджи. Рослый, прямодушный весельчак Пасанг Пхутар второй отличался открытой душой и любовью к работе. Маленький Гомпу со своей улыбкой херувима походил на школьника-переростка; действительно, ему было всего лишь 17 лет от роду. Он приходился племянником нашему сирдару Тенсингу, а его родителями были монах и монахиня. Он совсем недавно оставил учебу в Ронгбукском монастыре, расположенном к северу от Эвереста. Его толстая фигура выглядела мало подходящей для высотного альпинизма, но Тенсинг, естественно, с энтузиазмом отзывался о своем протеже. Все эти, а также и другие шерпы, застенчиво улыбающиеся, были представлены нам в саду посольства. Еще несколько шерпов нам пришлось взять, когда мы достигли Сола-Кхумбу, ибо не хватало нескольких человек даже для штурмовых групп. Тем временем секретарь Дарджилингского отделения Гималайского клуба миссис Джил Хендерсон, так хорошо подобравшая партию шерпов, послала в Намче-Базар Аннулу. Он вернулся недавно, наняв четырнадцать местных жителей, необходимых нам, по лондонским планам, для заброски грузов по ледопаду.

Для успеха любой гималайской экспедиции чрезвычайно важно, чтобы восходители и носильщики шерпы хорошо понимали друг друга. Вопросы языка представляют здесь большую трудность, так как на наречии шерпов говорят только

в Сола-Кхумбу. Однако большинство шерпов, в особенности те из них, которые были связаны с гурками, немного знают более распространенный язык непали. Шерпы, жившие в Дарджилинге, немного владеют официальным языком Индии – хинди. Нам в этом отношении повезло, так как Чарльз Уайли свободно говорил на непали, а Чарльз Эванс, Майкл Уэстмекотт, Уилфрид Нойс и я бывали раньше в Индии и знали хинди. Остальные прилагали громадные усилия к тому, чтобы хоть немного научиться языку непали под руководством Чарльза Уайли на борту «Стратедена».

Некоторых шерпов сопровождали их жены или возлюбленные, надеявшиеся совершить обратное путешествие на их родину Кхумбу в качестве носильщиц экспедиции. Я с удовольствием нанял их, так как они не только внесли еще больше красочности и веселья в нашу компанию, но умело, не хуже мужчин несли свой груз.

9 мая в Бхадгаоне был весьма напряженным днем для Чарльза Эванса и Уилфрида Нойса, руководивших переупаковкой багажа. В этот день им пришлось сортировать и перепаковать тюки, доставать одежду и другое снаряжение, необходимое в пути, и руководить работой других участников экспедиции, помогавших им.

Перед Чарльзом Уайли теперь встала нелегкая задача организации небольшой армии носильщиков, которые должны были нести наши грузы в течение семнадцати дней пути в монастырь Тхьянгбоче, который, судя по карте, мы считали

подходящим местом для организации первого Базового лагеря. Из этого лагеря мы собирались совершать наши маршруты для предварительной тренировки. Во время разгрузки багажа на плацу в Бхадгаоне Чарльз нанял около 350 местных жителей для переноски экспедиционных грузов. Каждый из них был занесен в расчетную книгу, получил бирку с порядковым номером и аванс.

Грузов оказалось очень много, значительно больше, чем мы предполагали ранее, и я решил двигаться двумя караванами с суточным интервалом. Дорога, по которой нам предстояло идти, допускала движение только гуськом, так как она проходила по сильно пересеченной местности, и лишь укорочением колонны мы могли избежать длительных задержек при остановках на привал и при выходах с привала. Я очень сожалел об этом, так как и теперь мне, не в меньшей степени, чем при выезде из Англии, хотелось, чтобы во время этой части пути все участники экспедиции двигались единой группой. Мы могли бы многое обсудить и сгладить имеющиеся шероховатости. Особенно огорчало, что к этому моменту впервые все члены экспедиции собрались в полном составе, с началом же нашей тренировочной программы нам предстояло часто разделяться на мелкие группы. Для того чтобы по возможности сохранить единство экспедиционной группы во время продвижения двумя караванами, все участники экспедиции, за исключением троих, вошли в первый караван.

По примеру предыдущих экспедиций на Эверест мы взяли из бригады гурков пятерых сержантов, которые должны были помогать Чарльзу Уайли в организации движения этой большой массы носильщиков во время пути. Сержанты присоединились к нам в Катманду и сопровождали второй караван.

Финансовые вопросы были одной из наших главных забот. Имея такой большой караван с грузами и предвидя многочисленные другие расходы, неизбежные вдали от цивилизации, я в качестве казначея экспедиции вынужден был захватить в дорогу очень большую сумму денег. Нам дали понять, что, за исключением самой непальской долины, в других местах население отказывается принимать обесцененные бумажные деньги; поэтому половину наших средств пришлось взять в непальской звонкой монете. Мы испытывали также трудности в подыскании подходящей тары для упаковки такого тяжелого и громоздкого груза, для переноски которого требовалось не меньше двенадцати носильщиков.

Кроме этой оживленной организационной деятельности, мы должны были также выполнять светские обязанности. Мы были очень любезно приняты королем Непала и индийским посланником. Английское посольство устроило в честь нашего приезда великолепный прием. Кроме того, я нанес ряд визитов важнейшим непальским вельможам, в том числе генералу Кайзеру, являвшемуся в то время главным совет-

ником Королевского Совещательного Совета. По окончании аудиенции его превосходительство вручил мне три небольших непальских флага и попросил взять один из них на вершину Эвереста. Это было деликатное выражение доверия с его стороны, и я рад отметить, что мы сумели выполнить его просьбу.

Несмотря на обилие дел, мы не могли не обращать внимания на очаровательные окрестности. Долина Непала представляет собой широкое плодородное плато, высотой около 1200 м, окруженное высокими лесистыми предгорьями, за северным краем которых виднеется дразнящая гряда снежных гор. Нам удалось выделить день для прогулки на ближайшую гору с широким видом – Шеопури, с которой мы надеялись увидеть панораму более высоких гор. Было облачно, но великолепные алых и более нежных оттенков цветы рододендронов были достаточным вознаграждением за наше путешествие. Нас пленили чистенькие неварские домики с соломенными крышами, со стенами, обмазанными глиной, аккуратно выкрашенные в коричнево-желтый и белый цвета.

Внизу на равнине крестьяне работали в полях, подготавливаясь к жатве зерновых культур. Мы поняли, что наше длинное путешествие в Тхьянгбоче среди широко раскинувшихся приветливых холмов будет очень приятным.

Выход первого каравана был назначен на 10 марта. Я собирался остаться приглядеть, чтобы перед выходом второго каравана не произошло каких-либо неожиданностей. После выхода второго каравана я должен был обогнать его и, сделав за день два перехода, присоединиться к головной группе. Все мы собрались к Бхадгаону провожать первый караван; это было незабываемое событие. Чувствовалось всеобщее возбуждение, сотни человек торопливо бегали взад и вперед, переговаривались, связывали и укладывали свои тюки. Среди собирающихся мелькали Чарльз Уайли и Тенсинг, сопровождаемый несколькими нашими шерпами. Несмотря на то, что час выхода большого числа людей приближался, беспорядка не было. Чарльз и Тенсинг сделали все возможное для того, чтобы наше выступление было хорошо организованным и удачным. Все были в отличном расположении духа, и солнечный день, выдавшийся после периода пасмурной погоды, соответствовал общему настроению.

На проводы явились представители печати и много других зрителей. Масса фотоаппаратов запечатлела момент, когда длинная вереница носильщиков тронулась с места, направляясь через город на восток. Некоторые из носильщиков несли грузы, хотя и не превышавшие стандартных 27

кг, но имевшие устрашающий внешний вид. Одним из таких грузов была металлическая лестница, имевшая длину 1,8 м. Еще более странным по виду был блестящий алюминиевый дорожный сундук, имевший форму и размеры гроба, в котором хранились скромные пожитки Гриффита Пафа. Носильщики относились к этому сундуку с большим почтением, что доставляло нам немало веселых минут. Надо отдать должное Гриффу, который, невзирая на сыпавшиеся со всех сторон протесты и остроты, настоял на том, чтобы его сундук доставили в Базовый лагерь у подножия ледопада. В то же утро, попозже, я вернулся в посольство с полковником Праудом, первым секретарем и тремя членами экспедиции, которые должны были сопровождать второй караван. Я еще раз облегченно вздохнул. Наконец-то начался последний этап нашего путешествия к Эвересту. Составление планов и подготовка уступили место действию.

Глава VI В КХУМБУ

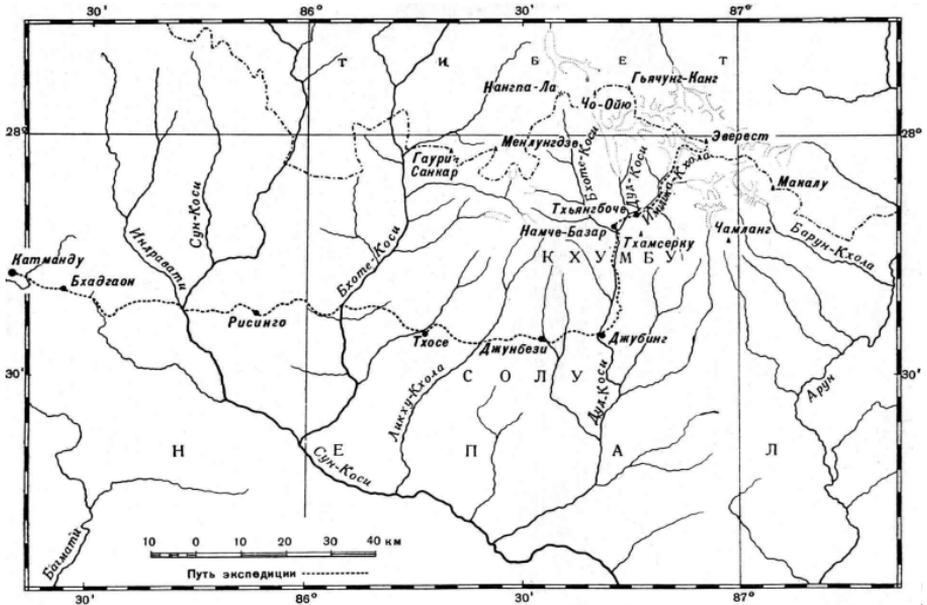

Рис. 2. Путь экспедиции от Катманду.

Описывая наше путешествие по Непалу, мне невольно хочется замедлить или даже совсем остановить бег своего пера и отдаться воспоминаниям о тех прекрасных солнечных днях, когда весной прошлого года наша экспедиция не спеша двигалась по этой живописной стране. И я не делаю этого лишь только потому, что меня ограничивают время и объ-

ем книги. Когда мы были еще в Лондоне, я с огорчением думал о перспективе затратить на подходы почти три недели, прежде чем удастся приступить к выполнению более серьезных задач. Однако как только мы начали этот семнадцатидневный переход, чувство недовольства рассеялось, отступив перед простой красотой окружавшей нас местности и возможностью временного отдыха от разных забот и бумажных дел. За многие месяцы это был самый спокойный период. Время в нашем плане было тщательно рассчитано, и мы знали, что увеличение темпов движения вряд ли пойдет нам на пользу, хотя оно и было возможно при том количестве носильщиков, которым мы располагали. И мы могли полностью наслаждаться живописными пейзажами, предаваясь своим любимым занятиям – наблюдению за птицами, сбору цветов и насекомых и приятному времяпровождению в обществе друг друга. Мне кажется, что мы еще острее ощущали очарование этих дней, предвидя наступление более суровых времен – во всяком случае так было со мной.

Наш путь шел на восток, пересекая русла рек, стекающих с водораздела Гималаев. Мы двигались по сильно расчлененной местности, спускаясь в глубокие долины, переправляясь через пенящиеся потоки, широкие и быстрые реки, поднимаясь на склоны холмов. Насколько хватал глаз – везде была плодородная со множеством уютных домиков обширная страна, имевшая приветливый и гостеприимный вид. По дороге нам встречалось очень много местных жителей – девуш-

ки с большими серьгами, стеклянными украшениями на запястьях и красными бисерными ожерельями, мужчины, коротко остриженные, в грязновато-серой одежде, очень легкой – соответственно климату. На водораздельных отрогах мы вступали в зону восхитительных рододендронов – корявых деревьев, чьи цветы с высотой меняли окраску от алой до розовой, а на высоте более 3000 м. – до белой и желтой. Почва в лесах была усеяна опавшими белыми цветами магнолий, издававшими сильный запах, в изобилии росли лиловые примулы. Птицы Гималаев неизменно приводили нас в восхищение. Трудно описать великолепие этих драгоценных камней пернатого царства – нектарниц, светлоголубых мухоловок или красноголовых с зелеными спинками синиц и яркоалых так называемых «красных птиц». Сами названия этих птиц вызывают в воображении представление об экзотической и причудливой их окраске. Стобарт и Грегори все время фотографировали.

Ежедневно можно было видеть, как, выбрав выгодную позицию, они увековечивали на пленке какой-нибудь великолепный пейзаж или снимали киноаппаратом наш движущийся караван.

Мы видели как живут непальцы, их примитивный быт, тяжелую ручную обработку земли на узких террасах, высеченных в склонах гор, картофель, выращиваемый на поверхности горных отрогов, достигающих 2700 м, мелиорационные сооружения на склонах холмов, вроде тех, что воздвигаются в Англии на границе Уэльса. Очень странно выглядели стога сена, висевшие на ветвях деревьев. Продвигаясь от одного района к другому, мы наблюдали, как меняется характер жилых построек; в одной местности крыши были крыты досочками, придавленными сверху валунами, подобно тому, как это делают во многих районах Альп; в других местах дома были крыты соломой или большими плоскими камнями. Мы купались и стирали одежду в горных потоках; вода в них была чистой и в это раннее время года еще без примеси ила, приносимого тальми водами ледника.

Во время одного из таких купаний чуть было не погиб Чарльз Эванс. Однажды утром он, Эд Хиллари и я отправились купаться на реку Ликху-Кхола. Чарльз разделся, смело окунулся в большой омут. Мы с Эдом увидели с ужасом, что он исчез под водой, затянутый водоворотом. Вскоре он вынырнул, но сразу течением его сильно ударило о скрытый под водой камень и снова затянуло в бурлящий поток. Все это произошло в мгновение ока, и мы еще только собирались броситься к нему на помощь, когда его рыжеватая голова снова вынырнула на поверхность, и он, не получив, очевидно, никаких повреждений, сумел выбраться на противо-

положный берег, где уже был в безопасности. Это происшествие всех нас очень взволновало, ибо он был на волосок от гибели.

По мере продвижения на восток возвышавшиеся вдали пики становились все более величественными и реальными. Помню, как на пятый день пути, постепенно поднимаясь, мы взошли на перевал, высотой около 2400 м, с которого открылся изумительный вид на север. Перед нами вздымалась мощная группа Гаури-Санкар, удивительно близкие и привлекающие своей крутизной пики, наиболее высокий из которых – Менлунгдзе – достигает более 7150 м. В течение получаса мы обсуждали самые невероятные варианты восхождения на эти вершины, заранее зная, что нам не придется подняться хотя бы на одну из них. Спустя еще несколько дней с другого гребня за высокой цепью снежных пиков мы увидели на северо-востоке Эверест, очень далекий, но безошибочно угадываемый по облачному флагу у вершины. Каждый из нас по-своему переживал этот волнующий момент, а общее возбуждение еще более усиливало это чувство; чтобы лучше видеть, несколько человек забрались на дерево. Наша походная жизнь размеренно текла по однажды заведенному распорядку. Мы поднимались в 5 час. 30 мин. утра и, выпив по чашке чая, вскоре после шести трогались в путь. Наши повара во главе с Тхондупом уходили вперед, чтобы выбрать подходящее место для завтрака. Тхондуп прекрасно умел находить себе помощников. В их число входили

одна или две наши лучшие носильщицы-женщины из племени шерпа, в частности толстая, сильная и веселая девушка, которую мы прозвали «тетушкой». После двух-трех часов ходьбы мы находили красивое местечко на берегу речки и делали продолжительную остановку. Пока повар разводил огонь, варил овсяную кашу и готовил бекон и яйца, мы купались и отдыхали. Одни читали или писали, другие наблюдали за птицами, ловили бабочек и других насекомых. До места ночлега мы добирались довольно рано, и у нас оставалось достаточно времени, чтобы разбить лагерь, заняться дневниками, написать письма и обсудить дальнейшие планы.

Дневные переходы и проведенные в лагере часы досуга чудесно укрепляли наши взаимоотношения. Первые приятные впечатления перешли в прочную дружбу; мы смогли быстро оценить друг друга, сравнивая наше очень различное прошлое и разнообразные интересы, обсуждая сходные или совершенно различные эпизоды из нашей жизни – обычно

из области альпинистских восхождений. Я опять занялся составлением планов и провел много часов с Эдом Хиллари и Чарльзом Эвансом (так как в наши обязанности входило, кроме других задач, планирование), обсуждая различные варианты штурма, подсчитывая нужное для этого количество грузов. Временами я мог отдохнуть и понаблюдать за своими товарищами, когда мы лежали в нашей просторной шатровой палатке.

В ней всегда собиралась небольшая компания. Она состояла обычно из Майкла Уэстмекотта, Джорджа Бенда и Тома Бурдиллона, обсуждавших какое-нибудь сверхтрудное скальное восхождение, – обычно в Северном Уэльсе. Том Стобарт рассказывал захватывающие, хотя немного фантастические случаи из охоты на диких зверей в Африке или красочно описывал жизнь на далеком юге. Джордж Лоу серьезным тоном передавал какой-нибудь из многочисленных эпизодов своей разносторонней педагогической практики; среди них не последнее место занимали рассказы о явно неравных схватках между несчастными новозеландскими учителями и их озорными и предприимчивыми учениками. Или же он состязался в остроумии с другим Джорджем и, выступая в роли клоуна, заставлял нас порой корчиться от смеха. В отличие от других Грег спокойно читал или заводил со Стобартом непонятный нам разговор о тонкостях техники фотографирования. Уилф Нойс, не менее молчаливый, чем Грег, конечно скрипел пером в углу палатки, заполняя

убористым почерком страницу за страницей одного из своих многочисленных больших блокнотов. Надеюсь, что когда-нибудь нам удастся прочесть все, что он написал, сидя в этой палатке или за кустом в ожидании завтрака. Затем надо было обмениваться впечатлениями о событиях дня – например о бабочках, которых Майкл Уэстмекотт или я наловили или упустили, или о кузнечиках, для которых уже не было места в походной коробке Джорджа Бенда, или о птицах, которых мы заметили. Конечно, частой и возбуждающей, но никогда не надоедающей темой были разговоры о еде. Тут даже Грег вылезал из своего угла, а для Эда Хиллари эти разговоры были любимым развлечением. В любой из этих групп можно было слышать спокойный голос Чарльза Эванса, закругляющего беседу шуткой или вставляющего здоровое и логичное замечание, которое он черпал из своих весьма широких познаний в различных областях. Компания была великолепная.

Узнавая ближе друг друга, мы одновременно сближались и с нашими носильщиками шерпами. В гималайских путешествиях есть одно правило, которое, видимо, доставляет взаимное удовольствие обеим сторонам: за вами ухаживает верный слуга, который подает вам чай по утрам, готовит спальный мешок, помогает нести ваши личные вещи и вообще балует своего сагиба (слово «сагиб» на языке хинди означает человека с высшим положением, оно употреблялось между нами просто в случае надобности различить члена экспедиции от носильщика шерпа). Моим личным слугой

был Пемба, спокойный и дюжий парень, с более чем обычно резко выраженным монгольским типом лица; его толстые косы массивными пучками были уложены по обеим сторонам головы. Пемба пользовался репутацией одного из самых смелых среди сопровождавших нас шерпов и был очень приятным парнем. Очень скоро мы стали достаточно хорошо понимать друг друга, хотя он ни слова не знал на языке хинди, а я на наречии шерпов – единственном языке, на котором он говорил.

Друзья, помогавшие нам советами еще в Англии, внушили мне мысль о важности привыкнуть к кислородным маскам; в частности конструктор Джон Котс настойчиво подчеркивал, что только постоянная и длительная практика даст нам уверенность в успешном их применении на больших высотах. Иные сомневались, сможем ли мы вообще ими пользоваться. Поэтому мы взяли себе за правило ежедневно надевать маски и проходить в них часть пути. Одну ночь двое из нас спали в масках. Впервые надевшие эти маски были приятно удивлены, убедившись, как мало они стесняют дыхание и как мало причиняют неудобств. Нет сомнения в том, что последующее использование масок при самом восхождении стало возможным именно благодаря этим их качествам и применению их уже на ранней стадии экспедиции.

На полпути Эд Хиллари, Тенсинг и я отстали на день, чтобы увидеться со второй группой. С радостью убедившись, что у них тоже все было в порядке, мы обсудили с ними

наши дальнейшие планы. У этой группы было несколько тревожных событий: ночной визит пантеры в лагерь, драка на непальских ножах «кукри», возникшая между шерпами и местными носильщиками, после которой впервые пришлось обратиться к помощи доктора Майкла Уорда. Этот последний случай был лишь одним из многочисленных недоразумений, разрешением которых приходилось заниматься Чарльзу Уайли с помощью гуркских сержантов, так как вторая партия носильщиков была менее надежной, чем первая. Участники второй группы были принесены в жертву науке, и я, признаться, был рад, что избежал этой участи. Грифф Паф подвергал их ужасной пытке под названием «испытание при максимальной нагрузке». Она заключалась в том, чтобы с предельной скоростью бежать в гору до тех пор, пока у вас чуть не лопались легкие, и затем выдыхать воздух в огромный мешок, пока он не раздуется, как воздушный шар. Мы с удовлетворением узнали, что Грифф, имевший весьма курьезный вид в пижаме, темных очках и войлочной шляпе охотника за оленями, увенчивающей яркую копну его рыжих волос, нещадно подвергал самого себя тем же мучениям, которые он причинял своим подопытным морским свинкам. Мы поспешили догнать свою группу, пока он не подверг и нас этому испытанию.

На девятый день пути мы перешли через перевал высотой в 2750 м. и вступили в район Сола-Кхумбу. Эта местность – родина наших носильщиков шерпов, и мы сразу же почувствовали перемену в характере ландшафта и облике местных жителей. Склоны гор стали более крутыми и расчлененными; возделанные участки встречались лишь изредка, а домики попадались все реже. Вначале пейзаж был более похож на альпийский, а затем стал типично гималайским. В равной мере заметная перемена наблюдалась и в облике людей. Мы увидели резко выраженный монгольский тип лица, широкого и грубоватого; одежда стала более тяжелой и нарядной. Это была страна шерпов.

До сих пор мы неуклонно двигались на восток; теперь, вскоре после пересечения последнего и самого высокого отрога высотой почти 3650 м, дорога стала спускаться все ниже и ниже в глубокое и узкое ущелье, по которому катила свои бурные и пока еще прозрачные голубовато-зеленые воды река Дуд-Коси, собирающая воды из района самого Эвереста. Отсюда, перейдя через реку по непрочному временному сооружению из бамбука, валунов и дерна, мы резко повернули на север по восточному склону ущелья, держа путь прямо на Эверест. Нам предстояло подняться еще на несколько тысяч

метров, так как мы спустились до высоты почти полутора тысяч метров, а дорога, извивающаяся по глубоким ущельям в обход многочисленных непроходимых круч, представляла собой множество больших подъемов и спусков.

Мы дважды пересекали реку Дуд-Коси, слишком быструю, чтобы в ней можно было искупаться, не рискуя жизнью. Подъемы чередовались со спусками по крутым лесистым склонам гор. Рододендроны и магнолии вперемешку с гигантскими елями представляли красочный передний план местности, по которой мы двигались; ранние весенние цветы и благоухающий кустарник в цвету окаймляли дорогу. Не менее грандиозные виды открывались при взгляде вниз – туда, где, зажатая меж скалистыми тысячеметровыми склонами, еле слышно шумела река, или же вверх – на зубчатые цепи окружающих долину гребней, над которыми возвышались ледяные вершины ближайших соседей Эвереста. Приятным разнообразием в этой суровой красоте были попадавшиеся иногда небольшие площадки с несколькими домиками шерпов. Это были низкие строения из камня и прочных бревен, покрытые дощечками. К ним примыкали небольшие, тщательно и умело возделываемые участки земли. Поля еще были голыми, но скоро должны были покрыться всходами картофеля, ячменя и кукурузы.

Поднявшись вверх по долине, мы увидели огромный контрфорс открытых травянистых склонов. В этом месте Дуд-Коси принимает один из значительных притоков – Бхо-

те-Коси. Наш путь пролегал вверх по реке Дуд-Коси, собирающей воды тающих ледников обширного горного района к западу от Эвереста, но сначала нам предстояло подняться через контрфорс, разделяющий эти две реки, чтобы добраться до Намче-Базара, главного селения района Кхумбу. Позади Намче на высоту более 5800 м. вздымается огромная колонна из серого гранита. Это Кхумбила. Мы смотрели на нее и вспоминали скальные вершины Савойи и Бергелла.

25 марта мы вышли на широкую дорогу, ведущую к Намче. По ней двигалось много веселого и ярко одетого люда; некоторые несли большие связки тонкого пергамента, изготавливаемого из древесины местного кустарника. Утро было великолепным и ясным, и мы ненадолго поднялись в сторону от дороги, чтобы взглянуть дальше вверх по Имджа-Кхола. И вдруг мы увидели там то, что ожидали увидеть, – Эверест, теперь реальный в своей близости; его массивная пирамида вздымалась над длинным заснеженным узким гребнем, соединяющим Лходзе с Нупдзе. Первое, что бросилось нам в глаза, это то, что верхние скалы Эвереста были черными, почти лишенными снега. Охваченные оптимистическим настроением, мы сначала сделали слишком поспешные выводы о том, какой будет вершина через несколько недель. Однако, трезво поразмыслив, можно было сказать, что отсутствие снега объясняется только одним: на большой высоте еще господствует яростный зимний ветер, надежно защищающий вершину от всех попыток покорения ее. Как бы там

ни было, но обнаружив неожиданно для себя, что мы находимся так близко от этой грандиозной вершины, мы пришли в хорошее настроение.

Перед самым входом в селение нас приветствовала небольшая делегация родственников наших носильщиков, встречавшие ждали нас у дороги с бочкой «чанга» – молочного цвета пива, которое варится из риса, и с большим чайником тибетского чая; носик и ручка чайника были украшены цветной бумагой. Этот восхитительный прием, устроенный главным образом ради шерпов, но также и ради нас, типичен для этих дружелюбных людей.

В Намче мы с удивлением увидели небольшую радиостанцию, обслуживаемую чиновниками индийского правительства. Индийский посол в Катманду был столь любезен, что дал указание Тивари, начальнику этого поста, оказывать нам содействие в передаче срочных сообщений. Мы не раз были очень благодарны ему за эту любезность.

В последний день похода удовольствие, вернее восторг, который мы испытывали в пути с того дня, как покинули долину Непала, достиг предела. Нас опять встречала небольшая группа друзей и родственников сопровождавших нас

шерпов, на этот раз из соседней деревни Кхумджунг. Больше того, из монастыря выслали пони. Животное имело несколько удрученный вид, но все же оказалось достаточно пригодным для того, чтобы подвезти меня на последних подъемах. Я не привычный наездник, но эта поездка верхом на пони вверх по хорошо утоптанной тропе при ясном, сияющем небе доставила мне истинное удовольствие. Фантастически великолепные виды пьянили меня: Тхьянгбоче, расположенный на высоте 3700 м, является, вероятно, одним из самых красивых мест в мире. Здание монастыря стоит на холме, которым оканчивается большой отрог, вытянувшийся под прямым углом к реке Имджа. Из монастыря, окруженного пристройками необычной конструкции странной средневековой архитектуры, открывается вид на самый красивый горный пейзаж, который я когда-либо видел в Гималаях или других местах. За темными елями, березами, покрытыми лишайниками, и рододендронами, которые на этой высоте уменьшились до размеров кустов, со всех сторон громоздятся громадные ледяные пики. Группа Эвереста замыкает верховья долины стеной Нупдзе высотой в 7800 м, которая обрывается вниз отвесом в 2100 м. от вершинного гребня до ледников у ее основания.

Как бы ни было грандиозно это зрелище, гигантский клык, неуклюже выступающий в долину правее и ближе этой стены, привлекал еще большее внимание. Это вершина Ама-Даблам. Вздвигаясь на высоту 6800 м, она выглядит совершенно недоступной, превосходящей самые потрясающие по недоступности подъемы на Маттерхорн; ее можно сравнивать с неприступной вершиной Мустаг-Тоуэр в дальнем Каракоруме.

Прямо над отрогом, на котором стоит монастырь, к юго-востоку, возвышались два пика-близнеца, покрытые тонким слоем висячего льда. Отдельные шпильки их остры, как иглы, и почти прозрачны на фоне голубого неба. Это Кангтега и Тхамсерку, еще одна пара вершин, высотой около 6700 м. К северо-западу, в верховьях реки Дуд-Коси, поднималась вершина абсолютно симметричная и прямая, как стрела, а на юго-западе виднелась Квангде – еще одна стена льда и скал,

высотой более 6000 м, тянувшаяся на несколько километров.

Очарованные этим удивительным зрелищем, мы молча стояли среди широкого альпийского луга, на котором мирно паслись яки. Это было идеальное место для нашего первого Базового лагеря. Жизнь была прекрасна.

Глава VII

ТРЕНИРОВКИ

В течение трех следующих дней Базовый лагерь в Тхьянг-боче представлял собой живописную и оживленную картину. Мы рассчитывали, что период между окончанием этапа подходов и началом «акклиматизации» будет спокойным. Но отдохнуть пришлось очень мало: многое нужно было организовывать и планировать; кроме того, было важно ни в коем случае не сорвать выполнения других дел, от которых зависела наша готовность начать штурм Эвереста в намеченный срок – 15 мая. Таким образом, работы было по горло. Позвольте мне коротко описать эту картину, воспользовавшись записью в моем дневнике от 28 марта.

День между вчерашним прибытием второго каравана и завтрашним выходом первой из наших трех тренировочных групп выдался исключительно хлопотливым. Носильщики получили деньги и теперь уже находились на пути в свои деревни. Доставленные ими грузы были аккуратно разложены, одни по сортам, другие по цвету нашивок на тюках, означающих, где и когда их нужно вскрывать. Ящики с продуктами и кислородными баллонами составили два внушительных прямоугольных штабеля. Баллонам было отведено специальное место, обозначенное веревкой. Чтобы оградить нас от множества любопытных из числа жителей монастыря, а также

от проходящих с грузами людей по близлежащей тропинке, Тенсинг обнес весь участок лагеря альпинистской веревкой.

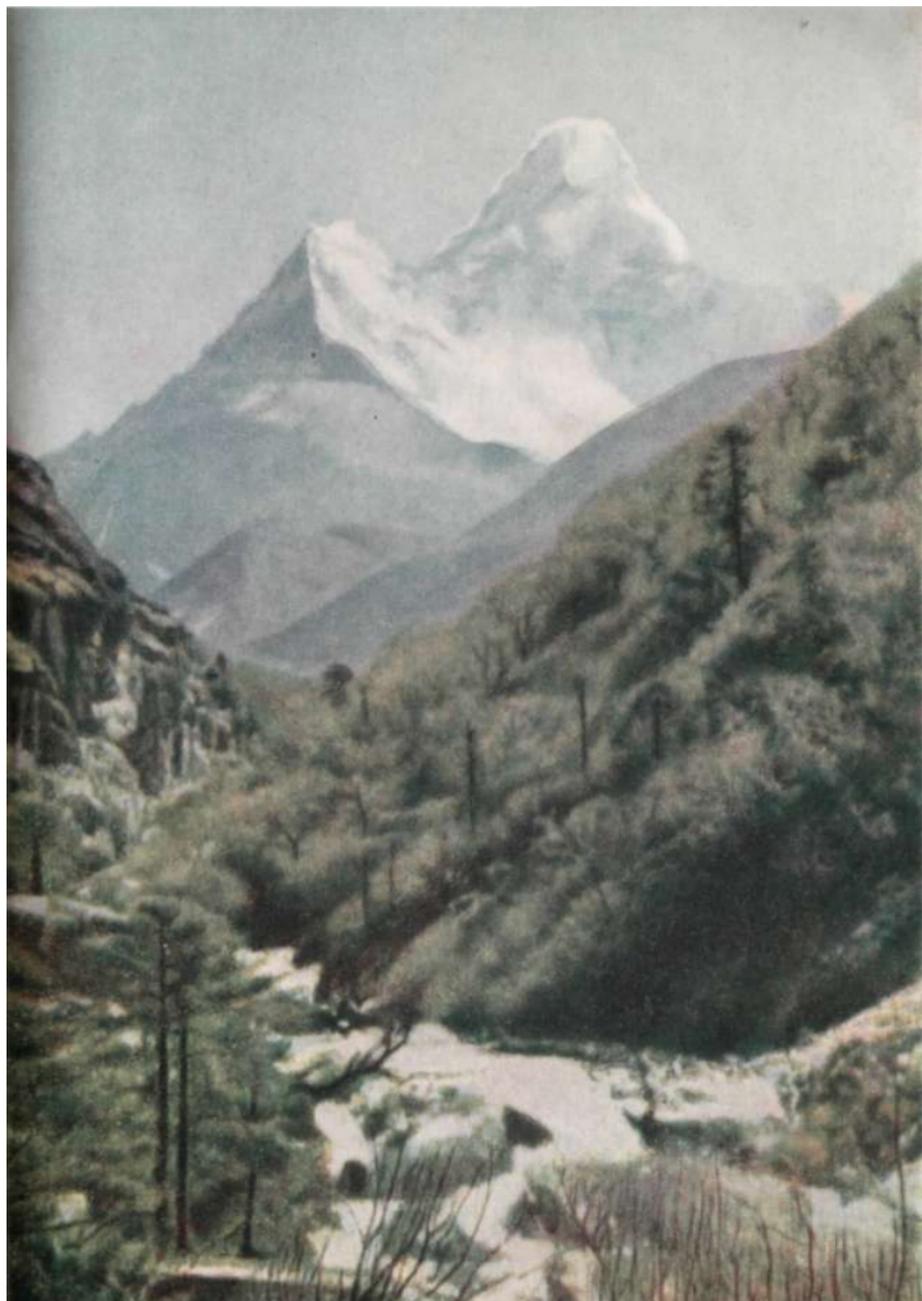

Фото 10. Вид на Амба-Даблам с реки Имджа на подходах к Базовому лагерю.

Впервые были установлены все наши палатки – их было около двадцати – различной формы, размеров и цвета. Тут и три миниатюрные палатки, предназначенные для последнего лагеря, и палатки оранжевого цвета для Передового базового лагеря и последующего участка пути, а также палатки такого же образца, но желтого цвета для лагерей ниже Западного цирка. Тут и характерная швейцарская палатка, в которой временно помещается Тенсинг, и две большие шатровые палатки. В одной из них разместились шерпы, в другой – мы сами. Рядом с палатками раскинуты проветривающиеся спальные мешки: розовые, коричневые и оливковые. В одном из дальних концов лагеря Тхондуп соорудил из ящиков кухню, покрыв ее брезентом. У него обилие подчиненных и среди них женщины племени шерпа. Одни чистят котлы для приготовления пищи или чинят одежду, другие расчесывают и заплетают друг другу длинные черные косы.

Мы не спеша заканчиваем свой завтрак, сидя на упаковочных ящиках вокруг стола, который мы смастерили из бурдиллоновских ящиков из-под кислорода. Иней на траве таял под лучами солнца (мы находились на высоте почти 4000 м, и по ночам было холодно). Удивительно, что большинство из нас были еще более или менее чисто выбриты. Этим мы были обязаны предусмотрительности Тома Бурдиллона, который

запасся несколькими специальными «стригущими» бритвами, зная, что кислородные маски, надетые на сильно обросшее лицо, дают утечку.

Затем мы всерьез принимаемся за работу. Образуется несколько небольших групп, занятых каждая своим делом. Том Бурдиллон с Майклом Уордом обучают нескольких человек обращению с кислородным аппаратом открытого типа; его ученики монтируют аппараты, чтобы совершить с ними свое первое пробное восхождение на сотню метров вверх по склону позади лагеря. Эд Хиллари в центре внимания другой группы, состоящей преимущественно из шерпов. С помощью Тенсинга, выступающего в роли переводчика, он показывает специально сконструированные Куком примусы. Джордж Бенд распаковывает портативные радиостанции. После обеда он будет обучать нас, как с ними обращаться.

На противоположном от кухни конце лагеря Майкл Уэстмекотт собрал нашу разборную лестницу и перебросил ее между двумя большими валунами. Посредине лестницы образовался сильный прогиб, вызывающий тревогу. Однако она выдерживает вес шерпов – помощников Майкла, сначала робко, а затем более уверенно переползающих по ней. В другом месте Чарльз Эванс и Уилфрид Нойс раскладывают аккуратные тюки с альпинистским снаряжением и одеждой; все это мы получим, когда наступит время. Кое-что, очевидно, уже выдано, так как попадаются участники, одетые то в светлозеленую куртку из гагачьего пуха, то в свитер бордо-

вого цвета; некоторые даже ходят по траве в кошках, привязанных для пробы к новым горным ботинкам. От группы к группе переходит со своим киноаппаратом Том Стобарт. За ним по пятам следует беззубый старик потешного вида по имени Шерап. Это здешний лама, или священник. Он уже умеет расставить треногу для Тома и даже мечтает сам снять фильм.

Все это и многие другие дела идут своим чередом, но предстоит сделать еще больше. На мне лежит обязанность бухгалтера и кассира; я должен написать сообщение для газеты «Таймс» и обдумать план наших дальнейших действий. Чарльзу Уайли и Тенсингу предстоит уйма дел. Они должны подобрать шерпов для каждой тренировочной группы, дать работу остальным, закончить подбор партий для работы на больших высотах и на ледопаде, а также сообщать с Грегом, ведающим вопросами почты и координацией фотосъемки, наладить отправку почтовой корреспонденции с нарочными. Джордж Бенд должен раздать пищевые рационы всем группам, которые будут совершать акклиматизационные восхождения. Мы купили овцу, и шерпы как правоверные буддисты не хотят ее резать. По сему случаю Джордж Лоу предлагает свои услуги в качестве мясника.

Прибытие экспедиции неизбежно вызывает стечение хромых и калек, и у Майкла Уорда много пациентов. Ему приходится рвать зубы, лечить глаза, язвы, лихорадку и непонятные желудочные боли. Я должен упомянуть и о нашем фи-

зиологе Гриффе Пафе, который загрозил свою палатку всевозможной аппаратурой и жаждет взвесить нас на больших весах, служащих для взвешивания грузов, исколоть нас иглами и прогнать вниз к тому месту, где находится старт его эксперимента по определению «максимальной нагрузки».

Во второй половине дня по приглашению монахов мы нанесли свой первый визит в монастырь. По приходе нужно было совершить простой обряд возложения шарфов на троны здравствующего ныне настоятеля монастыря – мальчика, который находился в это время в Тибете, и его покойного предшественника. Выполняя совет Тенсинга, я преподнес исполняющему обязанности настоятеля флаг нашей экспедиции. Нас быстро провели по святилищу и пригласили в верхнюю комнату, где был накрыт стол. Сидя вместе с Чарльзом Уайли и Тенсингом рядом с нашим хозяином – тучным монахом, облаченным в выцветшее красное одеяние, – я задал ему вопрос о йети, более известном нам под названием «отвратительного снежного человека». При этом вопросе старый настоятель тотчас же оживился. Взглянув через окно на луг, где стояли наши палатки, он очень красочно описал, как несколько лет тому назад, в зимнюю пору, когда земля была покрыта снегом, из окружающих зарослей появился йети. Этот зверь, передвигавшийся большими прыжками, иногда только на одних задних лапах, а иногда и на всех четырех, был ростом около полутора метров и покрыт серой шерстью. Такое описание мы уже слышали от других очевидцев.

Глядя на луг и забыв о гостях, монах старался воспроизвести виденную им картину. Йети остановился почесаться и, ловко подражая ему, старик наглядно продемонстрировал, как это делал зверь, правда, дольше, чем требовалось. Затем йети подхватил комок снега, поиграл им и немного поворчал (и снова для вящей убедительности рассказчик искусно воспроизвел эти звуки). Тем временем население монастыря пришло в сильное возбуждение, и было решено прогнать непрошенного гостя. Монахи затрубили в раковины и традиционные длинные рога. Йети вперевалку затрусил в кусты⁴.

Мы слушали рассказ, как замороженные, и продолжали расспросы, но стали верить несколько меньше, когда услышали другие и более обстоятельные истории, например о том, что в Тибете целое племя йети, подражавшее обыча-

⁴ Следы «снежного человека» обнаружены европейскими путешественниками в Гималаях впервые в 1898 г. С тех пор многие исследователи видели эти следы на снегах высоких вершин Гималаев, но только Томбоци в 1925 г. удалось увидеть издали самого «снежного человека». Местные жители не раз видели его; их описание в общем сходится с рассказом настоятеля монастыря, переданным Хантом. След «снежного человека» длиной 25—30 см, шириной 12—15 см похож на след большой обезьяны. В 1954 г. английская экспедиция, организованная для изучения «снежного человека», обнаружила в одном из монастырей часть его черепа, хранившуюся как реликвия. Результаты исследования этого черепа еще не опубликованы. В январе 1956 г. в индийских газетах появилось сообщение, что в восточной части Гималаев местными жителями убит «снежный человек»; для изучения его послана экспедиция. Фотографию следа «снежного человека» и краткие сведения о нем см. в статье С. В. Обручева «Следы снежного человека в Гималаях» (Известия Всесоюзного Географического Общества, т. 87, вып. 1, 1955, стр. 71). — *Прим. ред.*

ям своих двоюродных братьев – людей, навлекло на себя их гнев и было истреблено. Дело кончилось тем, что тогдашнее правительство Тибета издало специальный указ, по которому йети ставились под защиту закона. Это любопытная история, особенно если принять во внимание предубеждение буддистов против убийства. По правде говоря, эта резня была подлым делом. Мы можем предположить, что йети, дав волю чувству юмора, зашли слишком далеко в своих шутках.

Интересно отметить, что под благотворным влиянием монахов вся долина реки Имджи превратилась в заповедник для диких зверей и птиц. Мы видели результаты этого влияния, так как вокруг лагеря неподалеку от наших палаток беззаботно паслись кастури (или кабарга), близкие к фазанам моналы и рам чикор – гигантские гималайские горные индейки.

Перед нашим уходом ко мне обратились с просьбой пожертвовать несколько тысяч рупий на починку монастырской крыши. Прежде чем дать утвердительный ответ, я заколебался, так как просидел большую часть предыдущей ночи без сна, пытаясь тщетно увязать предстоящие расходы с суммой наличных денег. Поэтому мне казалось уместным обратиться к настоятелю с встречной просьбой. Нас заинтриговали размалеванные дьявольские маски, которые мы увидели в монастыре, и я попросил, чтобы на обратном пути нам разрешили присутствовать при обрядовом танце лам. Настоятель согласился и объявил о своем намерении благословить

нашу экспедицию перед выходом на Эверест.

На тренировки и подготовку к восхождению на Эверест, которую предполагалось окончить до 20 апреля, оставалось около трех недель. Напомню, что главной целью этого периода была акклиматизация – постепенное приспособление организма к возрастающей высоте. Мы намеревались также испытать кислородные аппараты обеих конструкций и освоиться с другими видами снаряжения. Выполнение программы предполагалось осуществить в два этапа, продолжительностью около восьми дней каждый, и с перерывом, во время которого мы должны были собраться в Тхьянгбоче для отдыха и перегруппировки перед новым выходом. Мы разбились на три группы, которые возглавлялись Эдом Хиллари, Чарльзом Эвансом и мной. Состав групп на втором этапе акклиматизационных восхождений, разумеется, должен был измениться. Эти группы направлялись в разные районы. Все мы с большим нетерпением ждали этого времени, надеясь доказать свою пригодность при некоторых серьезных восхождениях на вершины и перевалы в окрестностях лагеря. Кроме того, в небольших группах складываются более непосредственные и дружеские отношения.

Группа Чарльза выступала первой 29 марта. В нее, кроме самого Чарльза, входили Том Бурдиллон, Джордж Бенд и Майкл Уэстмекотт. Они брали с собой аппараты обоих типов, открытого и закрытого, поэтому программа восхождений у них была особенно насыщенной. Остальные выходили

на следующий день. Все группы должны были вернуться в Базовый лагерь к 6 апреля.

Перед самым выходом первой группы Том Бурдиллон сделал очень неприятное открытие: из сорока восьми баллонов, выделенных для тренировочных восхождений, пятнадцать «выдохлись» во время транспортировки. Было совершенно ясно, что этот случай должен неизбежно сказаться на наших планах и мог серьезно их нарушить. Это были стандартные баллоны английской авиации. Они предназначались как для тренировочных восхождений, так и для штурма. Теперь мы были вынуждены либо сокращать время тренировок с кислородными приборами, либо менять план штурма. Положение могло осложниться еще больше, так как с остальными баллонами того же образца, находящимися в пути со второй партией грузов, могло произойти то же самое. Я только что получил радиограмму о том, что Джимми Робертс находится в Катманду и что, согласно плану, туда доставлена самолетом из Индии партия приборов, предназначенных для штурма. Робертс сразу же должен выйти в Тхьянгбоче. Том составил срочную телеграмму с запросом о состоянии груза Робертса и немедленно отправил ее с нарочным на радиостанцию в Намче-Базар. И только неделю спустя, когда я возвращался после первого акклиматизационного маршрута, наша тревога рассеялась. Английское посольство получило нашу телеграмму в тот момент, когда Робертс собирался выступить после ночевки во второй переход. Полковник Прауд отпра-

вился вдогонку за ним. Караван был остановлен на целый день, шестьдесят с лишним ящиков с баллонами были старательно распакованы и их состояние проверено. Результаты этих решительных мер были успокаивающие. Это было очень кстати, так как едва ли можно было надеяться получить из Англии новые баллоны к 15 мая.

Стояла чудесная погода, когда мы покидали Базовый лагерь. От мысли, что мы, наконец, выходим в горы, полностью снаряженные для высотных восхождений, у всех нас было приподнятое настроение. Здесь было достаточно объектов для восхождения, и группы могли удалиться друг от друга на значительное расстояние. Чарльз Эванс уже ушел вверх на поиски долины, которая, как мы подозревали, скрывалась под крутыми южными склонами горы Ама-Даблам. Эд собирался подняться со своей группой по неизведанной узкой долине Чола-Кхола, расположенной на северо-западе, и в случае открытия там проходимых перевалов сделать полный кольцевой маршрут вокруг красивых пиков Тавече. В его группу входили Уилфрид Нойс, Майкл Уорд и Чарльз Уайли. Эду не повезло: в последний момент у него поднялась температура, заболело горло, и он был вынужден остаться на два дня в лагере и передать руководство группой Уилфриду.

Моя группа в составе Грегори, Лоу и Тенсинга направлялась в бассейн реки Имджи, прямо вверх по долине к стене Нупдзе – Лходзе. Первоначально мы надеялись найти подходящее для тренировок место на северном склоне горы Ама-

Даблам, но позднее изменили направление движения, свернув в верхней части долины налево, направляясь по ближнему краю ледника, движущегося вдоль огромного гребня Нупдзе. В первый день мы остановились на ночлег в селении Дингбоче на высоте более 4250 м, разбив палатки близ одинокого крестьянского дома на небольшой, обнесенной оградой, лужайке. Мы находились теперь прямо под северо-западным склоном Ама-Даблам, таким отвесным, что на его гладкой скальной поверхности удерживался только лед. Мы заметили, что ледовые склоны в верхней части Ама-Даблам имели крутизну, не встречающуюся в условиях Альп. Ама-Даблам и ряд других окружавших нас пиков были сложены в основном прекрасным светлым гранитом, столь светлым, что было нелегко отличить лед от скал. Такой же устрашающий вид имел и пик Тавече, находящийся напротив; он столь же фантастичен, как и Ама-Даблам. Из Тхьянгбоче нам была видна только часть его северо-западного гребня с выступающими огромными карнизами.

В Дингбоче население живет только летом. Сюда из низовьев долины поднимаются крестьяне для возделывания богатых полей на участках аллювия. Они выращивают здесь отличный картофель и ячмень. Последний жарится и перемалывается в тонкую муку, известную под названием «дзамба», составляющую основное питание шерпов. Большое событие в жизни селения – обряд благословения урожая, который ежегодно совершается каким-либо приезжим ламой.

Высоко на склоне горы для него построен специальный домик. Этот обряд должен был произойти на следующий день после нашего приезда.

Разбив лагерь на высоте 5200 м. позади ледника Нупдзе, на протяжении последовавших пяти дней, очень удачных и насыщенных, Грег, Джордж, Тенсинг и я с пятью высокогорными носильщиками проводили намеченную программу, в которую входили тренировки с кислородными приборами, акклиматизация, испытание высотного пайка и попутно разведка. За исключением одного вечера со снегопадом, все время держалась прекрасная и безоблачная погода. Незабываема гигантская стена Нупдзе, неизменно грозно высившаяся над нами. Когда я пишу эти строки, она вновь встает перед моими глазами во всех подробностях. Я словно наяву вижу удивительную белизну ее гранитных скал, местами покрытых льдом, над ними – широкий пояс более темных осадочных пород, увенчанный узким гребнем снега. Все это напоминает огромный кусок надрезанного рождественского пирога.

Выбрав подходящую вершину, мы наметили на ее склонах специальный участок для испытания кислородных аппаратов и прошли его с тщательной засечкой времени. Результаты были очень поучительны и ободряющи. Следует учесть, что мы без предварительной акклиматизации сразу поднялись на непривычную для нас высоту: стоило немного пройти в любом направлении, как мы оказывались на высоте,

близкой к 5800 м. Поэтому мы рассчитывали, что на этой ранней стадии наших восхождений проявится ценное свойство кислорода – повышать энергию или снижать влияние высоты. По нашим подсчетам, высота опытного участка составляла по вертикали около 500 м. Оказалось, что мы проходим его в среднем за 50 минут, или двигаемся со скоростью немного меньшей 600 м. в час. Это хорошая скорость и для более низких высот, а при такой высоте и степени нашей акклиматизации она была бы совершенно недостижимой без применения кислорода. Мы с удовольствием обнаружили, что применение кислорода способствует хорошему настроению. Даже если вас стесняла маска, вы могли все же проявлять интерес к восхождению и любоваться пейзажем.

Мы совершили также восхождение на небольшой красивый пик высотой около 5900 м, возвышавшийся на противоположной от нашего лагеря стороне ледника. По предложению Тенсинга он был назван пиком Чукхунг – по названию пастбища, лежащего в долине. Хотя этот пик и казался карликом на фоне огромных крутых склонов Нупдзе, тем не менее его северные склоны представляли собой великолепный ледовый маршрут. Мы разбили лагерь в верховьях небольшого ледника на высоте немногим меньше 5800 м. Сделав две попытки подняться по непрочному гребню из хрупкого льда, мы, наконец, осуществили восхождение по крутому северному склону; при этом потребовалось вырубить большое количество ступеней, что послужило для нас хорошим испы-

танием. Здесь мне впервые довелось идти в одной связке с Тенсингом, и я убедился не только в том, что он одаренный альпинист, но и в том, что даже в то время он был подготовленнее любого из нас. Это служило хорошим предзнаменованием.

Лучшими показателями хорошего состояния нашего здоровья было сохранение веса (по окончании тренировки с довольно интенсивной нагрузкой я даже прибавил в весе два с лишним килограмма) и наши чудовищные аппетиты. Просматривая дневники перед тем, как приступить к этой главе, я невольно остановился на восторженных упоминаниях о меню, особенно об одном из них, в котором перечислялось съеденное нами по возвращении в Базовый лагерь на отдых: «...восхитительный ужасающих размеров пирог с изюмом...», «...великолепное блюдо мяса с пряностями, за которым последовал рисовый пудинг и консервированные фрукты из улучшенного рациона». А вот другое, казалось бы противоположное, но косвенно свидетельствующее о том же высказывание, в котором автор сетует на вынужденную скудность наших высотных пайков: «Вряд ли это был правильный эксперимент, так как все мы были голодны как волки на высоте 5500 м, а пайки были рассчитаны на высоту более 7000 м, когда есть совсем не хочется. На завтрак у нас теперь овсяная каша и американские орехи, молоко и чай, на ужин – пеммикан, суп и какао или кофе». Мы не испытывали также затруднений в том, чтобы, следуя совету Гриффа Пафа, вы-

пивать в среднем три-четыре литра жидкости в день.

Несмотря на хорошее питание и достаточное количество питья во время первого периода тренировки, мы засыпали не сразу. Это было верным признаком недостаточной акклиматизации. Затрудненное и неровное дыхание вдруг будило нас ночью, мы судорожно глотали воздух, испытывая удушье; это состояние известно под названием «дыхания Чейна Стокса».⁵ Майкл Уорд снабдил нас различными снотворными пилюлями. Они отличались друг от друга по цвету: красные, зеленые или желтые. В большинстве случаев они действительно помогали уснуть, но потребовалось некоторое время, прежде чем каждый выбрал себе наиболее подходящие пилюли. Помню, как один из моих товарищей однажды утром плохо владел языком, словно он в этот ранний час уже успел приложиться к бутылке вина.

Наша группа возвратилась в наш первый Базовый лагерь днем 5 апреля тем же путем, по которому мы поднимались. Во время последовавшего отдыха мы с интересом сравнивали наши наблюдения, обменивались опытом. Группа Чарльза Эванса выяснила, что никакой скрытой долины не существует, но для этого пришлось пройти три перевала, один из них, высотой около 6000 м, был назван «Седловиной Мера». Том Бурдиллон совершил одиночное восхождение на скальный пик высотой 5800 м. Группа Чарльза имела теперь некоторый опыт восхождений с обоими типами кислородных ап-

⁵ По имени врача Чейна Стокса. – *Прим. ред.*

паратов. Сам он работал с теодолитом и фотоаппаратом, чтобы составить карту этого прекрасного района. Еще тогда у меня сложилось впечатление, впоследствии еще более укрепившееся, что два впервые приехавшие в Гималаи участника экспедиции – Джордж Бенд и Майкл Уэстмекотт – переносят влияние высоты хуже других. Как бы там ни было, но они и тогда и впоследствии в течение всей экспедиции были готовы взять на себя выполнение любого задания и радовались каждой возможности отличиться.

Поправившись, Эд Хиллари быстро догнал свою группу вскоре после того, как она ушла вверх по Чола-Кхола. В некотором отношении эта группа оказалась самой удачливой, так как ее участники не только сделали кольцевой маршрут вокруг Тавече, перейдя через высокий перевал, но и совершили не менее двух первовосхождений. Один из взятых ими пиков был красивой вершиной, и восхождение на него явилось желанной проверкой их мастерства и умения применять ледовую технику. Пик этот известен у местных жителей под названием «Канг-Чо», его высота превышает 6100 м. Впечатление от испытания кислородных аппаратов было у всех такое же благоприятное, как у нас.

Сидя в этот вечер у яркого лагерного костра, я испытал чувство большого удовлетворения ходом наших дел. Мы достигли намеченных целей в точном соответствии с планом, так как все группы поднялись на максимально достижимую для этого времени года высоту, причем сделали это без осо-

бых затруднений. До сих пор вряд ли кому-либо удавалось в такое время года подняться на вершины высотой свыше 6000 м. Все мы доверяли, без сомнения, кислородному снаряжению и признавали совершенство конструкции аппаратов и эффективность их действия. Не менее очевидным было также и то, что, совершая эти восхождения, все мы испытывали чувство удовольствия, словно это были восхождения на каникулах в Альпах. А это было важно, так как впереди предстояло много тяжелой работы. Моральное состояние было явно высоким. Самым же приятным было видеть, как возросли дружба и уверенность друг в друге. Мы поднимались, связанные одной веревкой, и получили основание взаимно уважать мастерство друг друга. Мы прожили вместе несколько дней в условиях высотного лагеря и нашли общество друг друга не только сносным, но и приятным. В этот звездный и морозный вечер у пылающего костра царила атмосфера отдыха и ясного счастья, которая вселяла в меня уверенность, что наша сила и спаянность выдержат грядущее испытание.

Фото 11. Начало. Сортировка багажа в Бхадгаоне.

Фото 12. В пути. Лагерь в Чьяубасе.

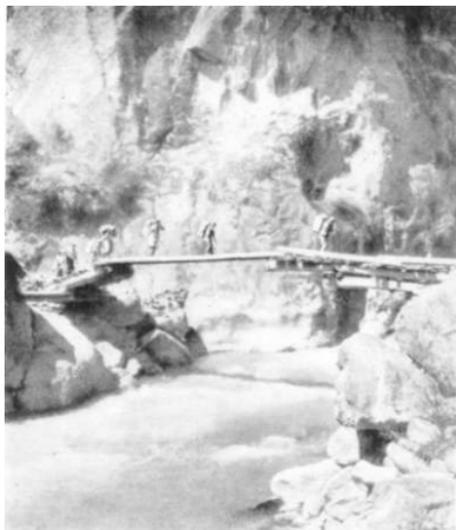

Фото 13. В пути. Переправа через реки.

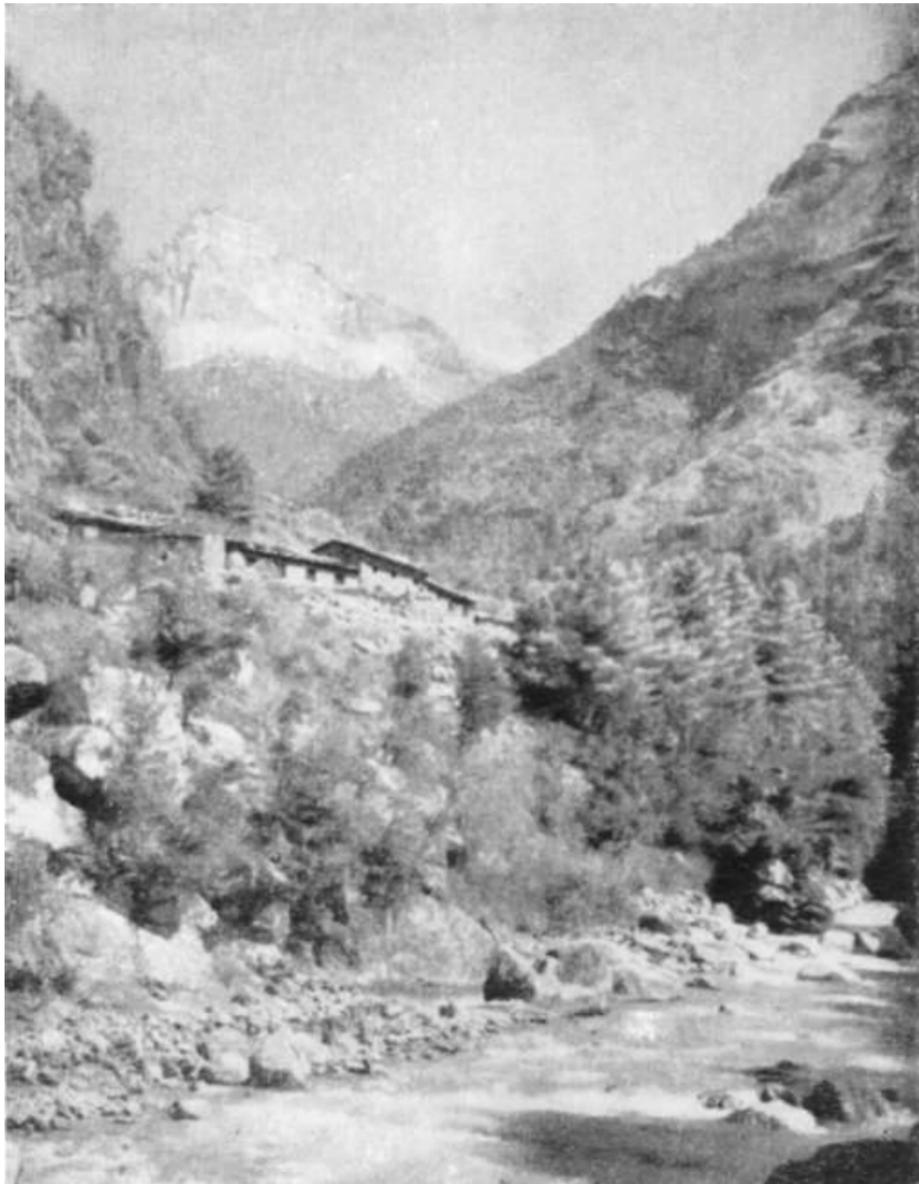

Фото 14. В пути. В долине реки Дуд-Коси.

Фото 15. В Тхьянгбоче. Монастырь.

Фото 16. В Тхьянгбоче. Первый Базовый лагерь.

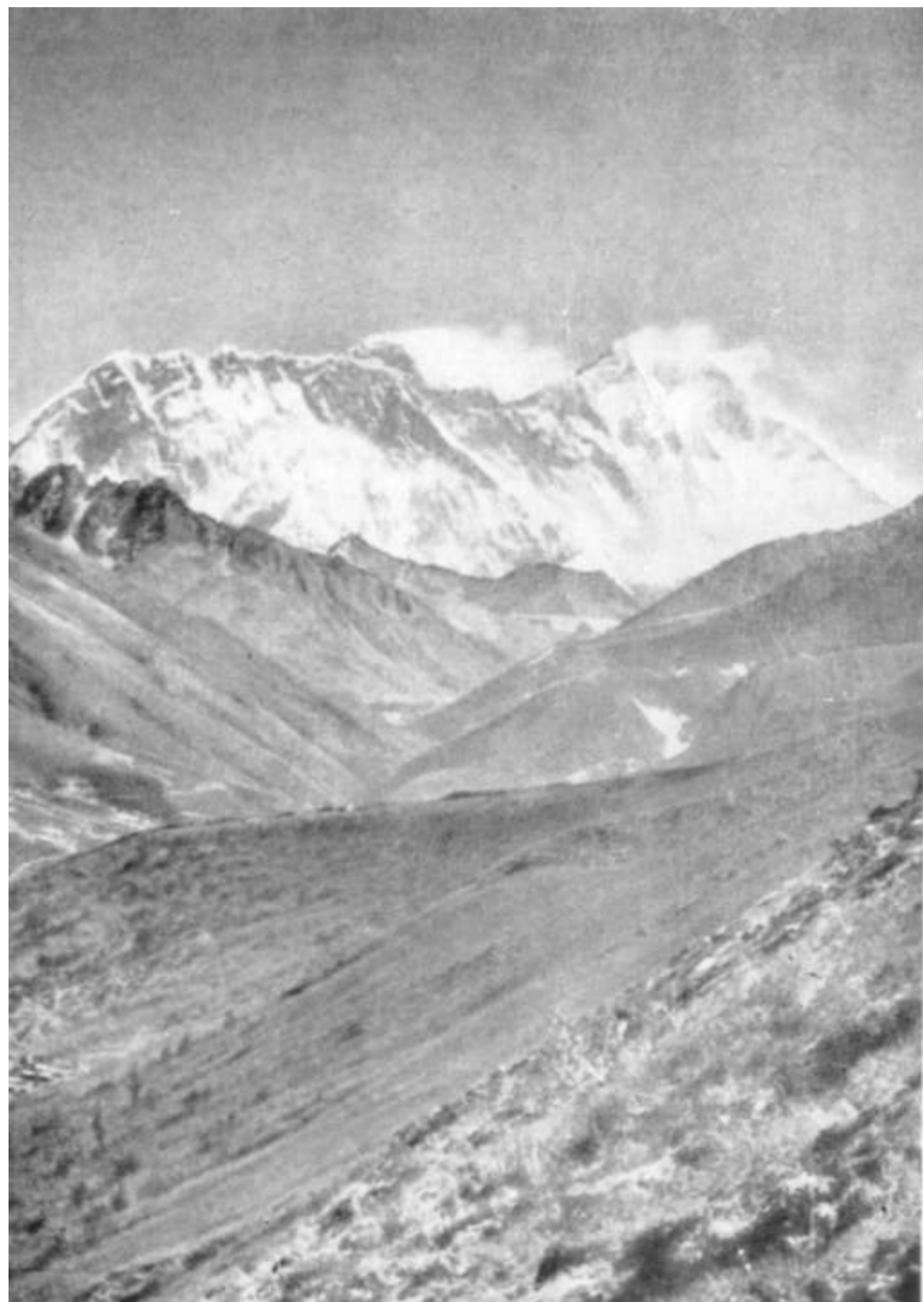

Фото 17. В Тхьянгбоче. Группа Эвереста.

Фото 18. Тавече. Вид одного из пиков.

Наше второе пребывание в Тхьянгбоче, хотя и принесло желанный физический отдых, оказалось еще более хлопотливым, чем первое. Большинство из нас вернется сюда только после выполнения нашей основной задачи. Пройдет около двух недель, прежде чем все мы вновь соберемся в одном месте. Эта встреча произойдет в новом Базовом лагере, расположенном как можно выше на леднике Кхумбу. Поэтому нам приходилось заглядывать в более далекое будущее и разрабатывать подробные планы не только следующего выхода каждой группы, но и дальнейших действий экспедиции в целом.

Вопросы питания и снаряжения приобрели еще большее значение, чем прежде. Для создания по возможности совершенно новых комбинаций я произвел перестановки в составе групп. С учетом предстоящего выполнения особых задач были созданы также новые группы. При более раннем планировании мы придавали слишком мало значения ледопаду Кхумбу. Обсуждая этот вопрос, я не сомневался, что следует отвести больше времени на тщательную разведку ледника и подготовку маршрута по нему, если мы не хотим потерять потом драгоценное время и рисковать возможностью упустить благоприятные условия погоды в середине мая. Поэтому на время второго акклиматизационного периода для выполнения этой задачи была создана специальная группа.

В нее вошли: Эд Хиллари, обладавший неоценимым знанием ледопада, Джордж Лоу, выдающийся мастер хождения по льду, Джордж Бенд и Майкл Уэстмекотт; особой причиной для включения последнего в состав группы послужило то, что он нес ответственность за специальное снаряжение, которое, как мы ожидали, могло понадобиться на этом участке маршрута. Он мог затребовать из Тхьянгбоче какие-либо местные материалы, например бревна, которые могли понадобиться для наведения мостов и которые следовало достать до того, как мы покинем лесную зону.

3 0 3 6 км

Акклиматизационные маршруты

Группа Ханта	первый маршрут	— · — · — · — · — · — · — · — ·
„ „	второй „	— — — — — — — — — — — — — —
Группа Эванса	первый „	· — · — · — · — · — · — · — ·
„ „	второй „	· — · — · — · — · — · — · — ·
Группа Хиллари	первый „	· — · — · — · — · — · — · — ·
„ „	второй „	· — · — · — · — · — · — · — ·

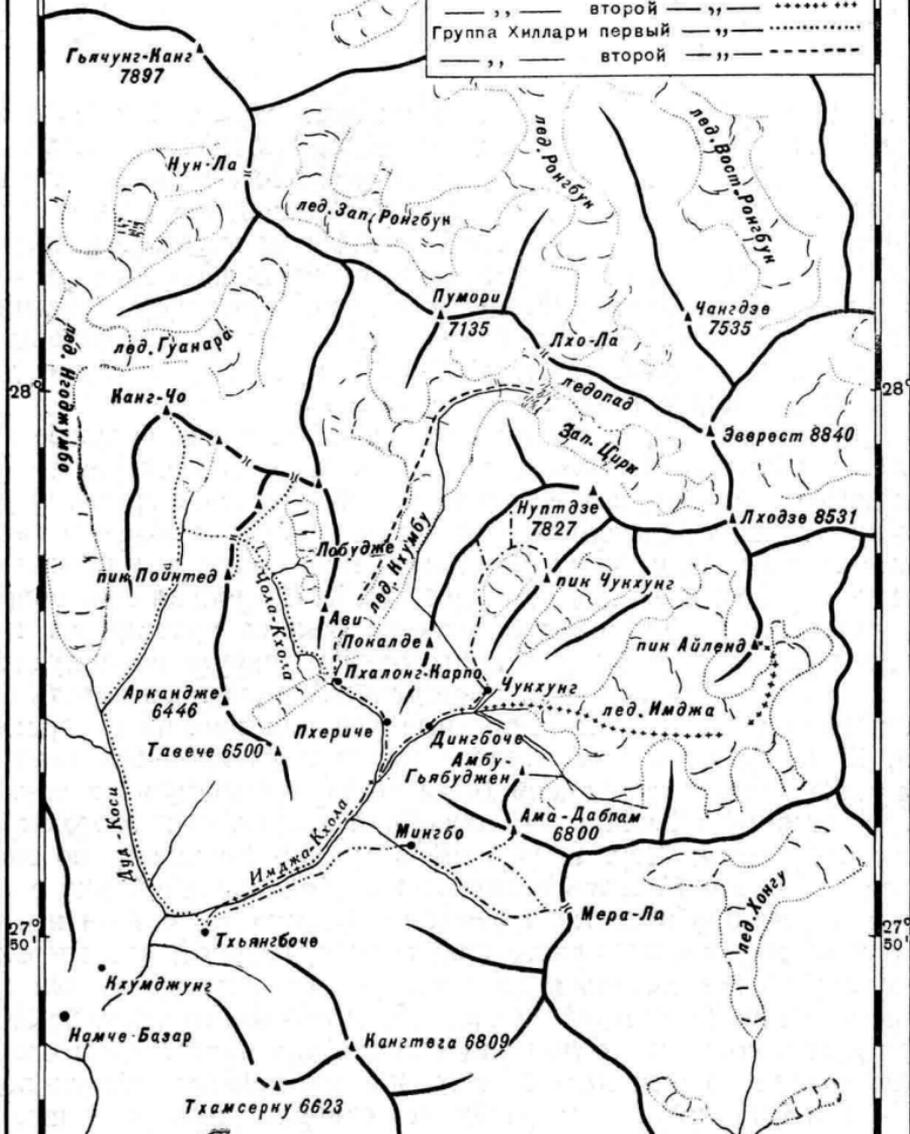

Рис. 3.

Кроме того, нужно было научить отобранную группу шерпов пользоваться кислородными аппаратами. Мы не пробовали делать этого раньше, но это было необходимо, так как подъем шести или более шерпов со штурмовыми группами выше Южной седловины играл важную роль в наших планах. Применение кислорода неизмеримо увеличивало их шансы на успешное выполнение этой задачи, и Чарльз Уайли, выслушав отзывы о шерпах, которые участвовали в восхождениях в течение первого периода акклиматизации, смог выбрать семь лучших из них. Для того чтобы обучение шерпов не помешало другим делам – свертыванию нашего Базового лагеря, поддержке связи с Джимми Робертсом, который двигался сюда во главе каравана с грузом кислородных баллонов, распределению шерпов для работы на малой высоте, переброске оставшегося снаряжения на новое место, – я попросил обоих Чарльзов (Эванса и Уайли), Грега и Тенсинга сократить свою тренировку и возвратиться в Тхьянгбоче пораньше, чтобы иметь время на выполнение этой задачи.

В конце второго периода акклиматизации, который должен был закончиться 17 апреля, моя группа, состоявшая на этот раз из Майкла Уорда, Тома Бурдиллона и Уилфрида Нойса, должна была присоединиться к партии, работающей на ледопаде. После трехдневного отдыха мы должны были продолжать работу на ледопаде от места, достигнутого пер-

вой группой.

В это время у нас появились дополнительные хлопоты: один из шерпов начал сеять недовольство среди других; стали раздаваться жалобы на плохую пищу, одежду и палатки. Этот человек с самого начала оказался неподходящим, и мы уже почти решили избавиться от него. Последний случай окончательно решил его судьбу, ибо и у Тенсинга и у меня он не вызывал доверия; на следующее утро он покинул пределы лагеря. Своим поведением он все время резко отличался от остальных шерпов; все его претензии, когда они не были надуманными, всегда можно было легко удовлетворить. Однако его действия грозили расстроить хорошие взаимоотношения, установившиеся между всеми членами экспедиции. С его уходом на лицах наших шерпов снова появились улыбки.

9 апреля мы снова очутились в Дингбоче, на этот раз вместе с группой Чарльза Эванса. Долго стоявшая хорошая погода совершенно испортилась. Проснувшись на следующее утро, мы увидели, что земля покрыта десятисантиметровым слоем снега, а облака предвещают новый снегопад. В таких условиях Чарльз решил остаться в селении и обучать шерпов всем тонкостям применения кислородных приборов. Я наблюдал, как началось это обучение. Учителями были Тенсинг и Уайли. Мы отчасти сомневались в том, что нам удастся внушить шерпам доверие к этому необыкновенному приспособлению для восхождения, даже если бы мы сумели объяснить им устройство аппарата. Но в том и другом отноше-

нии мы неожиданно добились больших успехов. На протяжении всего этого дня, группа за группой, шерпы по двое совершали восхождения, и все они возвращались восхищенными, а Анг Темба даже высказал мнение, что применение кислорода сделало восхождение похожим на спуск.

Несмотря на плохую погоду, моя группа решила продолжать движение вверх по долине. Нашим конечным пунктом было место, которое еще предстояло выбрать на краю ледника Имджа, позади пика Ама-Даблам, с северо-восточной его стороны. Мы с трудом пробивались вверх по мокрому свежесвыпавшему снегу и в конце концов остановились лагерем на высоте около 5000 м. под северным гребнем этой удивительной вершины. Было холодно и мрачно; вскоре снова пошел снег. После еще одного скверного дня погода улучшилась, и мы смогли подняться на красивую скальную иглу, которая, хотя и теряется на фоне своего могучего соседа – пика Ама-Даблам, но, в свою очередь, возвышается над пастбищами Чукхунга. Местные жители называют ее «Амбу-Гьябджен». Ее высота около 6000 м.

Больше всего мне хотелось продолжать испытание кислородного аппарата замкнутого типа, который продолжал считаться опытным; мне представлялось необходимым продолжить это испытание, прежде чем принять решение о тактике применения кислорода во время штурма. Я убедился, что он прост в обращении и бесспорно облегчает подъем. Но большой вес аппарата – обычно около 16 кг – значительно снижал

скорость движения. В условиях стоявшей в то время сравнительно теплой погоды аппарат нагревался, так как тепло, которое он выделял, не удалялось; аппарат становился неудобным, и уменьшались удовольствие и легкость восхождения. Пока Том и я работали с этим аппаратом, Майкл и Уилфрид испытывали аппараты открытого типа в течение более продолжительного времени, чем это делалось до сих пор. Прожив в них свыше пяти часов, они сообщили, что нашли это испытание отнюдь не неприятным.

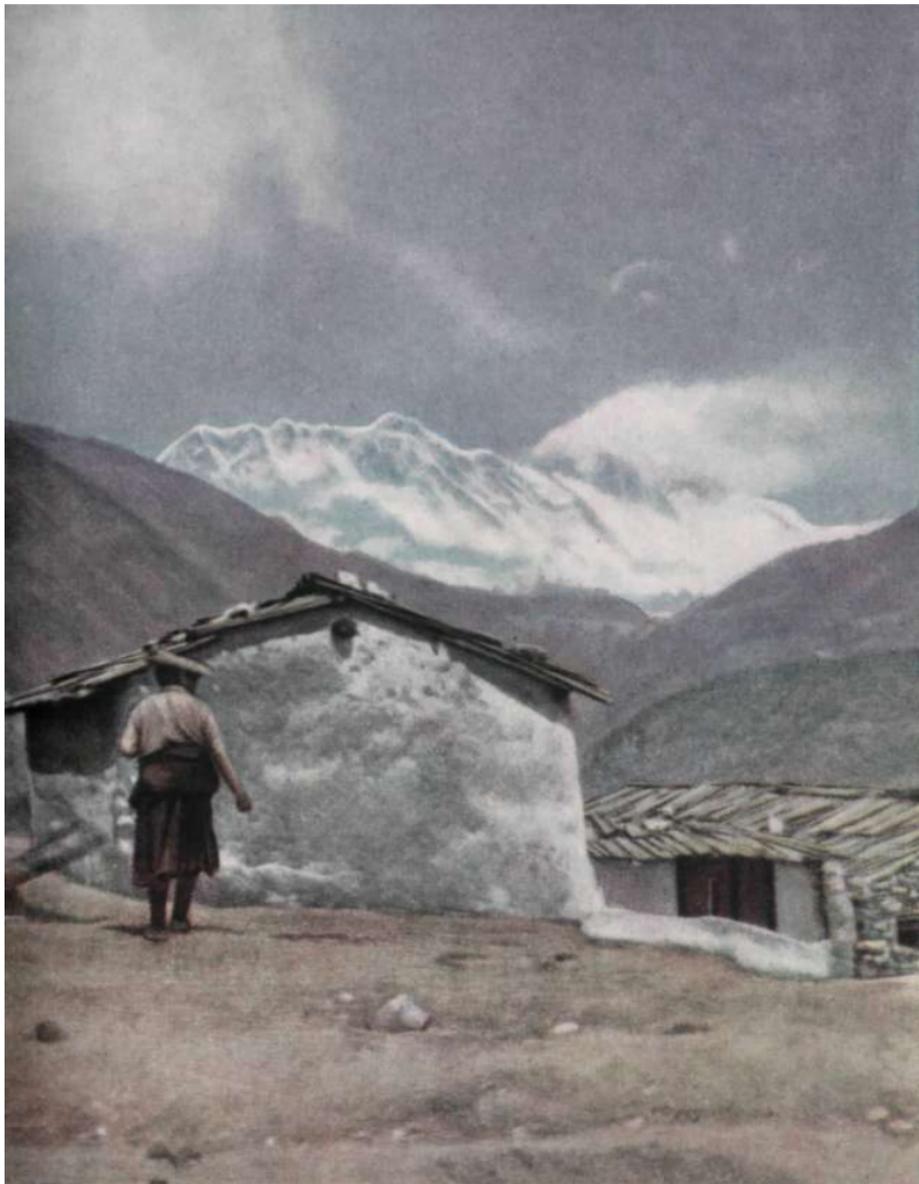

Фото 19. Вид на Эверест, возвышающийся над сте-

ной Лходзе-Нупдзе из деревни Пангбоче.

По прошествии трех дней, в течение которых шерпы совершенствовали свои навыки ледовой техники среди сераков обширных ледников, стекающих с замечательного гребня напротив ложбины на склоне горы, где мы разбили лагерь, группа спустилась в долину. Перейдя ее, мы поднялись по склонам на северо-запад, направляясь к седловине, через которую, как нам было известно, в летнее время стада яков совершают переходы между пастбищами Имджа и Кхумбу. Двигаясь в этом направлении, 14 апреля мы вышли на левый берег ледника Кхумбу. С перевала, находящегося на высоте около 5500 м, Бурдиллон, Нойс и Уорд взошли на снежный пик высотой 6100 м, который, как мы узнали позднее, носит название «Покалде». В этот день мне очень тяжело было дышать и поэтому я не присоединился к ним. Позднее Уорд определил, что у меня была начальная стадия плеврита. Благодаря его быстрому вмешательству и искусному лечению я через несколько дней совершенно выздоровел.

На следующий день мы двинулись вверх по восточному краю ледника, затем пересекли его и вышли на тропу, ведущую к верховьям долины.

Это был чудесный переход. Перед нами простирался захватывающий по красоте пейзаж. Пройдя довольно большое расстояние, мы, наконец, дошли до поворота и направились прямо к Эвересту. Позади остались напряженные меся-

цы планирования и приготовлений, длительные переезды из Англии и Новой Зеландии и период тренировок. Канун великих событий наступил. Перед нами уже высились горы, непосредственно связанные в нашей памяти с великой вершиной: Пумори, острый, изящный конус изо льда и снега, и позади него два пика Лингтрен, покоренные во время разведки Эвереста в 1935 г. Пробираясь среди хаоса колоссальных гранитных валунов, которыми был усеян ледник, мы увидели другой пик, который приобрел известность во время довоенных экспедиций. Это был Чангдзе, или Северный пик Эвереста, возвышающийся над Северной седловиной, на которой не менее семи раз устанавливали свои палатки британские экспедиции, проводившие разведку или пытавшиеся взять Эверест с этой стороны. Мы увидели его через седловину Лхо-Ла, против которой, как мы знали, ледник Кхумбу делает свой диковинный поворот, вырываясь из Западного цирка. Подножие склона этой седловины находилось недалеко от места, на котором мы собирались разбить наш Базовый лагерь.

На протяжении всего дня мы испытывали нетерпение; вскоре после полудня мы добрались до мелкого ледникового озера, расположенного между мореной и горным склоном южного контрфорса Пумори. Здесь прошлой весной швейцарцы организовали свой Базовый лагерь. Уложенные по кругу камни образовывали низкие стены, или сангары,⁶ ко-

⁶ Сангары – каменные брустверы (англ. – инд.). – *Прим. ред.*

торые, очевидно, защищали палатки швейцарцев от ветра. Этот лагерь на озере должен был служить нам местом стоянки, пока мы не выйдем дальше на соединение с группой Эда, чтобы приступить к работе на ледопаде.

Глава VIII

ЛЕДОПАД

Во время второго периода акклиматизации группа Хиллари была намного больше, чем Чарльза Эванса или моя. В его группу вошли Паф и Стобарт. Помимо обычного, у них было много специального снаряжения – металлические и веревочные лестницы, приспособления для подъема грузов, большое количество веревки для подготовки переходов по ледопаду до Западного цирка. До тех пор пока из Тхьянгбоче не подтянется к 22 апреля последняя группа, Хиллари должен был рассчитывать только на свои продукты. Он должен был иметь также продукты и для моей группы, когда мы присоединимся к нему. Для переноски всех этих грузов в его распоряжение было выделено тридцать девять носильщиков вдобавок к пяти имевшимся у него шерпам; таким образом, в его группу входило теперь пятьдесят человек.

Вскоре после выхода его группа попала в период плохой погоды, которая застигла нас в Дингбоче. Для него это было серьезной неприятностью, принимая во внимание многочисленность его группы и необходимость срочно приступить к работе на ледопаде. Еще хуже было то, что мы не ожидали снегопадов раньше, чем группа достигнет места назначения, и поэтому не сочли нужным обеспечить носильщиков специальным снаряжением – таким, например, как бо-

тинки и темные очки. С трудом пробиваясь в войлочной обуви сквозь толщу свежеснеженного снега, к концу второго дня его люди добрались до места ночевки в весьма плачевном состоянии: все промокло и озябло, а многие из них страдали снежной слепотой. Надо было постараться возможно лучше устроиться на ночлег. Палаток не хватало, и хотя удивительно большое число носильщиков, среди которых было много женщин, втиснулось в имевшиеся палатки, остальным пришлось спать наружи, в снегу, под укрытием валунов. Но жители Кхумбу выносливы и гордятся этим. На следующее утро все они, за исключением немногих, особенно сильно страдавших от слепоты, были бодры и готовы продолжать путь. Отправив вниз наиболее пострадавших, Эд Хиллари и оставшиеся в его группе смастерили из картона, черной тесьмы и небольших кусочков цветного целлулоида нечто вроде очков для защиты глаз. С такими очками этот доблестный отряд носильщиков с тяжелым грузом без единой жалобы двинулся дальше к месту назначения, нисколько не смущаясь трудностями пути.

Пройдя лагерь на озере, они продолжали путь вверх по леднику, ориентируясь по турам, сложенным в прошлом го-

ду швейцарцами вдоль широкой каменистой полосы посредине ледника, по обеим сторонам окаймленной диковинным лесом небольших остроконечных пиков – некоторых высотой почти до 30 м, образованных изо льда действием горячих солнечных лучей, которые создают также и другие, не менее любопытные формы. Например, высоко над ледником возвышались малые и большие валуны, едва державшиеся на самом кончике ледяных игл, отмечая первоначальный уровень поверхности ледника. Это зрелище было необычное, сказочное и не лишенное своеобразной красоты. Экспедицию окружали неприветливые, мертвые пейзажи, скорее напоминающие поверхность луны, так как выше морены, расположенной над лагерем у озера, не растет трава и нет ничего живого. Все кругом также было весьма необычно. Никто из пробиравшихся вверх по леднику Кхумбу не мог предугадать наличия ледопада. Мы были даже склонны усомниться в точности карты. Нам казалось, что ледяной поток вытекает из верхней части долины, ограниченной вершинами Лингтрэн и Нупдзе, между которыми заманчиво виднелся перевал Лхо-Ла. Создавалось впечатление, что единственный путь к подножию Эвереста, видимо, ограждаемый с обеих сторон непрерывными цепями высоких гор, должен проходить через перевал Лхо-Ла и далее – к Северной седловине в Тибете. Северный пик, видневшийся из-за седловины Лхо-Ла, манил к себе. Не раз приходилось нам проделывать этот путь между ледниковыми лагерями и Базовым ла-

герем, и всякий раз я тщетно пытался отыскать плечо западного гребня Нупдзе, за которым помещалась скрытая брешь. Этой брешу просто не было видно снизу, такова была причуда горной архитектуры.

Недалеко от подножия Лхо-Ла, но на безопасном расстоянии от красноречиво говорящего об опасности конуса размельченного льда и обломков, нагроможденных камнепадами, группа Хиллари нашла остатки швейцарского лагеря I. Они обнаружили здесь желанный запас можжевельника в количестве, достаточном, по крайней мере, для того, чтобы сварить пищу на стоянке, не тратя керосина. Место было не идеальное, но имело важное преимущество – находилось у конца великого ледопада. Чтобы вполне оценить предстоящие трудности, достаточно было подняться на небольшой ледяной бугор позади палаток. Лагерь был установлен 12 апреля. Рекогносцировочная группа была готова приступить к выполнению своей важной задачи.

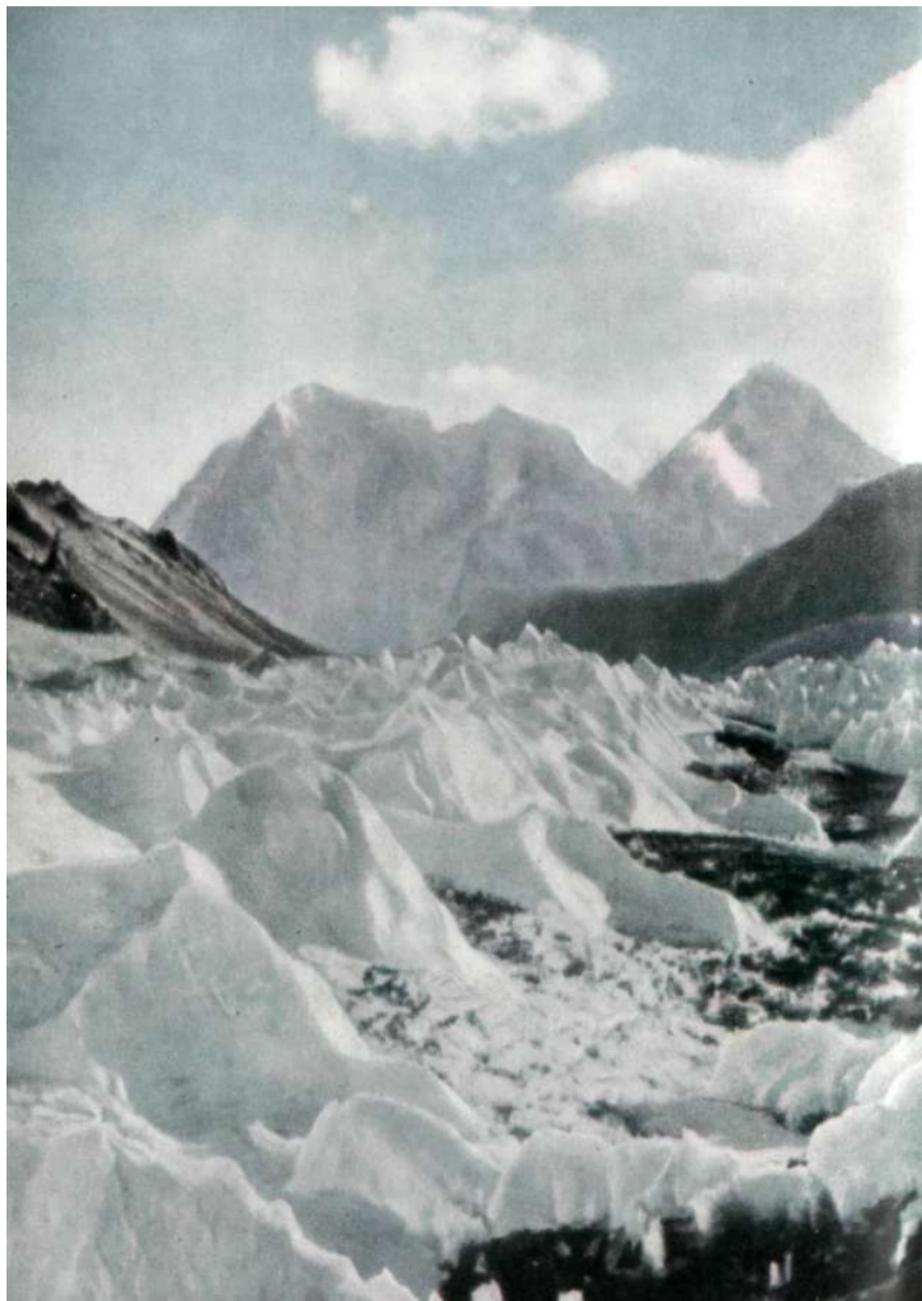

Фото 20. Вид из Базового лагеря на ледник Кхумбу вниз по морене к Тавече; на переднем плане ледяные сераки.

В одной из предыдущих глав я дал гляциологическую характеристику этой лестницы, ведущей на первый этаж огромного здания Эвереста, – этого ледяного потока, круто спадающего вниз через лежащий под ним уступ скального ложа. Теперь опишу его с другой точки зрения – таким, как мы его увидели. Протянувшись на большое расстояние от контрфорсов Лходзе, невидимых отсюда, ровный вершинный гребень Нупдзе вдруг стремительно обрывается в узкую долину Кхумбу к месту, где мы стояли, как раз над Базовым лагерем. Но гребень так и не достигает дна долины, так как на высоте более 600 м. он был срезан в результате какой-то катастрофы. И на этом месте не осталось ничего, кроме отвесной пропасти с нависшими над ней слоями голубого льда толщиной более 30 м, от которых ежедневно время от времени отваливаются массивные глыбы. Фланг этого контрфорса, если смотреть из лагеря, образует стену, ограживающую ледопад с правой стороны. С другой стороны ледник ограничен не менее внушительным западным гребнем Эвереста, ниспадающим широкими пологими ступенями к перевалу Лхо-Ла, который виден над нами слева. Зажатый между плечами Эвереста и Нупдзе, ледник напоминает гигантский ледяной каскад, который мчится на вас мощны-

ми волнами, прыгая и завихряясь над погруженными в него валунами. Вы ждете, почти веря, что вот-вот вы услышите рев этой огромной массы пенящейся воды, которая, мирно доходя до края скалы, вдруг с ужасающей силой устремляется вниз. Но сильный холод сковал этот поток, превратил его в нечто неподвижное и безмолвное, обуздал его силы, но не совсем, так как поверхность этого лабиринта ломаного льда все время изменяется, и он движется, если не со скоростью воды, то, во всяком случае, со скоростью, которая делает его опасным для прохождения.

На взгляд опытного альпиниста, ледопад естественно распадается на две части. Внизу крутой участок, на котором явно произошли совсем недавно большие изменения, так как на значительной площади он превратился в лабиринт ледяных глыб чудовищных размеров. На верху этой гигантской ступени, высотой не менее 300 м, находится уступ с полого поднимающейся поверхностью, которая вскоре на небольшом расстоянии опять круто вздымается ко входу в Западный цирк. Эта верхняя часть скрадывается и частично закрывается нижней ступенью, но даже с этого места она производит впечатление менее изломанной, с более крупными и резко очерченными линиями разрыва. По обеим сторонам ледопада находятся ложбины, по которым можно было бы пройти, но обе они настолько опасны из-за ледяных лавин, которые падают со склонов отрогов, что двигаться по ним равносильно самоубийству. Путь следует искать где-нибудь

на середине ледопада – там, где лед был наиболее разбит и нагроможден.

Группа Хиллари приступила к работе на ледопада в весьма трудной обстановке. Сразу же по прибытии заболел Джордж Лоу. Несколькими днями позже силы группы были еще более ослаблены, так как заболел Майкл Уэстмекотт, сваленный той же болезнью – внезапным приступом поноса, – с которой на протяжении последующих недель пришлось познакомиться большинству из нас. Хотя ни разу работоспособных участников не было менее трех, это обстоятельство увеличивало нагрузку группы, а погода еще более осложняла и без того тяжелую работу.

Теперь наступило время ежедневных снегопадов, начинающихся во второй половине дня. Каждое утро группе приходилось заново прокладывать путь, с таким трудом подготовленный накануне. В течение первых трех дней они пробивались к находившейся на полпути террасе, на которой швейцарцы разбили свой лагерь II. Беря то вправо, то влево, опасаясь несчетное число раз и тратя ежедневно много часов на изматывающую рубку надежных ступеней для несущих груз шерпов, они в конце концов пробились через нижнюю часть ледопада и 16 апреля на высоте 5900 м. поставили две палатки. Это был первый важный шаг в нашем продвижении к вершине. Лагерь II, завоеванный с таким трудом, в первые дни своего существования обладал очарованием, которое он вскоре должен был утратить вследствие потери новизны, за-

грязнения большим числом проходивших через него групп и увеличившейся жары.

Эд Хиллари и оба Джорджа провели в нем ночь и на следующий день вышли на разведку дальнейшего пути вверх до входа в Западный цирк. В тот же день, 17 апреля, я покинул место нашей стоянки в лагере у озера и направился в Базовый лагерь, чтобы узнать, что там нового. Выяснив, что группа Хиллари была наверху на ледопаде, я попросил Анг Намгьяла присоединиться ко мне и двинулся в лагерь II. Я не знал в то время, что этот небольшого роста молчаливый человек с бесстрастным лицом в течение последних трех дней не раз проделывал в обоих направлениях этот тяжелый и опасный путь. Он приготовился к выходу, не проронив ни слова. Том Стобарт немного проводил нас, указав несколько ориентиров.

Я хочу несколько более подробно описать этот первый поход.

Следует помнить, что в то время маршрут не был еще подготовлен для движения по нему людей с грузом. Более получаса мы пробирались узкими и извилистыми проходами между остроконечными глыбами льда, держа путь в основном к подножию ледопада, но делая много обходов, чтобы избежать встречающиеся преграды. Для маркировки пути на ледопаде и в Западном цирке мы привезли из Англии красные, желтые и черные флаги. Разведывательная группа уже расставила их вплоть до лагеря II. Наконец поверхность лед-

ника стала круче, и нам пришлось надеть кошки и связаться. Это место было названо «Островом». Несколько выше на крутой стене большой трещины были вырублены ступеньки, вдоль них навешена веревка. Названное в честь Уэстмекотта, который первым прошел здесь и подготовил путь для других, «Ужасом Майкла», это место, теперь уже обработанное и выравненное, говорило о высоком ледовом мастерстве. Затем нам пришлось переправиться через ряд трещин; две из них были очень широкими, и через них нельзя было ни перешагнуть, ни перепрыгнуть. Поэтому они были временно перекрыты звеньями нашей металлической лестницы. При переходе одной из этих трещин пришлось ползти по мосту из двух лестничных звеньев длиной 2 м каждая, так как шагать по узким перекладинам лестницы в ботинках с кошками было опасно. Затем крутой подъем (мы приближались к участку наибольшего раздробления льда) привел нас к расселине, самой большой из встретившихся на нашем пути. Огромная глыба льда висела в ней наподобие клина, прочно державшегося, очевидно, только до тех пор, пока не раскроется шире пасть дракона. Дальний конец глыбы упирался в невысокую ледяную стенку – верхний край расселины. В ней наискось были вырублены ступеньки, а позднее нам пришлось навесить здесь веревку. Мы осторожно двинулись вверх, используя «карманы» для рук, выдолбленные во льду, и чувствуя справа под собой зияющую пропасть. Это место носило название «Ужас Хиллари». Поднявшись еще немного, мы

вступили на самый крутой участок раздробленного льда, который получил прозвище «Дорога через пекло». Два швейцарских флага стояли в тех местах, где они были установлены семь или восемь месяцев тому назад. Один из них стоял на отдельной глыбе льда, окруженной непроходимыми пропастями, другой был наклонен горизонтально под массивной стеной льда, которая неумолимо нависала над ним. Эти флаги отмечали маршрут, который изменился до неузнаваемости и был теперь совершенно непроходимым.

На протяжении сотни метров наш путь петлял среди колоссальных ледяных глыб, огибая и поднимаясь на них и даже проходя под ними. Трудно точно описать это место. Глыбы льда упали недавно и еще не слежались в прочную массу. Они, можно сказать, лежали свободно и непрочно покоились друг на друге; некоторые из них грозили неизбежным падением. Частые подъемы и спуски по ледопаду Кхумбу притупили эти первые впечатления от «Дороги через пекло», но я всегда считал это место опасным. Впервые проходя этот участок, мы почувствовали облегчение, когда выбрались из него наверх и вышли вправо на более открытую часть ледника. Хотя этот участок ледопада состоял из более крупных глыб льда, он был более подвижным и получил название «Район атомной бомбы». Мы подошли к неглубокой впадине с возвышающимися над ней шаткими сераками, рассеченной от края до края открытыми трещинами. В это время года любую из них можно было перешагнуть или перепрыгнуть, но

позднее с изменением формы трещин и увеличением их количества на этом участке потребовалось соорудить два моста. «Район атомной бомбы» находился в постоянном движении, шум которого можно было слышать. Дня не проходило без того, чтобы не произошло какой-нибудь разительной перемены, требовавшей новой разведки маршрута вверх по плато, на котором стояли палатки нашего лагеря II. Обычно уступы льда между трещинами медленно оседали, образуя большие ступени, но временами движение становилось более сильным, а изменения более значительными. Шум падающего льда – глухой, зловещий звук «буханья» – можно было слышать в лагере II. К счастью, это происходило обычно по ночам. Маркировочные флаги в этом районе редко оставались на прежних местах длительное время. Одни из них можно было видеть прямо и прочно стоящими в какой-нибудь вновь образовавшейся глубокой впадине, другие же исчезали навсегда.

Около половины первого Анг Намгьял и я добрались до лагеря II. Палатки пустовали, но нам необходимо было отдохнуть и укрыться от порывов сильного ветра, дувшего из Западного цирка. Поэтому перед тем как отправиться дальше по уходящим вверх следам, мы влезли в палатку и отдохнули там с полчаса. Сотню метров выше палаток мы встретили ликующую тройку: Эд и оба Джорджа достигли устья цирка и теперь спускались вниз. Они красноречиво рассказывали о многочисленных реальных опасностях и техниче-

ски трудных участках, которые им встретились на пути. Это была приятная новость, хотя даже теперь еще не было уверенности, что путь в Западный цирк найден. Первая важная задача была решена, и мы могли начать переход точно в намеченный для его начала день – 24 апреля – по проложенному пути, улучшая его и перебрасывая по нему грузы в верхнюю часть ледопада. Хотя я устал после пройденного пути от лагеря у озера, мне очень хотелось подняться немного выше, чтобы просмотреть верхнюю часть маршрута. Несмотря на очень напряженную работу, которую проделал Эд Хиллари в этот день и в течение четырех предыдущих, он настоял на том, чтобы присоединиться к моей связке, опять подняться на некоторое расстояние вверх и показать особенности маршрута. Плохая погода затрудняла видимость, но все же я разглядел, что на протяжении сотен метров справа по ходу движения трассе угрожали сераки. Разглядел я и большой уступ у входа в цирк, до которого добралась тройка; очевидно, этот уступ был расположен не очень высоко над нами. Мы возвратились в лагерь II, где Джордж Лоу приготовил нам горячее питье. Затем вся группа спустилась в Базовый лагерь.

Здесь нас ждал целый мешок писем. Так закончился этот счастливый день. Робертс прибыл в Тхьянгбоче двумя днями раньше, и Грег, не теряя времени, выслал к нам верного Анг Норбу, чтобы сообщить эту приятную новость. Не считая небольшой пачки, полученной в начале пешего маршрута.

та, это были первые письма с тех пор, как мы покинули Катманду.

В тот же вечер я проделал утомительный путь до лагеря у озера и с облегчением вздохнул: на пути к вершине был пройден еще один этап.

Фото 21. Акклиматизация. Тренировочный лагерь на седловине Мера. На заднем плане Ама-Даблам.

Фото 22. Два вида второго Базового лагеря.

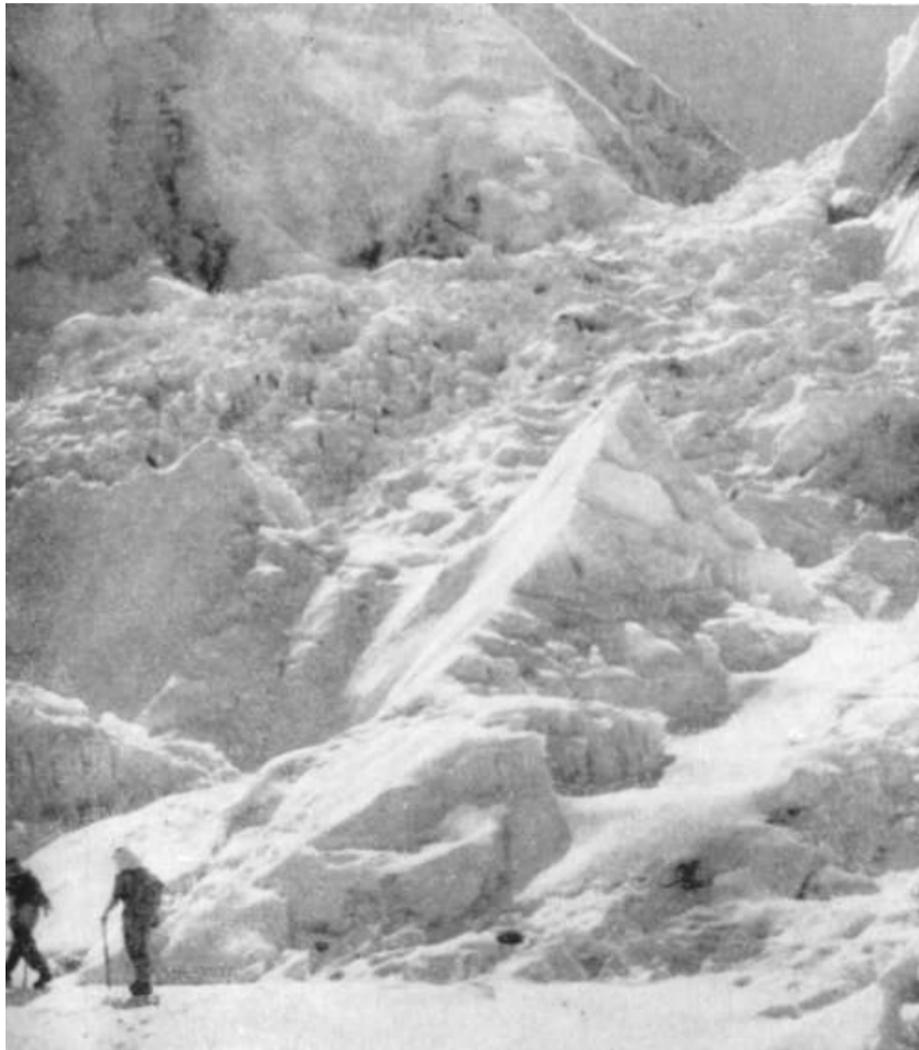

Фото 23. Ледопад Кхумбу. Вид из Базового лагеря на нижнюю часть ледопада.

Фото 24а. Ледопад Кхумбу. Трещина ниже лагеря II.

Фото 24б. Ледопад Кхумбу. Трещина над лагерем II.

Фото 25. Ледопад Кхумбу. «Ужас Майкла».

Фото 26. Ледопад Кхумбу. Лагерь II. На заднем плане Пумори.

Фото 27а. Ледопад Кхумбу. На пути к лагерю III.

Фото 27б. Западный цирк. Выход в цирк; пересечение трещины шириной в 5 м. над лагерем III.

Фото 28. Западный цирк. Нижняя часть Западного цирка. Видны первый уступ и Лходзе. Снимок сделан с расстояния 4 км. от подножья стены Лходзе.

Фото 29. Западный цирк. Группа восходителей пересекает трещину над лагерем III. Из снимка можно получить представление о степени разорванности льда в области, где Западный цирк спускается в ледопад.

Фото 30. Западный цирк. Нижняя часть Западного цирка; транспортировочная группа на пути к лагерю IV.

Фото 31. Западный цирк. Передовой базовый лагерь (6460 м) и стена Лходзе. Снимок сделан с расстояния 1600 м от подножья стены.

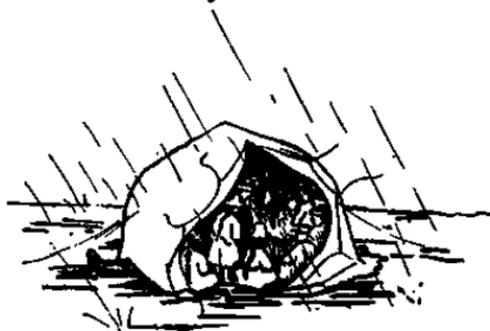

Фото 32. Западный цирк. Лагерь V. Вид на западный гребень Эвереста.

Теперь мы должны возвратиться к Чарльзу Эвансу и его группе; мы покинули его в Дингбоче, где он обучал шерпов, как пользоваться кислородной аппаратурой. Группа Эванса поднялась в широкий цирк в верховьях Имджи, в центре которого стоит красивый пик высотой более 6100 м. Его под-

ножие окружено сливающимися здесь ледниками. Этот пик обнаружила в прошлом году группа Шиптона при исследовании узкого ущелья Баруна; она дала соответствующее его форме название «Айленд» («Острова»).

На одну из вершин этого пика и взошла группа Эванса, доводя счет взятых нами пиков высотой 5800—6100 м. до шести. Этой группе пора было возвращаться в Базовый лагерь в Тхьянгбоче, так как впереди предстояло много дел. Для переброски нашего лагеря и всего имущества на новое место выше на ледник Кхумбу требовалось много носильщиков. Вот-вот должны были подойти шестьдесят носильщиков группы Робертса с грузом кислорода; к группе должны были присоединиться четырнадцать шерпов, выделенных для работы на небольших высотах, которые возвращались обратно с ледника. После трех очень насыщенных работой дней они будут готовы тронуться в обратный путь, в новый Базовый лагерь. Выход намечался двумя колоннами 18 и 19 апреля.

Как и группу Хиллари, несколькими днями ранее их застигла непогода, и они испытали те же невзгоды. Чарльз Уай-

ли сообщил очень интересные сведения о том, сколько человек может вместиться в палатках: шестьдесят шерпов в двенадцатиместной шатровой палатке и восемь в двухместной типа «Мид». Я вышел навстречу первой колонне, которая прибыла в Лобудже и находилась на расстоянии одного перехода от лагеря у озера. Поверх обычного груза они несли дрова. Я давно не виделся с Чарльзом Эвансом, и у нас обоих было о чем порассказать друг другу. С ним прибыли Грег и новый член экспедиции Джемс Моррис, корреспондент газеты «Таймс», присланный для информации о ходе наших дел. Он должен был оставаться с нами до конца экспедиции. До некоторой степени он разгружал меня от необходимости писать донесения, за что я был ему очень благодарен в период штурма.

Пока эти тыловые группы, возглавляемые Эвансом и Уайли, приближались к Базовому лагерю, моя группа, отдохнув в лагере у ледникового озера положенный ей срок, вышла на соединение с группой Хиллари. Уилфрид Нойс и Майкл Уорд вышли вперед, чтобы перенести новый Базовый лагерь на несколько сотен метров вниз по каменистой полосе, проходящей посередине ледника, так как площадка лагеря швейцарской экспедиции не устраивала нас с точки зрения размеров и санитарного состояния. Спешу добавить, что это не упрек в адрес швейцарцев, так как позднее нам пришлось столкнуться с тем же самым явлением и в нашем собственном лагере. В подобных условиях – в холоде и при отсут-

ствии элементарных удобств – почти невозможно заставить людей неуклонно соблюдать правила гигиены, несмотря на самые строгие предписания врачей и требования со стороны других членов экспедиции. По возвращении из Лобудже я увидел, что из камней, усеивающих поверхность ледника, был искусно выложен на льду ряд площадок под палатки. Майкл Уорд подготовил общий план размещения.

Мы тотчас же приступили к улучшению пути через ледопад, продолжая прекрасно выполненную работу разведывательной группы, которая в это время пользовалась вполне заслуженным отдыхом в лагере у озера. Получив подкрепление в лице Майкла Уэстмекотта, почти оправившегося от болезни, Уилфрид Нойс и Майкл Уорд, а позднее и я провели два дня на участке между Базовым лагерем и лагерем II, вырубая новые ступеньки, скалывая опасно нависавшие над тропой глыбы льда, подготавливая более безопасный путь, чтобы обойти «Ужас Хиллари» через большую трещину и вверх по ней, навешивая тут и в других местах новые веревки.

На второй день, 21 апреля, Майкл Уэстмекотт и я заночевали в лагере II, чтобы на следующий день выйти к верховью ледопада, подыскать там место для лагеря III и поставить первые палатки. Со мной было пять шерпов, несших снаряжение для лагеря. Позже вечером к нам присоединились Хиллари и Бенд. Хиллари и Уэстмекотт должны были остаться в лагере III для приведения в порядок пути меж-

ду двумя находящимися на ледопаде лагерями. Джордж Лоу вышел вместе с ними из Базового лагеря, но был вынужден вернуться назад, так как он был еще не совсем здоров. Только по прошествии некоторого времени он достаточно оправился от болезни и смог полностью включиться в работу.

22 апреля наша группа вышла в путь. Эд Хиллари и Джордж Бенд ушли вперед, чтобы проверить и промаркировать флагами маршрут, а Майкл Уэстмекотт и я двигались более медленно, сопровождая шерпов. Со времени нашего последнего прохождения этого маршрута выпало много свежего снега – от 23 до 30 см – и от прежней трассы не осталось никаких следов, так как при предварительной разведке 17 апреля она не была промаркирована. Для передней двойки, которой приходилось брести по колено в свежевыпавшем снегу, эта работа была изнуряющей. Даже для моей группы, более тяжело нагруженной, пытающейся удалить возможно больше снега и протоптать твердый след, такое продвижение в достаточной степени было изматывающим.

Путь этот, за исключением нижнего участка, который я прошел вместе с Эдом, был для меня новым, и я с интересом осматривал эту верхнюю часть ледопада. Как это и казалось нам снизу, характер поверхности ледопада здесь очень отличался от нижнего участка. Если ниже лагеря II ледник был раздроблен на мелкие обломки, то здесь мы продвигались между ледяными глыбами более крупных размеров. Эта часть ледопада производила скорее впечатление обрушив-

шихся глыб льда, нежели взорванного динамитом огромного карьера. От палаток лагеря II намеченная линия пути шла сначала по другой впадине, в верховьях небольшого ровного участка, затем круто брала вверх вправо к расположенному на 75 м. выше палаток сераку – первому из многочисленных и характерных препятствий. Нам пришлось подняться на ту часть серака, имевшую квадратную верхушку, которая приняла наклонное положение, наполовину отделившись от остальной массы льда. Взобравшись на серак при помощи больших ступеней, вырубленных во льду, и веревочных перил, мы прошли к дальнему краю, чтобы перешагнуть через трещину и выйти на уступ, находящийся за сераком.

Немного дальше находилась огромная расселина, по крайней мере, 18 м. шириной. Она была частично заполнена глыбами чистого льда. Шестью метрами ниже в ней виднелась узкая площадка, оторвавшаяся от уступа, на котором мы стояли, и опустившаяся вниз. Здесь снова пришлось вырезать ступени, а для облегчения спуска мы навесили еще веревку. Выход из этой расселины был, пожалуй, самым опасным участком всего пути между Базовым лагерем и Западным цирком. Крутой склон на дальнем краю расселины на широком пространстве и более чем шестьдесят метров вверх был покрыт глыбами льда всевозможных размеров, нагроможденных в неопишемом беспорядке. Падение любой из них означало бы катастрофу для находящейся внизу группы. Очевидно, движение этого грандиозного обвала остано-

вилось незадолго до того, как здесь впервые прошла группа Эда, так как обломки льда еще совершенно не слежались и держались даже менее прочно, чем в районе «Дороги через пекло». Обойти этот участок было невозможно. Чтобы добраться до нижней границы этих глыб, грозящих ежеминутным обвалом, нам предстояло сначала пересечь зияющую трещину в единственном доступном месте и, полагаясь на тонкий мостик льда, не имеющий под собой снизу никакой опоры и прикрепленный только к нижнему краю трещины, сделать по нему три рискованных шага, прежде чем ступить на ее верхний край. Тремя днями позже я заметил, что этот хрупкий мостик исчез в голубеющей бездне. Мне сообщили, что он отделился от края трещины, когда Бурдиллон слегка тронул его ледорубом. Трещина расширилась, по крайней мере, на тридцать сантиметров. К тому времени в нашем распоряжении были бревна, доставленные снизу по заказу Уэстмекотта, и мы соорудили «мост» в одно бревно с веревочными перилами для рук; позднее он был заменен двумя звеньями металлической лестницы. Для характеристики подвижности ледопада добавлю, что неделю спустя в эту трещину уже чуть было не провалилась лестница длиной в три с половиной метра. А перед последним спуском в Базовый лагерь в конце мая Нойс счел необходимым привязать снизу к лестнице две жерди, чтобы удлинить ее.

После того как мы поднялись прямо вверх по опасной полосе непрочно лежащих ледяных глыб, нам удалось по-

вернуть влево в направлении цирка. Мы находились теперь на гребне обломков от обвалов сераков, расположенных над нами вдоль подножия западного хребта Нупдзе. Очевидно, путь должен пролегать по этому уступу, хотя здесь угрожали стоящие вдоль него сераки, которые рано или поздно обрушат на нагромождения льда новые его массы. Другого пути не было. Он вел наискось вверх по верхушкам бесчисленных, непрочно лежащих ледяных глыб, пока, наконец, стало возможным, пройдя через расселину, достигнуть подножия первой действительно прочной линии сераков у самого входа в Западный цирк.

Здесь риск был слишком очевидным, так как раз тут цирк переходит в ледопад, и недавно упавшие массы льда свиде-

тельствовали о резкой перемене в уклоне ледника. В этом месте серак был слишком высок и крут, чтобы его можно было взять прямо в лоб, – он подымался двенадцатиметровым обрывом – поэтому мы обошли его по основанию справа, пройдя между главной «ледяной горой» и большой глыбой около шести метров высоты, которая недавно откололась, но не разбилась. Этот проход, который мы назвали «Щипцы для орехов», был особенно неприятен вследствие ненадежного состояния всей поверхности верхней части ледопада и того, что в любой момент от серака могла отвалиться еще одна глыба и смять проходящую внизу группу. Под сераком явно была пропасть неизвестной глубины, образовавшаяся, очевидно, в связи с тем, что уступ льда сильно выдавался над лежащим под ним скальным основанием. Когда мы прорезали трассу через этот проход, то счищаемые нами куски льда не просто падали в темную пропасть, а издавали при этом продолжительный грохочущий шум, сопровождаемый дрожанием поверхности, словно под нами проходил подземный поезд. Это было жуткое и тревожное ощущение.

Открывшийся за поворотом вид был не более ободряющим, так как линия сераков неумолимо продолжалась дальше, словно стремясь силой вывести пришельца прямо под огонь лавин с Нупдзе. Но на одном участке во льду было слабое место: узкий крутой уступ, ведущий к вертикальной трещине, Эта трещина, отмечавшая место, где позднее огромная масса отделится от льда цирка, была блестяще пройдена

Хиллари в тот день, когда я впервые встретился с его группой над лагерем II. С тех пор трещина заметно расширилась, но, пользуясь вырубленными Хиллари ступенями, мы с гораздо меньшими трудностями пробрались по ней вверх на пять метров, и наши головы неожиданно и эффектно показались над верхним уступом. Это была наивысшая достигнутая до сих пор точка, но находившаяся слишком близко от ненадежного края, и здесь нельзя было подготовить безопасную площадку для лагеря III. Чтобы зря не вести шерпов дальше, мы подтянули грузы вверх на серак в самом низком месте и вместе с Да Намгьялом двинулись дальше подыскивать подходящую площадку. Ледовое поле, на которое мы вышли, полого спускалось из устья цирка; широкая трещина, отделявшая его от другого, более высоко расположенного поля, в двух местах еще была перекрыта прочными на вид снежными мостами. Мы перешли по более надежному из них и увидели неглубокую впадину на более широком участке, где не было непосредственной опасности от других сераков. Это было замечательное место для лагеря. Оно находилось на высоте около 6160 м.

Нам не терпелось получить ответ на более всего волновавший нас вопрос, поэтому Эд, Джордж Бенд и я, минуя это место будущего лагеря, прямо прошли дальше, чтобы просмотреть наш дальнейший путь по цирку. Препградит ли нам путь трещина, слишком широкая для наведения моста, и сможем ли мы в таком случае спуститься в нее и подняться на дру-

гую сторону? На эти жгучие вопросы требовался безотлагательный ответ. Обойдя ряд больших трещин и перебравшись через другие, мы вскоре были остановлены одной из них. Ее можно было обойти, только рискнув двигаться прямо под нависающим со склонов западного гребня Эвереста льдом. По счастливой случайности мы подошли к самому узкому месту трещины; ее ширина достигала здесь всего лишь около пяти метров. Дальше поверхность цирка начинала выравниваться. Итак, пока перспективы были обнадеживающими, и теперь только требовалось срочно доставить сюда лестницу и продолжить дальнейшую разведку пути. Лестницу следовало принести без промедления.

Я намеренно несколько задержался на описании ледопада, так как его прохождение занимало у нашей экспедиции много времени и внимания. Как бы ни был хорошо подготовлен по нему путь, частое движение людей и грузов в обоих направлениях неизбежно являлось источником постоянного беспокойства, и мы должны считать большим счастьем, что на протяжении шести недель этого движения по ледопаду не произошло ни одного несчастного случая.

Первое прохождение ледопада группой Шиптона в 1951 г. представляло собой пример отличного выбора пути и владения ледовой техникой. По словам Хиллари, состояние ледопада в этом году было несравненно хуже, чем два года назад. Швейцарцы не делали тайны из того, что весной 1952 г. они

встретились здесь с серьезными опасностями. Каждый год, вернее каждый месяц, ледопад меняет свой облик. В течение нескольких дней происходят удивительные изменения. В этом смысле каждое прохождение по нему всегда является новым, «первым». Наша разведывательная группа проделала замечательную работу, отыскав и проложив по ледопадку маршрут.

Оставив Хиллари, Уэстмекотта и Да Намгьяла обрабатывать верхнюю часть трассы и по возможности отыскивать пути обхода наиболее трудных мест, мы с Джорджем Бендом возвратились 22 апреля в Базовый лагерь. За два дня моего отсутствия лагерь преобразился. Сюда подошли обе тыловые группы, и лагерь стал похож на оживленный муравейник, где все ровные площадки были заняты под палатки. Том Бурдиллон, неделю назад расставшийся с моей группой у конца ледника Кхумбу, чтобы встретить Робертса и взять на себя заботы о кислородных баллонах, искусно воздвиг складское помещение, использовав ящики в качестве гнезд для хранения. Одно из заказанных Майклом Уэстмекоттом бревен было установлено как флагшток для большого британского флага экспедиции. Тхондуп как всегда умело разместился в большой кухне, сложенной из камней, пол которой был покрыт картоном из-под пустых коробок. Новостью была вместительная ледяная пещера, выдолбленная сразу за палатками в одном из больших остроконечных сераков. Эту, надо сказать, неплохую мысль о создании запасного жилого поме-

щения подал Том Стобарт. Базовый лагерь производил впечатление хорошо организованного и работающего полным ходом предприятия. Робертс поднялся сюда пожелать нам удачи. Он оказал экспедиции неоценимую услугу, доставив кислород к требуемому сроку, хотя и жертвовал для этого частью своего отпуска.

Одним из первых, кто вышел к нам навстречу, когда мы приближались к палаткам, был невысокий, хрупкого телосложения мужчина, с морщинистым лицом и щетиной седых волос. Он выглядел старым, но его улыбка была молодой. Это был Дава Тхондуп. Он принимал участие в гималайских экспедициях начиная с 1933 г., когда вошел в состав группы носильщиков экспедиции на Эверест. В 1934 г. он был награжден немецким орденом за доблесть, проявленную во время бури на Нанга-Парбат, когда погибли шесть шерпов и три члена немецкой экспедиции. Среди большого числа других боевых заслуг в его послужном списке стоят восхождения на Аннапурну в 1950 г. и Южную седловину Эвереста в 1952 г.

Мы с Давой были очень старыми друзьями. Много лет назад мы вместе участвовали в попытке восхождения на Салторо Кангри в Каракоруме, после чего приняли участие в двух экспедициях в Сиккимских Гималаях, а также в нескольких походах в этом районе. В последний раз мы виделись в 1940 г., и я специально обратился к Гималайскому клубу с просьбой уговорить его присоединиться к нашей экспеди-

ции. Даве было уже под пятьдесят, и он не годился для работы носильщика, когда Тенсинг с командой шерпов вышел из Дарджилинга. Но, согласно договоренности, он пришел с группой Робертса месяцем позже вместе с другим «тигром» по имени Анг Ньима. Так, отчасти из-за дружеских чувств он стал членом нашей экспедиции, и мы даже не предполагали, какую замечательную услугу окажет нам на Эвересте этот невысокий человек.

ЧАСТЬ IV

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРЕЙ

Глава IX

ЗАБРОСКА ГРУЗОВ

В Лондоне мы подсчитали, что на заброску грузов в Западный цирк до того, как будет брошен вызов вершине, уйдет около трех недель. В промежутках между переходами и тренировками Чарльз Эванс, Эд Хиллари и я занимались более точными подсчетами, исходя из различных вариантов штурма и учета других связанных с этим вопросов. Больше всего я думал над тем, как свести до минимума время фактического пребывания на высоте и каждому обеспечить хотя бы однократный отдых на небольшой высоте перед началом штурма. В это время мы еще не могли знать, когда следует ожидать начала муссонов – прогнозы погоды должны были передаваться нам только с 1 мая, но было весьма разумным предполагать раннее наступление периода плохой погоды и не следовало откладывать конечный срок готовности до 15 мая. Но обоснованные прогнозы погоды были еще невозможны. Погода вполне могла задержать наш выход и отодвинуть его на более позднюю дату. Помимо этого, я дол-

жен был также учитывать влияние пребывания на большой высоте, выразившееся в ухудшении общего физического состояния, а также напряженное моральное состояние от продолжительного ожидания в высотном лагере. И, кроме того, было еще одно соображение. Хотя мы не могли еще вынести окончательного решения по плану штурма, было ясно, что более двух следующих одна за другой попыток мы сделать не сможем и что в случае их неудачи нам придется выждать, отдохнуть и реорганизоваться. Учитывая все это, я разъяснил тем, кто занимался различными вопросами снаряжения и питания, основные задачи по заброске продуктов питания и снаряжения в верховья Западного цирка в количестве, которого нам должно было хватить до конца мая. В случае задержки сверх этого срока мы должны будем послать шерпов вниз за пополнением наших запасов. Подсчет общего веса всех грузов показал, что если не будет никаких задержек из-за плохой погоды, непредвиденных изменений в маршруте или заболеваний среди носильщиков, то к середине мая мы не только закончим заброску грузов к предполагаемому месту расположения верхнего базового лагеря, но и сможем найти время для отдыха.

Поэтому вечером 22 апреля, во время ужина в шатровой палатке, я смог в общих чертах ознакомить всех членов экспедиции с планом организации лагерей. Отсутствовали только Майкл Уэстмекотт и Эд Хиллари, которых я покинул в этот день утром в лагере III. Период организации делился

на два этапа. Сначала мы должны были заниматься преимущественно подъемом грузов из Базового лагеря в лагерь III, находящийся в верховьях ледопада. Затем деятельность наша должна сосредоточиться в Западном цирке. Между этими двумя этапами должен был быть перерыв, во время которого большинство участников смогло бы спуститься с ледника в лагерь у озера или в Лобудже, чтобы отдохнуть и использовать преимущества пребывания на более низкой высоте и перемены обстановки.

Из общего числа (тридцать девять) шерпов на заброску этих грузов требовалось двадцать восемь человек. Их нужно было разделить на четыре группы по семь человек; в течение первого этапа три группы предназначались для работы на ледопаде и только одна – в цирке. Первый этап продолжался с 24 апреля по 2 мая. К каждой из групп прикреплялось по два участника группы восхождения. Они должны были поочередно сопровождать шерпов и время от времени расчищать трассу и находить пути обхода вновь возникающих препятствий. Группы носильщиков для работы на небольших высотах, или «челноки», как мы их стали называть, находились в ведении Бурдиллона и Уайли, Уорда и Уэстмекотта, Бенда и Тенсинга. Джордж Лоу все еще был болен, но позднее он смог полностью включиться в работу. Я считал совершенно необходимым, чтобы при преодолении известных опасных мест на ледопаде и предполагаемых скрытых трещин в цирке шерпы подвергались бы только тем опасностям, которые

мы будем разделять с ними.

На втором этапе, который намечался после перерыва с 3 по 5 мая, три группы из четырех должны были начать работать в цирке, перебрасывая грузы в первую очередь от лагеря III, а позднее частично от лагеря IV вверх к подножию склона Лходзе, и только одна группа должна была совершать переходы вверх и вниз по ледопаду. Работа этих «челноков» должна была дать нам возможность подтянуть всю группу восхождения к верхней базе (то есть к лагерю IV) к 14 мая и сосредоточить в лагере V у подножия склона Лходзе грузы, подготовив их к заброске на Южную седловину. Здесь мы отступали от «Основ плана», составленных в Англии, только в одной важной детали, так как еще оставалась вторая и заключительная стадия организации лагерей – «заброска на Южную седловину». У нас еще не было определенного плана, и поэтому мы не могли установить точную цифру количества грузов, подлежащих заброске на Южную седловину. Ведущий к ней склон Лходзе еще не был виден и, конечно, не разведан, а количество грузов, которые можно было по нему поднять, строго лимитировалось, так как этот участок, как мы предполагали, будет самым трудным из всего восхождения. При таком положении было бы неблагоприятно строить планы на далекое будущее, и я предпочел отложить рассмотрение всех вопросов нашего продвижения по склону Лходзе и считать их частью плана штурма. После беседы с членами экспедиции я поговорил, по предложению Тенсинга, с каж-

дой группой шерпов, намеченной для различных работ по переброске грузов. Все они были бодры и готовы к действию.

На этой стадии нашего продвижения, когда впереди предстояли важные события и срочные дела, я предложил Чарльзу Эвансу быть готовым взять на себя руководство экспедицией, если я заболею или со мной произойдет несчастный случай, и попросил всех членов экспедиции принять это назначение, если оно понадобится. Вопрос о том, нужен ли заместитель руководителя или нет, уже обсуждался в Лондоне перед началом экспедиции. В довоенных экспедициях на Эверест такой прецедент был. Я лично считал тогда, что создавать иерархию в командовании нежелательно и что всегда есть опасность чрезмерной регламентации в этом вопросе. Во всяком случае мы рассматривали работу руководителя экспедиции лишь как одну из тех многих обязанностей, которые мы разделяли между собой.

Перед тем как вступить в этот очень важный и богатый событиями период, оставалось сделать еще два дела: во-первых, предстояло построить мосты еще через ряд трещин на ледопаде, причем мы еще не знали, сколько других трещин преградят наш путь в цирке. И, во-вторых, нужно было проникнуть в цирк, подготовить по нему маршрут и выбрать место для Передового базового лагеря. Все это следовало сделать сразу.

На следующее утро Чарльз Уайли с группой шерпов от-

правился в путь; они несли неудобную в переноске поклажу – жерди длиной в три с половиной метра, срубленные в окрестностях Тхьянгбоче. Задача этой группы состояла в том, чтобы перекрыть все большие трещины на пути до лагеря II и высвободить лестничные звенья, временно перекинутые через некоторые из них; этими звеньями можно будет перекрыть большую трещину выше лагеря III, обнаруженную Хиллари, Бендом и мной 22 апреля. У Чарльза день не обошелся без приключений. Перекрыв большими жердями трещину, через которую до этого были перекинута два звена лестницы, он переправился по этому узкому и значительно менее удобному мосту из двух жердей, связанных веревкой, на другую сторону. За ним последовал шерп по имени Пасанг Дорджи, застенчивый почти до скрытности парень, который обычно помогал Тхондупу на кухне. Он просил испробовать его на более живой работе. Когда он прошел уже половину моста, сознание, что под ним находится пропасть, без сомнения, слишком подействовало на него. И случилось неизбежное. Он пошатнулся и как камень полетел в бездну. Вероятно, у Чарльза было какое-то предчувствие, что это должно случиться, так как перед этим он попросил Пасанга снять груз. Конечно, и он и шерп, который должен был следующим переходить мост, приняли обычные меры предосторожности намотав веревку на ледорубы, глубоко воткнутые в снег. И все же Чарльз изрядно устал, изо всей силы вытягивая веревку, пока у дальнего края трещины не появился

Пасанг, едва дышащий и очень испуганный. Наконец его вытащили совсем, и он плюхнулся в снег, по словам Чарльза, «как мертвый тюлень». Несколько минут он и его спаситель не могли пошевелиться, прежде чем пришли в себя. Чарльз проявил здесь замечательную силу, а Пасанг вернулся после этого происшествия к своей работе на кухне.

Поднявшись еще немного вверх, Чарльз с испугом увидел, как над ним другая связка из трех человек, возглавляемая опытным шерпом Аннулу, сорвалась и покатилась по крутому склону. К счастью, они остановились, прежде чем были проглочены одной из многочисленных зияющих трещин. У Аннулу сломалась одна кошка, но он с беспечной уверенностью решил, что сможет не только подняться по этим ледовым склонам на одной кошке, но и продолжать без риска вести свою связку. Эти два происшествия среди многих других, которые случались почти ежедневно на протяжении последующих недель, наглядно продемонстрировали необходимость того, чтобы члены группы восхождения сопровождали шерпов, переносивших грузы, и разделяли с ними все опасности.

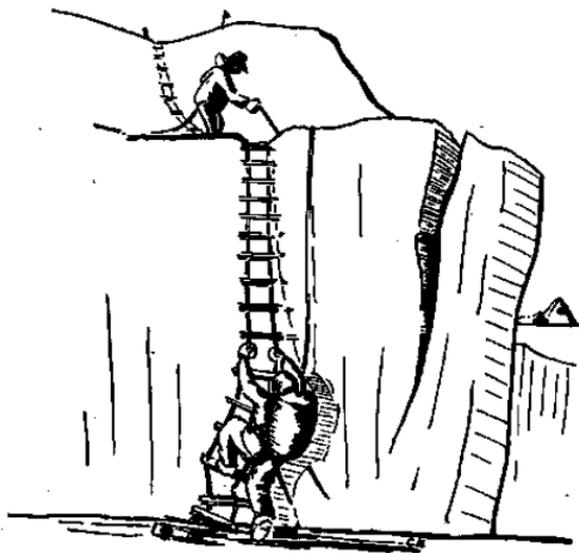
Происшествия случались не только с шерпами и не обязательно из-за неопытности. 26 апреля при спуске в Базовый лагерь едва не погиб Эд Хиллари, шедший в связке с Тенсингом. Проходя по «Району атомной бомбы», он спрыгнул на одну из больших ступеней, разделяющих трещины в этой зоне постоянно движущегося льда. Вся масса льда, на которую

он прыгнул, рухнула под ним, и он полетел в находящуюся ниже трещину. Если все обошлось благополучно, то только благодаря предусмотрительности и мастерству Тенсинга, который наладил прочную страховку на случай срыва своего товарища и блестяще удержал его на веревке.

За выполнение второй задачи – подняться в Западный цирк и проложить маршрут до его верховьев – взялись Чарльз Эванс, Тенсинг, Эд Хиллари и я. Эд уже находился в лагере III, остальные вышли туда утром 24 апреля, опередив возглавляемую Уилфридом Нойсом и Греггом группу из семи шерпов, которые также направлялись в этот лагерь, чтобы начать оттуда дальнейшую заброску грузов. За ночь выпал толстый слой снега, поэтому во время вечерней восьмичасовой связи (во всех лагерях, находящихся на ледопаде, у нас было по одной рации, которые работали на контрольную рацию в Базовом лагере) я передал Эду Хиллари, находившемуся в лагере III, следующее: «Алло, Эд в лагере III! Говорит Джон из Базового лагеря. Тенсинг, Чарльз Эванс и я выходим сегодня вверх для совместного проведения разведки цирка. В связи с прошедшим вчера сильным снегопадом будем очень благодарны, если вы и Майкл спуститесь вниз по направлению к лагерю II и вновь проложите трассу. Конец».

Подтвердив прием, Хиллари передал интересную сводку о работе, проделанной им накануне в верховьях ледопада. «Алло, Джон! Говорит Эд из лагеря III. У нас с Майклом был довольно тяжелый день, прошедший в поисках запасного ва-

рианта пути подхода к лагерю III, а также другого маршрута в цирк. Путь по серакам справа к Нупдзе совершенно безнадёжен и много опаснее прямого. Нам придется придерживаться последнего. Майкл и я проделали большую работу в „Щипцах для орехов“ – чертовски опасное место – вбили там ледовые крючья в нижнюю стену для навешивания веревки, а также спустили с серака веревочную лестницу, чтобы помочь ребятам, подносящим сюда грузы, миновать ледовую трещину. Ждем вас с нетерпением, Джон. Желаю удачи. Конец».

Путь до лагеря II был исключительно тяжелым, особенно для меня, так как я страдал от неожиданного приступа расстройства кишечника, очень ослабившего мои силы. Весь день, пока мы с трудом пробивались вверх, шел снег. Мы до-

брались до лагеря II очень уставшими и решили здесь заночевать, будучи не в силах воспользоваться тропой, с таким трудом протоптанной для нас заново. Лагерь был полон народу, так как, кроме нас, здесь ночевала группа высотных носильщиков, а также группа шерпов, работающая на ледопаде и сделавшая тут обычную остановку на пути в лагерь III.

Несмотря на усилия Эда, затраченные им 24 апреля на протаптывание тропы в глубоком свежевыпавшем снегу, следующий день был для нашей группы еще одним днем тяжелой борьбы при подъеме в лагерь III; но еще тяжелее пришлось группе высотных шерпов, которые должны были доставить из лагеря II в лагерь III два звена лестницы, оставленные там Чарльзом Уайли 23 апреля. Им пришлось двигаться по ледопаду, неся лестницу длиной в три с половиной метра, так как у них не было гаечного ключа, чтобы развинтить ее на отдельные звенья. Легко представить, каким это оказалось кошмаром при проходе лабиринта ледяных глыб выше трещины и во многих других участках пути. Чтобы довести до конца этот переход, Уилфриду пришлось призвать на помощь весь свой огромный запас терпения.

Приятно было провести первую ночь у входа в Западный цирк. Первая партия грузов, доставленная первой группой носильщиков, работающих на ледопаде, уже лежала у палаток; группа шерпов-высотников была на месте и на следующий же день могла выйти следом за нашей разведывательной группой в Передовой базовый лагерь, если нам удастся

проложить дорогу в цирк. Мне так не терпелось покончить с затягивающейся неопределенностью в этом вопросе, что Эд, Чарльз Эванс и я, а следом за нами Тенсинг и Уилфрид в 4 часа дня двинулись дальше, чтобы предварительно просмотреть дальнейший путь. Мы захватили с собой три лестничных звена, которых, по нашим расчетам, должно было хватить на перекрытие большой трещины. Соединив их в одну лестницу у края этой пятиметровой трещины, мы с помощью Тенсинга и Уилфрида осторожно опустили лестницу и по одному перебрались на другую сторону. На нашем пути по цирку, не говоря уже о самой вершине Эвереста, еще таилось немало препятствий, но почему-то момент, когда мы стояли все вместе на противоположном краю трещины, произвел на меня особое впечатление. Он символизировал наше вступление в Западный цирк. Исчезли наши тяжелые опасения, что придется налаживать сложные веревочные переправы, к которым были вынуждены прибегнуть швейцарцы. Мы были уверены, что прошли ледопад.

В этом приподнятом настроении мы продолжали наш путь до позднего вечера. Выбор пути оказался здесь нелегким делом, так как в этой самой нижней части Западного цирка было много широких трещин. На небольшом отрезке путь находился под явной угрозой бомбардировки с разрушающихся сераков над северным краем ледника. Один интересный участок, позднее получивший название «Лощины Ханта», состоял из очень крутого спуска в неглубокую рас-

селину, перехода там трещины во льду по снежному мосту и выхода по узкому уступу на противоположную сторону. Над нижним краем этой расселины мы для облегчения перехода навесили веревку. Постепенно мы продвигались к середине ледника. Его морщинистая поверхность становилась более гладкой. По мере продвижения вперед наш взор проникал все дальше и дальше вглубь цирка, пока, наконец, перед нами не открылся весь склон Лходзе с сильно заснеженными скалами, залитый лучами вечернего солнца. Мы продолжали идти, нас влекла вперед какая-то неодолимая сила, и мы увидели то, что служило при разработке планов в Лондоне предметом столь тщательного изучения и многочисленных догадок – Южную седловину Эвереста и ниже ее огромный обрыв. До них было еще далеко, но их вид вызывал волнение и был удивительно знаком, словно мы видели его много, много раз. И так как солнце уже садилось за Пумори по ту сторону узкой долины Кхумбу, мы повернули назад и поспешили вниз к нашим палаткам, чтобы рассказать остальным о виденном.

Приняв снотворные пилюли, я хорошо спал эту первую ночь на высоте свыше 6100 м, не слыша грохота лавин, срывающихся со скал под Лхо-Ла. Утро 26 апреля выдалось замечательным. С края уступа на сераке мы увидели на 250 метров ниже, на середине ледопада, небольшую группу палаток. Вокруг них двигались крошечные фигурки. Это были две команды – четырнадцать шерпов и два сагиба, которые готовились к своему очередному дневному походу по маршруту: лагерь II – лагерь III – Базовый лагерь. По ту сторону долины возвышалось кольцо пиков, огораживающих ледник Кхумбу по его изгибу; Пумори, высокий, заостренный, как кончик карандаша; пик Лингтрен I, квадратный и с крутыми ребрами, и Лингтрен II, наверху тонкий, как вафля, и невероятно хрупкий с виду. В прекрасном настроении мы двинулись в путь по цирку. Впереди шла разведывательная группа; в первую связку входили я и Эванс, во вторую – Хилла-

ри и Тенсинг, слаженность которых позднее вылилась в победное сотрудничество. За ними следовали Грегори и Нойс с шерпами, несущими грузы первой необходимости для Передового базового и расположенных выше лагерей. Погода была замечательная. Жара становилась даже удушливой. Свежевыпавший снег ослепительно сверкал на солнце, он лежал здесь в цирке слоем в 30 см и затруднял наше продвижение. Накануне примерно в двухстах метрах в стороне от нашего маршрута мы увидели остатки какого-то лагеря и догадались, что это бывший швейцарский лагерь III. Это подтвердил и Тенсинг, который направился туда с Хиллари, чтобы взять оставленные швейцарцами продукты питания и другие вещи, которые могли нам пригодиться.

Чарльз и я продолжали продвигаться по широкой сравнительно ровной поверхности, забирая вправо к южному краю ледника. Мы были вынуждены придерживаться этого направления отчасти из-за огромных поперечных трещин, разрезавших поверхность ледника, и отчасти также потому, что на некотором расстоянии, выше в цирке, мы заметили ступень или небольшой ледопад, на котором выделялась группа чудовищных трещин и ледовых стен; этот ледопад лучше всего можно было обойти именно с этой стороны. Отмечая путь флагами, мы поднялись на эту ступень и вышли в верхнюю часть цирка – также гладкую и идущую почти без единой трещины до второй ступени, охраняющей подступы к подножию стен Южной седловины и Лходзе; до них было

около двух с половиной километров. Расположившись на отдых, мы видели теперь не только Лходзе и Южную седловину, но и громаду самого Эвереста с его западным склоном – стеной в 2000 м. высоты, обрывающейся к цирку на противоположной от нас стороне. Скалы этого громадного обрыва, бывшие совершенно черными, когда мы впервые увидели их месяц назад при подходе к Намче, теперь были запорошены снегом, который вздымался тучами под дуновением западного ветра.

Нас догнали здесь Тенсинг и Хиллари, и на остановке мы поделили швейцарский сыр, шоколад и витаминизированные лепешки, найденные ими среди множества банок пеммикана на месте бывшего швейцарского лагеря. После отдыха эта связка вышла вперед. Взяв наискось несколько назад и влево над небольшим ледопадом, они направились к тому месту, под отчетливо выделяющимся на западном гребне Эвереста снежным плечом, где прошлой осенью швейцарцы разбили свой лагерь IV. Мы добрались до него около половины первого после 3,5-часового перехода из лагеря III и в течение часа с удовольствием занимались там раскопками. Множество ящиков различных размеров и форм были полузасыпаны снегом. Мы оживленно строили догадки об их содержимом и с не меньшим удовлетворением вскрывали их. Мы откопали бекон, пресные плоские хлебцы, сыр, джем, пеммикан, овсянку, шоколад, молочный порошок и твердое топливо «Мета». Продовольствие и сладости могли служить

добавлением к нашему рациону и внести в него приятное разнообразие. Мы нашли также кое-какую одежду и снаряжение, включая большую, но сильно потрепанную палатку.

Когда мы спускались по цирку во второй половине дня, погода уже начала портиться. Доставив партию грузов на верхнюю ступень, находящуюся в сорока пяти минутах ходьбы от лагеря, носильщики хорошо справились со своим первым переходом по цирку. Возвратившись в лагерь III, мы увидели, что они чувствуют себя отлично, горды от сознания, что их выбрали для высотной работы, и готовы к очередной заброске грузов на следующий день. А на отсутствие грузов жаловаться не приходилось. Две группы шерпов, работавших на ледопаде, сложив у палаток свой груз, уже ушли вниз, так как им тоже надо было успеть сходить туда и обратно и возвратиться на следующее утро в лагерь II. Груза было ровно в два раза больше того количества, которое могла перенести за один день группа носильщиков в своем теперешнем составе, работавшая в лагере III, и эта диспропорция должна была все время увеличиваться в течение первого периода организации лагерей. Это была превосходная команда под отличным руководством Нойса и Грегори.

В нее входили: толстый, небольшого роста Гомпу, чувствовавший теперь себя в своей стихии и всегда стремившийся сделать что-нибудь полезное, сильный и веселый Канча, спокойный, опытный и рассудительный Пасанг Дава, Таши Пхутар, Анг Тхарке, Пемба Норбу, Пху Дорджи.

Такая работа продолжалась изо дня в день в течение девяти суток. К концу этого периода каждая из партий, работающих на ледопаде, совершила не менее пяти полных переходов в лагерь III и обратно с регулярной ночевкой в лагере II. Шерпы-высотники совершили шесть длинных переходов в лагерь IV и обратно. Все время на ледопаде и в цирке по утрам стояла удушающая жара, вызывая тяжкое состояние апатии, известной под названием «глетчерной усталости». Каждый день выпадал свежий снег, и каждое утро приходилось заново готовить трассу, протоптанную накануне. Ужасно изнуряло барахтанье в рыхлом снегу, особенно на ледопаде, где, сделав неверный шаг, вы могли провалиться по пояс между двумя глыбами льда и потом должны были выбираться оттуда, имея за плечами груз в восемнадцать килограммов. Этот труд разделяли и сагиб и шерп, хотя и не в равной степени. Участники группы восхождения делали выходы реже, хотя они нередко подносили грузы, помогая уставшему носильщику. Делалось это только потому, что нам нужно было беречь, насколько это возможно, свои силы для выполнения задач, которые выпадут на долю каждого из нас при штурме. Следует также учесть, что, несмотря на сообщения газет, еще не было принято никакого решения о том, на кого из восходителей падет почетный жребий штурмовать вершину.

Ко 2 мая в лагерь III было доставлено приблизительно девяносто тюков со средним весом восемнадцать килограммов

каждый. Из них около сорока пяти было переброшено дальше, в лагерь IV, – наш Передовой базовый лагерь – или по направлению к нему. Эти грузы были отобраны для переброски в первую очередь Чарльзом Эвансом, нашим «начальником по хозяйственной части», согласовавшим этот вопрос с ответственными за тот или иной вид груза лицами. Перед отправкой из Базового лагеря, где их взвешивали и упаковывали, Тенсинг и Эванс ставили на тюках и ящиках цифры III, IV или V в зависимости от назначения груза. Часть грузов была заброшена более энергичными носильщиками команды, работавшей на ледопаде, на расстояние одного часа подъема от лагеря III, чтобы облегчить тяжелую работу группе носильщиков в цирке. Проведение такой заброски было замечательным достижением, если учесть условия погоды, в которых мы работали, и вспомнить также о том, что это был период проверки многих наших носильщиков, особенно тех, кто работал на ледопаде. Некоторые из них, естественно, оказались неподходящими и были заменены.

Не следует забывать и о том, что болезнь также истощала силы наших носильщиков. Кроме того, нам не повезло с кошками, необходимыми при прохождении ледопада. По меньшей мере, двенадцать пар кошек было безнадежно сломано и, несмотря на срочную радиogramму, переданную Гималайскому клубу радиостанцией в Намче, нечего было надеяться на получение новых кошек раньше, чем через несколько недель. Это была напряженная и беспокойная

работа для всех нас и особенно для шерпов. Она пугала некоторых новичков. Это была рутинная работа, которая от постоянного повторения становилась все более и более однообразной. И все же жалоб не было. Караваны с грузами курсировали почти по часовому графику. Группа носильщиков выходила из Базового лагеря в 12.00, прибывала в лагерь II в 15.00, ночевала там, выходила из лагеря II в 8.00, прибывала в лагерь III в 9.30, выходила из него в обратный путь в 10.30 и прибывала в Базовый лагерь в 14.00. Группа шерпов-высотников выходила из лагеря III в 8.00, прибывала в лагерь IV в 11.00, выходила из него в обратный путь в 12.00, возвращалась в лагерь III в 13.30 и т. д. Наши носильщики и сопровождавшие их участники восхождения честно заслужили отдых, наступивший 2 мая.

Расположение Базового лагеря отнюдь не было живописным. Находясь на высоте около 5450 м, выше верхней зоны растительности, окруженный остроконечными башенками сераков и затемненный огромным массивом Нупдзе, он был безжизненным и в то же время не отличался суровой грандиозностью, которая поражала бы воображение. В спокойное, безветренное утро в нем стояла удушливая жара, но становилось холодно и мрачно, когда из долины напозлали облака и начинал валить снег – событие, с угнетающей регулярностью повторявшееся изо дня в день на протяжении первых трех недель нашего пребывания здесь. Лед повсюду

заметно таял, и скоро площадки наших палаток смешно и неудобно торчали высоко над ровной поверхностью каменной ледяной пустыни. Вокруг распространился неприятный запах. К счастью, большинство из нас только изредка и ненадолго посещали место, пребывание в котором, несомненно, подвергало испытанию очень хорошие отношения, существовавшие между всеми нами. Очевидно, это место способствовало также распространению внезапных приступов поноса, которые, видимо, вызывались растущими антисанитарными условиями вокруг лагеря. Джордж Бенд, Джордж Лоу и Майкл Уэстмекотт более или менее серьезно страдали от этой болезни в течение многих дней. Я уже говорил о почти непреодолимых трудностях содержания лагеря в чистоте, главным образом в связи с сильными ночными холодами.

Поэтому вышеизложенное не следует расценивать, как желание очернить или упрекнуть трех наших искусных и неутомимых врачей, которые постоянно осматривали больных и раздавали новые и интересные лекарства. Даже Майкл Уорд, от которого мы слышали однажды при раздаче

пилюль совет: «Попробуйте вот эти, они совсем не помогают», – и тот пользовался безграничным доверием.

И все же временами мы начинали ценить Базовый лагерь, несмотря на все его недостатки. Он был роскошным приютом для утомленного восходителя, спускающегося после разведки цирка или даже после более короткого обычного подъема с грузом вверх по ледопаду. Там ждала вкусная еда, приготовленная умелыми руками Тхондупа. Благодаря инициативе наших поставщиков провизии Джорджа Бенда и Гриффа Пафа, заманивших с дальних пастбищ яка, и стоицизму нашего мясника Джорджа Лоу, убившего его неподалеку от лагеря, мы могли питаться там свежим мясом. Картошка была роскошью, которой мы могли наслаждаться только здесь, так как в цирке она быстро портилась от мороза. В Базовом лагере обычно был выбор в помещении: вы могли уединиться в палатке образца «Мид», разместиться в общей палатке, где всегда было шумно и весело, или же предпочесть всему постоянную температуру ледовой пещеры (мы уже вырыли несколько таких пещер в ледяном холме взамен своих палаток, постоянно кочующих вверх по цирку). А самым главным, пожалуй, было то, что там была возможность отдохнуть и поразвлечься, поспать, пописать или почитать, послушать цейлонское радио. И бывали еще другие моменты, когда Базовый лагерь был овеян некоторой красотой. Ночью снег часто переставал падать и облака рассеивались. В период организации лагерей было полнолуние. Нель-

зя забыть пейзажа, который открывался перед нами, когда после ужина в общей палатке мы шли спать. Луна освещала вершины Пумори и Лингтрена, заставляя скользкие склоны близких остроконечных сераков сиять, словно полированное серебро. В направлении Эвереста ледопад был погружен в глубокую тень. Было страшно холодно – минус 23° – и совершенно тихо. Только временами тишина прерывалась приглушенными голосами, доносившимися из какой-нибудь палатки шерпов, сквозь брезент которой тускло просвечивал свет лампы, или же неожиданными глухими раскатами ледяных обвалов со скал Лхо-Ла. В такие моменты можно было питать к лагерю на леднике Кхумбу более теплые чувства.

И, тем не менее, когда представилась возможность отдохнуть – большинству от 2 до 5 мая, остальным вскоре после этого, – то в качестве места отдыха был выбран лагерь в Лобудже. Находясь всего в каких-нибудь двух с половиной часах расстояния от Базового лагеря по западному берегу ледника Кхумбу, Лобудже являлось действительно пре-

лестным местечком. Было еще слишком раннее время года, чтобы трава выросла, цветы полностью распустились, и все же трава и сухие стручки – остатки прошлогодней красоты – при наличии небольшой фантазии производили впечатление зелени. Селение состоит из пары загонов для стад яков на небольшом холме, на дне трога между ледниковой мореной и горным склоном. Из-под дерна, как раз ниже хижин с силой бьет ключ свежей и чистой воды; трава лениво колыхается в струях. В первых числах мая уже начали расцветать самые ранние весенние цветы: растущая плотными кустиками смолевка бесстебельная и лиловые примулы. Распустила свои редкие цветы на кустах среди валунов красная азалия. Долинный ветер, дующий вверх по леднику, пощадил этот укромный уголок. Прожив некоторое время в мертвом царстве, мы с восхищением наблюдали за жизнью животных и птиц. Между камнями играли бесхвостые тибетские крысы, очень похожие на серых морских свинок, и пара куниц. Были здесь и разные птицы: снежные голуби, белоголовые горихвостки, красные азиатские зяблики, крапивник, громадный ягнятник (бородач), спокойно парящий в вышине, и различные виды ястребов. Окруженные этой атмосферой покоя и отдыха, мы снова могли смотреть на высокие пики, как на предметы красоты, и снова испытывали к ним дружелюбные чувства. Там, за дальним краем усеянного валунами ледника, виднелась вершина Нупдзе. Ближний конец ее длинного гребня принял форму острого снежного конуса, обособлен-

но возвышающегося над крутым обрывом из скал, голубых сераков и сверкающих склонов.

Со 2 и примерно по 12 мая в Лобудже все время было небольшое, но постоянное население. Пребывание в этом месте принесло всем нам огромную пользу как в смысле улучшения физического состояния, так и нового прилива сил для выполнения стоящих впереди задач. При проведении любого другого мероприятия – такого же серьезного и крупного по масштабам, как экспедиция на Эверест, я очень рекомендую организовывать лагерь отдыха подобного типа.

Чарльз Уайли, отдыхая здесь, узнал из радиограммы, переданной индийской радиостанцией в Намче-Базаре, о том, что у него родился сын; более раннее сообщение Би-би-си до нас не дошло. Передавая это приятное известие, наш приятель с радиостанции в Намче добавил свои личные поздравления: «Я очень рад, что могу сообщить о рождении вашего сына. Надеюсь, что причины для подобной радости будут у вас повторяться, по крайней мере, раз в году. Пожалуйста, заплатите подателю телеграммы одну рупию».

Глава X

СТЕНА ЛХОДЗЕ. ПЕРВЫЙ ЭТАП

В первых числах мая работы по заброске грузов временно прекратились, и мы приступили к выполнению другой, весьма важной задачи. Этой задачей была разведка стены Лходзе – третья большая разведка в ходе нашей экспедиции. Фактически эта рекогносцировка являлась в то же время и генеральной репетицией восхождения на вершину Эвереста, так как теперь предстояло провести испытания двух типов кислородных аппаратов, на большей высоте, чем это было возможно ранее. Таким образом, перед нами стояла двойная задача: во-первых, разведка пути по стене до возможно большей высоты, поиски наиболее удобного пути и выяснение могущих встретиться трудностей; во-вторых, испытание кислородных аппаратов. До разрешения этих двух задач я был не в состоянии решиться на составление окончательного плана штурма.

При обсуждении предварительного плана Чарльз Эванс, Эд Хиллари и я считали, что уже в этот ранний период мы сможем достичь значительной высоты; я мечтал даже подняться выше Южной седловины, пользуясь аппаратом закрытого типа. Но было очевидно, что мы не должны допускать излишней затраты на эту репетицию человеческих сил, времени и снаряжения, предназначенных для самого штурма.

ма. Поэтому до того, как дать окончательные инструкции группе, намеченной для подъема на седловину, я решил отправиться вместе с нею и произвести предварительную разведку верхней части цирка и нижней части склона стены Лходзе, а также еще раз испытать аппараты закрытого типа.

В основную разведывательную группу входили Чарльз Эванс и Том Бурдиллон, пользовавшиеся аппаратами закрытого типа. Их задачей было заночевать возможно выше на стене Лходзе и на следующий день, если окажется возможным, продвинуться к Южной седловине. Вспомогательная группа состояла из Чарльза Уайли и Майкла Уорда, имевших аппараты открытого типа. Они должны были помогать основной группе в организации лагеря на стене Лходзе и во всем, что потребуется. Кроме того, они должны были выяснить вопрос о пригодности своих кислородных аппаратов. Майкл также взялся произвести ряд физиологических наблюдений для Гриффа Пафа. Для заброски грузов в разведывательную группу были включены семь наилучших шерпов; таким образом Чарльз Уайли имел возможность проверить на деле людей, которыми ему предстояло руководить во время штурма. Для самих шерпов этот выход также являлся пробой сил. Я надеялся также, что шерпы смогут пользоваться кислородом, еще лучше ознакомятся с устройством аппаратов и поймут их ценность. Однако моим надеждам на обеспечение шерпов кислородом не суждено было осуществиться, так как проведение этого плана повлекло бы за со-

бой значительное увеличение веса их грузов. Кроме того, мы столкнулись с необходимостью экономить кислород вследствие его утечки из многих баллонов во время пути из Англии. Окончательное заключение, хватит ли нам кислорода, можно было сделать после завершения разведки, но все полагали, что более точно установить это можно лишь в течение периода отдыха. 30 апреля я в сопровождении специальной команды шерпов поднялся из Базового лагеря в лагерь III. Шедшие за нами Том Бурдиллон и Чарльз Эванс производили субвысотные испытания аппаратов закрытого типа. В тот же день проходил ледопад Грифф Паф со своим помощником, подростком Мингмой, сыном Да Тенсинга. Они намеревались добраться до лагеря IV или же остаться в лагере III во время работы разведывательной группы. Для Мингмы это был первый опыт передвижения по ледопаду и вообще первый серьезный опыт восхождения. Такое испытание было, пожалуй, слишком суровым для тринадцатилетнего мальчика, обремененного к тому же значительным грузом. Грифф сильно привязался к маленькому Мингме. Он дал ему кое-что из своей одежды, и Мингма, имевший рост 137 см, гордо расхаживал в свитере, рассчитанном на мужчину, ростом 180 см, и доходившем ему до колен. Забавно было слушать их разговоры: каждый говорил на своем языке, непонятном для собеседника, и не удивительно, что Мингма иногда довольно превратно понимал даваемые ему указания. И тогда раздавалось отеческое порицание Гриффа, произ-

носимое спокойным педантичным тоном на чистейшем английском языке: «Мингма, сколько раз я говорил тебе не делать этого». А мальчик внимательно смотрел на него с сокрушенным видом, принимая упрек, которого он не понимал, так же как не понимал, что именно в его действиях послужило поводом для упрека. Однажды Грифф отложил в сторону одну из своих коробок, чтобы поместить в нее для переноски через ледопад важнейшее физиологическое оборудование, пробирки и т. п. Легко понять чувства Гриффа, когда он после утомительнейшего подъема добрался до лагеря III, волоча за собой на веревке уставшего и спотыкающегося Мингму (или, наоборот, – я не помню точно, кто из них больше нуждался в помощи), и, поспешно открыв коробку, чтобы извлечь свои сокровища, обнаружил в ней вместо пробирок для анализов бутылки с пряной манговой приправой.

Во второй половине этого дня в лагере III мы впервые надели так называемые «бредлей», высотные ботинки с кошками. Эти ботинки были принесены сюда в первый период организации лагерей и были предназначены для использования при работе в цирке и выше. Свои обычные горные ботинки с кошками мы оставили в лагере III, чтобы восполнить острую нехватку этого снаряжения у групп, работавших на ледопаде. Новые ботинки оказались очень удобными, но, пожалуй, чересчур теплыми для работы на этих не слишком больших высотах.

1 мая Чарльз Эванс, Том Бурдиллон и я направились

вверх по цирку, чтобы на пути к стене Лходзе разбить лагерь IV, так как до сих пор это название относилось просто к куче набросанных грузов. На следующий день мы собирались произвести предварительную рекогносцировку стены, а затем вместе с Уайли и Уордом выйти на основную разведку. Вместе с нами шли шесть из семи выбранных шерпов; юноша Топкие, который, несмотря на небольшой опыт, сумел в прошлом году подняться до Южной седловины, накануне выбыл из строя вскоре после выхода из Базового лагеря, страдая от сильного кашля. Кроме того, через час после нашего выхода из лагеря III почувствовал себя плохо и также выбыл из строя один из лучших шерпов – Да Намгьял. Поэтому в конечном итоге, после того как мы разделили между собой тук Да Намгьяла, у каждого из нас за плечами оказались довольно значительный груз, около 23 кг. Мы трое пользовались кислородными аппаратами закрытого типа. Было очень жарко и тяжело идти с аппаратами при ослепительном утреннем солнце, лучи которого нагревали безветренный бассейн цирка. Но все же, несмотря на жару и необходимость затрачивать много сил на протаптывание свежего следа в снегу, выпавшем накануне, мы добрались до лагеря IV за два с половиной часа – на час быстрее, чем несколькими днями раньше при разведке цирка. Шерпы к вечеру вернулись в лагерь III с тем, чтобы на следующий день снова подняться вместе с Уайли и Уордом и занести наверх остальные грузы, необходимые для разведки. Лагерь IV служил идеальным

наблюдательным пунктом, с которого удобно просматривался весь предстоящий маршрут. Он был расположен в защищенной от ветра впадине под гигантскими отвесами, спадающими с вершинного гребня Эвереста; лагерь отстоял всего на полтора километра от верхнего конца цирка. С противоположной стороны цирк замыкался длинным, горизонтальным в этой части, зубренным гребнем Нупдзе, обрывающимся в цирк скальной стеной 1200 м. высоты. Замыкающая верхнюю часть цирка стена даже с этого расстояния казалась огромной, и подъем по ней представлялся почти невозможным. Весь обращенный к цирку склон был покрыт огромными крутыми снежными полями, местами обнаженными ветром до полос сверкающего льда. Однородность снежного покрова заметно нарушалась лишь на двух участках. Непосредственно от широкой Южной седловины начиналось скальное ребро, косо спускающееся направо вниз. Ребро вылаживалось примерно посередине между седловиной и цирком и переходило в снеговое поле. Швейцарцы называли это ребро «Контрфорс женевцев» (*Eperon des Genevois*). Мы называли его «Женевским контрфорсом». Скалы контрфорса чрезвычайно крутые, и на них не было видно не только горизонтальных уступов, но даже некрутых участков, где бы можно было поставить палатку. Правее Женевского контрфорса, прямо под вершиной Лходзе, увенчанной башнями, стена пересекалась рядом узких уступообразных террас, разделенных трещинами и крутыми ледовыми стенками. Это был

так называемый ледник Лходзе, который правильнее было бы называть не ледником, а склоном, покрытым льдом. Ледник начинался в 900 м. ниже вершины Лходзе, примерно на расстоянии двух третей пути от верхнего конца цирка до Южной седловины. За исключением места впадения ледника Лходзе в цирк, вся стена отделена от крутого верхнего склона цирка громадной трещиной – бергшрудом (краевая фирновая трещина), очерчивающей подножие стены. Очевидно, что наиболее прямой путь на Южную седловину заключался в форсировании этой краевой фирновой трещины с дальнейшим выходом на Женевский контрфорс и продвижением по одному из его склонов до седловины. Эти крутые склоны, однако, были сильно обледенелыми и не имели пологих участков. На всем этом пути, от цирка до седловины, что составляло около 1200 м, в сущности не было ни одной естественной площадки, пригодной для бивака. Так подымались прошлой весной швейцарцы. Они вышли прямо на седловину, держась правой по ходу стороны контрфорса. Это был выдающийся подвиг, потребовавший, однако, предельного напряжения сил.

Рис. 4. Схема восхождения на Эверест.

А — первый уступ; *Б* — второй уступ; *В* — ледник Лходзе; *Г* — начало траверса (7600 м); *Д* — Контрфорс женеvцев (Женевский контрфорс); *Е* — кулуар, отделяющий контрфорс от стены; *Ж* — Южная седловина; *З* — вершина Лходзе (8531 м); *И* — общее направление Юго-Восточного гребня; *К* — бергшруд (краевая фирновая трещина); *Л* — точка, достигнутая Хантом, Эвансом и Бурдиллоном 2 мая 1953 г. (6850 м).

IV — Передовой базовый лагерь, или лагерь IV (6460 м); *V* — лагерь V (6705 м); *VI* — лагерь VI, промежу-

точный лагерь (7010 м); VII — лагерь VII (7315 м); VIII — лагерь VIII (7880 м.).

Совершенно иной характер носил путь по леднику Лходзе. Покрытые глубоким снегом гигантские ступени отделялись друг от друга отвесными ледовыми стенками. Преодоление небольшого по вертикали участка в таких местах часто требует длинных и сложных обходов. Путь этот идет к вершине Лходзе; для того, чтобы выйти на Южную седловину с верхнего конца ледника, необходимо еще проделать длинный траверс влево по направлению к Женевскому контрфорсу. В целом это был значительно более длинный маршрут.

В предстоявшем нам выборе одного из этих двух вариантов подъема решающую роль сыграло следующее обстоятельство, важность которого подчеркивалась тяжелым опытом швейцарцев.

Именно по пути на Южную седловину необходимо было иметь, по крайней мере, одно удобное место для ночевки. Это позволяло бы производить подъем по стене в два этапа; нам могло понадобиться даже разбить на стене два лагеря и, соответственно, разделить восхождение на седловину на три этапа. Причиной этого были технические трудности подъема, осложненные тем, что их приходилось преодолевать на высотах 6700—7900 м. Промежуточные ночевки на стене можно было организовать, только проложив трассу по отклоняющемуся в сторону леднику Лходзе. Этого же мне-

ния придерживался и Шиптон, просматривавший эти участки подъема с далеких склонов Пумори в 1951 г. Выбор был нами почти что сделан еще до выезда из Лондона. Задачей разведывательной партии было отыскание наиболее удобного пути по леднику Лходзе. Предполагалось, что разведывательная группа найдет места для ночевки, использованные швейцарцами в их осенней попытке, хотя не было никакой уверенности в том, что наша группа в точности повторит путь своих предшественников.

2 мая мы продолжали продвигаться вверх, все еще пользуясь кислородом. В кислородных масках было невыносимо душно и жарко. Мы шли, как обычно, глубоко увязая в свежесвалившемся снегу, но уже по пути, по которому никто из нас еще не проходил. Вторая и последняя ступень, или небольшой ледопад, преграждает путь к впадине в верховьях цирка, но, держась северной стороны ледника, мы легко обошли это препятствие и встретили очень мало трещин. Выше этой ступени, придерживаясь направления, делящего пополам угол между Лходзе и Южной седловиной, мы обнаружили следы швейцарского лагеря V: шесты, определяющие границы лагеря, и несколько наполовину занесенных снегом ящиков с продуктами. Мы шли до лагеря V два часа, то есть примерно вдвое дольше, чем последующие группы, проходившие этот участок. Этот лагерь, по нашим расчетам, находился на высоте около 6700 м.

Далее мы обследовали подножие стены Лходзе и в стороне

справа нашли место, где ледовая стенка пересекалась косым уступом, по которому, по-видимому, можно было продвигаться вверх, преодолевая крутой склон. Этот уступ представлялся нам доступным. Задолго до того, как мы его достигли, начался сильный снегопад, и темп нашего продвижения ещё больше снизился. Впервые за все время пользования кислородным аппаратом я стал испытывать ощущение напряженности и вынужден был часто отдыхать, когда наступала моя очередь идти первым; примерно в таком же состоянии находились и мои спутники. Через полтора часа после выхода из швейцарского лагеря V мы преодолели первый крутой подъем от подножия стены Лходзе. В конце подъема пришлось вырубить ряд ступеней в обнаженном льду, и мы достигли ясно выраженной террасы, над которой возвышалась слегка нависавшая громадная ледовая стена. Так как даже на этих сравнительно умеренных высотах мы не могли подниматься в час более чем на 150 м, то достигнутая нами терраса возвышалась над лагерем V самое большее на 180 м. Траверс, который мы просматривали снизу, начинался слева от нас. Решено было сделать привал. К этому времени погода стала очень плохой. Цирк был заполнен густыми облаками. От места, где мы сидели, склон уходил вверх так круто, что не было никакой возможности посмотреть путь, намеченный снизу. Казалось, что целесообразнее всего было возвратиться и не тратить сил, которые следовало сберечь для основной разведки в последующие дни. Мы сняли маски и

сразу же резко почувствовали недостаток кислорода. Наши движения стали заметно вялыми, в чем я убедился, когда прошел несколько шагов по террасе, чтобы сделать фотоснимок. Интересно, однако, что в этих условиях кислородного голодания мы ясно отдавали себе отчет в его ослабляющем влиянии.

В начале спуска к цирку в моем баллоне кончился кислород, и Том для облегчения веса выбросил баллон и патрон с натронной известью, находившиеся у меня за спиной. Вскоре после этого выбросил свой баллон и патрон Чарльз Эванс. Однако, несмотря на то, что мы избавились от четырнадцати килограммов груза и спускались в более легких условиях по протоптаным нами следам, мы оба сильно устали. Я с трудом передвигал ноги, и думаю, что то же самое испытывал и Чарльз. Том, у которого еще оставался запас кислорода, продолжал идти в маске. Но хотя он и был в несколько лучшем состоянии, чем мы, все же вся наша группа, вернувшаяся в тот же день в 4 часа после полудня в лагерь IV, была крайне утомленной.

В это же время на меньшей высоте производился другой эксперимент с кислородными аппаратами, также запланированный к выполнению до периода отдыха. Хиллари и Тенсинг вышли из Базового лагеря утром с аппаратами открытого типа и, расходуя четыре литра в минуту, они дошли до лагеря IV ровно за пять часов, включая сюда сорок пять минут, затраченные ими на отдых в лагерях II и III. При этом

состояние пути по цирку было плохим вследствие преобладавшей накануне скверной погоды. Это было поистине замечательное достижение, свидетельствовавшее как о прекрасной спортивной форме этих исключительных людей, так и об эффективности их кислородного оборудования. Оба они пришли совершенно свежие и готовые тут же отправиться в далекий путь назад в Базовый лагерь. Раньше я предполагал по окончании просмотра стены Лходзе спуститься вниз вместе, но я чувствовал себя слишком усталым, для того чтобы присоединиться к ним. Так как оставалось всего два часа светлого времени, а падавший свежий снег грозил занести проложенный след, то Хиллари и Тенсинг почти сразу же вышли, несмотря на снежную бурю. Три километра спуска по цирку были для них ужасны. Они шли, поминутно проваливаясь, по хрупкому насту, часто теряя путь через ледопад. Падающий снег слепил глаза, темнело, следы занесло свежим снегом, но, несмотря ни на что, в 7 час. 30 мин. вечера – меньше чем через три с половиной часа после выхода из лагеря IV – они достигли Базового лагеря: «Усталые, – цитирую дневник Хиллари, – но отнюдь не изнуренные».

Основная разведывательная группа поднялась в лагерь V 3 мая. Я оставил ей инструкцию – разбить лагерь как можно выше на стене Лходзе; на следующий день из этого лагеря должна была выйти вверх партия с аппаратами закрытого типа. Теперь, после нашей попытки 2 мая, было ясно, что при существующих снежных условиях разведывательная

группа имела очень мало шансов достигнуть Южной седловины. Однако можно было надеяться, что ей удастся подняться до верхнего конца ледника Лходзе и оттуда с близкого расстояния просмотреть начало траверса к Женевскому контрфорсу; эта часть пути казалась мне наиболее лавинопасной. Учитывая, каких усилий стоило нам достичь точки, лишь немного возвышающейся над подножием стены, я дал указание, чтобы разведка продолжалась не дольше сорока восьми часов. Мы условились, что разведывательная группа вернется в Базовый лагерь 6 мая. После этого я оставил разведывательную группу в самом высоком для того времени нашем лагере и с тремя плохо себя чувствовавшими шерпами – Да Тенсингом, Гьялдженом и Анг Давой (вторым) – вернулся в лагерь IV, а затем уже в сумерках – в лагерь II. Здесь мы заночевали и на следующий день, 4 мая, спустились в Базовый лагерь. Итак, разведывательная группа благополучно приступила к работе, и нам оставалось лишь ждать ее сообщений.

Погода попрежнему была отвратительной. 4 мая, когда группа Чарльза Эванса начала подъем на стену, в цирке было еще больше снега. Вместо того чтобы продолжать движение по открытому нами возможному пути справа, они начали подъем значительно левее, под влиянием Анг Тембы, помнившего маршрут швейцарцев. Этот путь выглядел малообещающим из-за крутых сераков, нависавших над самой верхней террасой цирка под ледником Лходзе. Была лишь одна

возможность: пройти по наклоненному вправо под большим углом косому желобу, покрытому сухим рассыпчатым снегом глубиной по бедро. Чарльзу Эвансу посчастливилось заметить на поверхности кусок репшнура; он потянул его и обнаружил веревочные перила. Это было начало осеннего маршрута швейцарцев. По этому желобу и был начат подъем. Вертикальная ледовая стенка заставила группу страверсировать влево в обход другой ледяной глыбы и далее продвигаться по узким крутым коридорам между ледовыми отвесами все время по глубокому снегу. Такое прощупывание шаг за шагом сложного маршрута в некоторых отношениях походило больше на лазание по трудным скалам, чем на движение по льду и снегу.

На пути вверх почувствовал затруднения с дыханием Уорд, поднимавшийся с Эвансом и надевший аппарат открытого типа. При осмотре его аппарата Бурдиллон обнаружил, что Уорд получал в минуту один литр кислорода вместо четырех. Так как Уорд заметно обессилел, а устранить неисправность в его аппарате не было возможности, то он остановился, намереваясь вернуться вниз с теми, кто позже будет спускаться в лагерь.

Далее некоторое время группа могла двигаться прямо вверх по желобу крутизной свыше 50 градусов до тех пор, пока крутизна сделала подъем невозможным. В этом месте пришлось сделать рискованный траверс вправо к другой террасе и некоторое время продвигаться по ней. Затем корот-

кий крутой ледовый камин, снова маркированный швейцарской веревкой, закрепленной во льду на крючьях, вывел их зигзагом сначала вверх по самому крутому участку из встреченных до сих пор, затем поперек него, далее вправо, затем длинным обходом назад и, наконец, налево вверх. Во время движения, для того чтобы вырубать ступени, приходилось разгребать толстый слой рыхлого ненадежного снега, покрывавшего лед. Это было крайне утомительно, особенно для Бурдиллона, шедшего на этом участке первым.

Как раз в тот момент, когда всеобщее внимание было приковано к трудностям маршрута, произошло небольшое, но при данных обстоятельствах весьма серьезное происшествие. Том Бурдиллон, счищавший снег со льда, в котором он рубил ступени, вдруг услышал слабеющий голос: «У меня перестал идти кислород...» Это был Чарльз Уайли, шедший непосредственно за ним на одной веревке. Он стоял согнувшись, опираясь на ледоруб, и, очевидно, чувствовал себя плохо. Положение было отчаянным. На таком крутом склоне опасность была очень велика. При такой крутизне развернуться и спуститься назад было очень трудно. Не легче было для задыхающегося осторожно балансирующего Чарльза снять со спины тяжелый кислородный прибор и посмотреть, в чем дело. Тем не менее он сумел это выполнить. Кислородный баллон оказался пустым. Сняв маску, Чарльз некоторое время чувствовал себя очень плохо, задыхаясь в разреженном воздухе, после столь длительного пользования кислоро-

дом. Вскоре, однако, он, хотя и шатаясь, как пьяный, все же нашел в себе силы медленно продвигаться дальше. Несколько выше показался крошечный уступ с остатками изорванной в клочья палатки и других предметов снаряжения. Это был швейцарский лагерь VI. Поднявшись с трудом к этому месту, группа расчистила площадку и поставила свою палатку. Сложив кислородные баллоны, продовольствие и прочее предназначенное для их лагеря снаряжение, Уайли и шерпы начали спускаться вниз к Уорду, сильно страдавшему от недостатка кислорода. Небольшая измученная группа медленно потащилась к лагерю V, оставив Бурдиллона с Эвансом одних на стене Лходзе.

В лагере VI Бурдиллон и Эванс сделали очень ценное открытие. Они нашли четыре заряженных кислородных баллона, о которых упоминали швейцарцы; мы считали, что они находятся на стене Лходзе в их лагере VII. Баллоны оказались в хорошем состоянии. В задачи разведывательной группы входило и отыскание швейцарских запасов, так что Бурдиллон был подготовлен к этой ценной находке. При помощи инструментов, изготовленных специально для нас нашей кислородной фирмой, а также инструментов, найденных им в лагере V, Том вскрыл эти баллоны. Благодаря этому он и Чарльз Эванс прекрасно отдохнули за ночь, вдыхая во время сна кислород; часть найденных баллонов осталась неиспользованной и должна была пригодиться во время штурма.

5 мая Чарльз Уайли с Уордом, все еще ощущавшим

последствия неприятного происшествия, совместно с Анг Тембой и Пембой вернулись, на этот раз без кислородных приборов, в лагерь VI. В это время Бурдиллон и Эванс продолжали движение вверх по стене. Погода и состояние снега были в равной степени ужасными. Я надеялся, что Бурдиллон и Эванс смогут держаться средней линии ледника, где склон, повидимому, не пересекался ледовыми стенами и трещинами и выглядел снизу преодолимым. Но оказалось, что этот путь в существовавших в это время условиях был непреодолим. Они были вынуждены продолжать двигаться левее по более сложному рельефу. Даже на коротких склонах глубокий снег оказался неустойчивым, и оба они чувствовали, что рискуют сорвать лавину. Кроме того, они не могли составить ясного представления о том, что их окружало, из-за плохой видимости: во время восхождения шел снег. Достигнув высоты почти 7300 м, Чарльз и Том решили начать спуск. Они не дошли до какой-либо определенной точки, но в сложившейся обстановке продолжать дальше разведку было бесполезно и опасно.

В целом разведку следовало признать большим и весьма ценным по своим результатам достижением. Стало ясно, что, как мы и ожидали, подъем на стену Лходзе оказался трудно преодолимой задачей и потребует много времени для того, чтобы проложить путь по стене, организовать на ней промежуточные лагеря и забросить в них грузы, необходимые для этих и более высоких лагерей на седловине и вы-

ше. Такую же ценность представлял собой опыт использования кислородных, особенно (все еще считавшихся нами экспериментальными) аппаратов закрытого типа. Два дня спустя в Базовом лагере я был поражен энтузиазмом, с которым восходители отзывались о кислородных приборах, которыми они пользовались. Я не ожидал этого после нашего совместного опыта в цирке. Оказалось, что испытание при более холодной погоде и на большей высоте дало вполне удовлетворительные результаты. Чарльз Уайли был очень доволен теми из выбранных шерпов, которые могли продолжать движение после того, как их товарищи почувствовали себя плохо. Очевидно, мы подобрали замечательных людей для заключительного этапа экспедиции.

В результате этой предварительной разведки у нас сложилось следующее впечатление. Во-первых, что наши надежды (на которых базировался лондонский план) на возможность добраться до лагеря на полпути по стене Лходзе непосредственно из Передового базового лагеря в цирке, повидимому, нереальны. На самом деле впоследствии оказалось, что предположение, из которого мы исходили в Лондоне, было вполне осуществимо. Во-вторых, что восходителям следует отказаться от использования кислорода вплоть до выхода из швейцарского лагеря V у подножья стены Лходзе. Это было продиктовано отчасти неудобством использования масок в цирке, а отчасти моим опытом 3 мая, когда я без всякого кислородного аппарата сопровождал разведывательную группу

до лагеря V и, несмотря на четырнадцать килограммов груза за плечами, шел, во всяком случае, не хуже других и получал несравненно больше удовольствия. Как выяснилось позже, и в этом мы были неправы.

Глава XI

ПЛАН

В базовом лагере было необычно пусто и тихо, когда 4 мая я вернулся туда с тремя больными. Кроме Тенсинга, вышедшего мне навстречу и со всегдашней улыбкой горячо пожавшего мне руку, там находились только Джемс Моррис из «Таймса», Грифф Паф, Джордж Бенд и один или два шерпа. Все остальные ушли отдыхать в Лобудже. Нас ожидала масса новостей, наилучшей из которых была свежая пачка писем. К этому времени наши почтальоны довольно регулярно раз в неделю прибывали в Базовый лагерь. На путь в Катманду из Базового лагеря, что составляло более 240 км. по гористой местности, у них обычно уходило девять дней. Но самый быстрый из них, работавший у Джемса Морриса, успевал пройти это расстояние за шесть дней, что было немалым достижением.

Я узнал, что Джемс в сопровождении Джорджа Бенда и Майкла Уэстмекотта подымался в лагерь III – выдающийся подвиг для человека, ни разу не совершавшего восхождения и не акклиматизировавшегося на такой высоте. С 1 мая Всеиндийское радио и Би-би-си в трансокеанской программе стали регулярно передавать для нас специальные сводки погоды. Каждый день они с унылым однообразием предсказывали «снежные шквалы». Эти сообщения были полезны

для нас, но остальные слушатели вряд ли имели представление о том, чего стоили эти «шквалы» носильщикам, с громадным трудом подымавшимся по ледопаду и цирку. Метеосводки интересовали нас еще и потому, что от них зависел успех двух других больших экспедиций, проводившихся в этот период; я имею в виду японскую попытку восхождения на Манаслу и швейцарскую – на Дхаулагири, соседнюю с Аннапурной, но более высокую вершину, которая была первоначальной целью экспедиции Мориса Герцога в 1950 г. Ожидалось, что в это время года массы воздуха, идущие к Эвересту, пройдут как раз через эти вершины, расположенные к северо-западу от нас. О приближении муссона в метеосводках пока не упоминалось, и я попросил Джорджа Бенда потребовать по радио, чтобы отсутствие муссона специально оговаривалось в сводках.

Часть шерпов вышла из строя, главным образом из-за изнурительного сухого кашля, очень распространенного в это время среди нас и знакомого каждому, кто бывал на Эвересте. Этот кашель, повидимому, вызывался сухим холодным воздухом, хотя Тенсинг приписывал его непогоде, которая, как он уверял, обычна для этого времени года. Наши ряды сильно поредели, и я надеялся, что более теплая погода в Лобудже поможет поставить на ноги многих больных. Гораздо серьезнее заболел Том Стобарт. Перед самым перерывом работ он также совершил свое первое путешествие к верхнему концу ледопада, чтобы заснять движение наших носиль-

щиков, и, вернувшись в Базовый лагерь, почувствовал себя плохо. В Лобудже у него поднялась температура, и ему стало тяжело дышать. Грифф, перед тем как спуститься вниз к больному, очень хотел получить из первых рук сведения о Майкле Уорде и Чарльзе Эвансе, находившихся в это время на стене Лходзе. Поэтому мы немедленно отправили с почтальоном рацию в нижний лагерь, назначив связь на 6 часов вечера. Джордж Бенд сильно сомневался в удовлетворительности приема, так как расстояние в 10 км. было слишком большим для мощности наших раций, к тому же одна станция отделялась от другой выступами рельефа. Легко понять, какое радостное облегчение мы почувствовали, услышав голос Джорджа Лоу, сначала невнятный, затем достаточно отчетливый, для того чтобы Грифф мог составить себе некоторое представление о состоянии здоровья больного. Грифф подозревал воспаление легких, что и подтвердилось на следующий день, когда он сам посетил Стобарта.

Я спустился, чтобы навестить Тома 6 мая, и был очень обрадован, что он чувствовал себя лучше, и уже беспокоился о том, чтобы не упустить возможности произвести кино съемки на ледопаде и в цирке. Пока же в качестве запасного фотографа его заменял Джордж Лоу, использовавший один из наших маленьких аппаратов, предназначенных для съемок выше Западного цирка, где этим придется заниматься участникам штурмовых групп. Несмотря на это, всегда отличавшийся добросовестностью Том страстно хотел лично вы-

полнить данные ему поручения, и можно считать большим успехом, обязанным силам его организма и воле, что к середине мая он был вместе с нами в Передовом базовом лагере. Его можно было видеть в своей палатке с аппаратом наготове, подобно пауку в центре паутины, всегда готовым к тому, чтобы выскочить и заснять подвернувшийся интересный эпизод.

С 5 мая мы снова приступили к организации лагерей. После того как около половины всех необходимых грузов было поднято к истокам ледопада, центром нашей деятельности на некоторый период должен был стать лагерь III. Действительно, в течение последующих десяти дней именно этот лагерь был Передовым базовым. Туда были отправлены две высотные команды во главе с Джорджем Лоу и Джорджем Бендом. Майкл Уэстмекотт, который все еще не оправился от болезни, должен был присоединиться к ним несколькими днями позже. Перед этими тремя руководителями и их четырнадцатью подчиненными была поставлена задача — забрасывать грузы в лагери IV и V, с тем чтобы к середи-

не мая превратить лагерь IV в Передовой базовый. Отдавая распоряжение о проведении этой важной операции, я сказал Джорджу Лоу, который всегда стремился быть полноценным участником в разрешении всех наших задач и горел желанием наверстать время, упущенное из-за болезни: «Не беспокойтесь; вероятно, мне придется попросить вас заняться не только этим, но и прокладыванием маршрута по стене Лходзе. Все зависит от того, что сообщит завтра по возвращении разведка». Вряд ли кто-нибудь представлял себе тогда, сколь пророческими были эти слова в отношении будущей роли Джорджа на Эвересте. В этот период до возвращения и отдыха разведывательной группы руководить двумя субвысотными командами могли лишь Тенсинг, Грегори и Нойс. Груда ящиков с продуктами и корзин заметно уменьшалась в объеме, и мы рассчитывали, что к 15 мая все грузы будут доставлены в соответствующие лагеря.

Группа Чарльза Эванса вернулась вечером 6 мая, усталая, но с каким-то неуловимым чувством уверенности, которое удивило меня в первый момент, когда я узнал об ужасных условиях подъема на стену на высоте 7300 м, до которой удалось подняться разведке. Вскоре, однако, я понял, что они имели право быть довольными и гордиться своими достижениями, особенно, если учесть трудности, вызванные плохой погодой и плохим состоянием снега. Действительно, было немалым подвигом взобраться по этим крутым обрывам до лагеря VI и еще большим – продвинуться выше. Результа-

ты разведки давали мне возможность покончить с неопределенностью в выработке общего плана восхождения, который надо принять и при распределении, кому и что именно придется делать при проведении этого плана в жизнь. На следующее утро я предложил всей штурмовой группе собраться в главной палатке, чтобы я мог изложить программу дальнейших действий. 7 мая, незадолго до этого важного совещания, мы с Эдом Хиллари и Чарльзом Эвансом провели предварительное обсуждение плана, сидя в лучах утреннего солнца рядом с бурдиллоновским навесом для баллонов.

Накопленный за последние недели опыт позволял сделать вывод о том, что наши людские и материальные ресурсы допускают проведение подряд только двух попыток штурма. Для проведения же третьей и последней попытки придется в течение нескольких дней восстанавливать силы и пополнять запасы в промежуточных лагерях. Придя к такому заключению, я сначала решил объединить наши усилия, чтобы нанести один мощный удар, эквивалентный двум отдельным попыткам, а в случае неудачи спуститься и подготовить еще две быстро следующие одна за другой попытки. В дальнейшем, однако, мы поняли, что слабыми сторонами такой тактики однократного удара были плохая приспособленность ее для максимального использования периода хорошей погоды, а также громоздкость и негибкость штурма. В противовес этому весьма оправданным выглядел план двукратной атаки: предпринимаются две попытки в тесной взаимосвязи и с

небольшим интервалом между ними. Неудача первой группы в таком случае может быть использована второй без потери времени и не подающихся учету моральных и физических сил, которые пришлось бы затратить на отступление с Южной седловины, восхождение на которую потребовало столь значительных усилий. Я надеялся, то третья попытка не потребуется; но если бы в ней возникла необходимость, у нас оставалось вполне достаточно времени, чтобы ее тщательно подготовить.

Итак, идея двух штурмов подряд была принята. Оставалось решить, как именно их проводить и какие кислородные аппараты использовать. Эти вопросы были тесно связаны друг с другом, так как тактика штурма в известной степени определялась типом кислородного оборудования. Было уже давно установлено, по крайней мере теоретически, преимущество системы закрытого типа, заключающееся в том, что она обеспечивает восходителю больший запас выносливости: при одном и том же запасе кислорода альпинист, использующий аппарат закрытого типа, имеет возможность подниматься дольше, чем его товарищ с аппаратом открытого типа. Кроме того, на очень больших высотах аппарат закрытого типа, несмотря на его больший вес, позволяет двигаться заметно быстрее. Подтверждения этих двух ценных качеств мы ждали от только что проведенных испытаний на стене Лходзе. В отношении штурма пирамиды Эвереста была надежда, что при помощи аппаратов закрытого типа можно

достигнуть вершины непосредственно из лагеря на Южной седловине, расположенного на расстоянии 1,5 км. от вершины и ниже ее на 900 м. В противоположность этому при использовании аппаратов открытого типа практически не было никакой надежды дойти до вершины, не установив еще одного промежуточного лагеря. Эффективность аппарата открытого типа была существенно меньшей; хотя он и давал значительные преимущества по сравнению с движением без кислорода, все же следовало ожидать, что темп продвижения восходителя с аппаратом открытого типа сильно замедлится на больших высотах. Нет нужды объяснять ту экономию во времени и силах, которую дает возможность обойтись без добавочного лагеря. Кроме того, чем дольше продолжается штурм, тем больше становится риск оказаться застигнутым непогодой; быстрота – основа безопасности восхождения на любую вершину, и тем более на Эверест. Именно поэтому я одобрительно относился к тому, чтобы Том Бурдиллон продолжал испытания своего специального оборудования, хотя оно имело ряд явных недостатков, и, несмотря на очевидную ненадежность использования двух разных типов кислородных аппаратов, успех при использовании любого аппарата определяется степенью умения обращаться с ним и точным знанием его особенностей. Моя настойчивость объяснялась также тем, что проблема переноски грузов на последних 900 м. подъема от Южной седловины до вершины Эвереста, очевидно, будет решающей и что мы должны довести до мини-

мума вес багажа, который придется нести нескольким участникам, выделенным для штурма.

План двух штурмов допускал, в сущности, только два альтернативных варианта его проведения. Или обе штурмовые группы используют аппараты открытого типа, или же одна группа идет с аппаратами закрытого, а другая – с аппаратами открытого типа. Третий вариант, в котором обе группы пользуются аппаратами закрытого типа, я считал неприемлемым из-за риска, связанного с использованием аппаратов этого типа: неисправность механизма грозила потерей сознания вследствие резкого перехода от вдыхания стопроцентного кислорода к вдыханию окружающего сильно разреженного воздуха. Надежность же и бесперебойность действия механической части оборудования могла быть окончательно проверена только при самом штурме. Из двух приемлемых вариантов по соображениям, изложенным выше, второй был существенно более экономичным по времени, весу аппаратов и требуемым человеческим усилиям. Эти обстоятельства были для нас очень важны, ввиду необходимости иметь в нашем распоряжении все эти три ресурса, чтобы в случае надобности предпринять третью попытку штурма. Этот вариант был также более безопасен в отношении использования благоприятной погоды, так как при его проведении мы сэкономили целые сутки. С другой стороны, первый вариант, если бы нам удалось осуществить его, был значительно более безопасным в другом, не менее важном, от-

ношении. Именно, аппараты открытого типа являлись испытанным оборудованием, которое вряд ли могло испортиться. Но даже и в этом последнем случае восходитель подвергался гораздо меньшему риску пострадать от внезапности перехода к дыханию в разреженной атмосфере, так как часть атмосферного воздуха все время попадала к нему в легкие, смешанная с дополнительным кислородом, поступавшим из аппарата. Выбор между двумя вариантами был очень труден.

Какой бы вариант кислородного оборудования мы ни выбрали, план проведения штурма в обоих случаях был примерно один и тот же. Каждая штурмовая группа должна состоять из двух человек. Многие говорили о том, чтобы увеличить число людей в группах до трех или даже четырех, но это было невозможно из-за довлевшей над нами ограниченности запасов продовольствия. Каждой штурмовой группе должна быть придана вспомогательная, помогающая в переноске грузов, готовая встретить штурмовую группу при возвращении, способная заменить ее и, наконец, в случае необходимости, идущая на выручку. Вторая попытка должна сразу же следовать за первой. В самых верхних лагерях из-за трудностей заброски будет ограниченное количество продовольствия и спальных мест, поэтому интервал между двумя штурмами должен быть не меньше двадцати четырех часов. Тем самым вторая штурмовая группа в известном смысле страховала первую, а в случае неудачи была готова сама выйти на штурм. Вторая группа должна содержать страховую

в своих собственных рядах и быть соответственно многочисленнее первой.

Обе штурмовые группы начнут восхождение с Передового базового лагеря, которым, напомним, должен был стать нынешний лагерь IV, расположенный на 6460 м. высоты, и двигаться к Южной седловине, имеющей высоту 7880 м, по следующему графику: первый день – до лагеря V у подножия стены Лходзе, второй день – до лагеря на полпути вверх по стене Лходзе (мы называли его «лагерем стены Лходзе»); третий день – подъем на седловину, где будет установлен еще один лагерь. Ни одна группа не должна будет задерживаться на седловине, если ее не вынудит к этому непогода или ветер. Последний пункт был очень важен, так как задержка людей на седловине грозила физическим изнурением и требовала дополнительных запасов продовольствия.

В отношении употребления кислорода оба варианта штурма также имели много общего. Находясь под сильным впечатлением от неприятного эксперимента во время предварительной разведки стены Лходзе 1 и 2 мая, мы предполагали начинать пользоваться кислородом не от Передового базового лагеря, а лишь от лагеря V. Начиная от него, обе штурмовые группы будут пользоваться кислородом во время восхождения. Планировалось также снабдить лагеря над цирком баллонами с «ночным кислородом», используя для этой цели и швейцарские баллоны. Снабженные специальными легкими масками, участники штурма ночью будут по-

лучать кислород в небольшом количестве из расчета 1 литр в минуту и тем самым смогут сохранить свои физические силы.

В частности они смогут спать более спокойно и лучше переносить холод.

Все эти основные пункты плана были разработаны давно. Для обоих вариантов плана была составлена подробная таблица необходимых грузов (приведена в приложении V). В то утро 7 мая мне оставалось решить только два вопроса: во-первых, какой из двух вариантов плана принять, и, во-вторых, что именно персонально поручить каждому участнику штурмовой группы. Именно эти два вопроса я обсуждал с Эдом Хиллари и Чарльзом Эвансом в нарастающей жаре этого памятного дня. Наше совещание было коротким, так как обнаружилось полное согласие мнений. Мы пошли к главной палатке, где уже собрались все остальные участники.

В палатке явно чувствовалась атмосфера ожидания и напряжения. Действительно, это был момент, которого с нетерпением все ожидали. Происходило важнейшее событие в экспедиции, если не считать самого штурма. Каждый, безусловно, был лично заинтересован в ответе на вопрос: «Что именно поручат выполнить мне?». Прежде чем начать говорить, я окинул быстрым взглядом моих товарищей. Некоторые из них сидели на ящиках, другие лежали на своих спальных мешках. Джемс Моррис приготовился делать заметки,

чтобы после составить по ним важное сообщение для своей газеты. Тенсинг находился рядом со мной у входа в большую палатку. Все мысленно задавали себе один и тот же вопрос. Было тихо и душно.

Основное содержание моей речи сводилось к следующему: мы будем продолжать работу по заброске грузов, с тем чтобы быть готовыми к выходу на штурм в любой день после 15 мая. В течение этого времени необходимо провести большую работу по подготовке пути по стене Лходзе, что, по-видимому, отнимет больше – времени, чем предполагалось. Тем не менее эту работу необходимо выполнить к указанному сроку.

Штурм будет проводиться по варианту с комбинированным использованием аппаратов закрытого и открытого типов. Первой будет произведена попытка штурма в аппаратах закрытого типа, так как они обеспечивали большую быстроту передвижения и экономию сил. В случае успеха незачем предпринимать вторую попытку, тем более, что вряд ли благоприятная погода продлится достаточно долго для выполнения двух восхождений. Тем самым можно будет обойтись и без лагеря на Юго-Восточном гребне. Первый штурм будет предпринят Томом Бурдиллоном и Чарльзом Эвансом, которые прекрасно сработались в связке друг с другом и приобрели большой опыт в обращении с кислородными аппаратами закрытого типа. Говоря о штурме с аппаратами закрытого типа, я пояснил, что его ближайшей целью будет Южный

пик, так как эти аппараты носили экспериментальный характер, а при восхождении на вершину надо было пройти большое расстояние, причем частично по совершенно незнакомому пути. Только в том случае, если действие кислородных аппаратов и снабжение будут вполне удовлетворительны, если погода окажется устойчивой и если характер пути между двумя пиками окажется таким, что это расстояние можно будет пройти туда и обратно, не подвергаясь серьезной опасности, только в этом случае они могут попытаться идти дальше. После этой первой связки немедленно выйдут Хиллари и Тенсинг с аппаратами открытого типа. Они уже, вне всяких сомнений, заслужили право на штурм вершины. Второй штурмовой группе будет придана вспомогательная, в которую входили я, Грегори и четыре-пять выбранных шерпов, которых мы тренировали и держали в резерве специально для этой цели. Мы последуем совету, данному мне Нортон и Лонгстафом; нашей специальной задачей будет организация последнего лагеря как можно выше на Юго-Восточном гребне. Я полагал, что это будет высота порядка 8540 м, хотя, конечно, все зависело от различных непредвиденных обстоятельств, среди которых не последним была возможность найти площадку, пригодную для установки небольшой палатки.

Я должен сделать небольшое отступление и отметить, что впоследствии организация вспомогательных операций была изменена. По ряду веских соображений все участвующие

в заброске снаряжения для верхнего лагеря должны были двигаться единой группой, однако я чувствовал, что гораздо важнее организовать еще одну вспомогательную группу, предназначенную для страховки первой штурмовой группы, так как мы не могли быть уверенными в том, что интервал между двумя попытками не окажется больше суток вследствие непогоды или иных причин. Чтобы находиться на седловине во время обеих попыток, я решил включить себя вместе с двумя шерпами в состав вспомогательной группы при первой штурмовой связке; Грегори с тремя шерпами должен составить вспомогательную группу при Хиллари и Тенсинге.

В случае если обе штурмовые группы не встретят особых препятствий на пути от цирка к седловине, то вторая группа должна будет подняться на седловину в тот же день, когда первая связка с аппаратами закрытого типа спустится вниз после окончания своей удачной или неудачной попытки восхождения. Тогда на месте же будет принято решение о том, следует ли продолжать штурм и предпринять вторую попытку. Я надеялся, что она будет предпринята в любом случае. Проведение этой попытки займет два дня – один день уйдет на заброску палатки и запасов для ночевки возможно выше на гребне, ведущем к Южному пику.

Однако, для того чтобы полностью подготовиться к штурму, необходимо было сделать еще многое. Прежде всего мы должны были снабдить лагерь IV достаточным количеством продуктов, чтобы иметь возможность дожидаться в нем пе-

риода хорошей погоды. По нашим планам мы должны были осадить Эверест в течение двух недель. Если вершина окажет более длительное сопротивление, то нам придется пополнять наши запасы из Базового лагеря. В то же время все грузы, требуемые для штурма, то есть предназначенные для использования выше цирка, необходимо доставить в лагерь V, который, таким образом, явится складом для штурмовых грузов. Точное количество и вес этих грузов были уже известны, и, следовательно, число шерпов высотной группы для их переноски было уже установлено. Потребуется не меньше двенадцати человек, не считая резерва. Эти шерпы будут совершать свои переходы двумя отрядами, каждый под руководством одного из восходителей. В качестве руководителей этих важнейших операций штурма были избраны Чарльз Уайли и Уилфрид Нойс, оба они превосходно сработались с шерпами. Эта окончательная транспортировка грузов на Южную седловину может быть выполнена вне зависимости от сроков штурма; но если к завершению транспортировки погода не испортится, то первая штурмовая группа выйдет немедленно за этой группой. Чтобы избежать ненужной организации большого лагеря на стене Лходзе и свести к минимуму задержки при движении, отрядам Нойса и Уайли лучше было идти, как и штурмовым группам, с суточным интервалом.

Перед нами, однако, встанет еще одна задача, которую необходимо будет выполнить до начала заброски на седло-

вину: надо подготовить путь по стене Лходзе хотя бы до траверса от верхнего конца ледника Лходзе влево по направлению к Женевскому контрфорсу. Некоторое представление о масштабах этой проблемы дала нам разведка, но 7 мая мы еще не представляли ее действительной трудности. Эту работу я решил поручить Джорджу Лоу, прекрасно владеющему ледовой техникой, а также Джорджу Бенду и Майклу Уэстмекотту, дав им в помощь четырех из наших лучших шерпов. Все эти люди, за исключением Уэстмекотта, уже находились в лагере III, то есть на полпути к подножью стены; чтобы окончить свою работу к 15 мая, они должны тотчас же приступить к ее выполнению, а в лагере III их должны заменить другие люди. Мы с Эдом Хиллари должны были выйти наверх завтра; Эд – для того чтобы сопровождать основную транспортировочную группу от лагеря III к лагерю IV, а я, отобрав в лагере III четырех людей, – чтобы обосноваться в лагере IV и начать переноску грузов на место швейцарского лагеря V. Грегори и Тенсинг в течение некоторого времени будут продолжать руководить субвысотной транспортировочной группой грузов по ледопаду. Разведывательная группа должна будет спуститься в Лобудже для вполне заслуженного отдыха.

Очевидно, что для выполнения стоящих перед нами многочисленных задач практически необходимы все участники восхождения. Этот план был довольно оптимистичен, так как начиная с этого момента и впредь можно было серьезно надеяться на успех только при полной пригодности каждого

из членов экспедиции. Вне собственно штурмового отряда я имел в резерве только одного человека – Майкла Уорда. Мне казалось важным, чтобы на время самого штурма Майкл оставался в Базовом лагере на случай какого-либо несчастья, вызванного обмороживанием, истощением и пр. Но до этого он мог принести большую пользу, заменяя уставших или больных людей.

Я был не менее чем раньше озабочен тем, чтобы не задерживаться на Эвересте дольше, чем это было необходимо. Если к середине мая погода будет такая же плохая, как и за последний месяц, и если в метеосводках будет предсказываться продолжение такой погоды, то мы, возможно, спустимся вниз и, сравнительно удобно расположившись ниже ледника, будем выжидать улучшения погоды.

Таков был развернутый план. Насколько я могу судить, атмосфера напряженности и ожидания сменилась теперь атмосферой уверенности и удовлетворения. Исчезли всякие сомнения в отношении будущей работы; каждый представлял себе общий план действий, знал, какую именно задачу он должен был выполнять, и понимал, насколько тесно связаны между собой различные операции, направленные к достижению конечной цели экспедиции. Каждый чувствовал, что выполнение порученной ему задачи будет играть важную роль в достижении цели.

Собрание закончилось, и мы разошлись; Чарльз Эванс и Том Бурдиллон пошли сортировать и маркировать оставши-

еся грузы, предназначенные к подъему по ледопаду. Тенсинг и Чарльз Уайли обсуждали, как распределить шерпов по отрядам, Уилфрид Нойс, только что возвратившийся из операции по переноске грузов, занимался подсчетом пайков, заменяя находившегося в лагере III Джорджа Бенда. Отсутствовали только оба Джорджа, но я смог вкратце изложить им план, когда поднялся к ним. Однако на следующий день вечером наше приподнятое настроение несколько упало из-за серьезных неприятностей. В 5 часов вечера я в разговоре по радио сообщил Джорджу Лоу о том, что мы с Эдом Хиллари намерены на следующий день подняться до него и выше. С нами будет Майкл Уэстмекотт, который вместе с двумя Джорджами освобождается от своих текущих обязанностей для другой важной работы. Подробные объяснения лучше было отложить до встречи. В ответ Джордж сообщил горестную весть: «Алло, Джон на базе, говорит Джордж Лоу из III. Джордж Бенд заболел: болит горло и высокая температура. Весь день лежит. Мало шансов на то, что он поправится здесь. Ему необходимо как можно скорее спуститься вниз. Конец». Таким образом, в головной группе, направляемой на стену Лходзе, уже не хватало одного человека. По крайней мере в течение нескольких дней ни только что вернувшегося с разведки Майкла Уорда, ни какого-либо другого участника экспедиции нельзя послать, чтобы заменить заболевшего. Я тотчас же согласился, чтобы Джордж Бенд спустился в Лобудже для лечения. Джордж Лоу продолжал: «Дошли до IV

в полдень, после того как три с половиной часа непрерывно пробивали путь в глубоком снегу. Через час после выхода начался снегопад. Вышли обратно вскоре после двенадцати 800 м. шли по следам, далее снегопад при сильном ветре замел все следы. Маркировочные флаги не видны с расстояния 50 м. Топкие провалился в трещину. Некоторые шерпы испугались, но, конечно, не старик Дава Тхондуп. Гомпу совсем обессилел. Одежда обледенела. Все растерялись. Снег почти по колено. Все время петляли, разыскивая флаги. Путь в „Лощине Ханта“ был ужасен. Наконец переползли лестницу. Смертельно усталые, шатаясь, добрались до III».

Я попросил Джорджа устроить в лагере III день отдыха, чтобы все могли оправиться от такого тяжелого испытания.

Мне начинало казаться, что при проведении плана у нас могут возникнуть трудности, связанные с недостатком людей. Для всех это было началом периода нарастающей тревоги.

Глава XII

СТЕНА ЛХОДЗЕ. ВТОРОЙ ЭТАП

За время короткого перерыва в работе по заброске на ледопаде произошел ряд неожиданных изменений. 9 мая мы с Эдом Хиллари вышли в лагерь III, для того чтобы освободить Джорджа Лоу для выполнения его новой задачи на стене Лходзе. Приближаясь к крутому участку пути ниже «Дороги через пекло», мы не увидели привычного зрелища – изящного пальцеобразного ледяного серака, раньше отчетливо вырисовывавшегося на фоне неба у обрыва террасы, где был разбит лагерь II. В одном отношении отсутствие серака было для нас облегчением, ибо он угрожал падением каждой группе, проходившей мимо него вверх или вниз. С другой стороны, этот серак служил полезным ориентиром при отыскании правильного пути в лабиринте трещин при свежесвыпавшем снеге. Зато высокий ледяной столб, являвшийся следующим грозным стражем, навис теперь над самой «Дорогой через пекло», явно обнаруживая свои смертоубийственные намерения. Необходимо было срочно что-то предпринимать.

«Район атомной бомбы» был неузнаваем. Мы потратили несколько минут на поиски нового пути через окружающий хаос и отметили необходимость деревянного моста через вновь открывшуюся трещину. Несколько позже, когда я отдыхал в лагере II перед тем, как приступить ко второй

части путешествия к вершине ледопада, прибыл Грег с суб-высотным отрядом. Нисколько не пытаясь сгущать краски, он рассказал мне, как они сегодня спаслись лишь благодаря счастливому случаю, когда прямо под лагерем II огромная глыба льда сорвалась над их головами и пронеслась позади Грега, слегка задев его охраняющего. Это был, пожалуй, самый близкий к катастрофе случай за все время нашего восхождения на Эверест.

Опасная трещина, выше лагеря II, с нависшими над ней непрочно держащимися ледяными глыбами теперь раскрылась так широко, что мост, состоявший из двух секций металлической лестницы, еле касался ее краев. Мы отметили и это обстоятельство, чтобы упомянуть о нем в вечерней радиопередаче для Базового лагеря. Двигаясь вдоль траверса верхней части склона, усеянного обломками льда, мы очутились как бы совершенно в незнакомом месте и шли по порошкообразному льду среди обломков всех размеров – от гальки до огромных голубых глыб в три с половиной метра высотой, недавно оторвавшихся от ледяных стен над нами.

Вечером в лагере II я разговаривал по радио с Уилфридом Нойсом. Он должен был на следующий день вести группу шерпов с грузами вверх, и я просил его заняться двумя самыми срочными проблемами: сераком, угрожающим «Дороге через пекло», и мостом над лагерем II, который в настоящее время находится в опасности и может свалиться в трещину под ним.

Я узнал позже, что Нойсу пришлось хорошенько поработать, подрубая серак у основания в течение сорока пяти минут; затем при помощи мостового бревна сераку был дан здоровенный толчок; к огромному удовлетворению Нойса, он, наконец, зашатался, накренился и упал, как подрубленное дерево, разбившись на бесчисленные обломки, засыпавшие путь, по которому наши многочисленные группы совершали свои утомительные переходы.

В течение первых двух недель мая, когда шла заключительная заброска через ледопад всех необходимых грузов, сам лагерь II, расположенный, казалось, в спокойном месте среди окружающего хаоса, стал небезопасным. Шум подвижек льда раздавался чаще и становился грознее; одной тревожной ночью появились во льду под палатками хотя и небольшие, но, по общему признанию, имевшие предательский вид трещины. После этого носильщики предпочитали заносить грузы в лагерь III и в тот же день спускаться в Базовый лагерь, чтобы не ночевать на леднике, несмотря на то, что такой переход требовал большого напряжения сил.

Майкл Уэстмекотт также поднялся в этот день наверх, чтобы присоединиться к Джорджу Лоу. Он так и не оправился окончательно после своей болезни, перенесенной им примерно месяц назад, в первые дни разведки ледопада, но самоотверженно продолжал помогать нам. Теперь, когда для Майкла наступило время выполнить свою важную миссию на стене Лходзе, стало очевидно, что он не в состоянии пол-

ностью справиться с этой задачей. Однако, несмотря на болезненный кашель, боль в горле и расстройство пищеварения, Майкл, вопреки очевидности, настаивал, что ему гораздо лучше. Не убежденный его уверениями, я не мог не восхищаться твердостью его духа; мы так нуждались в его помощи теперь, когда заболел Джордж Бенд, что я не предложил ему вернуться в Базовый лагерь.

В эту ночь в лагере III было много народу – четыре сагиба и не менее девятнадцати шерпов, так как мы взяли с собой дополнительных людей, чтобы усилить группу Джорджа Лоу, направлявшуюся на стену Лходзе. Эд Хиллари и я считали, что в любом случае в течение нескольких дней Эд будет руководить транспортировкой грузов из лагеря III в лагерь IV, в то время как я, взяв четырех из четырнадцати находящихся сейчас в лагере III людей, двинулся к лагерю IV, чтобы забросить в лагерь V грузы, предназначенные для штурма.

Вечером 10 мая Джордж уже был в лагере V. Майкл вынужден был остаться отдыхать с моей группой и надеялся присоединиться к Джорджу на следующий день. Я был в лагере IV, а Эд вернулся в лагерь III, доставив первую партию грузов этого второго этапа операций по заброске.

Эти транспортировочные работы на ледопаде и в цирке продолжались в течение последующих восьми дней. Хотя никаких особых инцидентов и не произошло, все же это было невеселое время, так как непогода, начавшаяся 9 апреля, то есть с того времени, как мы приступили ко второму

акклиматизационному периоду, безжалостно мешала нашей работе. Если погода и менялась, то к худшему. 10 и 11 мая с середины дня и до полной темноты шел сильный снег, образовавший покров более 30 см глубины, по которому было очень тяжело продвигаться в цирке по утрам в сильную жару при полном безветрии. Во второй из этих дней группа Эда Хиллари потратила не меньше четырех с половиной часов на переход из лагеря III в лагерь IV. При благоприятных условиях этот путь совершался человеком с грузом не более, чем за три часа. В своем дневнике на 12 мая я нашел такую запись: «Очень трудно не чувствовать горькой досады от столь ужасной погоды. За сегодняшний день выпало еще около 18 см снега, и к вечеру я увидел, что все следы в цирке замерены». Это подействовало даже на состояние духа группы, находившейся в Базовом лагере. В одном из дневников записано: «Ужасный день. Даже здесь, внизу, 8 см снега». Выше нас, на стене Лходзе, Джордж Лоу по пояс увязал в опасном рыхлом снегу. Учитывая все это, следовало удивляться бодрой готовности всех и особенно шерпов. Чарльз Уайли сообщил, что, несмотря на условия, сложившиеся на ледопаде, группы вышли в очередной рейс. Выбывших из строя по болезни было меньше, чем до перерыва. Дурная погода – оружие Эвереста – замедлила наше движение, но не смогла его остановить.

Затем погода изменилась с драматической внезапностью. Предсказание об этом мы слышали по радио, но почти не

решались поверить ему. «Снежные шквалы» прекратились, и ясная погода сохранялась и после полудня. Длинная трасса через ледопад и цирк к подножию стены Лходзе превратились в хорошо протоптанную тропу. Группы двигались вверх и вниз гораздо быстрее и легче и со значительно меньшими помехами, чем раньше. Несомненно, общая ситуация улучшилась, ибо новости со стены в этот период были очень обнадеживающими. Но об этом будет речь впереди, а сейчас я должен закончить историю операций по заброске.

К 15 мая эти операции еще не были завершены. В этот день – после прибытия 14 мая свежей группы, состоявшей из Чарльза Эванса, Тома Бурдиллона, Грега и Уилфрида Нойса, – я спустился вниз по цирку, чтобы поменяться местами с Эдом Хиллари, как мы с ним условились раньше. После пяти дней переноски грузов и руководства транспортировочными группами, курсировавшими между лагерями IV и V, настало время организовать окончательное перемещение всех восходителей в Передовой базовый лагерь. Лучше всего было начинать эту операцию из лагеря III, в котором с 6 мая в основном сосредоточивалась наша деятельность. Там находились Грифф Паф и еще двое, спускавшиеся вниз: Майкл Уэстмекотт, вынужденный теперь спуститься для отдыха, и Джемс Моррис, который не только вторично прошел ледопад, но и сопровождал в то утро Чарльза Эванса и других до Передового базового лагеря. Все мы были восхищены его достижением; он вполне заслужил право считаться пол-

ноправным членом экспедиции. Вечером мне удалось связаться по радио с Чарльзом Уайли. Я сказал ему, чтобы он свернул субвысотные заброски, расплатился с ненужными больше людьми и к 18 мая поднялся с Тенсингом в Передовой базовый лагерь. Сведения, которые передавал по радио Лоу с высоты, из лагеря VI, как будто подтверждали такое решение, и с установлением долгожданной благоприятной погоды нам пора было выходить на старт. План распределения палаток всегда отличался большой сложностью, и я попросил ведавшего этим Майкла Уэстмекотта, чтобы он, перед тем как спуститься в Лобудже, составил вместе с Чарльзом Уайли окончательную схему. Выяснилось, что прямая радиосвязь между лагерем IV и Базовым лагерем невозможна, хотя, между прочим, интересно отметить, что, будучи в лагере III, я сумел установить двухстороннюю связь с лагерем IV через Джорджа Лоу, находившегося в лагере VI.

Примерно в то же время произошел несколько менее успешный разговор по радио между только что поправившимся Да Намгьялом, находившимся в лагере III, и Тенсингом в Базовом лагере. Тенсингу очень хотелось передать важное сообщение Да Намгьялу, и его уговорили использовать для этой цели переносный радиотелефон. В лагере III Да Намгьял неохотно взял другой аппарат. Ни тот, ни другой ни разу не пользовались этим аппаратом, и оба почему-то очень взволновались. Произошел примерно такой разговор: «О! Да Намгьял!» – «О! Тенсинг!» – «О! Да Намгьял!» – «О!

Тенсинг!» Дальше этого дело не пошло, и совершенно потерявшимися шерпам пришлось оставить эту попытку.

Я пробыл в лагере III две ночи, каждый вечер переговариваясь с Джорджем Лоу и через него – с Хиллари в лагере IV. Пока я находился там, Грифф Паф дал мне испробовать «кислород для сна», что оказалось столь же приятным, как и полезным экспериментом. Для этой цели мы захватили специальные легкие маски того типа, который употребляется Британской трансокеанской компанией воздушных сообщений в самолетах без герметических кабин. Эти маски соединялись с кислородным баллоном так же, как и наши большие маски. Обычно два человека пользовались одним баллоном с T-образной легкой резиновой трубкой, через которую и поступал каждому в одинаковом количестве кислород – около одного литра в минуту. Я не испытывал никаких неудобств от маски и по-настоящему отдохнул за ночь, наслаждаясь приятными снами.

Другой не менее важный эксперимент был проделан в это время на ледопаде. Мы старались сделать все возможное для того, чтобы обеспечить доставку к месту назначения грузов, необходимых для проведения двух штурмов, на которых был построен весь наш план. У Майкла Уорда среди медикаментов был бензедрин – лекарство, успешно применявшееся на войне для поддержания выносливости войск в периоды длительных боев. Его специфическое действие заключалось в подавлении желания спать. Майкл считал несколько

рискованным проводить первые эксперименты на самой стене Лходзе, и поэтому попробовал это средство на двух добровольцах – шерпах, работавших на леднике. Когда Чарльз Уайли спросил их о впечатлении от эксперимента, один ответил: «Великолепно! Это излечило мой кашель». У другого впечатление было иным, но не более обнадеживающим: «Прекрасно! Это помогло мне уснуть».

17 мая я вернулся в лагерь IV вместе с Гриффом Пафом. Прекрасная погода сохранялась, и нам не терпелось окончить приготовления к штурму, пока вершина была столь доброжелательно расположена к нам. Среди этих подготовительных работ первостепенное значение имела та, которой Джордж Лоу уже в течение недели занимался на стене Лходзе. Настало время рассказать о его приключениях на этой гигантской преграде из льда и снега.

Джордж поднялся в лагерь V 10 мая во второй половине дня с четырьмя из наших лучших шерпов: Да Тенсингом, Анг Ньимой, Гьялдженом и Анг Намгьялом. Задача шерпов состояла в том, чтобы пополнить запасы Лоу и Уэстмекотта в их промежуточном лагере на стене Лходзе, а затем забросить грузы, необходимые для снабжения швейцарского лагеря VII; этот лагерь должен был служить для ночевки во время штурма на полпути вверх или вниз между Южной седловиной и цирком. Джордж сначала намеревался обосноваться в швейцарском лагере VI и оттуда совершать походы вверх

и вниз, вытаптывая тропу, вырубая ступени и навешивая веревочные перила на наиболее крутых участках. Он поднялся туда со своими шерпами 11 мая. Условия продвижения были очень трудными, так как свежий снег опять лежал глубоким слоем на пути, по которому прошла разведывательная партия, и Лоу увязал в снегу, по меньшей мере, так же, как и участники разведки. Подъем на 180 м. от начала крутого склона до лагеря занял у группы пять с половиной часов, что соответствовало набору высоты немного более 30 м. в час.

Так как к моменту выхода Лоу из лагеря V Уэстмекотт еще не прибыл, то Джордж попросил наиболее опытного и квалифицированного из поднявшихся с ним шерпов – Анг Ньиму – остаться с ним в лагере VI. Остальные направились вниз в лагерь V. И Лоу и Анг Ньима очень устали после такого изнурительного испытания и сразу же улеглись спать. Они проспали пятнадцать часов. В последующие дни группа на стене Лходзе работала на двух уровнях. Джордж и Анг Ньима действовали, базируясь на лагерь VI и улучшая и обновляя тропу ниже лагеря и постепенно прокладывая трассу наверх к верховьям ледника Лходзе. Уэстмекотт с тремя оставшимися шерпами обосновался в лагере V. Он ежедневно поднимался по направлению к лагерю VI, иногда доходя до самого лагеря, и доставлял Джорджу необходимое продовольствие, горючее, крючья, веревки, а также постепенно забрасывал штурмовые грузы в этот лагерь. Поистине ужасная погода, доставлявшая нам столько неприятностей на более

низких участках, была очень суровым испытанием для этой головной группы, действовавшей на необработанных и значительно более трудных склонах и притом в более разреженной атмосфере.

Я направился в лагерь VI 13 мая после того, как прошел с транспортной группой в лагерь V. Когда я пришел в лагерь V, там находился Майкл Уэстмекотт. Его состояние было значительно хуже, чем три дня назад, когда я видел его в последний раз; хотя он и вышел с твердой решимостью достичь цели, но у него не хватило сил дойти до лагеря VI. Было очевидно, что он близок к полному истощению. Все же он настоял на том, чтобы сопровождать меня. Столь же достойны похвалы самоотверженная работа и альпинистское мастерство шерпов, в особенности Да Тенсинга и Анг Намгьяла, которые накануне поднялись на свой страх и риск в лагерь VI с исключительно большим грузом, возместив тем самым недостаток носильщиков. Анг Ньима был занят выше на прокладке пути с Лоу, а Гьялджен чувствовал себя нездоровым; он все еще не оправился от болезни, из-за которой не смог принять участие в разведке в начале месяца. Взяв с собой Анг Намгьяла, я двинулся вверх по глубокому снегу, выпавшему накануне вечером и занесшему все следы. Вслед за нами шли Майкл и Да Тенсинг. Через два с половиной часа, крайне усталые, мы добрались до Джорджа и Анг Ньима, которые в тот день были заняты расчисткой снега с крутого ледового склона непосредственно под их лагерем, вырубани-

ем больших ступеней – «лоханок» и навешиванием прочных перил из манильской веревки взамен старых, обветшавших от непогоды швейцарских репшнуров. Оба они чувствовали себя великолепно. Джордж собирался запечатлеть наши измученные фигуры своим киноаппаратом. Анг Ньима, который показался нам хитрецом, не желающим работать, когда он с Робертсом в конце апреля впервые присоединился к нам, находился теперь в своей стихии. Несомненно, что он является одним из тех немногих смертных, таланты которых расцветают лишь начиная с определенной высоты. В то время как в Базовом лагере и даже в лагере III Анг Ньима не выделялся среди других ни поведением, ни готовностью предложить свои услуги, здесь, на трудных склонах нижней части стены Лходзе, он действовал самоотверженно и умело, и широкая открытая улыбка не сходила с его лица. Анг Ньима курил непрерывно, и мы постарались доставить ему все необходимое для удовлетворения его привычки. Он вполне заслужил это.

Пробыв около получаса в лагере VI, я начал спускаться при вечерней, на этот раз непродолжительной метели и вскоре встретил вторую связку. Уэстмекотт, совершенно очевидно, был не в состоянии идти дальше, но он снова стал убеждать меня, что чувствует себя сегодня гораздо лучше, и они с Да Тенсингом кое-как преодолели последние 15 м, чтобы доставить грузы Джорджу Лоу. Это было поистине героическим усилием.

В тот же вечер по возвращении я передал в Базовый лагерь распоряжение, чтобы Уилфрид Нойс, а несколько позднее и Майкл Уорд поднялись для усиления группы Джорджа. По моим собственным наблюдениям и по тому, что рассказывал Джордж, было очевидно, что подъем на стену Лходзе оказался значительно труднее, чем мы предполагали на основании результатов разведки. И Уилфрид и Майкл были в какой-то мере подготовлены к этому поручению, ибо я говорил относительно такой возможности 7 мая при обсуждении плана. Оба они с нетерпением рвались в бой.

14 мая при хорошей погоде Джордж и Анг Ньима поднялись вверх на 300 м. и обнаружили швейцарский лагерь VII. Тогда же вечером я смог сообщить Джорджу по радио о проектируемом подкреплении; в ответ он с энтузиазмом рассказал о своих успехах в этот день и о намерениях на будущее. Следующий, шестой с момента прибытия в лагерь V, день он собирался отдыхать, а затем подняться на высшую точку ледника Лходзе и просмотреть, а может быть, и подготовить путь траверса. Легко было догадаться, какие дальнейшие намерения лелеял неугомонный Джордж, хотя он и не говорил об этом прямо. Он мечтал ни больше ни меньше, как о Южной седловине. Наш разговор был отчетливо слышен в лагерях IV, III и в Базовом. Это было радостной вестью, и каждый, подобно мне, считал, что мы уже победили.

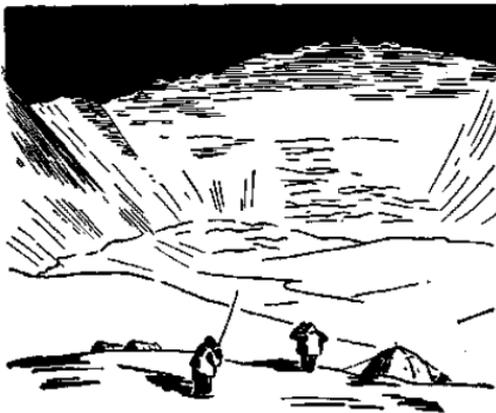
Все наши силы были теперь брошены на стену Лходзе. Каждый день из лагеря IV вверх выходили две группы; пер-

вая из них, в которую для сохранения спортивной формы часто включались в качестве носильщиков участники будущего штурма, поднималась до лагеря V, пополняя запас штурмовых грузов, и обратно. Другая группа поднималась в лагерь VII с ночевкой в лагере V или непосредственно из лагеря IV, забрасывая грузы, необходимые для самого лагеря VII, а также снаряжение, предназначенное для Южной седловины. Таким путем мы надеялись облегчить нагрузку для групп, которые направляются на Южную седловину, когда придет их очередь подниматься по стене. После того как 15 мая Уилфрид Нойс присоединился к группе, работающей на стене Лходзе, заменив нуждавшегося в отдыхе Анг Ньиму, Эд Хиллари, затем Том Бурдиллон, а вслед за ними Джордж Бенд и Майкл Уорд в последующие дни сопровождали шерпов на этом шестисотметровом маршруте.

В своих оптимистических расчетах Джордж Лоу не учел трудностей, связанных с большой высотой. Когда Уилфрид поднялся к Джорджу в лагерь VI, оба они приняли на ночь снотворное. На следующий день Уилфрид заметил, что его товарищ был в каком-то дурмане. Ему пришлось энергично тормошить Джорджа перед выходом, чтобы вернуть его в состояние активности. Уилфрид все больше и больше беспокоился о своем спутнике, который двигался исключительно медленно и дошел до лагеря VII в полусонном состоянии. На преодоление 180 м. они потратили два с половиной часа. Временами при движении Джордж впадал в какое-то оцепе-

нение, а на привале для отдыха и принятия пищи Уилфрид застал его спящим с торчащей изо рта сардиной (Джордж очень любит сардины). Было очевидно, что продолжать движение в таком состоянии неблагоприятно, и группа начала опускаться, чем сильно обеспокоила наблюдателей внизу в цирке: «Это походило, – рассказывал Уилфрид, – на комическую сцену спуска с горы пьяного человека». По прибытии в палатки лагеря V Джордж впал в коматозное состояние и очнулся лишь на следующий день.

Утром болезненные симптомы полностью исчезли, и Джордж с Уилфридом снова двинулись наверх навестывать упущенное. Они не только достигли лагеря VII, оборудование для которого было доставлено Эдом Хиллари 15 мая, когда он за один день проделал двойной путь от лагеря IV до лагеря VII и обратно, но во второй половине дня наблюдавшие за ними зрители с восхищением увидели, как они появились из-за серака, скрывавшего от взоров лагерь, и продолжали подъем еще на 180 с лишним метров. Это было большим достижением, и мы с надеждой ожидали их триумфального продвижения на следующий день. К этому времени Майкл Уорд поднялся к Джорджу и заменил Уилфрида, который с радостью остался бы в авангарде и не очень охотно подчинился моему распоряжению вернуться для отдыха перед ожидавшимся первым выходом на Южную седловину, назначенным теперь на 20 мая.

Однако наши надежды, порожденные событиями предыдущего дня в верхней части стены Лходзе, рухнули, после того как 18 мая трое восходителей, одним из которых был Да Тенсинг, вышли из лагеря VII только для того, чтобы повернуть назад, поднявшись лишь немного выше, чем накануне. Было очень досадно, и в том состоянии напряжения, в котором мы находились, нам трудно было понять, что произошло. Позднее мы узнали от Тома Бурдиллона, вернувшегося из рейса в лагерь VII, что был исключительно сильный ветер. Действительно, даже у нас в закрытом месте мы слышали, как наверху ревел ветер, напоминая грохот поезда. Когда они все же решились выйти, у Майкла Уорда, уставшего после подъема накануне, сильно болели закованные ноги, а Джордж слегка обморозил руку. При таких обстоятельствах немалым достижением было то, что они вообще вышли.

Положение на стене продолжало оставаться напряженным. Наступило 19 мая – десятый день борьбы на стене. Ве-

тер продолжал обрушиваться высоко над нами на скалы западного склона Эвереста. Он обтекал стену Лходзе и прорывался через теснину между сераком, охранявшим лагерь VII, и склонами за лагерьем. Все это утро мы провели в ожидании, тщетно надеясь увидеть какие-либо признаки движения. Но оно не начиналось. Джордж Бенд поднялся наверх, и из его рассказа мы получили некоторое представление о шторме. И все же мы испытывали разочарование. В довершение наших трудностей мы больше не могли установить радиосвязь с лагерьем VII. Мне очень хотелось получить сведения от самого Джорджа Лоу, чтобы иметь возможность составить собственное мнение о положении наверху. Джордж, наверное, ужасно устал после своего изумительного подвига выносливости. Грифф Паф даже опасался, не подействует ли на его психику столь длительное пребывание на высоте более 7000 м.

Другой причиной для беспокойства было состояние Чарльза Эванса, считавшегося до сих пор одним из самых здоровых восходителей. Два дня назад он поднялся в лагерь V, чтобы сопровождать транспортировочную группу к лагерью VII. Он принял натошак дозу ауреомицина, почувствовал себя очень плохо и, провалявшись в лагере V, на следующий день вернулся в лагерь IV. С тех пор он почти не мог есть, и я сомневался, поправится ли он к тому времени, когда ему надо будет участвовать в первой попытке штурма. В довершение всех несчастий нам, повидимому, угрожал неизбежный

продовольственный кризис. Джордж Бенд вел строгий учет наших запасов, что было в этот период чрезвычайно трудным делом, так как они были разбросаны по нескольким лагерям. Несмотря на то, что предположительные нормы продуктов были сокращены, при составлении плана считалось, что наших основных запасов продовольствия – «компо» – хватит до 7 июня. Это еще можно было считать достаточным, хотя вначале я настаивал на том, чтобы мы были обеспечены продовольствием, по меньшей мере, до середины июня. Теперь, однако, я увидел, что запасы «компо» могут истощиться к концу мая; это было бы для нас серьезным ударом, так как вполне могло случиться, что нам придется ожидать следующего месяца для начала штурма. Кроме того, безусловно, нам было бы трудно организовать третью и последнюю попытку. Позже Джордж, к счастью, смог успокоить меня на этот счет, но мы уже больше не имели достаточно резервных продуктов.

В это же время начались такие же затруднения с продуктами для шерпов. В Передовом базовом лагере и ниже основной пищей для них служила их национальная еда дзамба, дополненная продуктами штурмового рациона. Ответственный за пищу для шерпов Уилфрид Нойс обнаружил, что дзамба съедалась в гораздо большем количестве, чем они с Тенсингом рассчитывали. В Базовый лагерь было послано срочное распоряжение о том, чтобы шерп Нимми – бывший парашютист, один из пострадавших во время нашей

экспедиции, которому было поручено снабжение всей партии шерпов местными продуктами питания, – закупил дополнительно 225 кг дзамбы. Она была доставлена во-время, чтобы спасти положение.

Всеобщее беспокойство если не исчезло полностью, то, во всяком случае, смягчилось 18 мая с прибытием Тенсинга и Чарльза Уайли с последним транспортом наших палаток и другого снаряжения. Я решил приступить к заброске грузов на Южную седловину на следующий день, когда первая группа под руководством Нойса должна будет подняться в лагерь V и тем самым пройти первый участок своего пути. 20 мая вслед за Нойсом должен был выйти Чарльз Уайли со второй партией шерпов, и в случае удачи этого предприятия немедленно могла выходить и первая штурмовая группа. Итак, штурмовая группа могла выйти 22 мая.

Принимая это решение, я руководствовался тем, что у нас уже не было возможности дожидаться дальнейших работ по улучшению пути на стене Лходзе. Необходимо было использовать продолжавшуюся уже седьмой день прекрасную погоду, пока она не кончилась. Медлить – значило искушать провидение. Кроме того, отбрасывая даже соображения о погоде, к этому времени силы Джорджа Лоу были уже на исходе, и его нечем было заменить, не разбивая групп, назначенных для штурма. Это решение всеми было встречено с радостью.

Прибытие вместе с последней партией нашего главного повара Тхондупа было вторым не менее радостным событи-

ем. Я уже упоминал о том, что, будучи исключительно хорошим поваром, Тхондуп не мог считаться альпинистом и не был, по понятиям шерпов, достаточно молод. Все же, как правильно рассудил Чарльз, присутствие Тхондупа в Передовом базовом лагере (так мы называли теперь лагерь IV), должно было сильно поднять настроение. Вопросы питания продолжали очень интересовать большинство из нас; никто не терял аппетита. «Хороший ужин, – записал в дневнике Джордж Бенд 16 мая, – суп, кусок тушеного мяса с горохом, консервированные персики и ананасы». Даже находившийся на стене Лходзе Джордж Лоу требовал мяса и фруктов. «Ребята, что вы там внизу едите? – внезапно спросил он вечером посреди серьезного разговора по радио о забросках, шерпах и планах на будущее. – Наверное, персики?» Он шумно выражал свое недовольство, когда его впервые перевели на высотный паек. Жаль, что Грег не вел дневника; он прославился своим исключительным интересом к вопросам питания, и его заметки представляли бы интерес.

Восторженно встреченный всеми нами, Тхондуп со своей улыбкой, которую портило отсутствие нескольких зубов, появился вечером после путешествия через ледопад, полного приключений, начавшихся с того, что он на потеху своим приятелям шерпам, умевшим ценить шутки, пытался надеть кошки зубьями к подметке. Тхондуп и Тенсинг быстро реорганизовали весь лагерь, в особенности кухню, по своему вкусу, и к чаю у нас уже были оладьи.

В эти последние дни перед штурмом в лагере установился регулярный распорядок жизни. В зависимости от населенности Передового базового лагеря в то или иное время вам могло повезти, и вы один занимали какую-нибудь из шести палаток типа «Мид»; или же вы могли предпочесть компанейскую обстановку пирамидальной палатки либо большой шатровой, в которой мы также собирались для еды. Все они находились на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Около двенадцати палаток различных размеров были расставлены на площади около 100 кв. м в небольшой впадине, обеспечивавшей надежную защиту от ветра.

Сейчас около восьми часов утра. Стены вашей палатки внутри совершенно белые от инея. Солнце еще не достигло лагеря, и стоит убийственный холод. В дверях палатки появляется сияющее лицо шерпа с кружкой очень сладкого чая, густо заправленного сухим молоком. Подкрепившись, вы ждете, пока теплые лучи солнца коснутся крыши палатки; это происходит примерно в три четверти девятого. Холод настолько ужасен, что требуется колоссальное напряжение воли, чтобы заставить себя выйти из палатки раньше. Вы выходите навстречу очередному «Эверестскому» дню; безоблачное небо, ослепительный блеск вынуждают вас надеть защитные очки. Вы бросаете беглый взгляд вокруг, прежде всего вверх на склоны Лходзе: «Вышли или нет?» Достав бинокль, вы пристально рассматриваете на середине пути

вверх по стене столь знакомую точку, в которой расположен лагерь VII. Там никаких признаков движения. Вы отмечаете величину снежных надувов на гребне седловины и на башнях вершинного гребня Лходзе. Затем вы направляетесь в большую палатку завтракать.

Да Намгьял приносит из кухни тарелки с горячей овсяной кашей. Внутри палатки в невероятном беспорядке были разбросаны ящики, рюкзаки, газеты и банки с консервами. Среди этого хаоса на надувных матрацах нежатся в своих спальных мешках «коренные» жители палатки. С завтраком не торопятся, так как находится достаточно тем для разговоров о предстоящих в этот день событиях. Поглощая очередную порцию бекона, а может быть, яиц или жареного мяса, мы высказываем предположения о том, когда прибудет следующая почта; произошли изменения в списке снаряжения, предназначенного для Южной седловины, в связи с чем придется включить еще одного шерпа в группу, сформированную для подъема на седловину; необходимо передать важную радиограмму в Базовый лагерь: сколько «штурмовых» ящиков и ящичков «компо» еще находятся внизу? Это жизненный для наших планов вопрос, и может случиться, что нам придется съесть значительную часть штурмовых запасов здесь, в Передовом базовом лагере, – очень неприятная перспектива; кто-то пишет записку, чтобы попытаться передать сообщение Джемсу Моррису, находящемуся в Базовом лагере.

В это время Чарльз Эванс сидит на ящике из-под продуктов у входа в палатку, разглядывая в бинокль склоны над нами. «Как они взбираются сейчас, Чарльз?» – «Прямо над лагерем VII. Подымаются не очень быстро... Только что увидел группу Бурдиллона, вышедшую вверх по склону из лагеря V».

Постепенно большинство из нас расходится. Джордж Бенд отправляется к Тенсингу поговорить о шерпах, которые должны выйти с ним этим вечером в лагерь V для дальнейшего следования в лагерь VII со штурмовыми грузами. Это должны быть те самые люди, которые отобраны для штурма. Грег, Эд Хиллари и я тоже собираемся выходить с грузами для лагеря V, и нам надо еще поделить эти грузы между собой. Обе группы выйдут поздно, лишь во второй половине дня, так как сейчас уже нестерпимо жарко. Из цилиндрического входа палатки торчит пара ботинок, выдавая присутствие Уилфрида Нойса, пишущего, лежа на спальном мешке. Несколько клушиц – красноногих горных галок – и одинокий ворон разгуливают по снегу вокруг лагеря, выискивая объедки.

Так проходит время до полдника, когда все снова встречаются в большой палатке. Подается суп, вслед за ним – холодная колбаса салями, огромный круг сыра чеддер (большая роскошь здесь), банка масла, пачка швейцарского хрупкого печенья из пеклеванной муки и наши собственные овсяные галеты. Все это запивается по выбору кофе или ли-

монадом из наших штурмовых пайков. Снова наблюдаем за Джорджем Лоу и Майклом Уордом. Они снова присели, на этот раз совсем немного не доходя до начала ледника Лходзе – поистине мучительно близко. Удастся ли им продвинуться дальше? Немного погодя с замиранием сердца вижу, что они начинают спуск. Между тем показывается Том Бурдиллон с шестью шерпами, они пересекают последний крутой ледяной обрыв под лагерем VII и вскоре исчезают за сераком – очередные 90 кг груза продвинуты на полпути по стене.

В 4 часа – чай с джемом и бисквитами; возможно, нам дадут и ломтик прекрасного фруктового кекса из запасов «компо». Затем две группы собираются выходить, связываются, взваливают на плечи груз, подготовленный еще с полудня, и, огибая край нашей котловины, попадая в плоскую впадину ледника, по которой на слепящей поверхности снега на несколько сот метров тянется как бы проведенная карандашом четкая линия тропы. Том Стобарт производит кино съемку с небольшой возвышенности над лагерем. Он снимает несколько кадров и готовится к тому, чтобы присоединиться к нам и пойти вверх по цирку. Все еще жарко, и большие облака, образовавшиеся внизу по долине у выхода в цирк, начинают отступать. Подымается ветер, взвеивающий рыхлый снег над гребнем седловины. Ледовые отвесы Нупдзе находятся в глубокой тени, и уже недалеко то время, когда солнце скроется от нас за Пумори. Обе группы уже не видны на стене.

Несколько позднее, когда тень уже стала наползать на цирк к нашим палаткам, является Том Бурдиллон со своей группой шерпов. Он устал, но явно доволен тем, что достиг высоты 7300 м. без кислорода. «Ветер там ужасный», – отвечает он на наши вопросы о том, что сделано за сегодня группой, работавшей на стене Лходзе.

С заходом солнца немедленно наступает резкое похолодание. Забросив грузы в лагерь V и возвратившись оттуда, участники нашей группы сразу же расходятся по палаткам, надевают пуховые свитеры и ждут ужина. В главной палатке кто-то включает радио: «Говорит общая заокеанская служба Британской радиовещательной компании. Передаем прогноз погоды для Эверестской экспедиции на ближайшие 24 часа начиная с 12 час. 00 мин. среднего гринвичского или 17 час. 30 мин. стандартного индийского времени... Ожидается сплошная облачность, временами грозы, сопровождаемые снегопадами, от умеренных до сильных... Ветер в свободной атмосфере на высоте 8850 м. над уровнем моря преимущественно западный со скоростью 30—35 узлов (от 15 до 18 м. в секунду); температура в свободной атмосфере на той же высоте ожидается от -16° до -12° Фаренгейта (от $-26,5^{\circ}$ до $-24,5^{\circ}$ Цельсия)». Наступает время почитать или пописать, закутавшись потеплее в спальный мешок, пока кто-нибудь не крикнет: «Ужинать!» Уже темнеет, но главная палатка великолепно освещена бутановой газовой лампой. «Коренные жители» палатки ужинают, не вылезая из спаль-

ных мешков; пришедшие рассаживаются на ящиках вокруг наскоро сооруженного стола. Мы закрываем вход в палатку, так как даже в пуховой одежде холодно. На ужин подается кружка супа, консервированное мясо и паштет из почек; каждый ест чем-нибудь одним – ложкой, вилок или ножом, так как большая часть наших столовых приборов растеряна. Ужин заканчивается фруктовым кексом и кофе.

Фото 33. Безымянный пик к югу от Эвереста (телефотография)

После ужина завязывается интересный разговор. Запас рассказов о приключениях у Тома Стобарта, повидимому,

все еще неистощим. Однако большинство пришельцев сразу же после ужина ускользают из палатки, чтобы отогреться в своих спальных мешках. Я иду в палатку Тхондупа и прошу свечу. Тхондуп обладает удивительной способностью иметь в запасе те вещи, которых почему-то не хватает. Поставив свечу на небольшую картонную коробку из-под кислородной маски, я зажигаю ее и открываю свой дневник. Авторучка замерзла и не пишет; для того чтобы чернила оттаяли, приходится каждые несколько секунд нагревать ручку над пламенем. Сначала я засовываю руки в мешок и согреваю их, затем ложусь поудобнее, опираясь на локоть, и начинаю писать. «18.5. Сегодня был примечательный день в истории экспедиции... Мы полностью развернули Передовой базовый лагерь... Тхондуп, наш главный повар, здесь; значит, все мы обеспечены вкусной пищей...» Закрыв дневник, я принимаю снотворную таблетку, задуваю свечу и укутываюсь на ночь. Еще один Эверестский день прошел. Сколько еще пройдет таких дней, до того как мы покончим с этой вершиной?

19 вечером я поднялся в лагерь V вместе с Уилфридом и его отрядом и доставил туда кислород. Дул ветер, но тропы в снегу были теперь прекрасно протоптаны и промерзли так, что мы достигли лагеря V за час. Перед тем как расстаться, я сказал Уилфриду: «В случае, если Джорджу и Майклу не удастся подготовить траверс до того, как они завтра спустятся, решайте сами, выходить ли вам на седловину сразу с шер-

пами и грузами, или же сначала подняться одному и подготовить путь. Если это окажется необходимым, то вашей группе придется провести еще одну ночь в лагере VII с Чарльзом Уайли и выйти наверх всем вместе 22-го. Решение должно быть принято в зависимости от состояния людей и от того, что сообщит Джордж об обстановке выше лагеря VII».

Джордж Лоу и его спутник Майкл Уорд боролись до конца. 20-го, в последний день, имевшийся у них перед приходом группы Нойса, они сделали еще одну попытку пройти траверс. Но длительное напряжение сил сильно сказывалось на их выносливости. Они снова немного продвинулись вверх, но вскоре вернулись. Если у них и было ощущение неудачи, то это была неудача, которой не избежал бы ни один человек на их месте. Наперекор погоде, наперекор ослабляющему влиянию горной болезни, несмотря на деморализующее действие ужасного западного ветра, Джордж Лоу, поддерживаемый то теми, то другими участниками, вел поистине героическую борьбу в течение одиннадцати дней, которые должны войти в историю альпинизма как эпопея мастерства и силы воли.

ЧАСТЬ V ШТУРМ

Глава XIII ЮЖНАЯ СЕДЛОВИНА. ПЕРВЫЙ ЭТАП

Заброска на Южную седловину грузов, необходимых для штурма, должна была занять по плану около пяти дней. С учетом этого срока мы доставляли в промежуточные лагери все необходимое для обеспечения высотных групп. Увеличить время заброски было трудно из-за большого числа участников высотных групп, так как это потребовало бы дополнительных запасов питания и горючего; надо было принять во внимание также возможное изменение погоды и физическое истощение восходителей. Вот почему сроки завершающего этапа организации лагерей оказались поневоле довольно жесткими и предусматривали лишь минимальные резервы времени для преодоления непредвиденных препятствий. Вечером 19 мая в лагере V я предупредил Нойса, что ему, может быть, придется оставить свою группу в лагере VII на вторую ночь, подчеркнув, что такое решение следует при-

нимать только в случае крайней необходимости, так как ночевка лишних людей создаст там очень напряженное положение. В лагере VII для такого большого количества людей палаток было недостаточно; кроме того, пришлось бы расходувать питание и горючее, предназначенные для штурмовых групп.

20 мая в Передовом базовом лагере снова была ясная погода, но выше бушевал сильный ветер. Скалы над лагерем гудели под его бешеными ударами. Чарльз Уайли готовился выйти со своими людьми вслед за Уилфридом Нойсом. Несмотря на то, что в предыдущие несколько дней в лагерь VII было поднято много грузов, группы Нойса и Уайли опять были тяжело нагружены. В Лондоне мы считали, что при подъеме по стене Лходзе груз в 14 кг явится для шерпов предельным. Однако в группе Уайли каждый взвалил на себя по 23 кг с лишним и бодро готовился перенести эту громадную тяжесть до лагеря VII, поднимаясь без кислорода по крутым склонам на высоту 7300 м. Следует отметить, что часть груза принадлежала самим шерпам. Кроме постельных принадлежностей – спальных мешков и надувных матрацев, – они неизменно таскали с собой личные вещи в количестве, значительно превышающем то, что мы считали необходимым. Но все же на каждого еще оставалось по 14 кг „полезной“ нагрузки. Чтобы наверняка обеспечить заброску необходимых грузов, Тенсинг и Уайли посоветовали мне несколько увеличить за счет резерва число носильщиков, сверх тринна-

дцати человек, необходимых по минимальному расчету. Я охотно с этим согласился, и в каждую из групп было дополнительно включено по два человека. Это делалось главным образом на тот случай, если кто-либо по болезни или другой причине окажется не в состоянии продолжать свой путь. Такая мера была особенно важна для частично неизвестного еще участка пути в 600 м. между лагерем VII и Южной седловиной. Включение дополнительных носильщиков позволяло также в случае надобности несколько уменьшить нагрузку, приходящуюся на каждого на этом этапе маршрута. Во всяком случае шерпы, донеся до лагеря VII свои спальные принадлежности и личные вещи, вторую часть подъема шли бы со значительно меньшим грузом. Всех заболевших или уставших шерпов предполагалось отправить из этого лагеря вниз.

Во второй половине дня, вскоре после того как в лагерь VII пришла первая группа носильщиков, мы заметили спускающихся оттуда двух шерпов. Очевидно, они были больны или слишком устали и не могли продолжать подъем. Спустившись в Передовой базовый лагерь, они вручили мне записку от Уилфрида с тревожными сведениями. Как и все другие употреблявшие кислород альпинисты, за исключением участников штурмовых групп, Уилфрид пользовался тренировочными кислородными баллонами „Ютилити“. Поднявшись до оставленного нами лагеря VI, он обнаружил в своем баллоне течь и заменил его другим, имевшимся в лаге-

ре. Но и этот баллон оказался неисправным, и в результате по прибытии в лагерь VII Уилфрид забрал для следующего дня еще два баллона – один для себя, другой для ведущего шерпа Аннуллу (последний, как было обусловлено, должен был идти на следующий день с кислородом, помогая Уилфриду в подготовке дальнейшего пути). Что еще хуже, Уилфрид заканчивал свое письмо словами: „Передайте Тому, что некоторые из баллонов при употреблении дают течь“.

Новости действительно были неутешительными. Бедный Том Бурдиллон, которого нелегко было смутить, серьезно забеспокоился. Для этого высотного лагеря были тщательно отобраны девять тренировочных баллонов, весящих по 9 кг. Каждый из них должен был играть строго определенную роль в детально разработанном плане штурма. Неужели наше кислородное снабжение потерпело фиаско и это поведет к катастрофическим последствиям для штурма? Уилфрид, хотя и обладал многими талантами, был не особенно силен в технике, и мы надеялись, что его неудачная попытка еще не решала дела. Том, однако, в глубине души опасался, что подобного рода опыты, которые Уилфрид, страдая, быть может, от недостатка кислорода на высоте 7300 м, будет повторять, поведут к опустошению всех девяти баллонов. Обычное душевное спокойствие Тома было явно нарушено. Между тем мы все еще не имели с лагерем VII связи по радио, которая могла бы успокоить нас. Не имея точных сведений, я решил, что мы должны быть готовы к худшему и позабо-

титься об обеспечении второй штурмовой группы дополнительным запасом кислородных баллонов. Они были срочно затребованы из лагеря III, и я предупредил Чарльза Уайли о необходимости высылки со второй штурмовой группой дополнительной партии шерпов. Подобрать людей будет чрезвычайно трудно, так как почти все, за исключением членов штурмовых групп, были заняты заброской грузов на стене Лходзе. Нужны были добровольцы, часть из которых к этому времени уже проделала бы путь до седловины. Джордж Лоу, только что вернувшийся после тяжелого подъема по стене Лходзе, требовал себе новой работы, и я попросил его возглавить эту группу. Он был в восторге. Как я подозреваю, им тогда владело тайное стремление подняться возможно выше. Впоследствии выяснилось, что состояние кислородных баллонов в лагере VII было отнюдь не столь плачевное, как мы опасались.

В тот вечер я долго ломал себе голову над тем, какие препятствия могут встретиться на пути к Южной седловине. Принимая во внимание скверную репутацию, приобретенную этим участком пути во время швейцарских восхождений 1952 г., учитывая, что в течение одиннадцатидневной ожесточенной борьбы мы едва преодолели половину пути, могли ли мы быть уверенными в том, что все шерпы, а не только самые выносливые из них, согласятся идти до седловины? Шерпы – суеверный народ, и было бы неудивительно, если перед лицом неизвестного в душу многих из них

закрался бы страх. Неоднократно им ведь приходилось слышать о катастрофах на больших высотах. Кроме того, они просто могли оказаться недостаточно выносливыми для продолжения подъема к этой далекой седловине, который почти истощил все силы швейцарцев и сопровождавших их шерпов. Наконец, им нужно будет подниматься с тяжелыми грузами и без кислорода.

И все же было крайне необходимо для успеха плана, чтобы все грузы, в полном соответствии с графиком, достигли бы своего назначения. Обдумывая все это, я чувствовал, что можно что-то предпринять, чтобы активизировать наши действия, и вечером обсудил этот вопрос с товарищами в Передовом базовом лагере. В конце концов было решено: если мы увидим, что Уилфрид примет второй вариант плана, по которому он, оставив своих людей, будет подниматься вдвоем с Аннуллу, и если продвижение его не будет достаточно удовлетворительным (мы сможем судить об этом, наблюдая в бинокль), – двое из нас отправятся вверх, чтобы подбодрить обе группы, поднимающиеся к Южной седловине, и оказать им посильную помощь. Это означало существенную ломку детально разработанного плана. Однако было ясно, что первоочередные задачи должны выполняться прежде всего. Можно представить себе, с какой тревогой ожидали мы в Передовом базовом лагере, как развернутся события на следующий день.

Утро 21 мая было прекрасное, и ветер на верхних склонах

как будто стал тише. С напряжением мы вглядывались в лежащие высоко над нами обширные снежные поля. Наши взоры были прикованы к разорванному вертикальной трещиной ледяному выступу, над которым высился серак, скрывавший палатки лагеря VII. Мы надеялись на ранний выход первой группы. Однако до 10 часов ничего не было видно. Затем появились две маленькие точки, едва различимые невооруженным глазом, но хорошо видимые в бинокль. Они двигались по горизонтали направо, направляясь к подножию ледяного желоба, по которому преодолевается небольшая отвесная скала над лагерем. Больше никто не появлялся. Очевидно, Уилфрид остановился на втором варианте плана. Учитывая возможное влияние этого на проведение штурма, мы были сперва разочарованы. Мы, естественно, надеялись на лучшее. К тому же вначале, когда двойка с большим трудом преодолевала примерно на 300 м. выше лагеря склоны, ведущие к началу ледника, ее продвижение было чрезвычайно медленным. Мы, конечно, не сомневались, что на пути у них много препятствий: нужно было выбирать дорогу, рубить ступени, возможно даже – навешивать перила.

Принимая во внимание эти обстоятельства, я решил, согласно принятому накануне плану, выслать им в помощь двух альпинистов. Тут я оказался в затруднении – выбрать конкретных лиц было не так просто. Каждый из оставшихся в лагере либо входил в штурмовую группу и должен был немедленно выступить, как только будет произведена за-

броска, либо отдыхал после недавней работы на стене Лходзе. Участников первой штурмовой группы я исключал, так как, чтобы послать их, нужно было либо изменить порядок двух попыток штурма, либо отказаться от применения кислородной аппаратуры закрытого типа. Можно было бы пойти мне и Грегори, но это привело бы к нарушению состава штурмовых групп и к выходу из этих групп людей, ответственных за работу вспомогательных бригад. С какой бы точки зрения ни подойти, напрашивалось лишь одно, хотя и весьма ответственное решение: жребий должен был пасть на Тенсинга и Хиллари. Они должны были последними вступить в борьбу с Эверестом, они оба были со свежими силами, и оба были исключительно выносливы. Кроме того, среди шерпов Тенсинг пользовался особенно высоким авторитетом. Никто лучше его не смог бы воздействовать убеждением на носильщиков, если бы потребовалось поддержать решение выбранных нами руководителей подъема на Южную седловину. Около 11 час. утра я высказал Хиллари и Тенсингу свои соображения, подчеркнув при этом, что, вероятно, время выхода второй штурмовой группы будет нарушено и усилия, затраченные на выполнение нового задания, могут уменьшить их личные шансы на успех при штурме самой вершины.

Оба не только выразили полную готовность, но, видимо, были довольны порученным им заданием. Особенно радовался Тенсинг. В течение всего периода организации лагерей

он по необходимости выполнял наименее интересные работы: руководил группами носильщиков в нижней части маршрута, организовывал отряды людей для доставки продуктов питания и дров, принимал и отправлял в Базовом лагере нарочных с почтой, поддерживал порядок в лагерях и бодрое настроение у своих подчиненных. Все это выполнялось им охотно и хорошо, как и все, что он делал. Однако я чувствовал, что всем сердцем он стремится все выше и выше. Во всяком случае, он был счастлив, когда ему удавалось совершать восхождения. Я впервые обнаружил это на пике Чукхунг, а также когда мы вместе с ним поднимались в Западный цирк в поисках швейцарского лагеря IV.

После того как 2 мая он и Хиллари установили изумительный рекорд, проделав за один день путь от Базового лагеря до лагеря IV и обратно, впервые Тенсинг имел возможность проявить свои блестящие способности. Именно такого случая он и ожидал. Не теряя времени, Тенсинг и Хиллари быстро подготовились и около полудня вышли.

Тем временем мы продолжали наблюдать за продвижением двойки над лагерем VII. Вскоре после того, как Хиллари и Тенсинг вышли, Нойс и Аннуллу миновали высшую точку, достигнутую до сих пор нами на леднике Лходзе, и остановились в 12 час. 30 мин. на уступе под последним склоном, поднимающимся к пику Лходзе. Отсюда начинался траверс влево к кулуару, окаймляющему Женевский контрфорс. В это время они находились на высоте более 7600 м. Наше волне-

ние усиливалось по мере того, как они приближались к началу этого знаменитого траверса. Позднее мы узнали, что первым шел в это время Аннуллу, двигаясь, как казалось Нойсу, „со скоростью первоклассного швейцарского проводника“.

Перед тем как выйти на широкие снежно-ледовые склоны, нужно было преодолеть узкий, окаймляющий ледник желоб, и снизу нам казалось (хотя об этом трудно было судить с достоверностью), что в этом желобе мог лежать рыхлый и, следовательно, опасный снег. Мы собирались заменить здесь страховочные перила, установленные швейцарцами и хорошо видимые на одном из их фотоснимков. Однако Нойс и Аннуллу продолжали уверенно подниматься. Они избрали путь, проходящий выше намеченного маршрута, как будто ведущий прямо к вершине Женевского контрфорса. Мы отказывались верить своим глазам, однако было ясно, что они сочли излишним останавливаться и навешивать на опасном участке веревки. Их скорость теперь заметно увеличилась, и наше волнение превратилось в изумление, когда мы убедились, что Нойс и Аннуллу явно идут к самой Южной седловине. Позабыв свое прежнее беспокойство, мы продолжали пристально следить за ними всю вторую половину дня.

Связка продолжала двигаться почти без остановок, пока не подошла вплотную к скалам контрфорса. Когда она, поднимаясь по нему, скрылась за выступающими скалами, я уже не мог дальше выдержать состояние неизвестности и отошел шагов на двести вглубь цирка, чтобы оттуда лучше их ви-

деть. Это было, вероятно, легкомысленным поступком, так как только накануне Том Бурдиллон провалился на глубину двух метров в скрытую трещину, в нескольких метрах от палаток. Однако в тот момент весь мой альпинистский опыт был позабыт. Некоторое время мне удалось еще за ними наблюдать. Затем, после перерыва, я еще раз успел заметить, как на фоне скал, на самом верху, мелькнуло что-то голубое (цвет наших штормовых курток). Вскоре голубая точка потерялась на фоне неба. Было 2 часа 40 мин. дня. Уилфрид Нойс и его спутник Аннуллу стояли в эту минуту на высоте около 7900 м. над Южной седловиной Эвереста. Их взоры обращались вниз, туда, где разыгралась драма швейцарской экспедиции, и вверх к самой пирамиде Эвереста. Это была торжественная минута для обоих альпинистов, а также и для всех нас, следивших за ними. Их присутствие там явилось символом нашего успеха в разрешении ключевой проблемы всего восхождения. Они достигли цели, к которой мы стремились в течение двенадцати тревожных дней.

Затем Нойс и Аннуллу спустились по короткому склону, не превышавшему 60 м, на седловину. Однако для измученного альпиниста на обратном пути после восхождения на Эверест он смог оказаться неприятным препятствием. Я просил Уилфрида навесить на этом склоне перила для возвращающихся групп, что он и сделал на обратном пути. Как благодарны мы были ему впоследствии! На ровной площадке седловины Нойс и Аннуллу обнаружили остатки лагеря

швейцарцев: изуродованные палатки, рамы кислородных аппаратов, крючья и продукты питания. Они не замедлили ими воспользоваться. Аннуллу обменял свой кислородный аппарат на полный рюкзак, а Нойс подобрал немного витаминизированных лепешек, банку сардин и коробку спичек. Все отлично сохранилось, хотя и пролежало более полугода на открытом воздухе. На седловине дул едва заметный ветерок, и альпинисты смогли в полной мере насладиться этим исключительным состоянием погоды.

При возвращении Нойс пользовался тем же кислородным баллоном, который, казалось, служил необычно долго. К 5 час. 30 мин. вечера они вернулись в лагерь VII сравнительно мало уставшими. „Это был один из лучших альпинистских дней, которые мне пришлось пережить“, – заявлял впоследствии Нойс. Группа Уайли, за которой следовали Тенсинг и Хиллари, к тому времени поднялась в этот лагерь. Когда Нойс и Аннуллу, спустившись по закрепленной веревке, подошли к палаткам, шерпы встретили их восторженными приветствиями. Без сомнения, благополучное возвращение этой двойки после трудного подъема на Южную седловину произвело в тот день глубокое впечатление на ожидавших людей. Если могли это сделать двое, смогут и все остальные! Придя в лагерь, Уайли некоторое время сердечно разговаривал со своей группой, с участием расспрашивал, не устали ли они, не страдают ли от головной боли или от кашля, и распределял между ними пилюли. Каждый обещал сделать

на другой день все, что было в его силах, однако было очевидно, что до прихода Нойса и Аннуллу они пребывали в состоянии неуверенности. Блестящий пример сразу поднял их дух. Ободряющие слова и четкие распоряжения Тенсинга о работе завтрашнего дня завершили дело. Успех „заброски“ был теперь обеспечен.

Однако, наблюдая из Западного цирка, нельзя было это предвидеть. Наше беспокойство продолжалось и на следующее утро. Не отрывая взора от стены Лходзе, мы следили, не появятся ли признаки деятельности в лагере VII. На этот раз ждать пришлось недолго. В 8 час. 30 мин., необычайно рано для столь высокорасположенного лагеря, мы увидели две маленькие точки, вынырнувшие из-за ледяного серака. Атмосфера в Передовом базовом лагере все более и более накалялась. С нетерпением ждали мы, что же будет дальше? Наконец-то они появились! Мы громко вслух считали шерпов, цепочка которых перерезала ослепительную белизну снежного поля. Четырнадцать... пятнадцать... шестнадцать... семнадцать! Невероятно много людей двигалось одновременно на высоте более 7300 м. Весь отряд полностью вышел в путь, чтобы перенести на Южную седловину необходимые запасы.

Впереди попрежнему шли двое. Мы предполагали, что это должны быть Хиллари и Тенсинг, и позднее, когда вернулись Нойс и Аннуллу, наши догадки подтвердились. В первый момент меня охватила досада. Помня об основной задаче Хиллари, я просил его не выходить за рамки строго необ-

ходимого для обеспечения успеха этой группы. Я предполагал, что он сможет ограничиться словесным воздействием на шерпов. В крайнем случае я советовал Хиллари и Тенсингу идти впереди лишь до начала ледника. Однако они неуклонно шли вперед, восстанавливая почти стертые ночным ветром следы и действуя на других, как живой магнит. Даже нам внизу было ясно, насколько тяжел их путь. Двигались они удручающе медленно. Лишь тот, кто сам испытал эти трудности, мог полностью оценить их.

В прошедшую ночь в лагере VII ночевало девятнадцать человек. Они сгрудились в палатках, слишком тесных для такого количества людей; ночью ветер обрушивался на палатки. Хотя продуктов было занесено вполне достаточно и нехватка их должна была бы сказаться только после выхода отряда, меню было необъяснимо скудным. К тому же приготовление пищи в такой тесноте было нелегким делом. Учитывая предстоящий долгий путь подъема, Тенсинг справедливо настаивал на раннем выходе, однако даже самые простые действия на большой высоте требуют таких затрат умственной и физической энергии, что, хотя люди и были подняты в 6 час. утра, к моменту выхода, то есть в 8 час. 30 мин., они успели лишь согреть себе по кружке чаю. Некоторые съели еще немного американских орехов, но большинство шерпов вышли в путь, недостаточно подкрепившись.

Многие из них более сильно чувствовали влияние высоты и двигались медленнее, чем другие, но когда группа подни-

мается в связках, темп движения неминуемо определяется слабейшим. Два мучительных шага – остановка, люди стоят, навалившись грудью на ледоруб; затем снова два шага. После десяти шагов такого пути некоторые падают почти без сознания на склон, и остальные ждут, пока они придут в себя. Так продолжалось весь день. Тяжело ощущался недостаток питания. „Мы перерыли карманы и прикончили все конфеты“, – рассказывал впоследствии Чарльз Уайли. И все же они продолжали путь.

Снизу их продвижение было почти незаметным. Однако колонна двигалась через громадный снежный склон, пока последний человек не скрылся за скалами Женевского контрфорса. Отстал лишь один, достигший предела своих возможностей и вынужденный остановиться посередине траверса. Чарльз Уайли, все время заботившийся о своей группе и всеми силами стремившийся выполнить порученную ему задачу, взвалил на себя ношу этого отставшего шерпа и продолжал свой путь. Вскоре после этого его кислородный аппарат дал течь в сочленении трубопровода четырехлитровой подачи. Единственным средством было заглушить это сочленение и пользоваться повышенным расходом кислорода (до этого Чарльз шел на двухлитровой подаче). Удвоенный расход привел к быстрому истощению запаса кислорода. Когда до верхних скал контрфорса оставалось еще около 120 м, подача прекратилась. Его положение было значительно хуже, чем шерпов. Так же как и во время разведки

на стене Лходзе, он, после того как в течение многих часов пользовался добавочным кислородом, оказался внезапно в разреженной атмосфере. В полубессознательном состоянии, напрягая всю свою волю, Уайли все же достиг гребня. Позднее на самой седловине, с редким присутствием духа и энергией, он организовал надежный склад продуктов, придавив их тяжелыми камнями, чтобы бушующий здесь ветер не разметал их. Затем он внимательно осмотрел окружающую панораму и произвел кино съемку. Подобная сила воли кажется прямо-таки сверхъестественной.

Для усталых, ослабевших от недостатка питания людей обратный путь был почти столь же тяжелым, как и подъем на седловину. Последние отставшие носильщики добрались до лагеря VII к 7 час. вечера, когда уже начало смеркаться. Они провели на ногах десять с половиной часов. Большинство из них решило остаться в лагере на вторую ночь (для некоторых это была уже третья). Эта ночь была еще тяжелее предыдущей. Ураганный ветер, обрушиваясь по стене Лходзе, врывался словно вдуваемый гигантскими мехами между сераком и горным склоном. Палаткам часто грозила опасность быть сорванными, и обитатели их, сидя вдоль стенок, с нервным напряжением старались удержать палатки своим весом.

Лишь немногие наиболее сильные носильщики предпочли сделать еще рывок, чтобы добраться до уютного Передового базового лагеря. Пять шерпов спустились в этот вечер

к лагерю V, в то время когда мы, участники первой штурмовой группы, добрались туда снизу. Во главе их шел неутомимый ветеран Дава Тхондуп, включенный в число избранных участников группы Южной седловины, после того, как он проявил выдающиеся качества альпиниста на ледопаде и в Западном цирке. Некоторые из шерпов, Дава в том числе, выглядели почти неутомленными, другие шатались от усталости. Не останавливаясь, они продолжали спуск к Передовому базовому лагерю. Каждый из них, проходя мимо нас, улыбался. Некоторые хвастались, что за весь день с 7 час. утра выпили только кружку чая. И даже этих героев превзошли Хиллари и Тенсинг. Накануне за вторую половину дня они поднялись от Передового базового лагеря прямо до лагеря VII. Они шли впереди весь путь до Южной седловины, выбивая ступени в затвердевшем от ветра снегу, и сейчас, в тот же день, спускались с седловины до Передового базового лагеря. Они достигли его уже в темноте. Менее чем за тридцать часов они поднялись с 6500 до 7900 м. и спустились обратно. Когда я увидел их, они были уже усталыми, и Эд выглядел таким измученным, каким я ни разу не видел его до того. Я невольно с тревогой подумал о том, сколько еще времени пройдет, пока они восстановят свои силы для выхода на второй штурм?

Когда (примерно в 2 часа дня) в Передовом базовом лагере стало ясно, что отряд „заброски“ на Южную седловину достигнет своей цели, мы все почувствовали огромное облег-

чение. Погода продолжала оставаться ясной; необходимые для штурма припасы были сосредоточены у подножия пирамиды Эвереста, и, хотя мы не могли предвидеть, каков будет ветер, не было более причин для дальнейших отсрочек. Нужно было выходить на штурм. После совещания с Томом Бурдиллоном и Чарльзом Эвансом, который, к счастью, стал себя чувствовать хорошо, мы решили в тот же вечер выступить вверх и дойти до лагеря V. Быстро приближался решающий момент, и мы обязаны были теперь выполнить свою задачу, следуя блестящему примеру тех, кто подготовил нам путь.

Глава XIV

ЮЖНАЯ СЕДЛОВИНА. ВТОРОЙ ЭТАП

Когда вечером 22 мая мы дошли до лагеря V, ветер уже заметно усилился. Вокруг нас взметались снежные вихри, и холод казался еще более пронизывающим. К тому времени как мы устроились в палатках, ветер разбушевался не на шутку и с каждой минутой все усиливался. Ночь была крайне беспокойной. Конечно, значительно хуже она прошла для группы заброски на седловину, ночевавшей в лагере VII.

На следующее утро, когда я готовился к выходу, в палатку заглянул Да Тенсинг. Вопреки нашим самым тщательным расчетам мы все же считали необходимым забросить в лагерь VII больше грузов, чем это было в силах нашей группы, и я потребовал, чтобы еще два человека присоединились к нашей группе. Добровольцем вызвался Да Тенсинг, всегда готовый прийти на помощь, и с ним молодой Чангджиу. Да Тенсинг, доблестный ветеран, был сильным альпинистом и хорошо знал предстоящий нам путь, так что никаких возражений с моей стороны не последовало. Они предпочли выйти прямо из Передового базового лагеря, где были более комфортабельные условия для ночевки, и сейчас стремились скорее выйти в путь.

В 8 час. 30 мин. утра, надев кислородный аппарат открытого типа, я вышел из лагеря с двумя шерпами из первого штурмового отряда – Да Намгьялом и Анг Тенсингом (по прозвищу Балу). По сравнению с тем, когда я поднимался к Джорджу Лоу десять дней назад, путь изменился до неузнаваемости. Мы шли сейчас по крепкой, хорошо протоптанной тропе, ведущей к подножию крутой стены. На самой стене, хотя и встречались технические трудности, путь был значительно легче. В снегу были протоптаны глубокие следы, превратившиеся в удобные „лоханки“, а на ледовых участках вырублены широкие ступени. Ненадежные перила швейцарцев были заменены прочной манильской веревкой, которая не была еще засыпана снегом. При этих условиях мы достигли довольно быстро, меньше чем за два часа, местоположения лагеря VI. Для нагруженных шерпов, поднимавшихся без кислорода, это было прекрасным достижением. Мне лично восхождение давалось нелегко, и, пока мы сидели, отдыхая, на опустевшей бивуачной площадке, я сомневался – удастся ли мне добраться до штурмовой группы или хотя бы до лагеря VII; это было неприятное предчувствие. Чарльз Эванс и Том Бурдиллон догнали нас, когда мы тронулись дальше, и почти с удовлетворением я отметил, что и им приходилось нелегко. Каковы бы ни были причины моего плохого самочувствия вначале, я должен сказать, что последующие триста метров показались мне гораздо менее утомительными. Чувствуя себя лучше, я уже был в состоянии по-

думать о несчастных шерпах. Они мужественно продолжали подниматься, но уже явно чувствовали влияние высоты и не могли придерживаться моего темпа.

Путь между лагерями VI и VII был также очень крутым, но в общем менее извилистым. На коротком участке маршрут, выбранный Джорджем Лоу, прилегал вплотную к большому ледяному склону стены у самого края ледника Лходзе. Я заметил, что в этот момент мы находились примерно на уровне нижних скал Женевского контрфорса. Затем следовал длинный траверс обратно к середине обледенелого склона, немного ниже громадного ледяного обрыва, и после нескольких шагов вверх по крутому льду мы добрались до начала другой веревки, свисавшей над вертикальным участком, по которому следовало обойти обрыв. Пока мы отдыхали над этим препятствием, я смотрел вверх и обнаружил, что как раз над нами возвышается тот растрескавшийся выступ, который я так часто рассматривал за последние недели из Передового базового лагеря. Поднявшись далее по ледовым ступеням, мы прошли затем по полкам, приближаясь к все еще скрытому от нас лагерю.

Откуда-то сверху раздался призыв, который ветер относил в сторону. С Южной седловины, разгруженные и веселые, как ученики воскресной школы на пикнике, спускались носильщики. В этом месте разойтись обеим группам было нельзя, к тому же участок отличался сложностью, о чем свидетельствовала очередная веревка, раскачивающая-

ся несколькими метрами выше. Поэтому мы охотно остались ожидать на месте, воспользовавшись этим для передышки. Последним спускался Чарльз Уайли. Я поздравил его с успехом, хотя и не знал еще подробностей его замечательного подвига, совершенного им накануне. Пересиливая ветер, Чарльз крикнул мне: „Клянусь Юпитером, Джон! Верхняя часть гребня грандиозна! Если вам хоть немного повезет, вы сможете наверняка разбить верхний лагерь очень высоко“. Эти слова воодушевили меня, в чем я в тот момент очень нуждался. Последние тридцать метров до лагеря оказались даже круче, чем я ожидал. Косой траверс вел к подножию рассеченного трещиной выступа, основание которого мы обогнули слева. Еще около пятнадцати метров весьма крутого склона, еще одна веревка, еще ступени во льду. Палатки оставались скрытыми от нас до последней минуты, и было приятной неожиданностью увидеть их на обширной площадке с громадным утесом позади; они были закрыты от Западного цирка высоким клинообразным сераком. В то время как мы перебирались через трещину, отмечающую линию возможного отрыва этого серака от склона горы, Да Тенсинг и Чангджиу уже сбросили свои грузы и спускались обратно. Они пожелали нам счастливого пути. Подъем от лагеря V занял около трех с половиной часов.

Фото 34. Вид с Южной седловины по направлению к Нупдзе. Справа на переднем плане видны остатки лагеря швейцарской экспедиции 1952 г.

Площадка, на которой стояли палатки, была необычной. Выдаваясь над общей поверхностью склона, спадающего с пика Лходзе, этот балкон должен был поразить швейцарцев, когда они обнаружили его в ноябре прошлого года. О существовании его не подозреваешь, пока не подойдешь вплотную. На всем обширном пространстве стены Лходзе эта площадка является единственным местом, где есть возможность установить более двух палаток. В предыдущие ночи здесь

удалось разбить до восьми палаток. Пройдя несколько шагов к южному краю площадки, я увидел гребень Нупдзе, который просматривался отсюда почти в профиль и вряд ли был выше лагеря VII. Острый, как лезвие ножа, он невольно притягивал к себе взор. В нем было что-то устрашающее. В этом гребне на высоте около 7600 м, не более чем в тысяче метров к югу от нас, заметно выделялась зазубрина. Во время периода акклиматизации мы часто смотрели через нее, так как эта низшая точка стены Нупдзе – Лходзе. Однажды, поднявшись на 900 м. над нашим первым Базовым лагерем в Тхьянгбоче, мы с Майклом Уордом впервые увидели Южную седловину и верхнюю часть Эвереста. Теперь мне хотелось, посмотрев в обратном направлении, узнать знакомые места. Однако для этого наша высота была еще не достаточной.

С северного края балкона открывался эффектный вид на верхнюю часть Эвереста. Вершинный гребень, тянувшийся над полосой бурых скал западного склона, был виден отсюда в сильно сокращенном ракурсе, и потому казалось, что до него рукой подать. В этот день над ним бушевал ветер, и всякая попытка штурма была бы невозможной. Длинный флаг снежной пыли тянулся над всем протяжением Юго-Восточного гребня. В противоположность этой обманчивой близости Южная седловина казалась невероятно далекой. Только сейчас я действительно понял, что нами пройдена лишь половина пути до седловины. Об этом мне уже неоднократно

говорил Джордж Лоу, рассматривавший вершину с этой же точки; однако, находясь в Западном цирке, стгорая от нетерпения и полный оптимизма, я упорно не хотел с этим соглашаться. Устал я сравнительно мало и ближайшие полчаса посвятил фотографированию, пока не подошли оба „штурмовика“. Во время отдыха в лагере VI они заменили патроны с натронной известью в своих кислородных аппаратах закрытого типа новыми, найденными в снегу в этом лагере.

Так как последние были холодными, клапаны в аппарате Чарльза Эванса замерзли. Это происшествие явилось предзнаменованием будущих событий.

В этот вечер благодаря предусмотрительности Джорджа Бенда, забросившего сюда запасное оборудование, мы смогли после перерыва в несколько дней снова наладить хорошую радиосвязь с Передовым базовым лагерем. Это было как раз во-время, так как мне необходимо было знать, что намеревается делать вторая штурмовая группа. С большим облегчением я узнал от Джорджа Лоу, что группа собирается выходить в лагерь V на следующий вечер и, таким образом, будет следовать за нами с интервалом в двое суток. Это превосходило все мои ожидания, так как я помнил, в каком тяжелом состоянии Хиллари и Тенсинг спускались с седловины. Весьма невнятно я слышал также, как Джемс Моррис разговаривает из Базового лагеря с каким-то более высоким лагерем в цирке, вероятно с лагерем III. Надеюсь передать ему последние новости, я сделал подробный отчет о прошед-

ших событиях, однако позже мы узнали, что он нас не слышал.

Во время ужина мы сравнили наши предшествовавшие опыты пребывания на такой высоте. Чарльз Эванс три года назад поднимался на Аннапурну до высоты примерно 7300 м. Я лично в 1935 г. в Каракоруме достиг при восхождении на Салторо-Кангри 7500 м. Что касается Тома, он впервые был на такой высоте.

В этот вечер снова разразился ураган. Так же как и прошлой ночью, рев ветра и хлопанье палаток долго не давали нам уснуть, так как довольно неприятно все время ожидать, не будешь ли ты со своей группой поднят на воздух и сброшен в пропасть. Все же позднее благодаря кислородным приборам и талантам Тома Бурдиллона мы смогли поспать, приспособив швейцарские баллоны, доставленные сюда из лагеря VI, где они были найдены. Обычно для сна мы использовали один баллон на двоих, так что расход в два литра в минуту делился поровну. Будучи третьим и к тому же наименее ценным из всех трех для штурма, я, тем не менее, пользовался отдельным баллоном. Потребляя один-два литра в минуту, я чувствовал себя лучше своих товарищей до тех пор, пока не кончился кислород, что произошло уже через четыре часа.

Утро 24 мая началось для меня крайне тяжело. Каждый шаг казался непосильной работой даже на протяжении тех пятидесяти метров, которые мы шли по ровному нижнему

краю трещины, отделявшей нас от верхнего обрыва, чтобы добраться до навешанной веревки и ледяного желоба. Преодоление этого крайне крутого участка стоило мне мучительного напряжения. Я останавливался, тяжело дыша, через каждый шаг. Несколькими метрами далее, пройдя вдоль полки над нашими палатками, я вынужден был вовсе остановиться. В это ужасное мгновение у меня мелькнула мысль, что со мной все кончено, и мое участие в штурме невозможно. Когда Том и Чарльз Эванс подошли к нам, я обратился к ним за советом. Оказалось, что трубка, соединяющая экономайзер с краном регулировки подачи, перекрутилась, так что я тащил без кислорода убийственный груз в двадцать с лишним килограммов, вдыхая лишь воздух, просачивающийся через клапаны маски. Неудивительно, что такое испытание было непосильным! Том устранил неисправность, но тут же обнаружил, что соединение двухлитровой подачи дает течь. Пришлось заглушить это соединение. Создалось положение, обратное тому, в котором очутился два дня назад Чарльз Уайли в кулуаре около Женевского контрфорса. Ничего больше не оставалось делать, как перейти на сокращенный кислородный паек (до этого я тратил по четыре литра в минуту). Если не считать дополнительной траты сил, вызванной недостатком кислорода, это было, пожалуй, к лучшему: темп моего движения сравнялся с темпом шерпов, а кислород экономился, и тем самым вероятность истощения нашего запаса уменьшилась.

Потеряв с полчаса ценного времени на это происшествие, мы двинулись дальше. Я подумал о наблюдателях внизу, которые так же, как и я, в подобных случаях ломали себе голову: „Какого чёрта они там остановились, отойдя так мало от лагеря VII?“ Действительно, мы поднимались к началу ледника Лходзе медленно. Обе связки двигались со скоростью улитки. Как раз перед верхней террасой нам преградили путь два последних препятствия: первым был очередной ледовый обрыв с зияющей трещиной у подножья. К счастью, по нему тянулась полка, полого поднимавшаяся слева направо. Это заставило нас свернуть с прямого пути, но зато, к нашей великой радости, привело прямо к вершине обрыва. Здесь мы снова обнаружили старую свободно лежащую швейцарскую веревку; однако она была уже ненадежной, и, во всяком случае, пользоваться ею было незачем.

Выше нам преградила путь вторая громадная трещина. Мы были вынуждены пройти дальше вправо, пока она не сузилась настолько, что, сделав широкий шаг, можно было ее перейти. Это был трудный и опасный шаг, так как края трещины нависали над пропастью и переход совершался с одного ненадежного снежного карниза на другой. Все же мы благополучно преодолели это препятствие, как это сделали до нас уже многие члены экспедиции. Поднявшись еще на несколько метров, мы сели отдыхать на уровне траверса. Было около часа дня. Западный цирк казался отсюда очень далеким и маленьким, как будто сократившимся до масшта-

бов географической карты. Ниже, за чертой, где скрывался ледопад, ледник Кхумбу казался черной ямой бездонной глубины. Белыми комками повисли над ним редкие облака. Несколько ниже, под западным гребнем Эвереста, лежал, как еле заметное пятнышко, Передовой базовый лагерь. Теперь-то, наконец, я смог заглянуть через зазубрину в гребне Нупдзе на покрытые лесами горы к югу. Конус Пумори казался карликовым, и за ним видны были почти равные по высоте вершины двух других гигантов: Гьячунг-Канг (7897 м) и Чо-Ойю (8187 м.). Теперь мы могли глядеть на них, как на равных, так как мы сами поднялись очень высоко.

С затаенным любопытством мы начали траверс склона. Здесь не сохранилось никаких следов трассы, хотя лишь за два дня до этого по ней прошли семнадцать человек. Ветер стер все начисто, покрыв склон предательским, гладким, как доска, настом. Порой этот наст выдерживал наш вес, но иногда мы внезапно проваливались в лежащий под ним мягкий снег. Это был изнурительный путь. Некоторое время крутизна склона оставалась очень большой – больше, чем я ожидал. В том месте, где вдоль ледника Лходзе проходил желоб, склон был круче 45 градусов. Метров на тридцать ниже нас виднелась старая веревка, свисавшая между краем ледника и горизонтальной полосой скал. По мере того как мы двигались поперек широкого склона, крутизна постепенно уменьшалась. Я вспомнил, как Ламбер в свое время говорил, что здесь можно спуститься на лыжах. Но для лыж такой уклон

был предельным, и он закончился бы безумно смелым, но захватывающим прыжком с высоты 900 м. на дно цирка.

Бесконечно долго продолжался этот траверс. Чарльз Эванс и Том Бурдиллон шли во главе, затрачивая много сил на выбивание следов в насте. Следовавшие за мной шерпы начали заметно уставать, и мы шли даже тише, чем шедшая впереди пара. Время, казалось, тянулось бесконечно. За один прием предполагалось пройти четыре или даже шесть шагов подряд. Однако уже после третьего шага сзади раздавалось недвусмысленное оханье – Балу хотел отдыхать. Еще один шаг, и он выражался уже совершенно ясно: „Сагиб! Арам мангта хай!“ – и если я пытался сделать еще шаг, веревка неуклонно тащила меня назад. Делать нечего, приходилось останавливаться, наблюдая за агонией этих двух людей, которые стояли, навалившись на ледоруб, охая и задыхаясь порой в течение целой минуты. „Тхик хай?“ – спрашивал я. В ответ раздавалось неясное ворчание Да Намгьяла, и мы двигались дальше под аккомпанемент моих обнадеживающих, но, вероятно, мало убедительных заверений о близости седловины. Затем все повторялось сначала. Через каждые сто метров я останавливался и вырубал в снегу широкую впадину, в которой мы все трое садились и некоторое время отдыхали в безопасности, свесив ноги над склоном, круто спадающим к едва заметному далеко внизу лагерю V.

Все же около трех часов дня мы вошли в кулуар и зашли за скалы. Мы шли уже пять с половиной часов, и я бросил

взгляд на манометр моего кислородного баллона. Он показывал 21 атмосферу. Это был почти предел, ниже которого эффективная подача должна была кончиться. Я крикнул вверх Тому и Чарльзу, чтобы они подождали, пока мы доползем до них. Неужели мне придется идти без кислорода? Подача его прекратится наверняка в ближайшие полчаса. Не присоединиться ли мне к другой связке предоставив обоим шерпам двигаться своим темпом? Мы находились в этот момент метров на семьдесят пять ниже того места, откуда возможно траверсировать влево кулуар и верхнюю часть Женевского контрфорса. Седловина была близко от последнего. В ответ на мой вопрос Да Намгьял заверил меня, что они будут рады идти более медленным темпом. Лучше что угодно, но не идти, как сейчас, когда тебя все время тянут назад. Я привязался к веревке Чарльза, и мы пошли вперед, оглядываясь время от времени, чтобы удостовериться, что шерпы следуют за нами.

Было 4 часа дня, когда мы достигли верхней части Женевского контрфорса и остановились на минуту на ровном участке твердого фирна. Над нами, через впадину Южной седловины, виднелся Южный пик Эвереста. Это был не „маленький выступ на гребне“, как я окрестил его в Лондоне, а красивый остроконечный снежный пик, который волнующе близко возвышался на 900 м. над нашими головами. Справа от него спускался Юго-Восточный гребень. Вначале очень крутой, он затем, примерно на половине своей высоты, плав-

но переходил в снежное плечо. Это место представлялось мне идеальным для штурмового лагеря, организация которого являлась моей задачей на следующий день. Далее крутизна гребня, на котором чередовались скалы и снег, опять увеличивалась, но несколько ниже виден был другой уступ. Ниже следовал еще один крутой участок, и гребень спускался скальным контрфорсом к дальнему правому углу седловины примерно в 550 м. от нас за хорошо заметным скальным выступом, возвышающимся над восточным краем седловины.

Обращенные к Южной седловине снежно-скальные склоны гребня были очень круты и изрыты забитыми снегом желобами, которые спадали прямо против нас в верхнюю часть седловины. Мы уже слышали от Уилфрида, что Юго-Восточный гребень и увенчивающий его Южный пик производят сильное впечатление, однако никто из нас не был подготовлен к такой захватывающей прекрасной картине, как эта. Мне казалось, что над Южной седловиной возвышается новый пик альпийского масштаба, о существовании которого я ранее не подозревал. Моим первым ощущением было почти что чувство обиды и досады, что после столь длительной борьбы нам придется еще встретиться с такой трудной задачей.

Что же можно сказать о Южной седловине, лежавшей у наших ног? Взору открывалось такое мрачное и унылое зрелище, какого я никогда не ожидал увидеть: широкая пло-

щадка примерно по 350 м. вдоль каждого края ограничивалась с севера и юга крутыми склонами, которые поднимались к Эвересту и пику Лходзе и обрывалась на запад в цирк и на восток к стене Кангшунг. Эта пустынная поверхность покрыта частью камнями, частью пятнами обнаженного голубого льда. По краям она окаймлена бахромой снега, затвердевшего под действием ветра почти до состояния льда. Именно ветер создает ощущение ужаса, которым овеяно это место. Он дул с неистовой силой, когда мы спускались по склону с верхних скал Женевского контрфорса на ровную поверхность седловины. Мы держались при спуске немного вправо, где среди камней виднелись какие-то цветные пятна. Наш взор остановился на чем-то оранжевом. Это были остатки швейцарского лагеря.

Спускаясь вниз после тяжелого длительного восхождения, я испытывал странное чувство, как будто залезаю в какую-то западню. Это чувство еще усиливалось при виде того, к чему мы приближались. Перед нами находились остатки трех или четырех швейцарских палаток. Оголенные металлические стойки еще поддерживались ветхими оттяжками; на них висели обрывки материи – все остальное было сорвано ветром. Вокруг валялись вмерзшие в лед другие остатки ткани, а на поверхности снега лежало несколько более тяжелых предметов. Я заметил две рамы кислородных аппаратов типа Дрэгер и связку нейлоновой веревки. Однако для подробного ознакомления с окружающей обстановкой не было

времени. Становилось поздно, и мы должны были торопиться установить палатки, пока нас не победил холод. На нас было надето все, что возможно – штормовки, пуховые куртки и брюки, пуховые, шелковые и ветронепроницаемые рукавицы, все это поверх свитеров, шерстяных рубашек и нижнего белья, и тем не менее мороз давал себя знать. Из груди снаряжения, сложенной здесь 22 мая группой заброски, мы вытащили пирамидальную палатку и начали ее устанавливать.

И тут началась борьба, которую никто из нас никогда не забудет. Если на контрфорсе ветер был сильный, то здесь он был ужасающий. Мой запас кислорода кончился еще до спуска на седловину, а Чарльз Эванс снял свой аппарат, чтобы удобнее было работать. Мы были поразительно слабы, и для борьбы с этим злобным ураганом наших сил явно не хватало. Больше часа мы отчаянно боролись, напрягая все силы, играя в дьявольскую игру „кто кого перетянет“, чтобы поставить одну-единственную палатку; в других условиях это заняло бы минуту или две. Полотнище все время вырывалось из рук, и мы оказались запутанными в целой сети веревочных оттяжек. Шатаясь и задыхаясь, мы упорно пытались тем или иным путем добиться цели, но силы в этой борьбе были слишком неравны. Том еще некоторое время пользовался своим кислородным аппаратом и сначала не мог понять, почему мы – Чарльз и я – шатаемся, как пьяные. Споткнувшись о камень, я в течение пяти минут лежал лицом вниз, не имея сил подняться. Но вскоре и у Тома кончился запас

кислорода. Он тут же быстро ослабел и лежал на снегу в полубессознательном состоянии.

К этому времени (это могло быть около 5 час.) подошли оба шерпа. Балу, окончательно потеряв всякое самообладание, сразу же полез в полурасставленную палатку. Однако этим он все же, хотя и невольно, нам помог. Мы стали передавать ему кислородные баллоны и камни, которыми он придалвил изнутри полы палатки. Наконец с грехом пополам палатка была расставлена. Установка палатки типа „Мид“ заняла меньше времени, и около 5 час. 30 мин. лагерь был разбит. Мы поместились втроем в пирамидальной палатке, а двое шерпов – в палатке „Мид“. Лежа среди хаоса спальных мешков, надувных матрацев, рюкзаков, веревок и кислородных аппаратов, мы пытались прийти в себя после пережитого тяжелого испытания.

Надвигалась темнота. Чарльз начал заправлять примус, а я вылез наружу, отбить от окружающих камней несколько кусков льда, чтобы растопить его для получения воды,

и разыскал в сложенном грузе продуктовые рационы. Разобравшись, насколько было возможно, в хаосе вещей, мы залезли в спальные мешки, надев на себя все, что возможно, включая штормовки. С 5 час. 30 мин. до 9 час. мы вскипятили и выпили не менее чем по четыре полные кружки жидкости; сюда входили: лимонад, суп, чай и какао. Это было большое наслаждение. Пока мы с Чарльзом занимались этим, Том подготавливал кислородную аппаратуру для ночи. Наконец мы устроились на ночь, не забывая ни на секунду о бушующем ветре, который трепал стенки палатки, как бы стремясь изгнать нас из этой пустыни, где он царил безраздельно.

Фото 35. Стена Лходзе (аэрофото). Слева видна Южная седловина и под ней – Женевский контрфорс. Справа возвышается пик Лходзе. Передний

план пересекается гребнем Нупдзе. Ледник Лходзе круто спускается к верхнему краю Западного цирка.

Фото 36. Стена Лходзе. Группа носильщиков у подножья стены Лходзе начинает подъем к лагерю VI.

Фото 37а. Стена Лходзе. Вид на лагерь VII (7315 м.) с ледяного обрыва позади лагеря.

Фото 37б. Стена Лходзе. Лагерь VII. Вид вдоль стены Лходзе по направлению к Женевскому контрфорсу.

Фото 38. Стена Лходзе. Вид на Эверест с верхнего уступа ледника Лходзе (7620 м.). Видны край Юж-

ной седловины и в правой части снимка – Женевский контрфорс.

Фото 39. Стена Лходзе. Хиллари и Тенсинг на верх-

нем уступе ледника Лходзе при второй попытке штурма. На снимке заметны обмотанные вокруг ледоруба Тенсинга флаги, предназначенные для поднятия их на вершине Эвереста.

Фото 40. Стена Лходзе. Траверс крутого ледового склона.

Фото 41. Южная седловина. Снимок сделан с верх-

ней части Женевского контрфорса (7925 м.). На заднем плане в облаках Эверест.

Фото 42. Южная седловина. Лагерь VIII. За пирамидальной палаткой видны два швейцарских кислородных аппарата.

Фото 43. Южная седловина. Анг Темба лежит в из-

неможении после подъема на седловину.

Фото 44. Юго-Восточный гребень. Вид из лагеря VIII на Юго-Восточный гребень. Снимок дает сильно сокращенное в ракурсе изображение. Однако на нем хорошо заметно Снежное плечо примерно на середине гребня, а также кулуар, по которому происходил подъем на гребень. Кулуар расположен слева от темных скал, видных в крайней правой части снимка. Высота кулуара – 400 м.

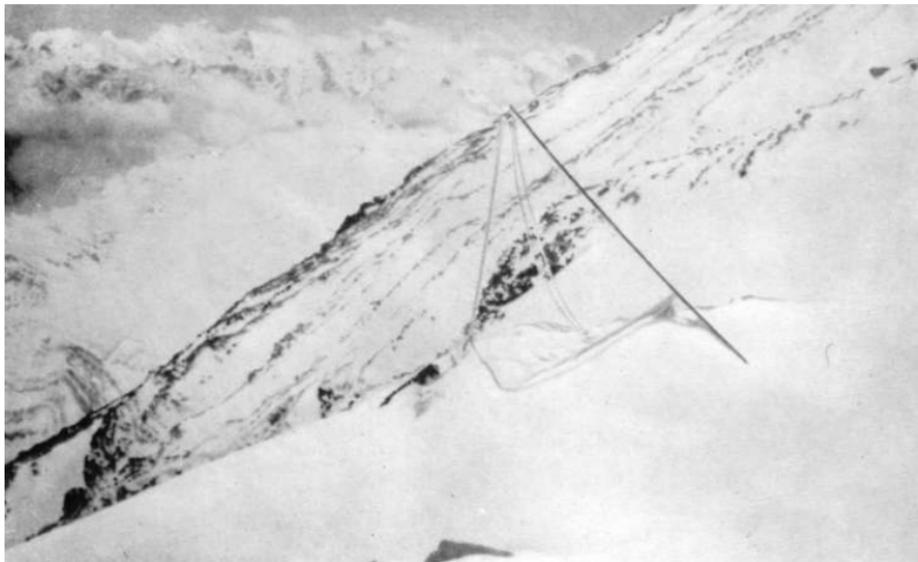

Фото 45. Юго-Восточный гребень. Станок швейцарской палатки. На заднем плане виден гребень Нупдзе.

Фото 46. Юго-Восточный гребень. Пик Лходзе и Южная седловина. Снимок сделан с места, где стояла швейцарская палатка (8290 м.).

Утром следовало выходить пораньше, однако с вечера мы решили, что это нам не удастся. Слишком уж мы устали и слишком велик был у нас беспорядок. Несмотря на ветер, мы трое провели, пользуясь кислородом, неплохую ночь. Когда часа через четыре мой запас кислорода истощился, я сразу же проснулся и уснуть уже не мог: дышать стало трудно, и меня в спальном мешке начал пробирать холод. Тем не менее наутро мы все чувствовали себя отдохнувшими и посвежевшими. Однако без всяких споров было решено отложить на сутки попытку штурма. Это, правда, могло привести к серьезным последствиям: увеличивался расход питания и горючего. Истощение организма могло усилиться, и мы могли настолько ослабеть, что шансы на успех значительно уменьшились бы. Наконец, важным обстоятельством была опасность упустить благоприятную погоду и особенно безветренные дни. Это смущало нас больше всего, так как в то утро, 25 мая, ветер стих и погода была исключительно хороша. На седловине дул только легкий ветерок.

И все же мы не были готовы к выходу. Надо было разобрать продукты. Балу был не в состоянии выступить, но мы надеялись, что, отдохнув, он придет в себя. Решающей причиной была неподготовленность кислородной аппаратуры, а

на такой высоте это – очень длительное занятие. Даже самые простые действия, не говоря о такой сложной работе, как налаживание аппаратов, отнимали массу времени. К счастью, с точки зрения выполнения плана штурма у нас еще оставалось время: группа Эдмунда Хиллари, вместо того чтобы следовать за нами через сутки, как было предусмотрено планом, должна была присоединиться к нам не позже следующего вечера.

Время мы провели отдыхая; завтракали поздно. Я уже забыл, что именно мы ели, но в памяти сохранился чудесный швейцарский мед, который я нашел на седловине, а также наша колбаса салями. После завтрака я вылез из палатки, чтобы привести лагерь в порядок. Да Намгьял пришел мне помогать, и мы установили третью палатку – маленький трехкилограммовый „Блистер“. На меня напала страсть к порядку, и мне доставили определенное удовольствие установка кислородных баллонов в стройный ряд около нашей палатки, размещение у входа всех продуктов питания и рассортировка швейцарского снаряжения отдельно от нашего. На одну из ближайших скал я положил небольшой пакет с фотопластинками, предназначенными для измерения интенсивности космических лучей. Их мне дал профессор Эугстер из Цюрихского университета во время нашего посещения этого города перед отъездом в Индию. В течение двух недель мы уже экспонировали эти пластинки в лагере VII. С сожалением я должен отметить, что они так и остались на Южной сед-

ловине, где они должны сейчас содержать исчерпывающие данные для характеристики этого интересного явления.

Кроме четырех банок меда, некоторого количества сыра и витаминизированных галет я нашел в запасах швейцарцев банку тунца. Интересно отметить, как на высоте в 7900 м. проявляются животные инстинкты человека и жадность к еде. С некоторым стыдом должен признаться, что я настолько в то время утратил чувство товарищества, что утаил это лакомство от своих спутников. Спрятавшись в „Блистер“, я опустошил всю банку.

Окончив хлопоты по хозяйству, я предпринял небольшую прогулку по седловине. На ногах у меня была лишь пара легких пуховых носков, надетых поверх двух пар шерстяных. Сперва я прошел к западному краю плато, чтобы с высоты большой, хорошо приметной снизу глыбы взглянуть на Западный цирк. Я двигался очень медленно, держа направление против ветра. Каждый шаг нужно было тщательно рассчитывать, хотя склон плавно спускался, не требуя больших усилий. Достигнув края обрыва, я взглянул, наконец, поверх гребня Нупдзе, который теперь был, несомненно, ниже меня. За ним в бесконечной дали были видны на юге более низкие пики. Прямо подо мной отчетливо виднелись три наших лагеря. Передовой базовый лагерь, спрятанный в своей впадине, казался темным пятном на снежной поверхности. Влево и немного выше я различал миниатюрные, почти сливающиеся друг с другом палатки лагеря V. Наиболее эффек-

ным казался лагерь VII, расположенный еще левее, на середине стены. Как с самолета, я мог смотреть прямо в воронку, в которой он находился. Склон пика Лходзе, отделявший меня от лагеря VII, казался исключительно крутым. Пик Пумори, который так величаво возвышался над Базовым лагерьем, был отсюда едва заметным на фоне льда и снега. Через его вершину виден был Тибет. Перед тем как уйти с обрыва я помахал рукой, на случай если бы в то время кто-нибудь внизу смотрел в эту сторону. Насколько я знаю, мой сигнал остался незамеченным.

На обратном пути мне пришлось идти в гору и по ветру. Это потребовало значительно большего напряжения сил, и я останавливался через каждые несколько метров, с некоторой тревогой думая о том, сумею ли я преодолеть этот путь. Подойдя к палаткам, я с удивлением заметил клушицу, которая с важным видом прогуливалась возле меня по камням. Клушицы навещали нас в каждом лагере; даже в лагере VII мы видели двух-трех птиц, и меня тогда занимал вопрос, увидим ли мы их на седловине.

Однако здесь, на высоте 7900 м, птица вела себя совершенно так же, как ее собратья в Базовом лагере. В этот день Чарльзу Эвансу удалось наблюдать перелет небольших серых птиц через седловину. Никто из нас не предполагал, что на такой большой высоте мы обнаружим признаки жизни.

Отдохнув и набравшись сил, я направился полюбоваться видом на восток. Палатки находились примерно в середине

седловины, и мой новый маршрут был подобен предыдущему. Чтобы дойти до края седловины, мне пришлось преодолеть порядочный участок льда. В покрытых нейлоном пуховых носках это досталось мне нелегко. Я настолько устал, что не решился подойти вплотную к краю, опасаясь, что порыв ветра, который к этому времени начал крепчать, может сбить меня и, скользя по склону, я не в силах буду задержаться. Отсюда мне открылась та картина, о которой я мечтал. Много лет тому назад, в 1937 г., я совершил восхождение на юго-западную вершину пика Непал, высотой 7130 м, расположенного рядом с третьей по высоте вершиной мира Кангченджунгой (8580 м.). Оттуда, за ближайшим пиком Макалу (8470 м), я увидел на северо-западе вершины Эвереста и пика Лходзе. Это было зрелище, которое никогда не изгладится из моей памяти.

Теперь передо мной была обратная сторона медали. Из-за плеча соседнего Макалу вздымалась громадная, покрытая снегом и красноватыми скалами пирамида Кангченджунги. Вершина ее возвышалась в виде палатки над поднимающимися облаками, а вокруг нее толпились многочисленные спутники, в том числе пики Туинс и Непал; вновь после шестнадцатилетнего перерыва я любовался знакомыми вершинами. Тремя тысячами метров ниже виднелась свободная от снега земля – тянущаяся к востоку долина Кангшунг.

Когда я возвратился в лагерь, Том и Чарльз уже кончали подготовку к следующему дню. Чтобы предоставить им

больше простора и свободы и дать возможность выйти на штурм пораньше, я решил перейти в маленькую палатку. Я перенес туда свои вещи и оставшуюся часть дня отдыхал, читая „Неисследованный Уэльс“ Борроу. Чувствовалась настоятельная потребность ничего не делать – опасный признак начала ослабления организма.

Среди заброшенного на седловину оборудования был переносный радиотелефон. Я достал его, и мы попробовали наладить его ко времени вечерней связи. К великому сожалению, в пути одна из батарей была повреждена, и нам не удалось добиться успеха. На всякий случай я все же передал Джемсу Моррису в Базовый лагерь телефонограмму. Было бы интересно установить связь между высотой 7900 м. и Базовым лагерем, расположенным ниже 5500 м.

Палатка „Мид“ стояла всего в метре от меня, и я крикнул Да Намгьялу, спрашивая о состоянии Балу. Ответ был неутешительный, и я предупредил Да Намгьяла, что на следующий день весь груз, подлежащий заброске, нам придется распределить между нами двумя. С помощью Тома мы наладили кислородную аппаратуру, и один баллон я взял для использования ночью. Все было подготовлено для решающего дня.

Глава XV

ЮЖНЫЙ ПИК

Еще с вечера мне стало ясно, что на Балу нам рассчитывать не придется. Шансы на то, что мы вдвоем с Да Намгьялом сможем поднять нашу часть груза, необходимого для штурмового лагеря на Снежном плече на высоту, вероятно, около 8500 м, были весьма малы. При создавшемся положении, мне представлялось более целесообразным забросить наш груз настолько высоко, насколько мы сможем, с тем, чтобы дальше его перенесла вторая вспомогательная группа – Грегори с его тремя шерпами, так как на долю этой группы приходилось, пожалуй, меньше половины общего груза. Своими соображениями я поделился с Чарльзом и Томом 25 мая. Наш груз состоял из баллонов кислорода, палаток, продуктов, керосина⁷ и т. п. Лично на мою долю приходилось более 20 кг, не считая некоторых личных вещей, в том числе фотоаппарата. Группа Грегори должна была нести четыре штурмовых кислородных баллона и небольшой примус.

Ночью в течение четырех часов я пользовался кислородом, и на следующее утро, в 5 час. 30 мин., был уже на ногах, чувствуя себя хорошо отдохнувшим. Окликнув Да Намгья-

⁷ Здесь имеется ввиду керосин, употребляемый за границей, который вскипает при более низких температурах. – *Прим. ред.*

ла, спавшего в соседней палатке, я убедился, что он также готовился к выходу. Чарльз и Том должны были выступать первыми в 6 час, так как им предстоял значительно более длинный путь. Около 6 час, надеясь увидеть их готовыми, я выглянул из палатки. Однако снаружи никого не было и никаких признаков деятельности не наблюдалось. Кричать было бесполезно: даже на этом расстоянии в пять метров меня не слышали бы из-за ветра. Я занялся собственной подготовкой – надеванием ботинок и кошек, что было убийственно медленной процедурой. Да Намгьял принес мне чашку чая и сообщил, что Балу чувствует себя совсем плохо и идти с нами не сможет. Незадолго до 7 час. мы оба вылезли наружу, связались, затянули покрепче капюшоны, чтобы защититься от разыгравшегося ветра, надели сверх пуховых варежек рукавицы и приладили очки-консервы. Наше кислородное оборудование было подготовлено с вечера, и я вытащил свой аппарат из палатки.

Перед пирамидальной палаткой Чарльз Эванс, нагнувшись над кислородным аппаратом, продувал трубопровод, явно исправляя какое-то повреждение. Я спросил его, в чем дело. Оказалось, что клапан подачи вышел из строя. Больше часа потребовалось Чарльзу на то, чтобы установить причину неисправности и сменить клапан. К сожалению, для замены пришлось использовать не совсем подходящую деталь из аппарата открытого типа. Начало штурма складывалось неудачно.

Прошло несколько минут, Чарльз Эванс и Том Бурдиллон все еще стояли около своей палатки, а аппарат не был исправлен. Дело становилось серьезным. Чарльз подошел ко мне и спросил, не сможет ли он нам помочь в заброске грузов в штурмовой лагерь, поскольку он считает, что перспективы штурма стали сомнительными. Но я отказался от его помощи, ибо было очевидно, что оба восходителя, пользовавшиеся кислородом непрерывно начиная с Передового базового лагеря, вряд ли смогут высоко подняться по Юго-Восточному гребню без кислорода.

Повидимому, я был слишком поглощен своими собственными заботами, чтобы прийти в уныние от этих неутешительных сведений о штурме. Все, что я мог сделать, как мне казалось, – это постараться выполнить как можно лучше мою работу. Говорить больше было не о чем, а каждое слово на ветру требовало усилий. Поэтому вскоре после 7 час. мы с Да Намгьялом вышли по направлению к гребню. Каждый из нас нес по двадцать с лишним килограммов и потреблял по четыре литра кислорода в минуту.

Мы двигались очень медленно. Полого поднимающийся ледяной склон требовал от меня таких же усилий, как и за день до этого – прогулка по седловине без кислорода. Идти приходилось по обнаженному отполированному ветром льду, усеянному вмерзшими в него камнями. Далее крутизна склона увеличилась, и он был покрыт крепким, как камень, фирном, на котором коротко заточенные зубья моих кошек

стали проскальзывать. Это было чрезвычайно утомительно. Оглянувшись, я с радостью увидел, что Том и Чарльз в этот момент отделились от палаток и поднимаются ко мне. Очевидно, повреждение в аппаратуре было исправлено и штурм вершины вступил в свою конечную фазу.

В то же время я с грустью отметил, как медленно мы движемся: за полчаса мы прошли не более сорока пяти метров по высоте и ста восьмидесяти метров по расстоянию. Я направился к забитому снегом желобу, или кулуару. В свое время швейцарцы показывали нам его на снимке, уверяя, что он является единственным реальным путем для выхода на Юго-Восточный гребень. Последний вздымался теперь непосредственно над нашими головами, на 300 м. выше. Да Намгьял попросил меня держаться еще правее, ближе к подножью скального контрфорса, прерывающего Юго-Восточный гребень выше соединения последнего с краем седловины. Отсюда кулуар казался настолько крутым, что на минуту я подумал, не проще ли будет идти прямо по скалам. Однако это потребовало бы длительного обхода вправо, а нам теперь необходимо было всячески экономить силы. Ведь их оставалось так мало!

Вслед за нами быстро поднимались Том и Чарльз. Они перегнали нас в то время, как мы с Да Намгьялом сидели, отдыхая в первый раз в неглубокой канаве начинающей развиваться краевой фирновой трещины. Отсюда крутизна кулуара резко возрастала. Приятно было смотреть, как быстро и

уверенно поднималась штурмовая связка, и в глубине души я порадовался тому, что на дальнейшем пути мне не придется вытаптывать или рубить ступени.

Мы двинулись дальше. Вначале фирн был твердым, и кошки едва царапали по нему, однако вскоре стали попадаться участки с более мягким снегом; они встречались все чаще по мере того, как мы входили под прикрытие боковых стен кулуара. Я с удовольствием отметил, что мы уже оказались выше скального выступа, поднимающегося над восточным краем седловины. Крутизна кулуара все возрастала, достигая примерно 45 градусов в середине и увеличиваясь до 50 градусов в верхней части. Необходимо было рубить ступени или вытаптывать их в мягком снегу, чтобы обеспечить на такой высоте надежность движения.

Этим делом и были заняты Том и Чарльз. Это отнимало у них много времени, и все же они уходили от нас; теперь они находились примерно в сорока метрах над нами, на середине кулуара. Наш подъем становился все медленнее, все изнурительнее. Каждый шаг давался с трудом и требовал напряжения воли. После нескольких медленных, как на похоронах, шагов нужен был отдых, чтобы набраться сил. По причине, обнаруженной мною лишь впоследствии, я дышал уже с трудом и широко открытым ртом ловил воздух. В этом мучительном состоянии я попытался применить другой метод движения: после минутного отдыха, не считаясь с необходимостью координации движения с дыханием, я пытался

возможно быстрее (на практике это получалось до смешного медленно) пройти восемь или девять последовательных шагов. Затем я наваливался на ледоруб и так стоял до тех пор, пока снова не приходил в себя. После здорового размышления я никак не могу рекомендовать будущим восходителям на Эверест такой мучительный способ подъема. То, что я применял его тогда, пренебрегая всеми правилами альпинизма, было вызвано лишь отчаянием. Между тем Том и Чарльз траверсировали верхнюю часть кулуара, чтобы достичь подножия крутого скально-снежного склона. Прямой подъем вверх стал слишком крутым. Мы прошли по их следам, и я сел на первый попавшийся скальный уступ, чтобы выбрать веревку Да Намгьяла, пока он подходил ко мне. Он ничего не сказал, но выглядел ужасно утомленным.

Мы двинулись дальше, так как гребень уже был недалеко. По крутому, но сравнительно нетрудному склону мы поднялись на гребень и совершенно неожиданно наткнулись на палатку, оставленную почти ровно год назад Ламбером и Тенсингом. Вернее, это были только изорванные в клочья остатки этой палатки. Так же как и на седловине, здесь торчали лишь стойки, сохранившие еще вертикальное положение, с клочьями развевающейся по ветру оранжевой материи. Мы повалились на небольшую ровную площадку как раз над палаткой. Казалось, мои лёгкие сейчас разорвутся. Со стонами я боролся за каждый глоток воздуха, теряя при этом ужасном и жестоком испытании всякое самообладание. К счастью, это

продолжалось недолго. Так же как и раньше, в кулуаре, организм внезапно пришел в норму, а одновременно вновь возникло желание идти дальше и способность интересоваться окружающим.

Впервые я оглянулся вокруг на окружающий нас мир, ибо теперь мы находились на его крыше. Из моря быстро поднимающихся вокруг нас облаков вставали передо мной Кангченджунга и Макалу. Ветер уже заметно усилился, но мы были от него хорошо укрыты; он дул, как обычно, с северо-запада. Затем я взглянул вниз на Южную седловину и был вполне удовлетворен. С высоты 430 м, на преодоление которых мы потратили почти три часа, палатки лагеря казались микроскопическими. Под краем седловины моим взорам была открыта вся стена Лходзе и лагерь VII; несмотря на то, что последний расположен на высоте 7315 м, он казался лежащим бесконечно далеко внизу. Я удивлялся, как мы ухитрились преодолеть по виду отвесные склоны, лежащие выше и ниже его. Наконец я взглянул вверх, где надо мной вздымался наполовину окутанный туманом гребень. Шел снег и, когда я повернулся, ветер дул мне в лицо. Я увидел как Чарльз и Том преодолевали крутой участок перед Снежным плечом. Они поднимались с большой энергией и находились теперь не менее чем в девяноста метрах над нами. Приходилось удивляться, как могли они подниматься так упорно, не отдыхая.

До сих пор Да Намгьял шел как будто с меньшим трудом,

чем я. Но сейчас он выглядел крайне измученным. Я предложил идти дальше, но он остался безучастным к моим словам. Такое поведение было не в его характере, и мне стало ясно, что вряд ли мы будем в состоянии уйти далеко. Оставив один баллон, который я собирался забрать обратно в помощь второй штурмовой группе, мы медленно двинулись по следам штурмовой связки. Узкий гребень вначале поднимался полого, и путь был сравнительно несложным. Однако на поверхности лежал слой сыпучего снега в семь-восемь сантиметров толщиной. Он покрывал скалы гребня и затруднял движение. Большую помощь оказывали нам следы наших товарищей, когда нам удавалось их обнаружить.

Я попытался придерживаться определенного ритма – шаг, четыре или шесть глубоких вздохов, опять шаг и т. д. Это было немного менее мучительно, чем примененная мной до этого тактика „рывка“, но быстрее мы все же не поднимались.

Прошло примерно двадцать минут, за которые мы поднялись быть может на тридцать метров над швейцарской палаткой, когда Да Намгьял заявил, что дальше он идти не может. Я слишком хорошо знал его, чтобы сомневаться в его словах. Вряд ли найдется более мужественный и менее склонный к жалобам человек. Я уговорил его пройти еще немного, так как здесь не было подходящего места, где мы могли бы оставить груз, а в каких-нибудь пятнадцати метрах выше виднелся подходящий уступ. Добравшись до него, мы оста-

новились. Как это часто бывает в горах, нас постигло разочарование. После надежного размещения груза здесь едва хватило бы места, чтобы сесть. Я чувствовал, что смогу пройти еще метров пятнадцать, и вновь мне показалось, что выше по гребню, на более крутом участке перед Снежным плечом, виднеется более удобный уступ. К тому же само Снежное плечо казалось в каких-нибудь девяноста метрах выше нас. Однако Да Намгъял был не в состоянии двигаться дальше. Я не могу сказать, что это обстоятельство очень уж меня огорчало: я сам был на пределе своих сил. Дальше мы не пошли. На ближайшей скале гребня, над небольшой расщелиной, где можно было уложить палатку и прочий груз, мы воздвигли тур.

Это место легко можно было найти снизу. Оно чуть выше пересечения гребня с продолжением оси кулуара, по которому мы поднимались. Здесь мы оставили палатку, продукты, керосин и наши собственные кислородные баллоны. К этому я добавил свечу и спички, чтобы обеспечить хоть минимальные удобства для второй штурмовой группы. Высота этой точки, так же как и других пунктов маршрута, теперь может быть точно определена. Исходя из того, что палатка швейцарцев, согласно их оценке, находилась на высоте 8320 м, я считал, что мной с Да Намгъялом была достигнута высота 8380 м. Впоследствии мы пришли к выводу, что некоторые высоты должны быть перевычислены, и высота нашего склада была установлена в 8336 м.

Сам не знаю почему, мы прошли несколько метров по южному склону и сделали слабую попытку разровнять площадку для лагеря. Это было нелогично, так как я давно уже решил, что штурмовой лагерь должен быть расположен на высоте около 8535 м. (я имел в виду Снежное плечо). Так как один из наших шерпов вышел из строя, было очевидно, что транспортировку грузов на последнем участке мы вынуждены оставить на долю второй группы. Затем мы вновь отдыхали до 11 час. 30 мин., когда мы почувствовали себя в силах начать спуск. Вероятно, во время пребывания вверху Да Намгьял снял свою варежку. Двумя днями позже в Передовом базовом лагере я узнал что у него сильно отморожен палец. Благодаря искусному лечению Майкла Уорда дело окончилось благополучно и никаких чрезвычайных мер не понадобилось. Вообще это был единственный случай серьезного обмороживания в течение всей экспедиции. Взвалив на плечи пустые станки от кислородных баллонов, мы начали спускаться по гребню, окутанному теперь туманом. Снег бил нам в спину. Мы шли ужасающе медленно и пошатывались; когда мы достигли площадки, на которой стоял остов швейцарской палатки, я решил для уменьшения опасности катастрофы захватить оставленный там баллон, чтобы пользоваться кислородом хотя бы в наиболее крутой части кулуара. Однако получилось еще хуже, и я вынужден был быстро снять маску. До этого я не думал, что кислородный аппарат мог быть неисправным. Никогда раньше он не отказывал в рабо-

те, и мне не приходилось проверять, нет ли где нибудь закупорки трубопровода. Ухудшение моего состояния в течение тех нескольких минут, когда аппарат был надет при спуске к кулуару, должно было, однако, зародить во мне подозрение. Лишь сутки спустя, отвинтив трубку, соединяющую маску с аппаратом, я обнаружил, что она была полностью забита льдом. Я привожу этот факт не для самооправдания, а лишь в качестве возможного объяснения, почему мне так исключительно трудно было при восхождении двигаться и дышать. Эти переживания резко отличались от того, что я испытывал в верхней части стены Лходзе, хотя разница высот обоих этих пунктов не очень значительна.

В кулуаре мы двигались крайне осторожно. Хотя до ледовых, покрытых камнями склонов седловины шел прекрасный спуск, но высота того места, где мы вошли в кулуар над седловиной, была более 300 м, и всякий срыв мог иметь серьезные последствия. Мы спускались попеременно и страховали друг друга, обернув один раз веревку вокруг воткнутого в снег ледоруба. Да Намгьял выходил вперед, затем я подходил к нему, и он опускался ниже; так мы шли, уходя каждый раз на длину веревки. Однажды он поскользнулся и пролетел несколько метров вниз, пока не натянулась веревка. Это было вызвано исключительно переутомлением, так как Да Намгьял – спокойный и осторожный альпинист. Срыв предостерегал нас, что нужна еще большая осторожность.

Во время спуска мы заметили людей, поднимающихся по

стене Лходзе в направлении к Южной седловине. Вторая штурмовая группа подходила, чтобы присоединиться к нам. Это было весьма приятно увидеть. Наконец мы спустились на более легкий участок пути. Когда мы выходили из кулуара на верхние склоны над седловиной, двое восходителей подходили к палаткам; вскоре они вышли нам навстречу. К этому времени мы уже садились отдыхать через каждые десять шагов, хотя трудности остались позади и склон был пологий. Мы узнали Тенсинга и Хиллари, приближавшихся к нам по ледяной поверхности. Внезапно я почувствовал, что силы оставляют меня. Колени подогнулись, и самым нелепым образом я упал как раз в ту минуту, когда Тенсинг и Хиллари подошли к нам вплотную. Следом за мной повалился и Да Намгьял. Тенсинг стал нас отпаивать лимонадом из своей фляжки. Эд хотел мне помочь добраться до палаток, но, увидев, что я не смогу дойти, поспешил за кислородным аппаратом. При подаче 6 литров в минуту я скоро пришел в чувство (я хорошо помню, какую обильную и свободную струю я вдыхал) и смог преодолеть оставшиеся несколько метров. Я никогда не забуду, с каким терпением и заботой отнеслись к нам тогда наши товарищи.

При подъеме до того уступа на Юго-Восточном гребне Эвереста, где мы, на высоте 8290 м, останавливались в первый раз, Том Бурдиллон и Чарльз Эванс чувствовали себя хорошо и были полны оптимизма. До этого пункта они до-

брались вскоре после 9 час, потратив на преодоление четырехсот метров высоты полтора часа. До Южного пика оставалось примерно столько же. При таком темпе движения, почти триста метров в час, у них должен был остаться запас времени на преодоление еще неизвестных препятствий, которые могли встретиться на последнем участке гребня, перед самой вершиной Эвереста. Наиболее утешительным было то, что аппараты закрытого типа работали отлично вопреки опасениям, возникшим утром, и несмотря на то, что Чарльз Эванс был вынужден установить на своем аппарате постоянную подачу два литра в минуту. Правда, погода была неблагоприятной, но и она не составляла серьезного препятствия. Восходители продолжали путь, полные решимости и надежды.

Однако дальше дело пошло хуже. Слой свежего снега, покрывавший уступы, заставлял их двигаться с удвоенной осторожностью, так как сцепление кошек с нижележащей твердой поверхностью было ненадежным; движение сильно замедлилось. За два часа они едва преодолели половину расстояния, остающегося до Южного пика. Но за это время они достигли важного пункта. Это было Снежное плечо, которое так выделялось на склоне, когда мы смотрели с верхних скал Женевского контрфорса. Как говорил потом Тенсинг, это была примерно высшая точка, достигнутая им и Ламбером при восхождении весной 1952 г. К тому времени облака окутали восходителей, пошел снег, который ветер взметал

над гребнем.

Во время отдыха на этом менее крутом участке перед нами встала серьезная проблема, связанная с кислородной аппаратурой. Патроны с натронной известью, входящие в комплект аппарата закрытого типа, рассчитаны в среднем на три-три с половиной часа работы. Они проработали к тому времени уже, по крайней мере, два с половиной часа, и их могло еще хватить не более как на час. Альпинисты несли с собой еще по одному запасному патрону, и возникал вопрос – не следует ли заменить патроны именно сейчас. Здесь была достаточно просторная площадка для отдыха, в то время как выше вряд ли можно было надеяться найти такое удобное место. Действительно, начиная отсюда крутизна гребня резко возрастала. Другим важным обстоятельством было то, что, когда к аппарату присоединялся новый, холодный патрон, клапаны обнаруживали тенденцию к замерзанию. Подобный случай имел место всего три дня назад, когда в лагере VI, на пути к Южной седловине, были заменены патроны. Лучше уж было рисковать здесь, чем на вершине Южного пика, где выход из строя аппаратуры мог иметь самые серьезные последствия. С другой стороны, немедленная смена патронов была связана с потерей некоторой части срока действия аппаратуры и, следовательно, с сокращением времени, которым альпинисты располагали для восхождения. Я останавливаюсь здесь подробно на этих вопросах только потому, чтобы подчеркнуть, какая сложная дилемма стояла тогда пе-

ред Чарльзом и Томом на Юго-Восточном гребне Эвереста на высоте 8500 м. Вряд ли можно было считать это подходящим местом для обсуждения столь ответственного вопроса да еще с надетыми на лицо масками.

Было принято решение сменить патроны, и альпинисты двинулись дальше. У Чарльза снова не ладилось дело с аппаратом, что было видно по его затрудненному и ускоренному дыханию. Возможно причиной этому была смена патронов. Проявляя исключительную настойчивость и силу воли, он продолжал идти вперед. Так достигли они подножия последнего большого склона, внезапно вздымающегося под предельным углом к Южному пику. Снег был неустойчивым. Рыхлый и глубокий, он был покрыт хрупкой коркой, и Том, шедший на этом участке первым, начал сомневаться в безопасности пути. Слева шла полоса скал, окаймляющая южную стену там, где она спускалась к западному краю седловины. Восходители траверсировали склон по направлению к этим скалам, ожидая каждую минуту, что под ними двинется снег. Крутизна скал была так же велика, и порода слегка разрушена, однако пласты падали на этой стороне горы навстречу восходителю, что благоприятствовало лазанию. Уступы, хотя и были узки, но так наклонены, что можно было за них зацепиться. Шаг за шагом они поднимались эти последние 120 м. Двигались они теперь чрезвычайно медленно, так как дыхание Чарльза Эванса было сильно затруднено, но он решительно не хотел сдаваться. Неожидан-

но крутизна гребня стала уменьшаться, и почти сразу альпинисты оказались на Южном пике Эвереста, на высоте более 8750 м. Был час дня. Чарльз Эванс и Том Бурдиллон достигли на гребне Эвереста высоты, превышающей на 250 м. достижения предшествующих восходителей. Более того, они поднялись на пик, превосходящий по высоте все взятые до того вершины.

Вокруг них клубились облака, закрывая пейзаж и развеиваясь, как гигантское знамя, на фоне страшной стены, спадающей с вершинного гребня на восток в долину Кангшунг. Но сам конечный участок гребня был открыт. Загадка, волновавшая всех восходителей, которую мы все стремились разрешить, открылась их взору. Впечатление было неутешительным. Отсюда гребень выглядел узким и, казалось, резко вздымался вверх. Левый его склон круто спадал к скальной полосе, увенчивающей западную стену, которая отвесом в два с половиной километра обрывалась в Западный цирк, над Передовым базовым лагерем. Справа, то есть с востока, еще более отвесная и высокая стена была закрыта в этот момент облаками. Гигантские „гималайских масштабов“ карнизы, созданные преобладающим западным ветром, нависали громадными глыбами снега над этой стеной.

Должны ли были восходители идти дальше? Для них это была неповторимая возможность взобраться на вершину. Однако, если восхождение должно было быть совершено в один день, вопрос решался в зависимости от факторов вре-

мени и погоды. Вопрос времени был неразрывно связан с запасом кислорода. Если им не хватит кислорода для подъема по гребню и обратного пути, – восхождение невыполнимо. Нелегко было оценить время, потребное на преодоление неизвестного еще гребня, рассматриваемого в ракурсе, который не давал уверенности в том, что видимая высшая точка и есть сама вершина. Чарльз Эванс считал, что путь до вершины потребует часа три, и еще два часа нужны на возвращение к Южному пику. Уже задолго до этого оставшийся у них запас кислорода будет исчерпан, и, если даже они смогут без кислорода спуститься обратно к Южному пику, они вернутся сюда не раньше 6 час. вечера, а ведь до лагеря еще останется 900-метровый спуск. Очевидно было, что о восхождении не могло быть и речи, и они правильно решили вернуться назад.

Они приступили к спуску не без сожаления. К тому времени оба восходителя были чрезвычайно утомлены, что еще более подчеркивало тщетность попытки дальнейшего штурма вершины. Неполомки с аппаратом Чарльза продолжались, восходителям пришлось остановиться, и Том перестроил аппарат Чарльза по принципу открытой циркуляции. На такой высоте и после всего того, что они выполнили, это являлось поистине героическим подвигом. Позднее им пришлось опять остановиться и перестроить аппарат по прежней схеме, так как новое устройство ухудшило состояние Чарльза. Узкие полки на крутых скалах казались ненадежными, и аль-

пинисты попытались спускаться по снежным склонам слева, ломая хрупкую корку и глубоко проваливаясь в рыхлый снег; повидимому, они были слишком утомлены, чтобы думать о возможных последствиях. Спуск на 450 м. до швейцарской палатки занял у них около двух часов. Степень их изнеможения лучше всего иллюстрируется тем фактом, что выше этого места оба, будучи опытными альпинистами, неоднократно срывались на простых участках гребня. Когда они сюда добрались, было около 3 час. 30 мин. Теперь им предстояло так же, как несколькими часами ранее мне с Да Намгьялом, спуститься по кулуару. Они тоже принимали обычные меры предосторожности, однако вполне понятно, что они шатались еще сильнее, чем мы. Том вышел вперед на всю веревку и воткнул в снег ледоруб для страховки, когда внезапно сверху мимо него пролетел, по выражению Тома, „как пуля“, сорвавшийся Чарльз. Веревка натянулась, последовал рывок, и ледоруб вылетел из снега, а через мгновение и Том был сорван со ступеней и стал со все возрастающей скоростью скользить по твердому фирну кулуара. Однако при срыве натяжение веревки несколько замедлило падение Чарльза. Перевернувшись на живот, Том инстинктивно принял правильное положение и, вонзив в снег клюв ледоруба, сумел задержаться. Связка остановилась. Придя в себя, альпинисты продолжали спуск.

На седловине, беседуя с Тенсингом, я отдыхал в „Блисте-

ре“. Внезапно в палатку просунулась голова Джорджа Лоу. Он был страшно взволнован и вне себя от восторга. „Они поднялись! Ей богу, поднялись!“ – воскликнул он. Это была поистине потрясающая новость! Вся моя слабость после перенесенных в этот день испытаний мгновенно исчезла. Радость охватила всех. Шерпы, которые, следуя за Грегори и Лоу, с трудом поднялись на Женевский контрфорс, были взволнованы не менее, чем мы. Возможно, даже больше нас, так как они считали, что возвышающийся над Южной седловиной пик и есть высшая точка горы. Они решили, что Эверест побежден. Когда они подошли к палаткам, Анг Ньима повернулся ко мне и сказал на индийском жаргоне: „Эверест кхатм хо гья, сагиб!“, что на соответствующем английском жаргоне должно было означать: „Они взяли Эверест!“ На шерпов зрелище этого восхождения произвело особое впечатление. Они наблюдали за нашим подъемом в течение всего утра, пока пересекали склон стены Лходзе, но Бурдиллон и Эванс время от времени исчезали за облаками, покрывающими вершину. Около часа дня туман вокруг остроконечного снежного конуса Южного пика разошелся, и на склоне, как букашки на стене, были видны две точки. Точки эти уверенно поднимались по немыслимой крутизне страшного снежного склона и вскоре исчезли за вершиной. Было впечатление, что восходители даже не захотели остановиться, стремясь достичь какой-то еще более отдаленной точки позади вершины.

Вторая половина дня прошла в тревоге. В глубине души копошилось сомнение: а вдруг Чарльз и Том не вернутся? Облака полностью закрыли гребень, и ветер еще более усилился. В 3 час. 30 мин. в верхней части кулуара в облаках образовался просвет, и мы увидели восходителей. Они медленно спускались, и мы приготовились принять их. В 4 час. 30 мин. они приблизились к палаткам, и мы вышли им навстречу. В своей неуклюжей одежде, обремененные тяжелым снаряжением, с покрытыми инеем лицами, Чарльз и Том выглядели, как пришельцы с другой планеты. Оба были крайне утомлены.

Позднее мы слышали изложенный мною выше рассказ. Это была повесть о первом восхождении на Южный пик Эвереста. Было вполне естественно, что среди их переживаний значительное место занимало чувство разочарования. Как тяжело отступать, будучи так близко к конечной цели, к осуществлению стремлений всей жизни! Следует, однако, напомнить, что Том и Чарльз выполнили возложенную на них задачу. Я настаивал на том, что их целью является достижение Южного пика и что, поднявшись на него, они добудут сведения, неоценимые для второй штурмовой двойки. Фактически обе попытки штурма должны были дополнять друг друга. Подъем в один день с Южной седловины на высоту 8750 м. и обратный спуск являлись выдающимся достижением и показателем высокого качества кислородной аппаратуры, которой было уделено столько внимания. Восходители-

лям удалось рассмотреть завершающую часть гребня, и они могли теперь описать ее Тенсингу и Хиллари. Своим примером они вселили в нас несокрушимую веру в окончательную победу.

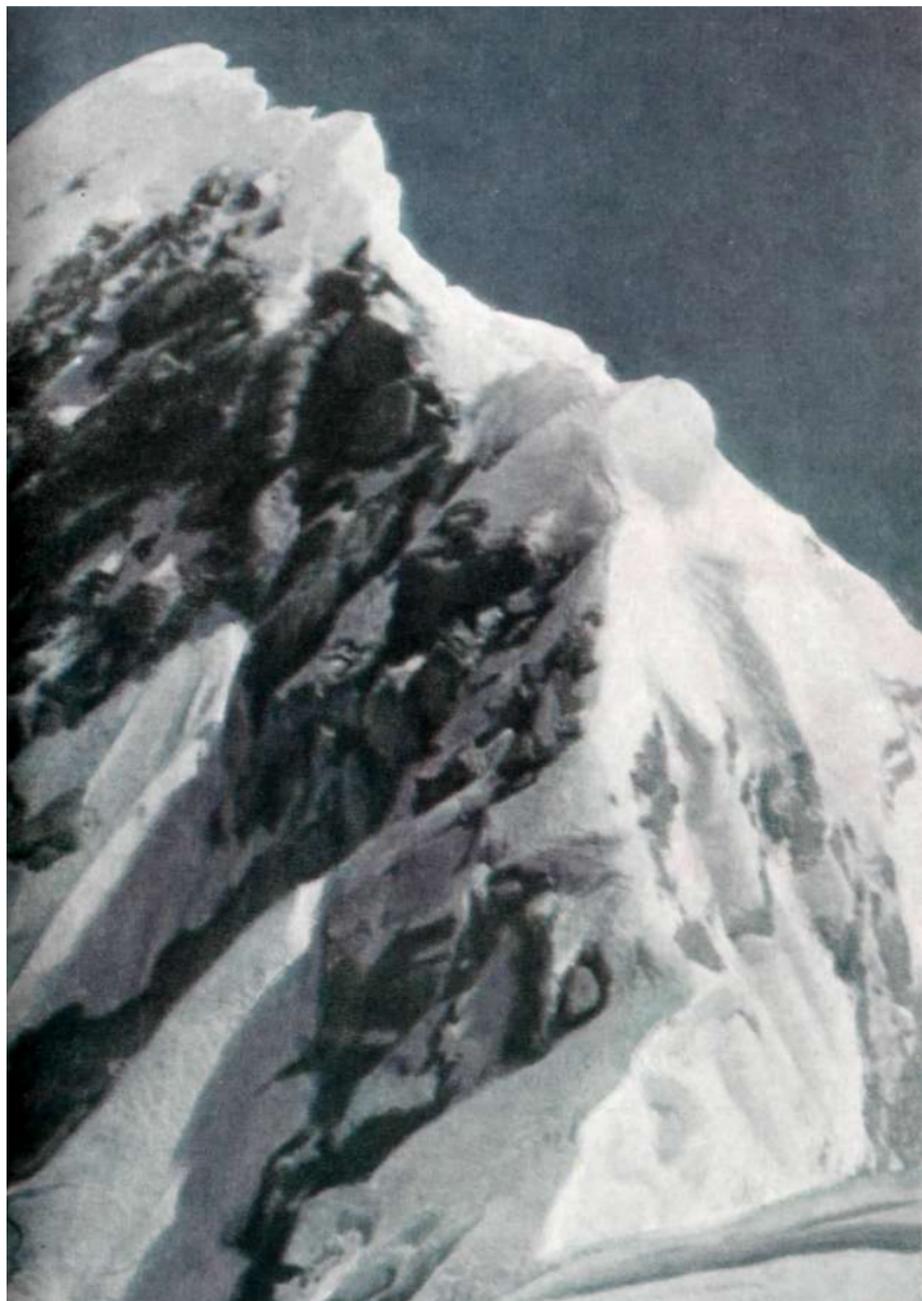

Фото 47. Вершинный гребень Эвереста (снято с Южного пика).

После того как вторая штурмовая группа благополучно добралась со всем своим дополнительным грузом до Южной седловины, началась подготовка к предстоящему на следующий день их выходу вверх по Юго-Восточному гребню.

Сопровождавшие их шерпы, доставившие на седловину припасы, готовились идти вниз, несмотря на крайнюю усталость от замечательных подвигов этого дня; Да Намгьял решил отправиться с ними, Балу также ушел. Шерпы вели себя героически, и их имена должны быть особо отмечены в истории восхождения на Эверест. Это были: Дава Тхондуп, возраст которого приближался уже к 50 годам; Да Тенсинг – еще один ветеран; Топкие – в сущности еще мальчик, который нередко на ледопаде и в Западном цирке выводил нас из себя своим легкомыслием и раздражающим кашлем и вместе с тем обладал сердцем льва; стойкий и несгибаемый Анг Норбу; весельчак Аннулу, ходящий по горам со скоростью „лучшего швейцарского проводника“. Для всех них, за исключением Да Тенсинга, это было в течение нашей экспедиции второе восхождение на Южную седловину. Сам Да Тенсинг вместе с Лоу выполнил исключительно сложную и трудную работу по прокладке пути на стене Лходзе и совершил в тот день, когда в лагерь VII прибыла первая штурмовая группа, еще одно новое восхождение туда из целой серии их.

Поистине, эти люди выше всяких похвал.

Джордж Лоу сопровождал их до седловины, и теперь он просил разрешения остаться, чтобы помочь в заброске грузов в штурмовой лагерь. Я охотно согласился. Из трех шерпов, специально выделенных для сопровождения второй штурмовой группы и заброски грузов в лагерь IX, лишь один был в состоянии идти вверх. Это был Анг Ньима, уже завоевавший у нас славу своей работой вместе с Лоу в первые дни прокладки пути по стене Лходзе. Два других шерпа – Анг Темба и Пемба, – бывшие моими ординарцами на подходах, чувствовали себя очень плохо. Таким образом, участникам второй вспомогательной группы также пришлось быть одновременно и носильщиками.

В этот вечер лагерь VIII был переполнен. Пирамидальная палатка была занята четырьмя участниками второй штурмовой группы, в то время как мы, члены первой группы, закончив свою работу, заняли палатку „Мид“, рассчитанную на двоих. Три оставшихся шерпа второй вспомогательной группы втиснулись кое-как в маленький „Блистер“. Ночь прошла ужасно. Впоследствии Хиллари говорил: „Это была одна из худших ночей, которые я когда-либо переживал“. Для тех из нас, кто ночевал в третий раз подряд на седловине, эта ночь, когда мы лежали в палатке, набитые как сельди в бочке, обходясь без кислорода и измученные подъемом в этот день на большую высоту, была сплошным кошмаром. Термометр показывал —25°, а ветер, дувший весь день с большой си-

лой, превратился к ночи в ураган. Прижатые к стенкам палатки, мы чувствовали себя совершенно незащищенными от холода. Всю ночь нас колотили хлопающие стенки палатки, и о сне не могло быть и речи. Так продолжалось час за часом, и усталость, испытываемая нами, все возрастала. Утром 27 мая стало очевидным, что участники первой штурмовой группы, и в особенности, как мне казалось, Том Бурдиллон, были в очень жалком состоянии.

В этот день я записал в свой дневник: „В 8 час. утра для меня не было неожиданностью, что группа Эда не вышла. Ветер бесновался, как безумный, так что вылезти из палатки было кошмарным предприятием. Вокруг вершины Эвереста творилось что-то невообразимое. Она была окутана облаками и снежной пылью, сорванной с Юго-Восточного гребня. Мы кое-как втиснулись в пирамидальную палатку и, в то время как Тенсинг пытался разжечь примус, стали обсуждать создавшееся положение. Из шерпов только Анг Ньима проявлял какие-то признаки жизни. Отсрочка штурма на сутки была неизбежна. К счастью, на седловине было для этого достаточно припасов. Все дело заключалось в том, чтобы вдоволь есть и пить, стараясь сохранить свои силы. Для меня это были третьи сутки пребывания на седловине, я уже провел здесь три ночи подряд. Интересно, однако, сравнить наши условия с условиями, в которых в прошлом году швейцарцы провели здесь примерно столько же времени, после чего спустились едва живыми. Мы же полностью обеспече-

ны здесь питанием, горючим и кислородом и отсиживаемся на высоте 7900 м, почти как в Базовом лагере.

Около полудня Чарльз и Том вышли вниз. Неожиданно Чарльз вернулся с тревожной вестью, что Том находится в тяжелом состоянии и не может преодолеть подъема, ведущего к верхней части контрфорса. Еще один из нас должен был сопровождать его вниз – иначе он не доберется живым. Возник новый сложный вопрос. Мое место было здесь, на седловине, где я должен был проследить за обеспечением выхода второй штурмовой группы и в случае необходимости принять решение о дальнейшей отсрочке, а возможно, и об отмене штурма. В то же время я ведь входил в первую группу, и, отсылая вниз Грегори или Джорджа, я только уменьшил бы шансы второй штурмовой группы. Я решил идти вниз. С помощью товарищей я быстро собрался и в сопровождении Эда, несшего мой рюкзак, медленно побрел вверх по склону контрфорса.

„На прощанье я сделал Эду последние напутствия: рекомендовал по возможности не рисковать и пообещал прислать подкрепление. Все мы (Чарльз, Том, Анг Темба и я) медленно, мучительно медленно, начали спускаться по кулуару и пересекать громадные склоны пика Лходзе. Мы часто и надолго останавливались, так как Том, а также, правда в меньшей степени, Анг Темба едва держались на ногах. Первым спускался я, Чарльз замыкал шествие. Так продолжалось до тех пор, пока мы на пределе своих сил (за исключением, мо-

жет быть, Чарльза) не приблизились, шатаясь, к лагерю VII. К нашей великой радости, мы встретили здесь Уилфрида Нойса и Майкла Уорда, которые помогли нам добраться до лагеря. В тот момент, когда мы спускались с ледяного склона над лагерем, Темба сорвался и провалился в громадную трещину. Он был задержан Чарльзом, а Уилф ухитрился снять с него рюкзак (Темба упал лицом вниз) и вытащил его наверх. Степень моего истощения хорошо иллюстрируется тем, что во время этого происшествия я был не в силах даже пошевелиться“.

Присутствие Уилфрида Нойса в лагере VII было как нельзя кстати. Без него Том Бурдиллон, Анг Темба и я не смогли бы позаботиться о себе в этот вечер. Уилфрид приготовил нам ужин и, как нянька, ухаживал за нами. Нойс был уже на полпути к седловине, а без его ведома перед своим уходом я уже обещал Эду Хиллари, что непременно пришлю ему в помощь снизу Нойса с тремя шерпами-добровольцами. Продукты, которые они должны были поднести, позволили бы Хиллари провести на седловине в случае плохой погоды еще один день. Кроме того, я имел в виду, что Нойс, а также один или несколько из этих шерпов смогут подменить кого-либо вышедшего из строя в верхнем лагере и участвовать во втором штурме. Поэтому Чарльзу Эвансу, у которого хватило энергии спуститься в этот вечер с Майклом Уордом до Передового базового лагеря, было дано задание выслать трех человек, которые должны были 28 мая присоединиться к Ной-

су в лагере VII.

На следующее утро мы с Томом спустились в цирк. По пути нам встретился Чарльз Уайли с тремя шерпами. Уайли правильно решил, что отпускать шерпов без сопровождения для восхождения по стене Лходзе нельзя. Кроме того, он считал, что в лагере VII вплоть до возвращения группы Хиллари должен кто-нибудь находиться. По своей инициативе он взял на себя эти обязанности, что благоприятно повлияло на правильное проведение штурма. Когда мы встретились с Чарльзом, я заметил характерную для него предусмотрительность: в его объемистом грузе находился штурмовой кислородный баллон. Он его забрал в числе прочего запасного оборудования у четвертого шерпа, который должен был войти в его группу, но оказался не в состоянии продолжать подъем выше лагеря V. Уайли, конечно, шел без кислорода.

В Передовой базовый лагерь мы добрались вскоре после полудня. Наша непосредственная задача была выполнена, и нам ничего более не оставалось, как ожидать результатов второго штурма.

Глава XVI

ВЕРШИНА (*рассказ Эдмунда Хиллари*)

Двадцать седьмого мая я проснулся рано утром после плохо проведенной ночи, чувствуя себя продрогшим и несчастным. Мы находились на Южной седловине Эвереста. Мои товарищи по пирамидальной палатке – Лоу, Грегори и Тенсинг – метались и ворочались, тщетно стараясь спастись от пронизывающего холода. Безжалостный ветер с бешенством налетал на палатку, и гулкое хлопанье полотнищ не давало нам уснуть. Неохотно вытащив руку из спального мешка, я взглянул на часы. Было 4 часа утра. На мгновение мерцающий свет спички упал на термометр, лежащий возле противоположной стенки палатки. Он показывал —25°.

Мы надеялись в этот день установить штурмовой лагерь высоко на Юго-Восточном гребне, но из-за ураганного ветра выход был явно невозможен. Однако нам следовало быть готовыми к выступлению, как только стихнет ветер. Подтолкнув локтем безропотного Тенсинга, я шепнул ему несколько слов насчет еды и питья, после чего безо всякого зазрения совести вновь уютно устроился в спальном мешке. Вскоре ворчание примуса и потепление в палатке возвратили нас к жизни. Попивая горячую воду с сахаром и лимонной кислотой и жуя бисквиты, Лоу, Грегори и я стали обсуждать в довольно пессимистических тонах наши планы на этот день.

В 9 час. ветер свирепствовал попережнему. Надев на себя все свои теплые вещи, я выполз из палатки и перебрался в маленькую палатку „Мид“, где помещались Джон Хант, Чарльз Эванс и Том Бурдиллон. Хант согласился, что в этих условиях выход невозможен. Анг Темба захворал и был явно неспособен нести груз дальше, так что мы решили отправить его вниз с Эвансом и Бурдиллоном, которые собирались около полудня спуститься в лагерь VII. В последний момент, учитывая состояние Бурдиллона, Хант решил пойти с ними. Мы с Джорджем Лоу помогли этой измученной четверке подняться по склону над лагерем и затем стали смотреть, как они начали медленный и утомительный спуск к лагерю VII.

Весь день дул бешеный ветер, и в весьма унылом настроении мы отбирали грузы, которые на следующий день намеревались забросить в штурмовой лагерь. Всякая задержка выхода с Южной седловины могла привести лишь к дальнейшему истощению и ослаблению организма. Сильный ветер не давал нам покоя и следующую ночь, однако мы все пользовались кислородом с подачей одного литра в минуту, и это позволило нам семь или восемь часов провести в беспокойной дремоте.

Ранним утром ветер был еще очень силен, но около 8 час. он стал заметно стихать, и мы решили выходить. Однако судьба приготовила нам новый удар: ночью Пемба чувствовал себя очень плохо и был явно неспособен к выходу. Из на-

шей первоначальной группы шерпов в три человека остался лишь один – Анг Ньима. Единственным выходом было производить заброску грузов в штурмовой лагерь собственными силами, так как отказаться от штурма было немыслимо. Мы переупаковали груз, исключив все, что не было жизненно необходимым. Из-за недостатка в носильщиках нам оставалось лишь резать драгоценный запас кислорода.

В 8 час. 45 мин. вышли в путь Лоу, Грегори и Анг Ньима, неся каждый более восемнадцати килограммов и расходуя четыре литра кислорода в минуту. Тенсинг и я должны были выйти несколько позже, чтобы возможно быстрее подняться по сделанным передовой группой ступеням и тем сэкономить силы и кислород. Мы тронулись около 10 час. утра, нагруженные личными вещами, спальными мешками, надувными матрацами и некоторым запасом продуктов, не считая кислородного аппарата. Каждый из нас нес около двадцати трех килограммов.

Мы медленно поднялись по длинному склону, ведущему к подножью большого кулуара, и начали карабкаться по настоящей лестнице, вырубленной Лоу в твердом фирне. Во время медленного подъема мы подвергались непрерывной бомбардировке осколками льда, летящими сверху, где в это время Лоу и Грегори вырубали ступени, проходя кулуар по направлению к Юго-Восточному гребню. К полудню мы вышли на гребень и присоединились к передовой группе. Невдалеке виднелись лохмотья палатки, поставлен-

ной прошлой весной швейцарцами. Они подчеркивали унылый и уединенный характер этого замечательного обзорного пункта. Именно отсюда после ночи, проведенной без спальных мешков, начали Ламбер и Тенсинг свою героическую попытку достичь вершины.

Здесь открывался во все стороны захватывающий вид, и мы предали себя настоящей оргии фотографирования. Чувствовали мы себя все прекрасно и твердо надеялись установить штурмовой лагерь высоко на Юго-Восточном гребне. Снова взвалив на себя грузы, мы поднялись еще на 45 м. и дошли до промежуточного склада, устроенного Хантом два дня тому назад. Гребень был очень крут, однако слои, падающие нам навстречу, обеспечивали хорошие упоры и делали лазание технически несложным. Правда, рыхлый снег на крутых скалах требовал большой осторожности. Склад помещался на высоте 8336 м, но мы считали эту высоту далеко не достаточной для организации последнего лагеря, так что нам пришлось без особого энтузиазма добавить к нашим и без того уже солидным ношам весь этот дополнительный груз. Грегори взял кислородные баллоны, Лоу – некоторое количество продуктов и горючего, а я привязал к своему грузу палатку. За исключением Анг Ньимы, который нес немного больше восемнадцати килограммов, на каждого из нас приходилось от двадцати трех до двадцати восьми с половиной килограммов. Мы продолжали подъем в несколько более медленном темпе. Несмотря на тяжелый груз, мы шли не

останавливаясь, хотя и очень медленно. Дальнейший крутой взлет гребня представлял собой твердый фирновый склон, в котором, на протяжении пятнадцати метров Лоу пришлось вырубать ступени. Около 2 час. дня мы почувствовали усталость и стали приглядывать место для лагеря. Крутизна гребня не менялась, и на всем его протяжении никаких уступов заметно не было. Мы медленно тащились вверх, безуспешно стараясь обнаружить хоть какой-нибудь уступ. Каждый раз с новой надеждой мы упорно стремились к манящей невдалеке площадке лишь для того, чтобы убедиться, что и там тянется 45-градусный склон. Понемногу мы стали приходить в отчаяние, когда Тенсинг, вспомнив по прошлому году характер рельефа, предложил траверсировать крутые склоны влево. Это привело нас, в конце концов, к сравнительно горизонтальной площадке под скальным отвесом.

Было 2 час. 30 мин. дня, и мы решили организовать здесь лагерь. В течение всего дня грандиозный пик Лходзе привлекал к себе наше внимание, но сейчас его вершина была уже ниже нас. Мы считали, что находимся на высоте 8500 м. С облегчением Лоу, Грегори и Анг Ньима сбросили грузы. Они устали, но были весьма удовлетворены достигнутой высотой, и именно им мы в значительной степени обязаны успехом штурма, осуществленного на следующий день. Не теряя времени, они начали спуск на Южную седловину.

С некоторым чувством одиночества наблюдали мы за нашими бодрыми товарищами, медленно спускавшимися по

гребню. Однако нам предстояло много дела. Для экономии кислорода мы сняли аппараты и с помощью ледорубов начали расчищать маленькую площадку. Удалив слой снега, мы добрались до скального основания, наклоненного примерно под 30 градусами к горизонту. Камни крепко примерзли к нему, однако после двух часов интенсивной работы нам удалось выворотить достаточно камней, чтобы выровнять две рядом лежащие полосы в 1 м. шириной и 1 м. 80 см длиной. При этом, правда, одна лежала выше другой почти на 30 см. Несмотря на то, что мы обходились без кислорода, мы все же могли достаточно эффективно работать, отдыхая, правда, примерно через каждые десять минут, чтобы восстановить дыхание и собраться с силами. На этой двухъярусной площадке мы установили нашу палатку и натянули ее возможно лучше. Поблизости не было подходящих камней для крепления оттяжек, а снег был слишком мягким, чтобы алюминиевые колышки могли в нем держаться. Нам пришлось погрузить в рыхлый снег несколько кислородных баллонов и к этим ненадежным якорям прикрепить оттяжки палатки. В то время как Тенсинг занимался разогреванием супа, я стал подсчитывать наши ограниченные запасы кислорода. Они были значительно более скудными, чем мы ожидали. Для штурма на долю каждого приходилось лишь по одному и две трети баллона. Было очевидно, что, если мы будем расходовать, согласно плану, по четыре литра в минуту, нам этих запасов не хватит для поддержания наших сил. Однако

я думал, что при уменьшении подачи до трех литров в минуту у нас остаются еще шансы на успех. Я подготовил аппаратуру и произвел необходимую регулировку. Хорошо еще было, что Эванс и Бурдиллон в сотне метров выше нашего лагеря оставили два баллона, наполненных на одну треть. Мы надеялись использовать этот кислород на обратном пути к Южной седловине.

После заката мы окончательно заползли в палатку, надели на себя все теплые вещи и залезли в спальные мешки. Выпив огромное количество жидкости, мы из имеющихся в запасе деликатесов устроили неплохой ужин: сардины на галетах, консервированные абрикосы, финики, галеты, джем и мед. Особое удовольствие нам доставили абрикосы, но их пришлось предварительно оттаивать на нашем рычавшем примусе. Несмотря на большую высоту, наше дыхание оставалось почти нормальным, и лишь резкие движения вызывали легкую одышку. Тенсинг расстелил свой надувной матрац на нижнем уступе так, что он наполовину свисал над крутым склоном, и спокойно приготовился ко сну. Я постарался устроиться поудобнее – полусидя и полулежа на верхнем уступе и опираясь ногами на нижний уступ. Такое положение, хотя и не слишком комфортабельное, имело существенные преимущества. Примерно через каждые десять минут налетал сильный порыв ветра. О его приближении я узнавал заранее по пронзительному вою, доносившемуся с верхней части гребня, и, упираясь изо всех сил плечами и ногами,

помогал нашим ненадежным якорям сдерживать стенки палатки, время от времени начинавшие сотрясаться и хлопать самым угрожающим образом. Кислорода для сна у нас было лишь на четыре часа из расчета один литр в минуту. Я решил использовать его в два приема по два часа: с 9 до 11 и с часу ночи до 3 час. утра. Пользуясь кислородом, мы чувствовали себя неплохо и могли подремать, но как только поступление его прекратилось, мы начали немедленно замерзать и почувствовали себя скверно. В течение ночи термометр показывал -27° , но, к счастью, ветер почти совсем стих.

В 4 час. уже было совершенно тихо. Открыв вход в палатку, я смотрел вдаль на темные спящие долины Непала. Лежащие ниже нас ледовые вершины ярко сверкали в свете утренней зари. Тенсинг указал мне на монастырь Тхьянгбоче, лежавший на 4900 м. ниже нас и смутно выделявшийся на высоком скальном уступе. Приятно было думать, что даже в этот ранний час ламы в Тхьянгбоче возносят к своим буддийским богам молитвы за нашу безопасность и благополучие.

Мы разожгли примус и с твердым намерением предупредить ослабление организма, обусловленное недостатком влаги, выпили громадное количество лимонного сока с сахаром, после чего доели с галетами последнюю коробку сардин. Я втащил в палатку кислородные аппараты, очистил их ото льда и тщательно проверил всю систему и испытал их. Еще с вечера я снял свои слегка отсыревшие ботинки, и те-

перь они совершенно замерзли. Пришлось прибегнуть к решительным мерам: несмотря на сильный запах горелой кожи, я отогревал их на сильном пламени примуса, пока они не стали мягкими. Поверх наших пуховых костюмов мы надели штормовые куртки и натянули на руки три пары рукавиц – шелковые, шерстяные и ветронепроницаемые.

В 6 час. 30 мин. мы выползли из палатки на снег, взвалили на плечи наши кислородные аппараты весом 14 кг, надели маски и открыли вентили, чтобы дать доступ живительному кислороду к нашим легким. Несколько хороших, глубоких вдохов – и мы были готовы к выходу. Немного беспокоясь за свои озябшие ноги, я попросил Тенсинга идти первым, и он стал вытаптывать ряд глубоких ступеней, начиная от скалы, защищавшей нашу палатку через крутой, покрытый сыпучим снегом склон, по направлению к левой стороне главного гребня. Последний к этому времени был весь залит солнцем, и далеко над нами виднелась наша ближайшая цель – Южный пик. Тенсинг, двигаясь весьма обдуманно, проделал длинный траверс назад к гребню, и мы вышли на него как раз там, где он образует на высоте около 8550 м. большой, ясно выраженный снежный выступ. Начиная отсюда гребень становился узким, как нож, и так как ноги мои согрелись, я вышел вперед.

Мы двигались медленно, но упорно и не нуждались в остановках для восстановления дыхания. Я чувствовал, что у нас достаточный запас сил. По самому гребню идти было труд-

но и опасно из-за неустойчивого рыхлого снега, так что мне пришлось опуститься немного влево на крутой склон, где ветер образовал на снегу тонкую корку. Иногда этот наст выдерживал мою тяжесть, но чаще всего он с треском неожиданно проваливался, нарушая наше равновесие и болезненно действуя на нервы. После сотни метров подъема по этому довольно мучительному гребню мы добрались до небольшого углубления и нашли там два баллона, оставленные Эвансом и Бурдиллоном во время предыдущей попытки штурма. Очистив от льда манометры, я с радостью отметил, что в баллонах содержится еще несколько сот литров кислорода. При экономном расходе этого количества должно было хватить на обратный спуск до Южной седловины. С этой приятной мыслью о лежащих позади баллонах я продолжал прокладывать путь вверх по гребню, который становился все круче и круче и вскоре, расширившись, перешел в ужасающий снежный склон, ведущий на протяжении последних 120 м. к Южному пику. Мы понимали, что снежные условия были здесь явно опасны, но, поскольку другого пути не было, мы продолжали изнурительную и напряженную работу по прокладке пути. На этом сложном участке мы часто менялись местами. Неожиданно, в то время как я выбивал в глубоком снегу ступени, подо мной съехал большой участок склона, и я соскользнул на три-четыре шага вниз. Я спросил Тенсинга, как он считает, допустимо ли в этих условиях продолжать восхождение. Тенсинг признался, что ненадежное состояние

снега очень его удручает, но, тем не менее, закончил свою речь обычной фразой: „Поступим так, как вы считаете нужным“. Я решил продолжать путь.

Достигнув несколько выше полосы более плотного снега, мы почувствовали большое облегчение. Выбив в последнем участке крутого склона ступени, мы взобрались наконец на Южный пик. Было 9 час. утра. Не без интереса разглядывали мы уходящий вверх не пройденный еще никем участок гребня. Как Бурдиллон, так и Эванс составили себе вполне определенное пессимистическое представление о трудностях этого пути, и мы понимали, что препятствия на гребне окажутся, быть может, непреодолимыми. На первый взгляд гребень выглядел внушительно и даже несколько устрашающе. Справа, над трехкилометровым обрывом стены Кангшунг, выступали, как скрюченные пальцы, гигантские изогнутые карнизы, нависавшие массы снега и льда. Всякое движение по ним привело бы к катастрофе. От карнизов гребень круто обрывался влево, где снежная поверхность сливалась с громадной скальной стеной, возвышавшейся над Западным цирком. Лишь одно обстоятельство вселяло в нас некоторую надежду: крутой склон между карнизами и скальной стеной был, повидимому, покрыт прочным фирном. Если окажется, что снег мягкий и неустойчивый, наши шансы на подъем вдоль гребня будут очень невелики. Если же мы сможем на этом склоне рубить ступени, мы, во всяком случае, будем продвигаться вперед.

Непосредственно под вершиной мы вырубали углубление, чтобы посидеть, и сняли кислородные маски. Снова я занялся подсчетом кислородных запасов, что было моей главной заботой при подъеме и спуске. Так как наш первый частично наполненный баллон израсходовался, нам оставалось теперь лишь по одному полному баллону – 800 литров кислорода на каждого. Насколько этого хватит при расходе три литра в минуту? Я считал, что этого достаточно на четыре с половиной часа пути. Наши аппараты стали теперь намного легче, всего около девяти килограммов, и в то время, как я вырубал ступени на спуске с Южного пика, у меня было совершенно неожиданное на такой большой высоте прекрасное самочувствие.

После первого же удара ледорубом по крутому склону гребня я понял, что самая большая моя надежда оправдалась: под ногами был твердый кристаллический фирн. Двумя-тремя ритмичными ударами ледоруба вырубалась ступень, вполне достаточная даже для наших огромных высотных ботинок. Что еще важнее, сильным толчком древко ледоруба наполовину вгонялось в фирн, обеспечивая хорошую страховку. Мы двигались попеременно. Я знал, что на этой высоте предел надежности наших движений невысок и что необходимо соблюдать максимальную осторожность. На протяжении двенадцати метров я рубил ступени, в то время как Тенсинг меня страховал. Затем я вгонял ледоруб в склон и, в свою очередь, несколько раз обведя вокруг древка

веревку, страховал подходящего ко мне Тенсинга на случай, если под ним обломится ступень. Потом он снова страховал меня, а я рубил ступени. В ряде мест нависающие ледяные карнизы были очень широки, и, чтобы избежать их, мне приходилось прокладывать линию ступенек вниз до стыка снега со скалами, находящимися западнее. С невольным трепетом смотрели мы с этой гигантской скальной стены на крохотные палатки лагеря IV в Западном цирке на 2400 м. ниже нас. Карабкаясь по скалам и вырубая в фирне захваты для рук, мы с трудом преодолевали эти сложные участки.

В один из таких моментов я увидел, что Тенсинг, который до этого шел прекрасно, вдруг резко сбавил темп и, видимо, начал дышать с большим трудом. Шерпы имели слабое представление о механизме действия кислородных аппаратов, и на основании прошлого опыта я немедленно заподозрил какие-то неполадки с подачей кислорода. Я заметил, что из выводного патрубка его маски свисали ледяные сосульки. Тщательный осмотр показал, что этот патрубок, около пяти сантиметров в диаметре, был полностью забит льдом. Мне удалось его прочистить, и Тенсинг сразу почувствовал облегчение. Осмотрев свой аппарат, я обнаружил, что то же самое произошло и с ним, правда в меньшей степени, так что я не успел этого почувствовать. С этого времени я стал более тщательно следить за нашими аппаратами.

Погода для Эвереста была идеальной. Хорошо защищенные пуховой одеждой и штормовыми куртками, мы не стра-

дали от холода и ветра. Однако, когда я снял очки-консервы, чтобы получше рассмотреть трудный участок пути, я тут же был ослеплен мелкой снежной пылью, вздымаемой сильным ветром, и мне пришлось поскорее надеть их вновь. Я опять принялся за рубку ступеней. К моему удивлению, я испытывал от восхождения такое удовольствие, как будто дело происходило где-нибудь в моих родных Новозеландских Альпах.

После часа спокойного подъема мы достигли подножия наиболее сложного препятствия на гребне – отвесной скальной стенки, высотой метров двенадцать. О ее существовании мы знали заранее по аэрофотоснимкам, а также видели ее в бинокль из Тхьянбоче. Мы понимали, что на такой высоте именно это препятствие могло решить судьбу всего восхождения. Эта гладкая, почти лишенная зацепок скала могла бы составить для квалифицированных скалолазов интересное воскресное развлечение в озерном районе Шотландии. Однако здесь подъем на нее был явно не по нашим слабым силам. Обойти ее с запада по крутому скальному отвесу было невозможно, но, к счастью, оставалась другая возможность решения этой задачи. С востока нависал громадный карниз снега, а между ним и скалой, поднимаясь на все двенадцать метров обрыва, шла узкая расщелина. Поручив Тенсингу страховать меня возможно надежнее, я втиснулся в эту щель. Погружая зубья кошек глубоко в мерзлый снег позади меня, я оторвался от подножия скалы. Я медленно

стал подниматься на распорах спиной вперед; используя маленькие зацепки на скале и помогая изо всех сил коленями, руками и плечами, я буквально полз вверх, молясь в душе, чтобы карниз не оторвался от скалы. С невероятной затратой сил я медленно, но верно поднимался шаг за шагом, в то время как Тенсинг постепенно выдавал веревку. Наконец я достиг вершины скалы и вылез из трещины на широкий уступ. Несколько минут я лежал, стараясь восстановить дыхание. В эту минуту я впервые почувствовал твердую уверенность в том, что теперь уже ничто не может помешать нам достичь вершины. Укрепившись на уступе, я подал знак Тенсингу, чтобы он поднимался. Я стал изо всех сил тянуть веревку, а Тенсинг, извиваясь, полз по трещине, пока, наконец, не очутился наверху. Он лежал, задыхаясь, обессиленный, подобно гигантской рыбе, только что вытащенной из моря после ожесточенной борьбы.

Я проверил кислородные аппараты и примерно подсчитал наши запасы. Все как будто шло хорошо. Правда, последнее время Тенсинг шел медленнее обычного, что, очевидно, было вызвано дополнительной затратой сил во время выхода из строя его аппарата. Однако он двигался попрежнему уверенно, что было важнее всего. На мой вопрос о том, как он себя чувствует, он лишь улыбнулся и выразительно указал рукой вверх по гребню. Расходуя три литра кислорода в минуту, мы шли так бодро, что я решил в случае необходимости уменьшить подачу до двух литров.

Попрежнему перед нами вздымался гребень: справа – гигантские карнизы, слева – крутые скальные склоны. Я шел, вырубая в узкой полосе фирна ступени. Гребень начал поворачивать вправо, и мы потеряли представление о том, где же вершина. Стоило мне обогнуть один выступ, как передо мной вырастал следующий, еще больший. Время шло, и гребень казался бесконечным. В одном месте, где крутизна несколько уменьшилась, я попробовал для ускорения идти на кошках, не делая ступеней, однако скоро понял, что на такой большой высоте предел надежности нашего движения по этим крутым склонам слишком мал, и снова вернулся к рубке ступеней. Теперь я начал ощущать некоторую усталость. Уже в течение двух часов я непрерывно работал ледорубом. Тенсинг тоже двигался очень медленно. Прокладывая путь вокруг очередного выступа, я с тупым безразличием думал о том, надолго ли нас еще хватит. Наш первоначальный энтузиазм улетучивался и все более превращался в мрачное ожесточение. И вдруг я заметил, что гребень впереди нас вместо того, чтобы однообразно подниматься, начал круто спускаться. Далеко внизу я увидел Северную седловину и ледник Ронгбук. Я взглянул наверх и увидел узкий снежный гребешок, который вел к вершине. Еще несколько ударов ледорубом по твердому фирну – и мы оказались на вершине Эвереста.

Первым моим чувством было огромное облегчение. Как хорошо, что не нужно больше рубить ступеней, траверси-

ровать гребни и что нет более снежных выступов, дразнящих призрачной надеждой на успех. Я взглянул на Тенсинга. Несмотря на то, что его лицо закрывали капюшон, очки-консервы и кислородная маска, покрытая длинными ледяными сосульками, было видно с какой заразительной и радостной улыбкой он смотрел вокруг себя. Мы обменялись рукопожатием. Тенсинг обнял меня за плечи, и мы хлопали друг друга по спине, пока чуть не задохлись. Было 11 час. 30 мин. Подъем по гребню занял у нас два с половиной часа, но нам они показались вечностью. Я выключил подачу кислорода и снял аппарат. Свою фотокамеру, заряженную цветной пленкой, я нес под штормовкой, чтобы сохранить ее в тепле. Теперь я вытащил ее наружу и заснял на вершине Тенсинга с поднятым вверх ледорубом, к которому были прикреплены на шнурке четыре флажка: Объединенных Наций, английский, непальский и индийский. Затем я обратил внимание на расстилавшуюся под нами во все стороны горную страну.

На востоке высился наш гигантский сосед, никем еще не исследованный и не покоренный Макалу, и даже на вершине Эвереста инстинкт альпиниста был во мне так силен, что я невольно потратил несколько секунд, размышляя о том, неужели не существует никакого пути на эту вершину.⁸ Вдали на горизонте сквозь облака маячила громада Кангчен-

⁸ Попытка взойти на Макалу (8470 м) была произведена Хиллари в 1954 г., восхождение же на эту вершину было совершено в 1955 г. французской экспедицией под начальством Ж. Франко. Об этом восхождении см. во вступительной статье (стр. 15). – *Прим. ред.*

джунги. На западе царил наш старый, знакомый еще с 1952 г. противник Чо-Ойю, а за ним убегали вдаль грандиозные неизведанные хребты Непала. Но наиболее ценным я считал вид, снятый с вершины вниз, вдоль северного гребня, на котором видны Северная седловина и старый путь, ставший знаменитым благодаря усилиям славных восходителей двадцатых и тридцатых годов. Я мало надеялся на высокое качество снимков, так как крепко удерживать аппарат в неуклюжих рукавицах было трудно, однако я считал, что, во всяком случае, они представляют фотографии, снятые на рекордной высоте. Минут через десять я почувствовал, что постепенно мои движения становятся замедленными и пальцы плохо повинуются. Поспешно надев маску, я вновь испытал живительное действие кислорода даже при первых нескольких литрах. Тем временем Тенсинг вырыл в снегу небольшую ямку и положил в нее немного продуктов: плитку шоколада, пачку печенья и горсть леденцов. Это были скромные приношения – символический дар богам, обитель которых, по убеждению всех праведных буддистов, находится на этой высочайшей вершине. Двумя днями раньше на Южной седловине Хант вручил мне небольшое распятие с просьбой донести его до вершины. Теперь я также вырыл углубление в снегу и поместил это распятие рядом с дарами Тенсинга.

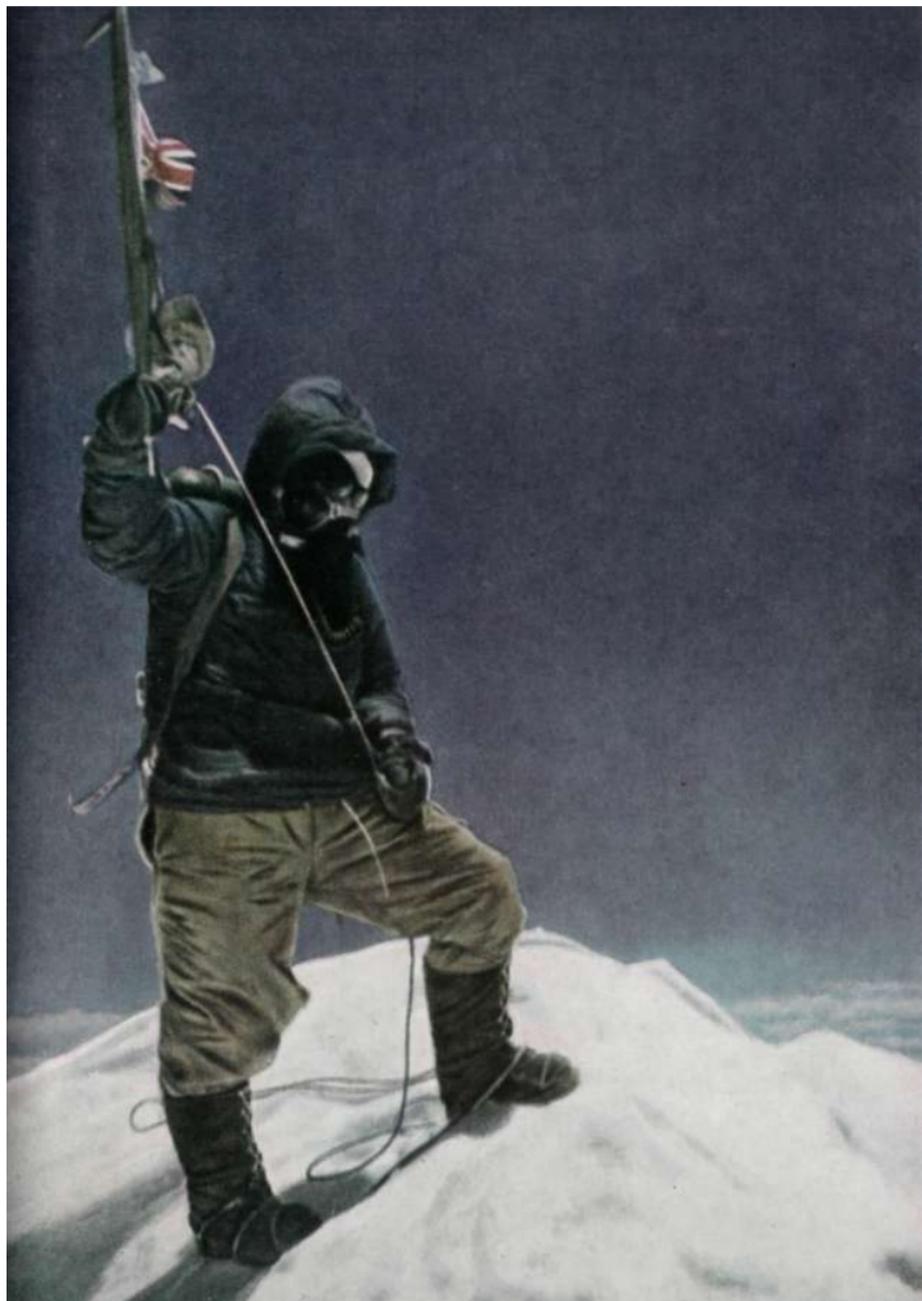

Фото 48. Тенсинг на вершине Эвереста, 29 мая 1953 г.

Снова я проверил аппаратуру и подсчитал запас кислорода. Нам нужно было двигаться быстро, чтобы добраться до спасительных запасных баллонов под Южным пиком. Краткие поиски каких-либо следов Ирвина и Меллори не дали никаких результатов. Через пятнадцать минут мы начали спуск. Оба мы уже несколько устали, так как наступила реакция, и нужно было возможно быстрее двигаться вниз. Я начал спускаться с вершины к нашим ступеням. Не теряя времени, мы шли на кошках по своему следу, настойчиво подгоняемые уменьшением запаса кислорода. Снежные выступы быстро следовали друг за другом. Со сказочной быстротой мы достигли скальной стенки. На этот раз путь уже был знаком. Недолго думая, мы втиснулись в трещину и, усиленно работая ногами и руками, быстро спустились со скалы. Мы устали, но не настолько, чтобы забывать об опасности. С большой осторожностью мы пересекали скалы, с попеременной страховкой проходили лавиноопасные снежные склоны и, наконец, по старым ступеням вылезли на кошках на Южный пик.

Всего лишь час назад, как мы были на вершине! Освежившись глотком подсахаренного лимонада, мы снова поспешили вниз. Во время восхождения нас не покидала гнетущая мысль о предстоящем спуске по огромному снежно-

му склону. Вступив на него и идя первым, я обрабатывал каждую ступеньку с такой тщательностью, как будто от этого зависела наша жизнь, что было близко к действительности. Вид ледника Кангшунг, лежащего прямо под ногами где-то на 2750 м. ниже, производил поистине устрашающее впечатление. Это заставляло нас двигаться с величайшей осторожностью. Каждая ступень казалась шагом к безопасности. Когда мы, наконец, прошли этот склон и вышли на гребень ниже, мы взглянули друг на друга и поняли без слов, что наконец избавились от чувства страха, которое преследовало нас весь день.

К тому времени мы уже очень устали, но автоматически продолжали спуск к двум запасным баллонам, оставленным на гребне. Так как до лагеря было недалеко и у нас еще оставалось немного кислорода, мы понесли с собой эти баллоны вниз и к двум часам достигли по своим следам нашей палатки, разбитой на столь неудобной площадке. Палатка имела довольно жалкий вид, так как поднявшийся после полудня слабый ветер уже успел оборвать несколько оттяжек. Впереди еще был долгий путь до Южной седловины. Пока Тенсинг разжигал походный примус и готовил сильно подслащенный лимонад, я сменил баллоны на новые – последние и неполные – и уменьшил подачу до двух литров в минуту. В отличие от предыдущего дня, когда мы в этом же лагере успешно работали без кислорода, мы чувствовали себя теперь крайне слабыми и утомленными. Далеко внизу, на Южной сед-

ловине, видны были движущиеся фигурки, и мы знали, что это Лоу и Нойс ожидают нашего возвращения. На седловине не было запасных спальных мешков и надувных матрацев, и потому нам с неохотой пришлось привязать поверх кислородной аппаратуры наши спальные принадлежности. Бросив последний взгляд на лагерь, сослуживший нам такую ценную службу, и с трудом передвигая ноги, с максимальной осторожностью мы начали спуск.

Все наши чувства, казалось, притупились, и время шло, как в полусне. В конце концов мы все же добрались до остатков швейцарского лагеря на гребне и свернули на последний участок пути – спуск по большому кулуару. Здесь нас ждал неприятный сюрприз: разыгравшийся за последнее время сильный ветер полностью уничтожил наши следы, и сейчас перед нами лежал гладкий крутой смерзшийся склон. Нам ничего не оставалось, как снова начать рубить ступени. С недовольным ворчанием я принялся за работу и на протяжении шестидесяти метров прокладывал путь. Порывы сильного ветра, дувшего с гребня, старались сбросить нас со ступеней. Меня сменил Тенсинг и, вырубив еще метров тридцать, вышел на более мягкий снег и принялся вытаптывать ступени в более пологом склоне нижней части кулуара. Совершенно измученные мы спускались на кошках по длинному склону к Южной седловине.

Впереди показалась какая-то фигура, встретившая нас в нескольких десятках метров над лагерем. Это был Джордж

Лоу, который принес горячий суп и аварийный кислород.

Мы были слишком измучены, чтобы реагировать на тот энтузиазм, с которым Лоу воспринял наше сообщение. Мы кое-как доковыляли до седловины и с трудом преодолели небольшой подъем к лагерю. Как раз около палаток кончился мой кислород. Нам его хватило в обрез на выполнение нашей задачи. Мы заползли в палатку и со вздохом полного удовлетворения завалились в спальные мешки; вечно царивший на Южной седловине ветер трепал и рвал палатки. Эта ночь, наша последняя ночь на Южной седловине, не дала нам отдыха. Снова пронизывающий холод не позволял погрузиться в глубокий сон. К тому же возбуждение после успешного восхождения не проходило и, щелкая зубами от холода, мы проговорили друг с другом половину ночи, вновь переживая все события этого дня. На следующий день рано утром мы все еще чувствовали себя очень слабыми и все же медленно, но решительно начали готовиться к выходу.

Подъем по 60-метровому склону над Южной седловиной явился для нас тяжелым испытанием, и даже когда мы начали длинный траверс, спускаясь к лагерю VII, нам приходилось двигаться очень медленно и часто отдыхать. Верхняя часть ледника Лходзе показалась нам на этот раз исключительно крутой, и когда мы, наконец, спустились по ледовым ступеням над лагерем VII, нашим единственным желанием было поскорее отдохнуть. До лагеря оставалось каких-нибудь тридцать метров, когда наше внимание привлекли весе-

лые крики. Навстречу нам спешили Чарльз Уайли и несколько шерпов. Все выглядели свежими и бодрыми, и один и тот же вопрос был на языке у каждого. Горячее питье, которое нам принесли, и восторженная реакция на наше сообщение явились сами по себе сильным подбадривающим средством, и мы продолжали спуск по леднику Лходзе значительно освеженными, если не физически, то морально.

Приближаясь к лагерю IV, мы увидели, как из палаток выскочили маленькие фигурки и стали медленно подниматься по тропе. Не подавая никаких сигналов, еле передвигая ноги, мы спускались им навстречу. Когда между нами оставалось лишь с полсотни метров, Лоу с присущим ему энтузиазмом поднял вверх большой палец и указал ледорубом на вершину Эвереста. Немедленно сцена оживилась и, позабыв свою слабость, приближающиеся товарищи бросились бежать к нам по снегу. С волнением приветствуя их, я ощутил сильнее, чем когда-либо, то чувство товарищества и дружбы, которое было решающим фактором в течение всей экспедиции.

Трудно передать волнение, которое я переживал, когда общал своим друзьям, что их тяжелая работа среди полного опасностей хаоса ледопада, приводившие в уныние походы в снежную преисподню Западного цирка, технически сложная ледовая работа на стене пика Лходзе, ужасный, изматывающий нервы подъем выше Южной седловины – все это не пропало даром, и вершина Эвереста достигнута!

И выражение откровенной радости, озарившее усталое,

осунувшееся лицо нашего славного и смелого начальника,
явилось для меня лучшей наградой.

ЧАСТЬ VI

КОНЕЦ ЭКСПЕДИЦИИ

Глава XVII

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Этот день в Передовом базовом лагере прошел в тревожном ожидании. Погода казалась превосходной: небо было безоблачным и ветра на Южной седловине, повидимому, не было. Весь день мы следили за Нойсом и его тремя шерпами, поднимающимися по стене Лходзе от лагеря VII. Нойс, шедший первым, на этот раз двигался значительно медленнее, чем при своем первом замечательном восхождении.

В верхней части ледника Лходзе один из участников группы отделился от связки. Вскоре после этого мы увидели, как еще один из оставшейся тройки отделился и вернулся к первому. Лишь двое продолжали подъем, а двое других стали спускаться обратно к лагерю VII. Не очень-то много помощи будет теперь Эду Хиллари как в смысле пополнения его группы, так и на случай необходимости спасательных работ. Тем временем мы увидели, что с седловины спускалось еще трое. Обе группы встретились и вскоре после этого спускающаяся группа достигла лагеря VII. Все это выглядело зага-

дочно и отвлекло на время наши мысли от невидимых нам драматических событий, разыгрывающихся на пути к вершине. Через некоторое время из лагеря VII вышли не менее пяти человек (включая, очевидно, тех двух, кто покинул группу Нойса) и стали спускаться в цирк. Все эти передвижения давали пищу для многочисленных предположений.

Некоторые сведения о происходящих событиях мы получили лишь после полудня, когда к нам спустился Грегори с четырьмя шерпами. Это были Анг Ньима и заболевший Пемба, возвращающиеся с седловины, а также участники группы Нойса – Анг Дорджи и Пху Дорджи. Грег принес важные новости. Он рассказал нам замечательную историю о том, как накануне был установлен лагерь IX, добавив в качестве "последней новости", что Хиллари и Тенсинг были им замечены в этот день в 9 час. утра на том же месте, где за три дня до этого он видел Тома Бурдиллона и Чарльза Эванса, преодолевающих последний снежный склон, ведущий к Южному пику. Хиллари и Тенсинг шли, пока он наблюдал за ними, в хорошем темпе. Эти новости, и в особенности то, что их видели так рано, позволяли нам оптимистически смотреть на будущее. Мы с нетерпением стали ожидать вечера, надеясь на получение сигнала, о котором я заранее договорился с Уилфридом Нойсом. При встрече с ним в лагере VII во время моего спуска с седловины мы обсудили с ним, каким способом можно было передать нам новости с седловины и тем положить конец неизвестности и нашему нервному напря-

жению. Было условлено, что немного выше или ниже края седловины, на подходящем, хорошо видимом из Передового базового лагеря снежном склоне Нойс выложит спальные мешки. Один мешок, должен был означать неудачу штурма. Два мешка рядом – повторное восхождение на Южный пик. Наконец два мешка, расположенные под прямым углом в виде буквы "Т" означали радостную весть о полной победе над Эверестом.

Легко представить себе наше разочарование, когда под вечер из цирка начал подниматься легкий туман, постепенно заволакивавший склоны под Южной седловиной. Напрасно мы напрягали зрение, тщательно просматривая во время кратких просветов в облаках эти снежные склоны; никаких сигналов не было видно. Солнце скрылось за пиком Пумори. Теперь уже вряд ли можно было ожидать, что у Нойса или кого-либо другого хватит смелости оставаться вне палаток. Мучительная неизвестность продолжалась.

На следующий день мы снова ждали, надеясь на успех и стараясь не думать о неудаче. Накануне вечером прибыл Уэстмекотт, который за последние десять дней проделал на ледопаде блестящую работу. По его словам, впоследствии подтвержденным нашими собственными наблюдениями, условия на леднике претерпевали резкие изменения, и он непрерывно был занят опасной и неблагодарной, но крайне важной работой по поддержанию пути через ледопад. На следующий день к нам присоединился Джемс Моррис с тре-

мя шерпами, которые поднялись по цирку из лагеря III. Таким образом, кроме группы Передового базового лагеря, выше была лишь штурмовая группа и находившийся в лагере VII для помощи штурмовикам Чарльз Уайли. Чувство напряженного ожидания овладело всеми нами, и трудно было сохранять даже внешнее спокойствие.

Около 9 час. утра мы увидели, как из-за скрывающих тропу скал в кулуаре Женевского контрфорса появились пять фигур. У меня вырвался вздох облегчения. По крайней мере, вся штурмовая группа целиком возвращалась, и притом без пострадавших; хотя они двигались очень медленно, но, видимо, никто из них не был болен. Хиллари, Тенсинг, Лоу, Нойс и Пасанг Пхутар спускались. Нам оставалось только ждать. Если учесть все, что им пришлось перенести, они не так уж долго испытывали наше терпение. Вскоре после того, как группа исчезла в лагере VII, оттуда вышли трое: они начали последний спуск по стене Лходзе. Том Стобарт с одним из шерпов отправился в лагерь V, стремясь независимо от результатов восхождения поскорее заснять возвращающуюся группу.

Около 2 час. дня, как раз после того как индийское радио сообщило всему миру о том, что мы потерпели неудачу, пять человек показались в верхней части плоской ложбины примерно в 450 м. над лагерем. Некоторые из нас, во главе со мной и Майклом Уэстмекоттом сразу же бросились к ним навстречу, в то время как столпившиеся вокруг своей

шатровой палатки шерпы ожидали с неменьшим волнением, чем остальные, результата штурма. Однако приближавшиеся альпинисты понуро брели, не подавая никаких знаков. Они даже не помахали нам в знак приветствия. Сердце мое упало. При моем болезненном состоянии даже медленный подъем по склону требовал большого напряжения; сейчас ноги у меня буквально налились свинцом. Очевидно, штурм потерпел неудачу, и мы теперь должны думать о третьей и последней попытке.

Внезапно идущий впереди – это был Джордж Лоу – поднял свой ледоруб, несколько раз взмахнул им и весьма выразительно указал на далекую вершину Эвереста. Теперь уже и остальные также подавали совершенно недвусмысленные знаки. Какая там неудача! Это была победа. Эверест взят! Не в силах совладать с переполнившими меня чувствами, я ускорил шаг – бежать я все же был не в состоянии. Майкл Уэстмекотт мчался впереди. Все высыпали из палаток; воздух дрожал от приветствий и радостных криков. Через минуту мы встретились. Крепкие рукопожатия, даже – стыжусь сознаться – объятия, встретили обоих победителей. Особенно горячо обнимали Тенсинга. Он одержал блестящую победу как для себя лично, так и для своего народа.

Оживленно беседуя, мы сопровождали их в лагерь, где столпились все шерпы. Широко улыбаясь, они тепло пожимали руку Хиллари, а своему славному предводителю Тенсингу оказывали знаки более глубокого уважения, гранича-

щего с благоговением. Мы все собрались в шатровой палатке, чтобы послушать захватывающий рассказ. Жадно поглощая омлет и осушая полные кружки своего любимого лимонада, Эд Хиллари в простых, но образных выражениях описал нам события 28 и 29 мая. Вооружившись блокнотом, Джемс Моррис делал заметки для сообщения всему миру. В этот момент он, пожалуй, больше, чем кто-либо из нас, учитывал слабую, но заманчивую возможность передать на родину сенсационное сообщение как раз к коронации королевы. В знаменательный день, явившийся кульминационным пунктом его работы, Джемс показал свое высокое мастерство журналиста. Не теряя времени, он тут же начал спуск по цирку, на этот раз в сопровождении Майкла Уэстмекотта, который должен был позаботиться о его безопасности и провести его к вечеру до Базового лагеря.

Немного позже в этот памятный день я вышел, чтобы приветствовать возвращающихся Уилфрида Нойса, Чарльза Уайли и Пасанга Пхутара. Их достижения были тоже великолепны; Нойс и Пасанг Пхутар дважды побывали на Южной седловине. Во время второго рейса каждый из них нес двойной груз (не менее чем по 23 кг) от того места, где два других шерпа выбились из сил, то есть примерно от середины (по расстоянию и высоте) между лагерем VII и седловиной. Нойс и Уайли были единственными из альпинистов, которые достигли Южной седловины без кислорода, неся при этом более тяжелый груз, чем шерпы. Уайли 22 мая подни-

мался без кислорода на протяжении последних 120—150 м. Нойс 28 мая шел более 400 м, после того как кончился его запас кислорода.

Я спросил Уилфрида относительно условного сигнала. Да, сигнал подавался. Хотя он добрался до седловины лишь за час или два до того, как туда спустились с Юго-Восточного гребня Хиллари и Тенсинг, Уилфрид, забрав с собой совершенно озадаченного Пасанга Пхутара и два спальных мешка, вновь стал подниматься к вершине Женевского контрфорса. Что мог задумать этот чудаковатый сагиб, решившийся в это время дня выходить с седловины, едва туда добравшись, и, очевидно, твердо собиравшийся ночевать снаружи? Загадка еще более усложнилась, когда Уилфрид, найдя видимый снизу склон, расстелил на нем оба мешка в виде буквы "Т", улегся на один из них и приказал пораженному шерпу лечь на другой (ветер был силен, и мешки могло сорвать). "Несомненно, — думал Пасанг, — смелость сагиба зашла слишком далеко! Почему мы даже не залезаем внутрь мешков?" В таком положении, дрожа от холода, они оставались в течение долгих десяти минут. Когда солнце скрылось за Пумори, Уилфрид решил, что он сделал все возможное, чтобы передать нам великую новость. Благодаря судьбу, что это испытание наконец закончилось, они спустились к палаткам.

После ужина мы извлекли экспедиционный ром и провозгласили тост за шефа экспедиции герцога Эдинбургского, который с таким интересом и сочувствием следил за нашим

восхождением. Мы выпили также за здоровье Эрика Шиптона, который наряду с другими сделал так много для успеха экспедиции.

В этот вечер наши мысли снова и снова возвращались к предшествующим восходителям. Мы вспоминали об их героической борьбе, об их высоком мастерстве и мужестве, обо всем, что они сделали для победы над Эверестом; мы знали, как глубоко они будут обрадованы вестью о триумфальном завершении этой длительной борьбы. Я смотрел на своих товарищей, которые, отдыхая после выполнения трудной задачи, сидели сейчас вокруг меня оживленные, полные бьющей через край радости. Они заслуженно наслаждались этой минутой! Какой большой вклад внес каждый из нас и весь коллектив в целом в общее дело, столь блестяще завершенное Тенсингом и Хиллари! Я чувствовал неизмеримую гордость за своих товарищей.

Фото 49. Юго-Восточный гребень. Вид на юго-запад через гребень Нупдзе. Снимок сделан с места, где стояла швейцарская палатка.

Фото 50. Юго-Восточный гребень. Да Намгьял. На заднем плане виден Макалу. Снимок сделан у склада припасов, оставленного Хантом и Да Намгьялом 26 мая на высоте 8336 м.

Фото 51. Вершина. Вид с Южного пика на Макалу и Кангченджунгу.

Фото 52. Первый штурм. Бурдиллон и Эванс возвращаются 26 мая в лагерь VIII на Южной седловине.

Фото 53. Вершина. Вид вниз по северной стене. На снимке видны Северная седловина, Северный пик ледник Ронгбук (слева), Восточный ледник (справа) и долина Ронгбука.

Фото 54а. Возвращение. Хиллари и Тенсинг возвращаются 30 мая в Передовой базовый лагерь.

Фото 54б. Возвращение. Хиллари и Тенсинг после возвращения в Передовой базовый лагерь.

Фото 55. Возвращение. Альпинистская группа и высотные носильщики шерпы в Передовом базовом лагере 31 мая.

Фото 56. Гималайские вершины бросают вызов смельчакам! Пик Нупдзе. Снимок сделан с точки, расположенной над ледником Кхумбу.

Вершина была побеждена, и мы, не теряя времени, должны были начать обратный путь. Нам необходимо было вернуться поскорее к более нормальной обстановке. Кроме того, мы начинали уже чувствовать недостаток в продуктах питания и в горючем, так как в цирк были заброшены припасы из расчета лишь до конца мая. Я стремился спасти по возможности все пригодное снаряжение и потому просил Чарльза Уайли остаться в Западном цирке с замыкающей группой для переноски грузов вниз, в лагерь III. Группы, спустившиеся накануне из лагеря VII, захватили с собой палатки и примусы. Группа шерпов под руководством Джорджа Бенда отправилась вверх, чтобы снять лагерь V. Остальные начали спуск к Базовому лагерю 31 мая.

Все мы без сожаления покидали Эверест. После того как цель была достигнута, Западный цирк и ледопад Кхумбу сразу утратили для нас свое очарование; от жаркого солнца цирк за последние две недели обтаял, покрылся бороздами и потерял свою красоту. Перед нами расстилалась неровная и грязная от нанесенной ветром пыли поверхность; хотелось, чтобы свежий снег покрыл ее. Лагерь III представлял собой жалкое зрелище: всюду брошенные ящики, пустые жестянки из-под консервов и прочий хлам. Теперь лагерь напоминал

часто посещаемую горнолыжную базу в начале лета. Ниже, на самом ледопаде, произошли значительные изменения, и часть пути была неузнаваемой; ледник подтаял, как гигантская сахарная голова. В заброшенном лагере II бивуачные площадки покрылись множеством мелких трещин, и кругом царила такая же грязь, как и в верхних лагерях. На участке, названном нами "Районом атомной бомбы", была проложена совершенно новая тропа, которая, в свою очередь, была уже явно ненадежной; не знаю, как бы нам удалось пробраться здесь, если бы мы дольше задержались наверху! Из всех флажков, которыми был маркирован путь между лагерем V и Базовым лагерем, на месте не осталось ни одного. Все они валялись в глубоких проталинах или на дне трещин. Создавалось такое впечатление, как будто вершина хотела показать нам на прощание, насколько эфемерным было наше вторжение на ее территорию.

Я шел вместе с Грегори, Анг Норбу и Балу; мы с Грегори до сих пор еще страдали от последствий подъема выше Южной седловины и чувствовали себя очень слабыми. Достаточно сказать, что при спуске по крутому участку, названному нами "Дорогой через пекло", я дважды срывался и скользил, и Анг Норбу меня задерживал на веревке. В нижней части ледопада мы потеряли тропу, проложенную по совершенно незнакомому нам участку, ибо там, где ранее проходил по ровной ледяной теснине наш путь, теперь текла большая река, пробившая себе дорогу через сераки. Те же трудности

испытывали и остальные участники спуска. Мы добрались до Базового лагеря очень поздно и были чрезвычайно утомлены. Но как хорошо было наконец очутиться внизу!

Во второй половине дня 2 июня, после того как закончились тяжелые транспортные работы по эвакуации снаряжения из верхних лагерей, все собрались в Базовом лагере. С утра Майкл Уэстмекотт повел в лагерь III последнюю группу носильщиков, чтобы помочь партии Чарльза Уайли унести последние грузы. Это был самоотверженный поступок, типичный для него. Он всегда старался избавить от работы других и считал своим долгом сопровождать каждую группу на этом участке пути. Его имя, бесспорно, должно быть тесно связано с ледопадом Кхумбу. Приняв ведущее участие в разведке ледопада, он также деятельно работал над прокладкой пути через ледопад, руководил переноской, грузов и поддерживал в порядке тропу в течение всего периода штурма.

После ужина в шатровой палатке мы включили радио, чтобы послушать новости о коронации; Джордж Бенд настроился на волну всеиндийского радио. Во второй программе при передаче последних известий диктор сообщил: "Вчера вечером в Лондоне получено сенсационное сообщение о том, что английская экспедиция совершила восхождение на Эверест..." Мы были ошеломлены. Покидая нас в цирке, Джемс Моррис, который сейчас уже был на пути в Катманду, сказал, что он надеется вскоре передать краткое известие об итогах экспедиции. Однако никто из нас не думал всерьез,

что накануне вечером в Англии было уже известно о нашей победе. В глубине души я надеялся, что нам удастся совершить восхождение до коронации. По мере того как проходило время, эта надежда уменьшалась, и я уже считал, что будет весьма хорошо, если нам удастся передать приятную новость вскоре же после этого исторического события.

С возрастающим изумлением и волнением мы слушали дальше. Королева и премьер-министр послали нам через английское посольство в Катманду поздравительные телеграммы; известие о победе над Эверестом передавалось по громкоговорителям на всем пути коронационной процессии; толпы народа встречали это сообщение овацией и т. д. Все это звучало, как волшебная сказка. Хотя мы были еще далеки от того, чтобы полностью оценить все значение происшедшего события, — того, что мы узнали в этот вечер, было более чем достаточно. На сцене появился второй сосуд с ромом, и снова мы отпраздновали победу. Впоследствии этому суждено было повториться еще не раз. Шерпы, само собой разумеется, участвовали в пиршестве. Мы провозгласили тост за королеву, присвоив себе самовольно право осушить бокалы, сидя на земле или на ящиках, так как размеры палатки не позволяли нам встать. Я отправил в Намче-Базар гонца со срочными донесениями, которые оттуда, через местную радиостанцию, должны были быть переданы в Катманду. Нами были посланы благодарственные телеграммы королеве и премьер-министру, а также телеграмма Гималайскому

комитету, в которой я предлагал привезти с собой в Лондон Тенсинга и Хиллари (Джордж Лоу еще ранее собирался туда ехать). В то же время я намекнул на желательность получить разрешение вернуться на родину самолетом по возможности всем вместе. Все еще возбужденные успехом и, возможно, слегка подогретые превосходным ромом, мы разошлись по палаткам в этот вечер очень поздно.

Тенсинг уже заранее послал за носильщиками, и, когда на следующее утро они появились, мы с легким сердцем распрощались с Базовым лагерем и зашагали вниз по леднику. Мы весьма охотно покидали мертвое царство льда и скал, чтобы вновь вернуться к животворной земле.

В Лобудже мы получили по радио еще много приятных вестей, горячее поздравление от председателя Комитета содействия экспедиции сэра Эдуина Херберта и другое, самое ценное для меня – от моей жены. В радостном настроении мы вспомнили о нашей двухдюймовой мортире. Ей не пришлось прокладывать нам путь к вершине, однако сейчас она была использована по своему прямому назначению. Мы решили произвести артиллерийский салют (*feu de joie*). У нас было 12 снарядов, полученных в подарок от индийской армии. Каждый из нас по очереди, к великому удовольствию как нашему, так и многочисленных зрителей, произвел выстрел из мортиры. Затем были устроены состязания в стрельбе из ружей калибра 0,22 (5,6 мм), которые до сего времени также ни разу не использовались. Мишенями служили

несколько оставшихся детонаторов к снарядам мортиры. В этих состязаниях приняли также участие и шерпы. После наступления темноты шерпы, мужчины и женщины, проникшись полностью общим духом ликования, затеяли танцы, продолжавшиеся до раннего утра. Взявшись за руки, они образовали длинную цепь: мужчины на одном конце, женщины – на другом, и под аккомпанемент странных и грустных напевов качались и двигались в сложном ритме. Некоторые из нас присоединились к танцующим и ухитрились разобраться в этом сложном деле. В промежутках между танцами мы угощали присутствующих хоровым пением различных популярных песен: «Дядя Том Кобли», «Илькли-Мур», «Тело Джона Брауна».

На следующий день нам пришлось ниже Лобудже переходить через вздувшуюся реку Лобудже-Кхола. Некоторые из нас выбрали для перехода место, где поток был пошире. Последним шел маленький Грег, увешанный, как рождественская елка, всевозможными фотоаппаратами и экспонометрами. С трудом дойдя до середины, он почувствовал, что удержать равновесие в пенящемся потоке ему становится трудно. Он крикнул об этом Тому Бурдиллону, самому крупному и сильному из тех, кто уже достиг противоположного берега. Беспомощное положение Грега не произвело никакого впечатления на Тома, и тот хладнокровно крикнул в ответ: "Ничем помочь не могу, я только что надел ботинки!" К счастью для Грега, у меня было более отзывчивое сердце. Вой-

дя снова в ботинках и одежде в поток, я протянул ему руку помощи.

4 июня экспедиция возвратилась на свою первоначальную базу в Тхьянгбоче. Мы снова засвидетельствовали свое почтение монахам, и я был счастлив предложить в дар некоторую сумму на ремонт монастырской крыши. Обещанные нам танцы были организованы в тот же вечер. Мы прибыли в назначенное время и уселись вдоль галереи, наблюдая, как сумерки постепенно заволакивали внутренний двор. После долгого ожидания раздались звуки духовых инструментов, сделанных из раковин, и из святилища вниз по ступеням стали спускаться причудливые фигуры. Ведущие представление монахи, одетые в яркие одежды, в ужасающе уродливых масках, стали вертеться и скакать самым странным и диким образом вокруг установленного в середине двора молитвенного флага. Другие сопровождали этот танец примитивной музыкой рогов и цимбал. Зрелище было странным, временами комичным, но отнюдь не красивым. Оно продолжалось страшно долго. Когда я посетил монастырь, я рассказал настоятелю, что мы достигли вершины Эвереста. Он явно не поверил мне, и ничто не могло поколебать его убеждения. Но природная учтивость не позволяла ему откровенно высказать свое сомнение и при прощании он любезно поздравил нас с тем, что мы "почти достигли вершины Джомолунгмы".

В Тхьянгбоче до нас дошли телеграммы, отправленные ранее и переданные через индийское радио. Мы начали понимать, что по выполнении нашей задачи на Эвересте нас ожидают новые заботы – другого рода, но не менее трудные. Среди многих посланий, полученных в то время, была очень любезная телеграмма от нашего шефа герцога Эдинбургского. Другое, особенно понравившееся нам, исходило от любезного начальника радиостанции в Намче, поздравлявшего нас «с сокрушительной победой над Повелителем приключений».

На следующий день из Тхьянгбоче вышла передовая группа в составе Грегори, Бурдиллона и меня, с тем чтобы возможно скорее прибыть в Катманду. Там нас ожидала масса спешных дел. Основная часть экспедиции под руководством Эдмунда Хиллари должна была тронуться, как только удастся нанять носильщиков, что было не простым делом в эту пору, когда каждый занят на своем поле. Покидая Тхьянгбо-

че, мы также расставались и с Чарльзом Эвансом. Он собирался остаться в Непале до осени и теперь, хотя его и соблазняла перспектива вернуться вместе с нами и принять участие в общем торжестве, он решил выполнить давно намеченный план. Он начал собирать данные, необходимые для составления карты района Эвереста, для чего хотел вернуться на несколько дней в те долины, где мы проводили предварительную тренировку перед штурмом Эвереста. Аннулу и Да Тенсинг остались с ним.

Наше выступление началось неудачно. Для шерпов нет ничего на свете дороже, чем хорошая выпивка. Поводов всегда достаточно, и едва ли можно найти лучший повод, чем восхождение на Эверест. Как только мы добрались до наиболее высоко расположенной деревни в первой долине, они, не теряя времени, устроили пиршество, что сделало наш выход из Намче-Базара весьма затруднительным. 5 июня, прождав большую часть дня наших шерпов и тех немногих носильщиков, которые должны были нас сопровождать, мы, наконец, увидели их в сильно нетрезвом виде. Состояние их еще более ухудшилось в течение следующего часа, и трем нетерпеливым "сагибам" пришлось покинуть деревню в сопровождении лишь одного Давы Тхондупа, оказавшегося более крепким, чем остальные шерпы. Мы очень спешили (на обратном пути предполагалось делать двойные переходы) и не могли отнестись снисходительно к подобному проступку. Я послал Чарльзу Уайли срочное требование выслать к нам

одного более надежного шерпа, который должен был догнать нашу группу возможно скорее. Мы не рассчитывали тогда, что увидим вновь наших шерпов.

Позднее мы узнали, что произошло с нашим посланцем. Чарльз выбрал Пембу – спокойного и надежного человека. Чтобы обеспечить быстроту передвижения, для него был нанят пони. Чарльз передал Пембе для меня срочное письмо. На следующий день, когда основная группа приближалась к Намче, она наткнулась по пути на печальное зрелище: на обочине тропы, с вывихнутой лодыжкой и остекленевшими глазами, сидел совершенно пьяный Пемба. Лежа поперек тропы, отсыпался второй шерп. Никаких признаков пони не было и в помине. Помня о задании, данном ему Пембой до того, как тот окончательно опьянел, лежащий шерп вдруг приподнялся и, протягивая Чарльзу его собственное письмо, торжественно произнес: "Весьма важно, сагиб!"

Когда мы спускались вдоль речки Дуд-Коси, начался дождь; он шел чуть не с утра до вечера в течение нескольких суток, пока наша передовая группа спешно проходила обратный путь. Дорога была долгой и утомительной. В густом липком тумане под проливным дождем мы пересекали высокие бесконечные отроги. Иногда мы устраивали из двух наших брезентов простой навес и спали под ним. Чаще, спасаясь от дождя и пиявок, мы пользовались гостеприимством какого-нибудь семейства шерпов и ночевали с удобствами в верхнем этаже прочного, построенного из камня и дерева,

дома. По мере продвижения наша слабость быстро исчезала и вместе с этим разыгрывался аппетит. Пасанг Дава, снова пришедший в нормальное состояние и догнавший нас, и Анг Темба были нашими поварами. Питались мы рисом, яйцами, иногда цыплятами, а также уничтожали пеммикан, галеты, джем, кофе и чай, оставшиеся от штурмовых запасов (рационы "компо" давно уже кончились). Мы купались в реках, наслаждаясь ощущением чистоты впервые после трех месяцев. Обычно мы заканчивали наш двойной переход лишь в сумерки, а на рассвете следующего дня уже были в пути. Спали мы, во всяком случае, сном праведников; это было большим наслаждением после длительного периода, когда мы не могли заснуть без снотворного.

Принесенные муссоном облака обычно закрывали горизонт, и внезапное появление в разрыве тумана какой-нибудь грандиозной вершины всегда являлось сенсацией. Горы уже казались нам невероятно высокими и далекими, как неральное видение. Прелесть окружающей природы была гораздо ближе нашему сердцу, в особенности в первые дни, когда наш путь проходил еще на высотах 3000—4300 м. В то время когда мы направлялись к Эвересту, местность была еще безжизненной. Сейчас все кругом нас утопало в зелени. По обочинам дороги цвели пурпурные орхидеи, пурпурные и бледножелтые азалии, шафран и яркорозовые рододендроны. Землю покрывал ковер спелой земляники. Нам удалось заметить экзотических птиц. Всем нам навсегда за-

помнились миниатюрные, сказочно красивые нектарницы с желтой спиной и огненно-красным хвостом. Порхая над рододендронами в своем ярком красно-желтом оперении, они выводили на высоких нотах жалобную песню. Даже тучи не были лишены известного величия, когда, отягощенные влагой, они торжественной процессией проплывали неизменно на север.

Незадолго до того как мы стали подниматься по большим горным склонам, покидая долину Дуд-Коси, мы были поражены, услышав над нами рокот крупного самолета. Вскоре в разрыве облаков мы увидели блестящий на солнце фюзеляж. Самолет направлялся на север, к Эвересту, и мы подумали – не нас ли он разыскивает? Только по возвращении в Катманду мы узнали, что самолет был послан для аэрофотосъемки. Командующий военно-воздушными силами Индии, проявив большую заботливость, откладывал этот полет до тех пор, пока не было уверенности, что мы благополучно спустились, так как звуковая волна от работающих моторов могла вызвать лавины или каким-либо другим образом помешать нам во время восхождения.

Ежедневно теперь встречали мы гонцов, вручавших нам пачки телеграмм и первые поздравительные письма. Мы продолжали удивляться и отказывались верить тем откликам, которые вызвал во всем мире наш успех. Изнывая в жаре предгорий, мы все же двигались с максимальной скоростью, и вечером 13 июня, спустя девять суток после выхода

из Тхьянгбоचे, измученная передовая группа прибыла, наконец, в Катманду. Здесь нас горячо принял наш посол Кристофер Саммерхейс; признаться, мы ждали этого дня уже давно.

Основная часть экспедиции двигалась более медленным темпом, так как с ней было все оставшееся снаряжение, составлявшее около сотни тюков. Нашим товарищам также было трудно выйти из Намче не только из-за «чанга» и «ракши», но также и вследствие вмешательства матерей наших шерпов – весьма решительных женщин, привыкших властвовать в своем доме. Юный Мингма, преданный помощник Гриффа Пафа, сын оставшегося с Чарльзом Эвансом Да Тенсинга, горел желанием сопровождать караван, чтобы взглянуть на мир вне пределов долины Кхумбу. Однако его мать, довольно естественно, придерживалась другой точки зрения. Появившись в лагере ранним утром, перед уходом экспедиции из Намче, она обрушилась на предполагаемых «похитителей» ее ребенка. «Вы взяли уже моего мужа, – кричала она, – а сейчас хотите еще отнять у меня сына! Мингма, иди сюда!» И обливающийся слезами четырнадцатилетний подросток был насильно водворен в отчий дом.

Другой юноша, семнадцатилетний Анг Тсеринг, самый молодой из шерпов, поднимавшихся на Южную седловину, оказался хитрее. Когда его мать, обуреваемая теми же чувствами, что и мать Мингмы, появилась в лагере, он уговорил ее отпустить его с караваном до Гхата, в одном переходе вниз

по долине, обещая вернуться оттуда домой. Женщина была настолько наивна, что вняла его мольбам. Само собой разумеется, Анг Тсеринг и сейчас находится вместе с другими парнями в Дарджилинге.

После двухнедельного путешествия основная часть экспедиции добралась до Банепы, у восточного конца Непальской долины.

Через неделю после нашего возвращения в Катманду я выехал, чтобы встретить основную часть экспедиции, приближающуюся к Непальской долине. Меня сопровождали моя жена, прилетевшая из Англии, чтобы приветствовать меня, и корреспондент «Таймса» Джемс Моррис. Мы провели с нашими товарищами ночь в Хуксе, где был последний бивуак экспедиции перед тем, как они достигли конечного пункта доступной для автомобилей дороги. Вся долина была охвачена бурным оживлением, носящим определенную политическую окраску и вызванным в основном подвигом Тенсинга. Так как он родом из Непала и заслуженно был признан своими соотечественниками национальным героем, на следующий день на всем пути нас встречали овациями, и под конец наше путешествие превратилось в торжественное шествие. В украшенной цветами правительственной карете мы ехали по улицам, запруженным густыми толпами возбужденного и кричавшего народа, осыпавшего Тенсинга, Хиллари и меня рисом, священной красной пылью и даже монетами.

Так нас сопровождали до самого дворца, где мы были чрезвычайно любезно приняты королем.

Прием представлял собой волнующее зрелище, хотя и не без некоторого юмористического оттенка. Присутствовали разодетые в нашу честь придворные непальского короля, сидевшие вдоль стен, наблюдая за церемонией награждения орденами некоторых членов экспедиции. С другой стороны – члены экспедиции, попавшие сюда после трехнедельного путешествия из далеких гор, испачканные, немытые, небритые, в грязной одежде, в трусиках, спортивных тапочках и т. п. Паф, стоявший, к счастью, в задних рядах, был одет в ту самую пижамную пару, которую он не снимал, начиная с подходов к вершине и кончая обратной дорогой.

Однако в эти радостные дни я не мог отделаться от чувства сожаления, что большая часть прекрасного непальского народа не разобралась в истинном характере экспедиции. Законно гордясь Тенсингом и радуясь его успехам, они совершенно забывали о роли остальных шерпов и большинства других членов экспедиции, его товарищей по великому подвигу.

Мы покинули Катманду после четырех дней, в течение которых мы были заняты упаковкой нашего багажа и наслаждались радушным гостеприимством и приемами, устраиваемыми в нашу честь королевским двором и правительством, индийским посольством, индийской военной миссией, нашим посольством и многими другими.

На аэродроме мы распрощались с нашими друзьями Тхондупом, Давой Тхондупом, Пасангом Давой и Анг Тембой. Так же как и другие сопровождавшие нас на обратном пути шерпы, они на следующий день собирались выехать в Дарджилинг. Но некоторые остались в Кхумбу. Среди многих непальских друзей, тепло провожавших нас, присутствовал также высоко оценивший наш успех премьер-министр М. П. Койрала. Временно участники нашей экспедиции разделились. Чарльз Уайли и Майкл Уорд взяли на себя самую тяжелую задачу – перевозку багажа автомашинами и поездом до Лакхнау. Здесь его должен был принять представитель пароходного агентства, который в виде любезности специально приехал для этого из Бомбея. Хиллари, Грегори, Тенсинг со своей семьей, а также я с женой летели до Калькутты, где нас ждали губернатор и городские власти, жаждавшие чествовать экспедицию и особенно великого гражданина штата Западной Бенгалии – Тенсинга. Остальная часть экспедиции направлялась через Патну в Дели, где мы все должны были собраться к 27 июня.

Три дня в Калькутте прошли как в лихорадке. Население города приветствовало нас с величайшим радушием. Всюду мы встречали исключительную сердечность и гостеприимство, в особенности со стороны губернатора Мукхерджи, представителя верховного комиссара Великобритании в Калькутте Шеннона и его сотрудников, а также со стороны членов Гималайского клуба. Невозможно было равнодушно

взирать на то неподдельное волнение, которое вызвал наш успех в широких народных массах и в особенности среди молодежи Бенгалии. Для моей жены и меня это было особенно приятным эпизодом на нашем пути на родину, так как мы жили в Бенгалии перед войной; сейчас многие бенгальские друзья навещали нас.

Несмотря на жару, не менее радостно прошли грандиозные торжества в Дели. Завершением этой триумфальной поездки была торжественная церемония в Раштрапати Бхаване, где президент Индийской республики Раджендра Прасад вручил ордена некоторым членам экспедиции и специально выгравированные серебряные пластинки всему нашему коллективу. Не забудем мы также исключительную любезность и гостеприимство премьер-министра Джавахарлала Неру, заместителя верховного комиссара Великобритании Джорджа Миддлтона, его жены, сотрудников верховного комиссара, а также генерал-майора Уильямса и многих других.

С особой радостью мы встретились в Дели с Джорджем Финчем, ветераном экспедиции 1922 г. и инициатором применения кислорода при восхождениях. В эти дни его присутствие среди нас было как нельзя более кстати, так как нам хотелось, чтобы сыпавшиеся на нас почести были бы по праву разделены с теми, кто прокладывал нам путь. Джордж Финч – один из двух выдающихся альпинистов первой экспедиции, пытавшихся в 1922 г. достичь вершины (другим был Джордж

Меллори). Он же был горячим приверженцем применения кислородной аппаратуры в те времена, когда многие не верили в ее эффективность, а другие принципиально были против ее применения. Безусловно, никто лучше Финча не смог бы представлять прошлое. Мы все приветствовали его.

С большим сожалением нам пришлось отказаться от многочисленных приглашений посетить другие города Индии. Официальные приглашения были нами получены из Мадраса, Бомбея, Патны, Дехры-Дуна и Дарджилинга. Необычайный энтузиазм, проявленный Индийским народом в связи с победой над Эверестом, явился для нас откровением. Однако нас с нетерпением ожидали на родине, да и мы сами, естественно, с неменьшим нетерпением стремились поскорее попасть домой.

Итак, благодаря щедрости "Таймса" мы вылетели наконец в Англию на самолете Британской трансокеанской авиационной компании. К нашей радости, с нами летел Тенсинг со своей семьей. Где бы ни приземлялся наш самолет – в Карачи, Бахрейне, Каире, Риме, Цюрихе, – везде мы встречались с проявлением неподдельного энтузиазма. Все были крайне любезны. Особый интерес представляла для нас встреча в Цюрихе с членами швейцарской экспедиции на Эверест и создавшей эту экспедицию "Организации содействия альпинистским исследованиям". Никто из альпинистов не мог лучше оценить нашу победу, чем группа швейцарцев, которые в предыдущем году были так близки к успеху. За корот-

кое время, проведенное с ними, мы смогли обсудить с нашими швейцарскими товарищами Раймондом Ламбертом, Габриэлем Шевалле, Фейцем и другими все вопросы, связанные с восхождением, которые нам были хорошо знакомы, так как наш путь почти на каждом шагу был тесно связан с их попыткой штурма. Я пользуюсь также случаем отметить с радостью, как горячо был встречен наш успех французскими альпинистами, которые в случае нашей неудачи готовились организовать в 1954 г. экспедицию на Эверест.

3 июля мы приземлились на Лондонском аэродроме. Здесь нас ожидала наиболее радостная и долгожданная встреча – встреча на родной земле, со своим народом.

Эпопея Эвереста закончилась.

Глава XVIII

ВЫВОДЫ

В чем же причина нашего успеха? Почему нам удалось достичь вершины, тогда как столь многие до нас потерпели неудачу? Второй вопрос я ставлю только для того, чтобы подчеркнуть одно обстоятельство, имевшее, по моему мнению, решающее значение и являющееся ответом на первый вопрос, ибо еще раз я хочу отдать должное работе прежних экспедиций.

Значение всех предшествующих попыток восхождения заключалось прежде всего в том, что вне зависимости от достигнутой при этом высоты каждая такая попытка вносила свой вклад во все возрастающий фонд опыта борьбы с Эверестом. Этот опыт должен был достичь определенного уровня, прежде чем задача смогла быть разрешена. Возведение такой "пирамиды опыта" было жизненно необходимым для окончательной победы. Никакая команда альпинистов не была бы в состоянии возвести вершину этой пирамиды, пока все сооружение не достигло определенной высоты. С этой точки зрения нельзя сказать, что прежние экспедиции терпели неудачу, — они содействовали успеху. Необходимая сумма опыта имела уже налицо к тому времени, когда предыдущей зимой мы готовились к новой попытке восхождения. Только тогда, никак не ранее, стали хорошо известны

все препятствия, делавшие безуспешными предшествующие попытки штурма Эвереста. Оставалось их изучить и сделать правильные выводы. Это дало возможность ввести в бой еще одну команду из хорошо подобранных людей, вооруженную всеми материальными средствами, необходимыми для борьбы с Эверестом. Все мы, участники экспедиции 1953 г., гордимся тем, что делим славу с нашими предшественниками.

Независимо от опыта прошлых экспедиций нас в особенности вдохновлял пример их настойчивости, пытливости, их непреклонной решимости бороться до конца, не сдаваясь. И мы должны прежде всего благодарить предшествующих восходителей на Эверест именно за то, что участники нашей экспедиции при выполнении задачи всегда проявляли волю к победе.

Отдавая должное прошлому, следует также упомянуть о тех, кто работал в комитетах по организации экспедиций, и о тех, кто щедро финансировал их, без чего никакие экспедиции не были бы возможны.

Далее, в порядке значительности я должен поставить наш основательный, всеобъемлющий и детально продуманный план. При восхождении на Эверест организационные задачи приобретают такое же значение, как на войне. Я настаиваю на этом сравнении и подчеркиваю, что именно по этому принципу было организовано зимой 1952 г. планирование восхождения на Эверест. Лишь благодаря этому мы не только смогли предусмотреть до мельчайших деталей наши

потребности (правильной их оценке нам помог опыт наших предшественников), но в дальнейшем, на каждом этапе экспедиции, перед нами была всегда четкая программа действий: подходы, акклиматизация, подготовка пути через ледопад, первый и второй этапы организации лагерей, разведка и прокладка пути на стене пика Лходзе и, наконец, в общих чертах даже план самого штурма. Окончание каждого этапа было запланировано на определенное число. Мы обязаны были выполнить во-время каждое такое задание в отдельности и все вместе. И мы сделали это.

Затем я должен еще раз отметить высокое качество нашего снаряжения. Оно подверглось в горах суровому испытанию и с честью его выдержало. Все торговые фирмы и заботливые руки, которые потратили столько труда, чтобы изготовить как в Англии, так и за рубежом все необходимое нам снаряжение (часто в крайне сжатые сроки), а также те, кто оказывал нам финансовую помощь, – все они должны по праву разделить с нами славу победителей.

Среди нашего многочисленного снаряжения я должен особенно отметить кислородную аппаратуру. Многие из оборудования имело важное значение. Однако главную роль в достижении успеха сыграли, по-моему, кислородные аппараты. Тем, кто, удовлетворяя требованиям экспедиции, занимался этим вопросом, досталась наиболее трудная задача, так как времени было очень мало. Не будь мы снабжены высококачественной кислородной аппаратурой, нам, без со-

мнения, не удалось бы достичь вершины.

При проведении крупных гималайских экспедиций часто успех мероприятия ставился под угрозу вследствие заболевания участников. Значительное увеличение состава для избежания этой опасности повело бы к тому, что экспедиция оказалась слишком громоздкой, и мне представлялось чрезвычайно важным свести до минимума самую возможность заболеваний. В нашей экспедиции было достаточно альпинистов для выполнения намеченного плана, однако запасных людей было мало. Принятый план был несколько оптимистичным в том отношении, что он предполагал активное участие на большой высоте почти всего состава экспедиции: если бы несколько членов нашей экспедиции заболели в тот момент, когда создались благоприятные для штурма условия, вряд ли нам удалось бы подняться на вершину. Наше хорошее физическое состояние объясняется прежде всего тщательным отбором команды. Позднее в горах тренировка и акклиматизация, проведенные в установленные сроки, дали замечательные результаты. Мы должны также благодарить тех, кто обеспечил нас превосходным и достаточным питанием и посоветовал ежедневно потреблять большое количество жидкости в течение всего времени пребывания на Эвересте, и в особенности на большой высоте. Мы никогда также не забудем заботы наших врачей. Для иллюстрации физического состояния участников и вместе с тем для характеристики применения кислорода весьма интересно бу-

дет привести некоторые цифры. Из альпинистской группы на Южной седловине побывало девять участников; из них трое поднимались туда дважды. Из этих девяти человек семеро поднялись по Юго-восточному гребню – по самой скромной оценке – до высоты 8250 м, четверо достигли Южного пика (более 8750 м), наконец, двое поднялись на вершину. Из этих девяти трое провели на высоте около 8000 м. и выше – четверо суток, трое других – трое суток. Хотя некоторые из нас при возвращении в Передовой базовый лагерь чувствовали себя очень слабыми, никто все же не дошел до состояния резкого упадка сил.

Прежде чем покончить с вопросом о питании, мне бы хотелось подчеркнуть еще одно обстоятельство, а именно – влияние ассортимента продуктов на настроение альпинистов. Само собой разумеется, невозможно полностью удовлетворить личные вкусы всех участников. Это выходит за пределы транспортных возможностей даже такой крупной экспедиции, как наша. Однако я считаю, что тщательно продуманный и подобранный ассортимент продуктов питания должен оказать большое влияние не только на здоровье альпинистов, но также и на их общее настроение.

И, наконец, выше всего я должен поставить значение спаянности коллектива. Вне всякого сомнения, она явилась самым важным из всех факторов успеха. Восхождение на Эверест, пожалуй, более, чем любое из человеческих предприятий, требует высокой степени самоотверженного товарище-

ства; отсутствие сплоченности не сможет быть компенсировано никаким, даже самым лучшим снаряжением или питанием. Трудно было бы найти более дружный коллектив, чем наш. Характерно, что за все четыре месяца совместного пребывания, часто в тяжелых условиях, я ни разу не слышал, чтобы члены экспедиции разговаривали друг с другом в резком или раздраженном тоне. Для меня лично это намного облегчило задачу, в особенности когда наступило время определить индивидуальные задания каждого из участников в период подготовки и проведения штурма. Честь участия в попытке взойти на вершину не могла выпасть на долю каждого, и некоторые, безусловно, должны были быть разочарованными, тем более, что хорошее самочувствие позволяло им надеяться на успех. Однако каждый из нас считал, что на его долю приходится важная задача – содействовать всеми силами тому, чтобы, по крайней мере, двое альпинистов достигли вершины. Именно с таким настроением каждый участник выполнял свою работу: производил разведку и прокладку пути на стене Лходзе, вел шерпов с припасами для штурма на Южную седловину, поднимался с тяжелым грузом для установки последнего лагеря, а также занимался другими, менее заметными, но нужными делами – поддерживал коммуникации с Базовым лагерем или руководил снабжением и всеми хозяйственными работами в Передовом базовом лагере. Все это выполнялось хорошо и без единой жалобы. В этом, а также в отличной работе наших шерпов

заключается непосредственный секрет успеха.

Шерпы проявили себя великолепными восходителями. Их участие в общей работе всей экспедиции, их личные достижения – выше всяких похвал. Лучшим доказательством является тот факт, что из двадцати семи шерпов, выбранных для работы выше Западного цирка, до Южной седловины поднялись девятнадцать человек, а из них шесть человек – дважды. При переводе на вес грузов это означает, что на высоту 7900 м. было поднято около 340 кг. Это обеспечило возможность пребывания наших штурмовых групп на высоте в хорошем состоянии и без излишнего ослабления организма в течение более длительного времени, чем предполагалось. Товарищеские взаимоотношения между альпинистами и шерпами поддерживались всеми членами экспедиции, но особая заслуга в этом деле принадлежит Тенсингу и Уайли.

Соединенными усилиями шерпов и альпинистов удалось достичь того, что последний лагерь был разбит на высоте 8500 м. Здесь подверглись высшей проверке те, кто должен был поддерживать штурмовую двойку при ее конечной попытке достичь вершины; в эти два дня, 26 и 28 мая, задачи шерпов и сагибов уже более не дополняли одна другую. Они были одинаковыми. На долю всех приходились равные грузы, каждый пользовался одинаковым снаряжением, каждому пришлось испытать трудности восхождения и влияние большой высоты. Таким образом, нам удалось выполнить то,

за что так страстно ратовали в свое время Нортон и Лонг-стефф, считая это необходимым предварительным условием для окончательной победы.

Наконец, большую роль в нашем успехе сыграла погода. Вначале, в период подготовки, она в течение целых пяти недель сильно мешала выполнению наших планов (с 8 апреля по 14 мая почти каждый день шел снег). Затем со второй половины мая прочно установилась ясная погода. Несомненно, нам повезло в отношении этого единственного не зависевшего от нас фактора. Однако необходимо отметить, что в продолжение этого периода далеко не каждый день условия были благоприятны для штурма, так как в любой момент мог подняться ветер, а предугадать его было невозможно. Исключительной удачей было то, что двое восходителей достигли вершины в сравнительно безветренный день; в предыдущие и, без сомнения, в последующие дни восхождение было бы невозможным.

Итак, основными обстоятельствами, определившими в той или иной мере наш успех, явились: опыт, накопленный всеми, кто до нас пытался взойти на Эверест, детально разработанный план и вся остальная подготовка, высокое качество снаряжения, моральные и физические данные альпинистов и шерпов, благоприятная погода. Я должен еще упомянуть об одном неосвязаемом и трудно оцениваемом факторе – это мысли и горячие пожелания многих и многих, кто следил за нашей экспедицией, ждал и надеялся на ее успех. Мы

смутно ощущали эту невидимую силу, которая вселяла в нас бодрость.

Стоила ли игра свеч? Для нас, членов экспедиции, в этом нет сомнения. Мы участвовали в грандиозном предприятии, мы наблюдали величественные и прекрасные картины, мы создали в своей среде длительную крепкую дружбу и смогли увидеть плоды этой дружбы. Никогда не забыть нам волнующих дней, прожитых на склонах Эвереста.

История восхождения на Эверест – это история коллективного творчества. Чувство удовлетворения, сопутствующее совершению физического подвига, скоро проходит. Гораздо длительнее и сильнее чувство товарищества и те моральные качества, которые его определяют. Товарищество, вне зависимости от расы и веры, выковывается в высоких горах, среди трудностей и опасностей, подстерегающих смельчаков, которые штурмуют вершину. Оно вызвано необходимостью объединения усилий для достижения общей цели, оно создается в те незабываемые, волнующие минуты, которые пережиты вместе.

Ну, а как для остальных? Считают ли они также, что игра стоила свеч? Я думаю, что да, если только допустить, что человечеству нужны смелые подвиги и что такие подвиги – при этом не обязательно физические – могут совершаться во многих областях, а не только в альпинизме. В конечном счете восхождение на Эверест получит свое оправдание (если

только оно нуждается в нем) в борьбе других за свои "Эвересты" – борьбе, для которой наша победа будет служить вдохновляющим примером, так же как наши предшественники вдохновляли нас. По тому впечатлению, которое произвело наше восхождение не только в Англии и в Британском Содружестве Наций, но и во многих других странах, можно судить о том, что жажда подобных подвигов распространена еще повсюду. До выезда экспедиции, в течение ее работы и особенно по окончании ее мы получали из всех уголков земного шара бесчисленные подарки и послания – как в прозе, так и в стихах – с пожеланием успеха, с выражением восхищения; нам писали главы правительств и представители простого народа. Многие из этих писем были написаны детьми и молодежью. Повидимому, восхождение на Эверест пробудило стремление к приключениям и подвигам, дремлющее в каждом сердце.

Есть много оснований считать, что это стремление к подвигу может приобрести постоянный характер. В качестве примера могу сказать, что, когда мы были в Калькутте, главный министр штата Западная Бенгалия Б. Ч. Рой рассказал нам, что в Дарджилинге предполагается открыть специальную тренировочную школу, в которой наиболее опытные восходители шерпы должны обучать юношей различных профессий теории и практике альпинизма. Этот проект был выдвинут в память нашего восхождения на Эверест и, в частности, в честь шерпов, многие из которых живут в Бенгалии.

Организацию такой школы, сходной с нашими школами типа "Аутуорд Баунд", можно только приветствовать.

Что же можно сказать о перспективах на будущее? Нет никаких оснований для уныния в связи с покорением Эвереста. Быть может, мы смутно и сожалеем о том, что высочайшая вершина мира побеждена и уже не бросит нам вызов, однако я думаю, хорошо и вполне своевременно, даже с чисто альпинистской точки зрения, что летом 1953 г. на нее совершено восхождение. Борьба за Эверест отвлекала слишком много сил, могущих способствовать исследованиям других горных районов; теперь, когда вершина достигнута, можно будет оказать практическую помощь многим альпинистам и смелым исследователям в организации экспедиций в Гималаях и других районах, в изыскании новых объектов восхождений, в достижении других целей.

Когда-нибудь восхождение на Эверест будет повторено. Может быть, вершина будет достигнута и без кислорода, хотя, по-моему, в настоящее время шансы на это невелики. Будем надеяться, что граница между Непалом и Тибетом будет открыта для альпинистов по обе стороны этого политического барьера, ибо восхождение на вершину с севера предстоит еще довести до конца. Быть может, придет время, когда вопрос о траверсе Эвереста, то есть подъеме по одному гребню и спуску по другому, не будет уже казаться фантастическим. Перечисленные выше и многие другие возможности откры-

вают в одной лишь этой небольшой части земного шара обширное поле деятельности для альпинистов.

Я считаю также, что мы не должны уклоняться от вызова, брошенного другими горными гигантами. Вершины, немногим уступающие по высоте Эвересту, все еще находятся "там" – как говорил Меллори. Они манят нас, и мы не можем успокоиться, пока не померимся силами и с ними.

Много есть еще возможностей для смелых предприятий, будь то в горах, в воздухе, на море, в недрах земли или на дне океана, и, наконец, мы еще не побывали на Луне. Нет такой высоты, нет такой глубины, которых человек, руководимый высоким духом дерзания, не смог бы достичь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТАХ СНАРЯЖЕНИЯ *Чарльз Уайли*

Обувь

А. Высотные ботинки

После экспедиции на Чо-Ойю стало очевидно, что необходимо создать специальную высотную обувь, в особенности для восхождения на Эверест. Паф установил, что с точки зрения затраты физических усилий 1 кг на ногах равенценен 5 кг за плечами. Мы намеревались снизить вес обуви за счет ее прочности; если ботинки предназначены для носки выше, скажем, 6100 м, от них не требуется большой прочности, ибо их придется носить самое большее несколько

ко недель. Однако прочность ботинок должна быть достаточной, чтобы удерживать прикрепленные к ним кошки и позволять выбивать ими ступени в фирне. В то же время нам хотелось, чтобы такие ботинки были значительно теплее обычных, так как случаи обмороживания на больших высотах в Гималаях были нередким явлением. Было важно также, чтобы ботинки не замерзали; влажные ботинки неминуемо замерзают, и поэтому необходимо было добиться их влагонепроницаемости.

После испытаний в Альпах нескольких типов обуви, включая и армейскую обувь типа "Муклук" и специальных резиновых ботинок, мы решили остановить свой выбор на ботинках необычной конструкции, изготовленных для нас "Английской ассоциацией по исследованиям в области обувной и смежных отраслей промышленности" в Кеттеринге. Ниже мы приводим подробное описание конструкции и изготовления этих ботинок в качестве иллюстрации заботы и изобретательности, проявленных английскими промышленниками при снаряжении нашей экспедиции, а также отмечаем значение смелого применения научных выводов, основанных на исследовательской работе.

Верх этих ботинок был изготовлен по принципу создания паронепроницаемого барьера. Это значит, что изоляционный материал (который, чтобы быть действенным, должен оставаться сухим) заключен в оболочку, не пропускающую влагу как снаружи (от тающего снега), так и изнутри (от пот-

ных ног). Для большей изоляции от влажного снега к наружному краю подошвы прикреплялся тонкий чехол из прорезиненного трикотажа; в случае, если он будет излишен выше определенной высоты, этот чехол можно было снять.

Изготовление за пять недель тридцати трех пар таких ботинок поставило перед Бредли – их добросовестным создателем – много сложных проблем. Тридцать входящих в его ассоциацию фирм принимали участие в изготовлении обуви или в поставке материалов для нее. Чтобы пошить обувь для шерпов, пришлось делать специальные колодки по меркам и рисункам, присланным Гималайским клубом в Дарджилинге. Для некоторых шерпов требовались ботинки сорочкового размера по длине и более широкие, чем у Хиллари, который носил сорок пятый размер! Ботинки должны были подвергаться испытаниям после каждой стадии их изготовления. Окончательная проверка, проведенная в холодильной камере в Фарнборо при -40° , дала удовлетворительные результаты.

На практике такие ботинки получили всеобщее одобрение и неизменно использовались начиная от лагеря III и до самой вершины Эвереста, то есть в течение значительно большего срока, чем тот, на который они были рассчитаны. Оказалось, однако, что тонкий верхний чехол не выдержал этого срока: через образовавшиеся разрывы и дыры проникал снег и ботинки становились сырыми. Швейцарский образец съемных гамаш, наподобие тех, которые были

на Тенсинге (см. фото 48), вероятно, более рационален. Кроме того, ботинки оказались слишком свободными и не могли обеспечить безопасное движение по крутым или сложным участкам.

Б. Обычные горные ботинки

Все что было сказано в пользу создания специальной высотной обуви, относится также, хотя и в меньшей степени, к нашим обычным горным ботинкам. Обмороживание может произойти уже на высоте 6000 м. Облегченная же обувь понижает утомляемость восходителя на любой высоте. В то же время эта обувь должна выдержать определенный срок носки, который все же может и не превышать трех месяцев. За разрешение этой задачи с большой энергией и энтузиазмом взялся Роберт Лоури, широко известный изготовитель альпинистской обуви. Им была предложена весьма удачная модель обуви, пара которой весила менее 1,475 кг. В этих ботинках между двумя слоями кожи находился слой меха опоссума, а поверх очень тонкой резиновой подошвы лежала стелька из шерстяного фетра. Тонкая подметка из резины «Вибрам» оказалась, тем не менее, недостаточно прочной, и у носка она быстро пронашивалась. Однако Нойс, который перед отъездом из Англии прошел специальный курс сапожного ремесла под руководством Лоури, спас положение, проявив при починке обуви подлинное мастерство.

Как у высотных, так и у обычных горных ботинок передний разрез начинался очень низко, чтобы легче можно было всунуть ногу в замерзший ботинок. Кроме того, отверстия для шнурков были заменены крючками типа **D**, что облегчало шнуровку ботинка замерзшими пальцами. Оба эти усовершенствования оказались весьма удачными.

Несмотря на все старания творцов нашей обуви, оба типа ботинок все же иногда сырели, ночью замерзали, если мы их не прятали в спальный мешок. Во всяком случае, в течение всей экспедиции мы были счастливы, что имели легкую обувь, и за все время не было ни одного случая обморожения.

Палатки

Различные типы палаток были уже описаны в главе IV. Ниже мы их рассмотрим более подробно.

При составлении плана мы обсуждали в целях экономии веса возможность использования в высотных лагерях специального облегченного варианта стандартной двухместной палатки типа "Мид". Однако мы пришли к выводу, что преимущество меньшего веса достигается слишком дорогой ценой, а именно – значительным неудобством, создаваемым малыми размерами палатки. При восхождении мы всегда радовались нашим относительно просторным палаткам, и никто не сетовал на их большой вес. Это убедительно доказы-

вається тем, що в лагере IX використовувалась стандартна палатка типу "Мид", хоча ми і захопили с собою для цього висотного лагера облегченні палатки трьох різних образців.

Стандартна палатка "Мид", конструкція якої практично не змінювалась со времен експедицій двадцятих років, знову оказалась найкращою і найбільш простою из всіх палаток, якими ми користувалися.

В края входних рукавів була продета рояльна стальна проволочка, що значно облегчало вход і вихід из палатки. В обычных условиях погоди ми закривали вход, перекручивая рукав с проволокой вместо того, чтобы завязывать его тесьмой.

Палатки, предназначенные для лагерей, расположенных выше Передового базового лагеря, были снабжены для дополнительного тепла внутренними отстегивающимися нейлоновыми чехлами. Эти чехлы весили очень мало и в то же время, как показали испытания, повышали температуру внутри палатки на четыре градуса. Они редко использовались ниже Передового базового лагеря.

Мы также взяли с собой тяжелую двенадцатиместную шатровую палатку, спроектированную полковником Крофтом для арктических армейских частей. Кроме того, у нас была облегченная пирамидальная палатка, похожая на шатровую, в которую были внесены некоторые изменения. Большие шатровые палатки постоянно использовались: одна – для нас

в качестве столовой-спальни, вторая – для шерпов. Обе были доставлены, в конце концов, в Передовой базовый лагерь. В промежуточных лагерях пирамидальная палатка обычно использовалась шерпами как кухня и место сбора. В случае необходимости она могла вместить пять человек; одна из этих палаток была поднята на Южную седловину.

У нас было также несколько кусков просмоленной парусины размером 3 X 4,5 м, весящих только 3,5 кг каждый. Они широко использовались в течение всей экспедиции, особенно в начальный период, служа навесом над кухней, дополнительным тентом или защитой багажа от снега и дождя.

Ветронепроницаемая ткань

В выборе материалов для штормовых костюмов и палаток большую помощь нам оказали научные работники министерства снабжения при Экспериментальном авиазаводе в Фарнборо. Они сами были заинтересованы в получении ветронепроницаемой одежды для военных нужд, и в их распоряжении находились средства для проведения всесторонних испытаний различных материалов.

Самым важным, конечно, была степень ветронепроницаемости материала; одновременно материал должен также быть как можно более легким, прочным и обладать хорошей водонепроницаемостью. Мы окончательно остановились на первоклассном материале: испытания в аэродинамической

трубе показали его абсолютную ветронепроницаемость при скорости воздушного потока 160 км/час. Вес его был не более 35 г/м², а по прочности он не уступал другим, более тяжелым материалам. После пропитывания его составом «Мистолен» палатки становились абсолютно водонепроницаемыми, а штормовые костюмы не промокали даже в сильный ливень. Ткань имела хлопчатобумажную основу и нейлоновый уток. Выпускалась она фирмой «Джон Саутворт и сыновья» в Манчестере.

Как для палаток, так и для одежды мы применяли один слой материи, и результаты были вполне удовлетворительны.

Радиооборудование

План организации радиосвязи был составлен с помощью бригадира Смис-Уиндхема, участвовавшего в качестве радиста в экспедициях 1933 и 1936 гг. Изготовление аппаратуры было поручено бригадиру Моппету, директору фирмы «Пай телекоммуникешен» в Кембридже. Мы в неоплатном долгу у этой фирмы, которая подарила нам оборудование, изготовленное к тому же в крайне сжатые сроки.

Согласно намеченному плану, предполагалось, что экспедиция будет снабжена несколькими переносными радиотелефонами для сообщения между лагерями в горах на расстояниях до 3,5 км, а также коротковолновым приемником для приема как специально для нас передаваемой метеосводки,

так и обычных программ радиовещания. Радиопередатчик для связи с внешним миром мы решили не брать из-за его большого веса; кроме того, обладание таким радиопередатчиком ни в коей мере не способствовало достижению основной цели экспедиции – восхождению на вершину Эвереста. Для его обслуживания пришлось бы также включить в нашу и так уже большую группу радиста. Такое решение означало также, что вся наша радиоаппаратура должна работать исключительно на сухих батареях.

Оборудование должно было отличаться прочностью, легкостью, компактностью, простотой в обращении и способностью переносить без вреда дождь, снег, а также колебания температуры от -40° до $+38^{\circ}$. Восходители должны были быть в состоянии работать с рацией в перчатках и лежа в спальных мешках. Чтобы удовлетворить этим требованиям, фирма "Пай телекоммуникешен" изготовила восемь переносных радиотелефонов, переделав выпускаемые ею радиотелефонные станции РТС-122, представляющие собой сверхвысокочастотные приемо-передатчики с фиксированной частотой 72 МГц и кварцевым контролем частоты как в приемнике, так и в передатчике. Эти радиотелефоны имели гибкие ленточные антенны и весили $2,25 \text{ кг}$ каждая; сухие батареи фирмы «Видор» переносились в специальном «жилете», который альпинисты надевали под пуховую одежду или прятали в спальный мешок и таким образом согревали их теплом своего тела. Это позволяло избегать падения

эффективности при очень низких температурах. Эти батареи были рассчитаны на сорок один час работы при -10° . Наружная антенна на складном дюралевом штативе позволяла работать с радиотелефоном на расстоянии, не выходя из небольшой палатки.

Дальность действия этих радиотелефонов определяется в основном рельефом местности, так как ультракороткие волны не переходят через значительные препятствия. Однако работают эти аппараты с незначительными помехами и управлять ими несложно. В период организации лагерей они сослужили нам хорошую службу, связывая между собой соседние лагеря. В частности, они позволили организовать непрерывную связь между лагерями I, II и III, хотя эти лагеря и не находились в пределах прямой видимости один от другого. Во время движения не было необходимости пользоваться ими. Мы пользовались радиотелефоном вплоть до лагеря VII (7315 м), а один аппарат был даже поднят на Южную седловину, но, к сожалению, оказался поврежденным в пути.

В качестве коротковолнового приемника применялась стандартная экспортная модель фирмы "Пай телекоммуникашен" PE 70 В, с репродуктором и сухими батареями. Последние помещались в прочном деревянном ящике. 4,5-метровая стержневая антенна крепилась на таком же штативе, как и переносный радиотелефон. Этими приемниками мы пользовались в Базовом и Передовом базовом лагерях. Хотя

окружающие вершины оказывали экранирующее действие, тем не менее мы хорошо слышали индийское радио, которое транслировало с 1 мая специальный бюллетень погоды, подготовляемый для нас доктором Маллом из Индийской метеорологической службы. Би-би-си также ретранслировала этот бюллетень, включая в него время от времени весьма теплые личные послания и приветствия. В течение долгих холодных вечеров цейлонское радио передавало увеселительную программу и поднимало наше настроение такого рода советами: "Если вы плохо себя чувствуете, употребляйте слабительные порошки такой-то фирмы!"

Кухни

Основываясь на наблюдениях, производившихся во время экспедиции на Чо-Ойю, Паф предупреждал, что каждому из нас необходимо будет потреблять на Эвересте до 4,5 л жидкости в день. Отсюда вытекала необходимость иметь высокоэффективные кухни.

Наиболее эффективным и экономичным источником тепла служит горелка, работающая на предельных углеводородах, и наилучшим решением было остановить выбор на примусе с горелкой, приспособленной к высокогорным условиям. Для уменьшения теплопотерь и экономии горючего Ч. Р. Куком был спроектирован специальный разборный кожух, полностью закрывающий кастрюлю.

Кожух направлял тепло на днище и боковые стенки кастрюли. Сверху он закрывался крышкой, которая могла служить также сковородой. Примус был снабжен увеличенной чашечкой для спирта. Этим обеспечивался достаточный нагрев горелки и испарение поступающего в нее горючего.

Даже плотный фирн имеет в четыре раза больший объем, чем получаемая из него вода. Поэтому наши большие переносные кухни были снабжены двумя большими кастрюлями объемом 2—2,5 л. К малым кухням полагались кастрюли в 1,1—1,4 л.

Выше 4600 м. обычная горелка уже непригодна. Поэтому после соответствующих испытаний в барокамере в Фарнборо был выбран бесшумный самоочищающийся тип горелки, оказавшейся пригодной до высоты 12000 м. Так как чаще всего кухни должны работать в совершенно закрытых палатках, горелки были также проверены, не выделяется ли ядовитая окись углерода. Они оказались в этом отношении совершенно безопасными. Самоочищающее устройство приводилось в действие одним поворотом специальной головки. При повороте ее в другое положение жиклёр закрывался, и выход горючего прекращался.

Мы взяли с собой четыре малых и восемнадцать больших кухонь, вмещающих соответственно 0,5 и 1 л горючего и весящих 1,6 и 2,1 кг. Дополнительно для Базового и Передового лагерей были взяты два примуса с двойными горелками.

Несмотря на то, что как мы, так и шерпы обращались с

примусами весьма небрежно, они работали в общем хорошо. В значительной степени это объясняется заботливым уходом за ними со стороны Эдмунда Хиллари. В частности, Хиллари и Тенсинг смогли приготовить себе в лагере IX на высоте 8550 м. достаточно питья перед выходом на штурм вершины.

Мы взяли с собой также шесть газовых кухонь, работающих на бутане, так как надеялись при их помощи разрешить проблему приготовления пищи в высотных лагерях. Большим преимуществом этих кухонь была простота их эксплуатации. Чтобы разжечь их, достаточно было поднести спичку и открыть кран. Однако они уступали примусам в теплопроизводительности и на больших высотах работали ненадежно. Но зато каждая такая кухня была снабжена калильной сеткой и могла служить для освещения. При таком применении они оказали нам отличную службу во время долгих вечеров, проведенных в большой шатровой палатке.

Приспособления для перехода через трещины

Уже в 1951 г. после проведения разведывательной экспедиции Шиптон пришел к выводу о необходимости специальных средств для перехода через широкие трещины. Требовались какие-то приспособления, достаточные по длине, чтобы переправиться, если понадобится, через трещины шириной 7,5 м, прочные, легкие и удобные для транспортировки.

Швейцарцы пользовались для этой цели веревками, но мы считали, что для непрерывной переправы нагруженных носильщиков нужно что-то более удобное.

Фирме "Лайт ладдерс" из Ньюпорта было предложено заняться разрешением этой задачи. Она разработала сперва конструкцию моста, жесткость которого достигалась при помощи подпорок, которые укреплялись снизу. Хотя жесткость была преимуществом этой конструкции, однако присоединять подпорки замерзшими руками было нелегким делом, к тому же они увеличивали общий вес конструкции. В итоге мы остановились на стандартной модели лестниц, изготавливаемых фирмой из алюминиевого сплава и предназначенных для особо тяжелых строительных работ. При пролете в 7,5 м. прогиб был значительным, однако лестница выдерживала вес троих людей (управляющего, главного мастера и меня) без всяких признаков повреждения. Простота конструкции восторжествовала.

Лестницы были изготовлены в виде пяти секций по 1,8 м. длиной и 0,36 м. шириной. Секции соединялись между собой при помощи выступающих муфт, в которые входили концы штанг; каждое сочленение скреплялось четырьмя винтами. Собранный мост весил только 26 кг (см. фото 24 и 27).

Наиболее широкая трещина, через которую нам пришлось перебираться, находилась у входа в Западный цирк. Ширина ее была примерно 5 м, что требовало скрепления

трех секций. При этом пролете прогиб был незначительным. Трещина постепенно суживалась, и приходилось довольно часто освобождать вмерзшие в лед концы лестницы, чтобы избежать ее изгибания.

Приложение II

КИСЛОРОДНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Т. Д. Бурдиллон

В экспедиции употреблялись три основных аппарата: открытого типа, закрытого типа и аппараты, предназначенные на время сна. Во всех этих трех типах аппаратов подача кислорода производилась из баллонов, где он находился под высоким давлением. Первые два типа были оборудованы одинаковыми станками для переноски баллонов.

Кислородные баллоны

Мы пользовались двумя образцами баллонов. Один из них изготовлялся из цельнотянутой дюралевогой трубы. Вес такого баллона вместе с редукционным клапаном из легкого сплава достигал в наполненном виде 5,6 кг. Разница в весе между различными баллонами была незначительной. Баллон вмещал 800 л кислорода под давлением 230 атмосфер. Редукционный клапан монтировался непосредственно на баллоне.

Нами применялись также стальные, обмотанные проволокой баллоны VD, принятые на вооружение английскими военно-воздушными силами. Этот баллон снабжен латунным

редукционным клапаном, весит 9,5 кг и вмещает 1400 л кислорода при том же давлении 230 атмосфер. На некоторых баллонах этого типа был смонтирован обратный клапан, а соединение с редукционным клапаном осуществлялось медной трубкой, на других – редукционный клапан крепился прямо на баллоне.

Станок для переноски баллонов

Мы пользовались двумя типами станков. Первый, изготовленный из сварных алюминиевых труб, предназначался для переноски трех дюралевых баллонов. Второй, также сварной станок, изготовлявшийся из алюминиевого сплава, был предназначен для переноски одного дюралевого или одного армейского баллона. В каждом из станков трубы опирались на горизонтальную тканую ленту, низко лежащую на спине человека, и поддерживались двумя плечевыми лямками. При этом груз помещался достаточно высоко и вплотную к спине.

Аппарат открытого типа

При пользовании таким аппаратом альпинист вдыхает в себя обогащенный кислородом воздух и выдыхает его в окружающую атмосферу (конструкция аппарата показана на рис. 5).

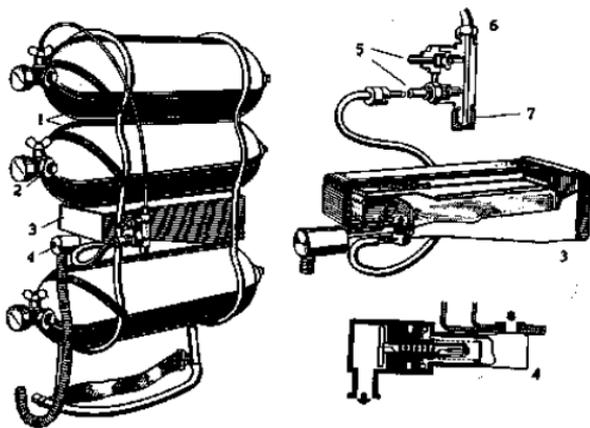

Рис. 5. Аппарат открытого типа.

1 — баллоны из легкого сплава; 2 — редукционный клапан; 3 — экономайзер; 4 — распределительный клапан; 5— самозапирающиеся выпускные патрубки; 6 — трубопровод из легкого сплава; 7— выпускной клапан.

Кислород под установленным давлением в 3 атмосферы подается из баллона через редукционный клапан и по гибкому шлангу попадает в трубопровод образца VI, принятого английскими военно-воздушными силами, с двумя выпускными патрубками (см. разрез на рис. 5). В трубопроводе располагаются два калиброванных отверстия, предоставляющие альпинисту выбор между двумя скоростями подачи кислорода. Три типа трубопроводов обеспечивают различные комбинации скорости подачи кислорода: 2 или 4; 2,5 или 5 и, наконец, 3 или 6 л в минуту.

Экономайзер модифицированного образца IV пропускает кислород только при вдохе. Таким образом бесполезная утечка газа при выдохе исключена. Постоянный поток кислорода поступает из трубопровода в находящуюся под действием пружины камеру экономайзера. В начале вдоха в маске образуется небольшое разрежение, под действием которого открывается распределительный клапан экономайзера, и кислород, поступая из камеры, заполняет маску (экономайзер и распределительный клапан показаны на рис. 5).

Нами применялась маска образца "Н", принятого английскими военно-воздушными силами; она снабжена третьим выпускным клапаном и защитным резиновым рыльцем. Теплые выдыхаемые газы проходят над впускными клапанами.

Вес комплекта аппаратуры открытого типа вместе с облегченным экономайзером был равен:

с одним стальным баллоном, образца, принятого английскими военно-воздушными силами – 12,7 кг

с одним дюралевым баллоном – 8,1 кг

с двумя дюралевыми баллонами – 13,4 кг

с тремя дюралевыми баллонами – 18,6 кг

Аппарат закрытого типа

В этом аппарате нет отверстия для поступления атмосферного воздуха. Альпинист вдыхает смесь с высоким содержанием кислорода непосредственно из дыхательной ка-

меры. Выдыхание происходит через патрон с натронной известью, который поглощает углекислоту, после чего выдыхаемый кислород направляется обратно в дыхательную камеру. Надлежащее направление потока обеспечивается двумя обратными клапанами. Поглощенный альпинистом кислород возмещается из баллона кислородом, находящимся под высоким давлением, через редукционный клапан и дополнительный клапан подачи с ручным управлением (конструкция аппарата показана на рис. 6).⁹

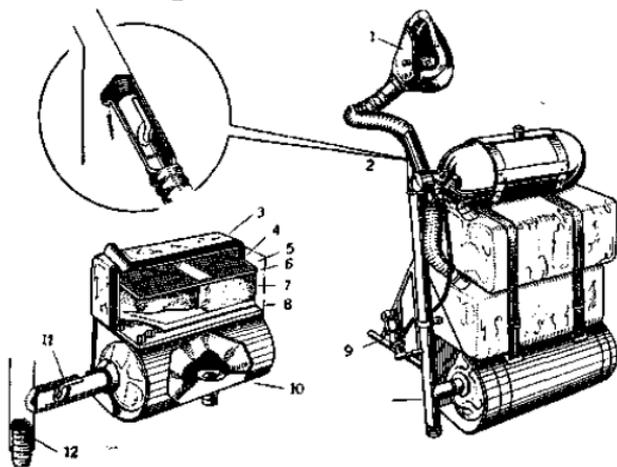

Рис. 6. Аппарат закрытого типа.

1 – маска; **2** – выдыхательный клапан; **3** – изолирующий кожух; **4** – подающая пружина; **5** – проволочная сетка; **6** – пылеулавливатель; **7** – натронная известь; **8** – установочные планки; **9** – клапан подачи

⁹ Более подробное описание см. в «Alpine journal», 59, № 288.

кислорода; 10 – дыхательная камера и резервуар; 11 — вдыхательный клапан; 12 — спускные пробки.

Так как во время восхождения предполагалось значительное убыстрение ритма дыхания и были бы недопустимы помехи, препятствующие дыханию, нужно было принять специальные меры для максимального уменьшения сопротивлений движению газа. Поэтому все трубопроводы имели сечение 28 или 31 мм и даже более. Полученные контрольные цифры оказались вполне удовлетворительными: при подаче 200 л в минуту и нормальном атмосферном давлении сопротивление при выдохе равнялось 2,2 см водяного столба, а при вдохе 0,8 см.

Большое внимание было также обращено на обеспечение максимальной эффективности работы патронов с натронной известью. О этой цели были применены заменяемые патроны машинного заполнения, в которых натронная известь находилась под давлением пружины в 27 кг, что препятствовало смещению гранул при перевозке.

Аппарат, применяемый во время сна

В этом аппарате баллон, редукционный клапан и трубопровод с выпускными патрубками, так же как и в аппарате открытого типа, подавали 2 л кислорода в минуту к специальному тройнику. Последний разделял поступаю-

щий кислород поровну между двумя легкими масками, снабженными экономайзерными камерами образца, применяемого в Британской корпорации заокеанских воздушных сообщений, но несколько модифицированного для обеспечения лучшего ритма дыхания. Часть аппарата, где поддерживалось низкое давление, весила всего лишь несколько десятков граммов.

Потребное количество аппаратов

Мы вынуждены были взять с собой очень громоздкое кислородное оборудование, несмотря на то, что стремились свести его к строго необходимому минимуму. В действительности же этого оборудования едва хватило. В него входило 60 баллонов из легкого сплава, 100 стальных баллонов образца, принятого английскими военно-воздушными силами, 80 патронов с натронной известью, 8 аппаратов закрытого типа, 12 аппаратов открытого типа и 12 аппаратов для использования во время тренировок и переноски грузов.

Проведенный на средних высотах период акклиматизации был весьма ценным. Он позволил всему составу экспедиции в сравнительно несложных условиях ознакомиться с работой кислородных аппаратов. Было устранено много недочетов, которые могли бы привести к серьезным последствиям, если бы их обнаружили во время восхождения на Эверест.

В течение акклиматизационного периода и позднее, выше

лагеря VII, аппараты открытого типа неоднократно успешно применялись шерпами. Однако обучить их пользоваться кислородной аппаратурой было нелегко; отсутствие у них технических навыков налагало на европейцев при смешанных группах большую ответственность. Подготовка аппаратуры и наблюдение за ее исправной работой на Южной седловине и выше являлись тяжелой обязанностью.

Предполагалось, что шерпы, от рождения акклиматизировавшиеся на больших высотах, смогут, применяя кислородные аппараты, переносить грузы выше Южной седловины, не пользуясь кислородом в течение предшествующей штурму ночи. Поэтому на седловину было заброшено лишь то количество аппаратов, предназначенных на время сна, которое было необходимо для штурмовых групп и европейцев, руководящих вспомогательными группами. То обстоятельство, что европейцы при переносе груза выше седловины оказались явно более выносливыми, чем шерпы, объясняется, видимо, тем, что никто из шерпов, за исключением Тенсинга, во время сна не пользовался на седловине кислородными аппаратами.

Хорошие результаты, полученные от употребления во время сна кислорода начиная с высоты 6550 м, являлись одной из самых характерных черт нашей экспедиции: альпинисты спали значительно лучше, меньше страдали от холода и просыпались отдохнувшими и освеженными.

Характер работы аппаратов, используемых при восхожде-

нии, определялся высотой местности.

Было установлено, что ниже 6700 м. действие того и другого типа аппаратов заметнее сказывалось на уменьшении затраченных усилий и утомляемости, чем на увеличении скорости движения. При холодном ветре тепло, выделяемое аппаратами закрытого типа, являлось положительной особенностью аппарата, однако в теплую, тихую погоду, наблюдавшуюся обычно в Западном цирке, подобная особенность представляла собой явный недостаток. На этой высоте разница в действии, оказываемом обоими типами аппаратов, была незначительной.

Между 6700 и 7900 м. не было пройдено переходов, допускающих такое сравнение, частично из-за меняющихся изо дня в день трудностей пути, отчасти же из-за недостатка кислородных баллонов. Очевидным являлось лишь значительное облегчение движения при пользовании как одним, так и другим типом аппаратов, причем аппараты закрытого типа в этом отношении оказались лучше, чем открытого типа. На этих высотах имели место новые неполадки с аппаратурой. В аппаратах открытого типа была обнаружена утечка газа из выпускных патрубков (возможно, из-за того, что при низкой температуре резиновые рыльца этих патрубков затвердели). В аппаратах закрытого типа дыхательные клапаны замерзали тотчас же после смены патронов с натронной известью. Объяснялось это тем, что новый холодный патрон вводился в рабочий аппарат, который был влажным. Очень

жаль, что это не обнаружилось до первого штурма вершины и весьма простой способ устранения этого явления при штурме не был применен.¹⁰

На Южной седловине первая штурмовая группа сильно задержалась из-за неисправности одного из аппаратов закрытого типа. Впоследствии выяснилось, что в весьма похвальном, но ошибочном стремлении увеличить во время отдыха экономию кислорода один из альпинистов повредил клапан подачи, переведя его за предельное положение.

Выше 7900 м. значительным преимуществом аппаратов закрытого типа являлось выделяемое ими тепло, а также то обстоятельство, что вдыхаемый кислород был влажным. В трех случаях в масках аппаратов открытого типа образовался лед. В одном из аппаратов закрытого типа была обнаружена неисправность, которая привела к уменьшению эффективности аппарата и чрезмерному убыстрению ритма дыхания. Повреждение произошло в трудных условиях на высоте около 8560 м, и потому причина его не была как следует установлена; возможно, что этой причиной в данном случае явилось просачивание атмосферного воздуха.

В нижепомещаемой таблице приводится скорость восхождения пяти альпинистских групп на одном и том же участке, между Южной седловиной и штурмовым лагерем швейцарцев, организованном в 1952 г. на Юго-Восточном гребне.

Приведенные в данной таблице первые три восхождения

¹⁰ Описание этого способа см. в «Alpine journal», 59, № 288.

убедительно показывают значительное увеличение скорости движения при употреблении кислорода, а также явное преимущество аппаратов закрытого типа перед открытыми. Последние два восхождения не могут быть полностью сравнимы с остальными, так как альпинисты использовали уже вытопанные ступени; как можно предполагать, они показывают несколько большую скорость подъема, чем другие группы, применявшие тот же тип аппарата, однако значительно меньшую, чем группы, пользовавшиеся аппаратами закрытого типа.

На основании результатов нашей экспедиции можно прийти к выводу, что наилучшим решением вопроса кислородного питания на больших высотах является комбинированное использование аппарата открытого типа с сравнительно небольшим количеством кислорода для использования на время сна и аппарата закрытого типа для восхождения. Желательно прибегать к кислороду во время сна начиная с 6400 м. и употреблять его при восхождении начиная с той же или несколько большей высоты. Использование соответствующих перекисей позволит, весьма возможно, создать очень легкие кислородные аппараты для восхождения, но лишь при условии, если будет найден удовлетворительный способ управления скоростью протекания реакции. Конструкция любых аппаратов должна отличаться максимальной простотой и, в частности, при употреблении кислорода под давлением на каждом баллоне должны быть смон-

тированы редуccionный клапан и манометр.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О СКОРОСТИ ПОДЪЕМА МЕЖДУ ВЫСОТАМИ 7900 и 8350 м.

Группа / Тип кислородного аппарата / Скорость подъема, метров в час / Общая нагрузка на человека, кг / Снежные условия

Ламбер и Тенсинг, 1952 г. / Во время движения шли без кислорода / 71 м / – /

Грегори, Лоу и Анг Ньима / Аппарат открытого типа; подача 4 л в минуту / 131 м / 18,1 кг / Вырубали и вытаптывали ступени в нетронутым снегу

Первая штурмовая группа, 1953 г. / Аппарат закрытого типа / 284 м / 23,6 кг /

Хант и Да Намгьял / Аппарат открытого типа; подача 4 л в минуту / 151 м / 22,7 кг / Шли по вытоптаным ступеням

Вторая штурмовая группа, 1953 г. / Аппарат открытого типа; подача 4 л в минуту / 189 м / 18,1 кг / Шли по вытоптаным ступеням

В заключение мы должны здесь выразить благодарность многочисленным организациям и частным лицам, принявшим участие в проектировании и изготовлении кислородных аппаратов для нашей экспедиции.

Приложение III

ПИЩЕВОЙ РАЦИОН

Гриффит Паф и Джордж Бенд

Гималайские экспедиции обычно снабжаются продуктами, привезенными из Англии или полученными в Индии. К ним добавляются продукты, которые можно достать на месте, в Гималаях. Основными из последних являются: рис, картофель, дзамба, дахль, гхи¹¹, яйца, куры и мясо. Свежие фрукты и овощи если и бывают, то очень редко.

Ранние экспедиции на Эверест брали с собой разнообразный набор привозных продуктов, которые быстро надоедали участникам экспедиции во время восхождения. Впоследствии экспедиции стали все более и более рассчитывать на местные ресурсы и привозить лишь те продукты, которые нельзя было достать на месте, как-то: сахар, джем, галеты и сливочное масло.

После разведочной экспедиции 1951 г. и экспедиции на Чо-Ойю в 1952 г. выяснилось, что некоторые участники плохо переносят непривычную тяжелую пищу, их физическое состояние от этого ухудшалось, и мы пришли к выводу, что общая сопротивляемость организма участников экспедиции на Эверест 1953 г. должна быть улучшена путем подбора

¹¹ См. словарь специальных слов, стр. 292. – *Прим. ред.*

пищевого рациона, возможно меньше отличающегося от европейского стола. Это могло быть достигнуто путем более широкого применения консервированных или герметически упакованных продуктов.

Вместо прежней практики упаковки продуктов большими партиями стала применяться система, сейчас широко распространенная в армии для снабжения небольших соединений, действующих в полевых условиях, в виде рассчитанных на одного человека рационов на одни или несколько суток. Такая система представляла для гималайских экспедиций следующие преимущества: сортировка и упаковка груза для транспортировки, а также распределение продуктов питания значительно облегчаются; недостаток особо важных продуктов вследствие чрезмерного расхода или хищения исключается; возможности заражения продуктов мухами или при перекладке уменьшаются. Правда, эти преимущества достигаются за счет дополнительного веса и стоимости. Кроме того, необходимо также, чтобы содержание суточного рациона было правильно рассчитано. В этом отношении исследования в области режима питания, проведенные на Чо-Ойю, принесли большую пользу. Упаковка рационов была произведена Военным ведомством, и многие продукты были получены из армейских складов. За эту ценную помощь экспедиция должна благодарить подполковника Кингсмилла и его сотрудников из военного министерства.

Содержание различных рационов приведено в таблице в

конце данного приложения. В интересах более правильного распределения продуктов питания экспедиция 1953 г. была разбита на три этапа: 1) приближение и возвращение; 2) тренировка и организация лагерей; 3) пребывание выше 6700 м, включая штурм вершины.

Рацион "компо", включавший 14 суточных человеко-рационов, и ящики с напитками, в которые были упакованы 14 двухдневных человеко-рационов¹², предназначались для первого и второго этапов. Галеты, полагающиеся к этим пайкам, были упакованы отдельно в стандартных армейских жестяных банках. Кроме того, предполагалось к этому рациону добавить рис, картофель и яйца, закупленные на месте. Мы считали, что на втором этапе рацион «компо» уже несколько нам надоест, поэтому предполагалось в этот период открыть ящики с улучшенными рационами, чтобы несколько разнообразить питание; мы также надеялись пригнать с собой в горы несколько голов скота. В Западном цирке и на стене Лходзе мы собирались уже для уменьшения веса переносимых грузов перейти на штурмовой рацион.

Рацион для третьего этапа был рассчитан исходя из прошлого опыта, показывающего, что, начиная с определенной высоты, зависящей от степени акклиматизации, аппетит восходителей начинает заметно уменьшаться. Во время экспедиции на Чо-Ойю в 1952 г. на высотах 5800—6700 ж средняя калорийность потребляемой пищи была 3200 кало-

¹² Из расчета на 13 европейцев и шерпа Тенсинга.

рий в день, тогда как на подходах к вершине она равнялась 4200 калорий. Было высчитано, что в экспедиции на Эверест 1933 г. выше 7300 м. калорийность суточного рациона была всего только 1500 калорий. На больших высотах значительная доля общей калорийности потребляемого питания падала на сахар, содержащийся в чае, лимонаде и других напитках. Некоторые не переносят жирной пищи, другим хочется каких-то особых кушаний, которых нельзя достать. В 1933 г. высоко на Эвересте Шиптона преследовало страстное желание раздобыть дюжину яиц; Смайту требовались сосиски с кислой капустой; в 1924 г. любимым кушаньем Сомервелла было земляничное варенье и сгущенное молоко; на Чо-Ойю Хиллари хотелось ананасов, а Секорду – лососиных консервов. Обычно, люди предпочитают скорее ничего не есть, чем мириться с продуктами, вызывающими у них отвращение. Если же они ничего не едят, их организм быстро слабеет. Вес и объем продуктов, которые можно нести в горах на большую высоту, по необходимости строго ограничен, и основные продукты питания, а также их упаковка должны быть возможно легче. Желательно исключить продукты большого объема или с высоким содержанием влаги, как, например, хлеб и картофель, хотя для страдающих пищевой идиосинкразией могут быть сделаны некоторые исключения.

Согласно разработанному для экспедиции 1953 г. плану, штурмовой рацион представлял собой пакет с суточным питанием на одного человека. Герметической упаковкой была

достигнута значительная экономия веса и объема. Каждый продукт, а также весь суточный рацион укладывались в воздухо непроницаемые мешочки из полиэтиленовой пленки и заклеивались в вакууме. Штурмовой рацион был подобран достаточно щедро, с учетом индивидуальных пожеланий в отношении количества и ассортимента продуктов. Предполагалось, что участники штурмовой группы вскроют свои пакеты перед штурмом, удалят продукты, которые им не понадобятся, и в зависимости от личного вкуса заменят их другими, выбранными из ящиков с улучшенным рационом. Содержание последних было разработано еще в Англии самими восходителями. Каждому из альпинистов было предложено дать заявку на продукты, которые, по его мнению, будут ему по вкусу на большой высоте.

Выводы

Сейчас, когда пишутся эти строки, мы не в состоянии еще произвести детальный анализ данных, полученных в результате опыта 1953 года. Все же надо сказать, что все члены экспедиции, за исключением одного, одобрили в принципе идею суточных рационов и высказались против упаковки по принципу однородности продуктов. Большинство альпинистов предпочитало увеличить количество местных продуктов, в частности свежего мяса, за счет консервированного. Это предложение следует принять с осторожностью, так

как местные продукты не всегда равноценны. Согласились на том, что в штурмовые рационы будут входить только основные продукты, приемлемые для всех (составить их список будет нелегко!). К ним можно будет добавить продукты, взятые из общих запасов, содержащихся, например, в ящиках с улучшенными рационами. Было установлено, что до высоты 6700 м. участники экспедиции 1953 г. предпочитали обычную пищу и это объясняется, вероятно, их лучшей акклиматизацией, по сравнению с участниками экспедиции на Чо-Ойю и в других послевоенных экспедициях. Рацион «компо» использовался вплоть до Передового базового лагеря. Во время пребывания в Западном цирке наблюдался большой спрос на картофель и свежее мясо. Нам пришлось забросить в цирк некоторое количество баранины и картофеля, несмотря на их большой вес.

На большой высоте варка свежего мяса, риса и картофеля происходит чрезвычайно медленно и требует много горючего (на высоте 6400 м. вода кипит уже при 85° , тогда как на уровне моря температура кипения равна 100°). Это затруднение было разрешено применением автоклавов. В настоящее время они считаются необходимым составным элементом снаряжения всякой гималайской экспедиции, хотя первое время их применяли весьма неохотно. Во время экспедиции повара шерпы настолько оценили преимущества автоклава, что решили даже построить самодельные автоклавы для своих нужд. Они изготовлялись из жестяной банки из-

под галет и наглухо закрывались крышкой. В крышке было проделано небольшое отверстие, затыкаемое палочкой, которая выполняла роль предохранительного клапана.

Штурмовые пайки использовались на время восхождения по стене Лходзе и выше. При переупаковке в Базовом лагере из них были изъяты пеммикан и американские орехи, хотя в 1952 г. во время экспедиции на Чо-Ойю они считались вполне приемлемыми. По рассказам возвратившихся после штурма альпинистов, каждый съедал ежедневно от половины до одного измененного высотного рациона. Некоторые продукты из общих запасов, как-то: сардины, фруктовые соки и консервы – пользовались большим успехом. Охотно потреблялись также и некоторые другие продукты: витаминизированные галеты "Вита-Вит", мед и сыр, оставленные швейцарцами на Южной седловине и обнаруженные там в хорошем состоянии. Шерпам выдавалось в Западном цирке и выше по одному штурмовому рациону на двоих и, кроме того, по 350 г дзамбы на каждого. Как оказалось, такое количество дзамбы было недостаточным, и пришлось его увеличить до 570 г в день на человека.

Ко времени спуска на обратном пути по ледопаду рационы "компо" пришли к концу, и при возвращении до Катманду экспедиция питалась штурмовыми пайками, к которым прибавлялись местные продукты. Тогда мы и оценили преимущества рационов "компо" по сравнению с штурмовыми! Все требовали на обратном пути больше мяса и кур, но эти

продукты не всегда можно было найти в достаточном количестве. Местные куры небольшого размера и жестки, однако, если их варить в автоклаве, из них получается съедобное кушанье. Альпинисты хотели бы иметь на ужин каждый по курице, но обычно удавалось достать не больше пяти кур на девять человек. Кроме кур были съедены за дорогу еще два небольших барана. Как это обычно бывает после гималайских экспедиций, у всех альпинистов в течение нескольких недель после возвращения в Катманду аппетит оставался чудовищным.

Содержание пищевых рационов

I. Ящик «компо» по 14 суточных человеко-рационов.

Общий вес – 19 кг; поставщик – Военное ведомство; на каждом ящике сбоку и на крышке указан день недели¹³.

Меню 1. Понедельник

На дне ящика – завтрак и питание в пути

Овсяные галеты: 1 банка по 340 г

¹³ В каждом ящике на банках были уложены 2 пакета с супом по 70 г каждый; 2 скатерти из искусственной ткани; 1 пакет с туалетной бумагой, нож для открывания консервов.

Бекон: 5 банок по 425 г

Масло: 2 банки по 425 г

Джем: 2 банки по 255 г

Апельсинное варенье: 2 банки по 255 г

Сыр: 2 банки по 225 г

Шоколад и сладости¹⁴: 3 банки по 355 г

Соль: 115 г

Спички: 1 коробка

В верхней части ящика – основная еда

Свинина: 8 банок по 340 г

Морковь: 3 банки по 285 г

Кекс с изюмом: 4 банки по 285 г

Меню 2. Вторник

На дне ящика – завтрак и питание в пути

Овсяные галеты: 1 банка по 340 г

Колбаса: 5 банок по 425 г

Масло: 2 банок по 425 г

Джем: 2 банки по 255 г

Апельсинное варенье: 2 банки по 255 г

Сыр: 2 банки по 225 г

Шоколад и сладости¹⁴: 3 банки по 355 г

Соль: 115 г

Спички: 1 коробка

¹⁴ В каждой порции 280 г шоколада и 70 г сухих и вареных фруктов.

¹⁴ В каждой порции 280 г шоколада и 70 г сухих и вареных фруктов.

В верхней части ящика – основная еда

Мясо куском и почки: 8 банок по 450 г

Тушеные бобы: 3 банки по 450 г

Кекс с изюмом: 4 банки по 280 г

Меню 3. Среда

На дне ящика – завтрак и питание в пути

Овсяные галеты: 1 банка по 340 г

Бекон: 5 банок по 425 г

Масло: 2 банки по 425 г

Джем: 2 банки по 255 г

Апельсиновое варенье: 2 банки по 255 г

Сыр: 2 банки по 225 г

Шоколад и сладости¹⁴: 3 банки по 355 г

Соль: 115 г

Спички: 1 коробка

В верхней части ящика – основная еда

Свинина: 8 банок по 450 г

Морковь: 3 банки по 280 г

Фруктовые консервы: 4 банки по 450 г

Меню 4. Четверг

На дне ящика – завтрак и питание в пути

Овсяные галеты: 1 банка по 340 г

Бекон: 5 банок по 425 г

¹⁴ В каждой порции 280 г шоколада и 70 г сухих и вареных фруктов.

Масло: 2 банки по 425 г

Джем: 2 банки по 255 г

Апельсиновое варенье: 2 банки по 255 г

Сыр: 2 банки по 225 г

Шоколад и сладости¹⁴: 3 банки по 355 г

Соль: 115 г

Спички: 1 коробка

В верхней части ящика – основная еда

Тушеное мясо: 8 банок по 455 г

Горох: 3 банки по 285 г

Кекс с изюмом: 4 банки по 285 г

Меню 5. Пятница

На дне ящика – завтрак и питание в пути

Овсяные галеты: 1 банка по 340 г

Бекон: 5 банок по 425 г

Масло: 2 банки по 425 г

Джем: 2 банки по 255 г

Апельсиновое варенье: 2 банки по 255 г

Сыр: 2 банки по 225 г

Шоколад и сладости¹⁴: 3 банки по 355 г

Соль: 115 г

Спички: 1 коробка

В верхней части ящика – основная еда

¹⁴ В каждой порции 280 г шоколада и 70 г сухих и вареных фруктов.

¹⁴ В каждой порции 280 г шоколада и 70 г сухих и вареных фруктов.

Лососина: 16 банок по 255 г

Горох: 3 банки по 285 г

Фруктовые консервы: 4 банки по 455 г

Меню 6. Суббота

На дне ящика – завтрак и питание в пути

Овсяные галеты: 1 банка по 340 г

Колбаса: 5 банок по 425 г

Масло: 2 банок по 425 г

Джем: 2 банки по 255 г

Апельсиновое варенье: 2 банки по 255 г

Сыр: 2 банки по 225 г

Шоколад и сладости¹⁴: 3 банки по 355 г

Соль: 115 г

Спички: 1 коробка

В верхней части ящика – основная еда

Свинина: 8 банок по 455 г

Смешанные овощи: 3 банки по 285 г

Кекс с изюмом: 1 банка по 285 г

Меню 7. Воскресенье

На дне ящика – завтрак и питание в путь

Овсяные галеты: 1 банка по 340 г

Бекон: 5 банок по 425 г

Масло: 2 банки по 425 г

¹⁴ В каждой порции 280 г шоколада и 70 г сухих и вареных фруктов.

Джем: 2 банки по 255 г

Апельсинное варенье: 2 банки по 255 г

Сыр: 2 банки по 225 г

Шоколад и сладости¹⁴: 3 банки по 355 г

Соль: 115 г

Спички: 1 коробка

В верхней части ящика – основная еда

Тушеное мясо: 8 банок по 450 г

Горох: 3 банки по 280 г

Кекс с изюмом: 4 банки по 280 г

II. Ящики с продуктами для приготовления напитков.

28 человеко-рационов, общий вес 14,5 кг, количество ящиков – 46, поставщик – «Уилтс Юнайтед дейрис». В каждом ящике 2 отделения, в каждом из них находился рацион на 14 человек. Все пакеты заклеены в вакууме.

Содержание отделения:

Сахар: 4 пакета по 555 г

Чай: 2 пакета по 285 г

Молоко в порошке: 4 пакета по 225 г

Овсяные хлопья: 1 пакет по 285 г

Финики без косточек: 2 пакета по 225 г

Изюм без косточек: 1 пакета по 455 г

¹⁴ В каждой порции 280 г шоколада и 70 г сухих и вареных фруктов.

Кофе или какао¹⁵: 2 пакета по 370 г

III. Ящики с галетами.

Общий вес 15,5 кг, количество ящичков – 11; поставщик – Военное ведомство. В каждом ящике было по 6 жестяных коробок. В каждой коробке – 15 пакетов по 170 г обычных армейских галет.

IV. Ящики с штурмовыми рационами.

В ящике 8 суточных человеко-рационов весом 1,13 кг. Упакован в вакууме в мешочках из полиэтиленовой пленки и подкладкой из станиоли. Общий вес каждого ящика – 13,6 кг, поставщик – «Уилтс Юнайтед дейрис».

Содержание:

Американские орехи: 85 г

Овсянка плющенная: 28 г

Молоко в порошке: 85 г

Сахар (2 пакета): 400 г

Джем: 57 г

Обыкновенные галеты: 85 г

Сладкие галеты: 85 г

Вареные и сухие фрукты: 57 г

Кофе или какао: 28 г

¹⁵ В одном отделении каждого ящика было кофе, в другом какао.

Лимонад или апельсиновый напиток в порошке: 28 г

Чай: 42 г

Все вышеперечисленные продукты запакованы в вакууме

Шоколад или Мятные плитки или Фруктовые бисквиты или Бананы прессованные: 1 плитка (57 г)

Пеммикан (нежирный): 70 г

Соль: 5,5 г (Расфасованная)

Сыр: 28 г (1 порция)

Скатерть из искусственной ткани: 1 штука

Туалетная бумага: 5 листов

Измененный рацион, употреблявшийся во время штурма.

70 пайков были переупакованы в Базовом лагере. Каждый измененный паек содержал два суточных человеко-рациона и был упакован в станиолевый мешок, общий вес – 1,8 кг.

Содержание:

Овсянка плющенная: 2 пакета по 28 г

Молоко в порошке: 1 пакет по 200 г

Сахар: 4 пакета по 200 г

Джем: 1 пакет по 56 г

Сладкие галеты: 2 пакета по 85 г

Мятные плитки или Бананы прессованные: 2 пакета по 56

Сыр: 2 пакета по 28 з

Вареные и сухие фрукты: 1 пакет по 56 з

Соль расфасованная: 2 пакета по 5,5 з

Какао: 1 пакет по 28,5 з

Чай: 1 пакет по 42,5 з

Суп в порошке: 1 пакет по 65 з

Лимонад в порошке: 2 пакета по 28 з

V. Ящики улучшенного питания.

Количество ящиков – 5, поставщик – «Эндрю Ласк». Об-
щий вес – 15,9 кг

Содержание:

Кофе со сгущенным молоком: 30 банок по 115 з

Консервированные груши: 5 банок по 455 з

Консервированные абрикосы: 5 банок по 455 з

Консервированные ананасы: 5 банок по 570 з

Сардины: 29 банок

Набор супов в порошке: 165 пакетов

Глюкоза в таблетках: 6 коробок

Чатней¹⁶ «Солнце»: 4 бутылки

Чатней¹⁶ «Голубая этикетка»: 4 бутылки

Галеты с джемом (мармайт): 8 упаковок по 110 з

Сгущенное молоко ("Монблан"): 24 тубика

¹⁶ См. словарь в конце книги.

¹⁶ См. словарь в конце книги.

Супы саморазогревающиеся: 12 банок

Луковые хлопья: 2 банки по 455 г

Яичный концентрат "Овоспорт" в плитках: 50 пакетов

Томатный сок: 2 банки по 455 г

Апельсиновый сок: 3 банки по 455 г

Горчица: 1 банка по 225 г

Белый перец: 1 банка по 225 г

Коренья (смесь): 1 банка

Молоко в порошке ("Клим"): 1 банка по 455 г

Ветчина: 1 банка по 4 кг

Ром: 1 бутылка

Бренди (водка): 1 бутылка

Сыр чеддер: 1 упаковка 5,7 кг

Колбаса: 10 кг

VI. Разные продукты.

Сахар для шерпов, общий вес – 95 кг; поставщик «Тэйт энд Лайль».

Шоколад, общий вес – 45 кг; поставщик «Роунтриз».

Чай, общий вес – 45 кг; поставщик «Поллитт».

Ячменные лепешки, общий вес – 42 кг; поставщик «Риди Микс».

VII. Поливитамины в капсулах

Поставщик «Лидерли».

Витамин А: 5000 единиц

Витамин Д: 500 единиц

Тиамин НС1: 3,0 мг

Рибофлавин: 2,0 мг

Пиридоксин НС1: 0,2 мг

Аскорбиновая кислота: 75,0 мг

Ниацинамид: 20,0 мг

Пантоминат кальция: 1,0 мг

Фолиевая кислота: 1,0 мг

Витамин В12: 1,0 мг

Каждый участник получил при выходе экспедиции 100 капсул поливитамина

Приложение IV

ФИЗИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА

Гриффит Паф и Майкл Уорд

Еще в 1924 г. восходители на Эверест отмечали, что после девяти недель, проведенных на промежуточных высотах, человек может подняться до 8530 м. и спать две или три ночи на высоте до 8230 м. Как показали впервые подъемы на свободных аэростатах в семидесятых годах прошлого столетия не акклиматизировавшийся воздухоплаватель, поднявшись на такие высоты, быстро терял сознание и погибал. Если в барокамере на уровне моря подвергнуть людей действию пониженного давления, то при давлении, соответствующем высоте 7620 м, они теряют сознание через 10 минут, а при давлении, соответствующем высоте 8230 м., – через 3 минуты.

Наибольшая известная высота, на которой имеется постоянное население, равна 5335 м. В Андах на этой высоте есть поселок при руднике под названием Аконквилча. Говорят, что шахтеры предпочитают ежедневно подниматься с этой высоты на 455 м. и не жить в специальном лагере, построенном для них администрацией рудника на высоте 5790 м.

Восходители на Эверест отмечали также, что в процессе акклиматизации их физическое состояние улучшалось вплоть до высоты 7000 м. Выше же наступало быстрое и се-

рьезное истощение организма, проявляющееся в прогрессирующей слабости, в сонливости, в невозможности восстановить утраченные силы и в постепенной атрофии мышц.

На высотах 6500—7000 м. имеет место медленное истощение организма, однако оно сглаживается процессом акклиматизации, так что головные боли и другие симптомы горной болезни исчезают, и в течение некоторого времени состояние здоровья альпиниста улучшается. Но со временем аппетит пропадает, ткани начинают истощаться, уменьшается энергия и работоспособность. В нижеследующей таблице приведены наибольшие сроки пребывания альпинистов на Эвересте на различных высотах:

Высота, м. / Срок пребывания / Экспедиция

6100—6400 / 4—5 недель / Различные экспедиции

7000 / 11 дней / Оделл, 1924 г.

6700—7500 / 11 дней / Лоу, 1953 г.

7830 / 5 ночей / Барни, 1933 г.

8350 / 3 ночи / Смайт, 1933 г.

Подъем на высоту более 8000 м. требует такого колоссального напряжения, что вряд ли кто-либо способен повторить его в течение одной и той же экспедиции. Полное восстановление сил после такого испытания занимает много недель.

Интереснее всего, что при акклиматизации на больших высотах способность подниматься на высоту более 6100 м. у

разных людей резко колеблется. Некоторые, повидимому, не в состоянии подняться выше 6400 м, а те, кто способен подняться без кислорода выше 8230 м, составляют редкое исключение. Физическое состояние различных людей при восхождении также подвержено значительным суточным колебаниям; в подобных случаях про альпиниста принято говорить: «он идет хорошо» или «он идет плохо».

В настоящее время при отборе людей, способных хорошо переносить высоту, не существует иного метода, как непосредственная проверка в горах. Реакция на действие высоты, имитированной в барокамере, совершенно не показательна с точки зрения будущего поведения альпиниста в горных условиях. Однако все экспедиции отмечали, что способность приспособляться к высоте увеличивается с каждым восхождением на Гималаи, и акклиматизация, приобретенная во время предшествующих подъемов на большие высоты, сохраняется в течение многих лет.

Много споров вызвал вопрос, какой наиболее подходящий возраст для человека, пытающегося совершить восхождение в Гималаях. Большинство альпинистов, хорошо проявивших себя во время гималайских экспедиций, были в возрасте от 25 до 40 лет. Вполне вероятно, что большая выносливость, которая требуется при такой работе, приобретается лишь постепенно, в течение нескольких лет.

Техника быстрой акклиматизации требует дальнейшего изучения. Экспедиции на Эверест, следовавшие с севера,

вынуждены были в период приближения к вершине через Тибет проводить шесть недель на высотах от 4000 до 5200 м. Тем не менее участники первых двух экспедиций страдали во время восхождения от горной болезни. Учтя этот опыт, участники экспедиции 1933 г. оставались на несколько дней в каждом лагере выше Базового, чтобы иметь время для акклиматизации. Эти дополнительные 14 дней, проведенные в горах, позволили восходителям подняться до высотных лагерей в значительно лучшем состоянии, чем участники предшествовавших экспедиций. Экспедиция 1933 г. показала также, как важно, учитывая истощение организма, вызванное высотой, уменьшить до минимума время, проводимое на высоте более 7000 м.

При восхождении на Эверест с юга, через Непал, экспедиции достигали высокогорной части пути после трехнедельного путешествия по стране, расположенной на высоте порядка 1800 м, где имелись отдельные перевалы 3000—3700 м. высоты. Чтобы подняться с высоты 3700 до 5800 м, все послевоенные экспедиции тратили обычно всего неделю. Между высотами 4600 и 5200 м. у альпинистов часто наблюдались признаки горной болезни (головные боли, тошнота, нарушение дыхания). Однако в течение нескольких дней эти симптомы исчезали. Тем не менее состояние альпинистов, по сравнению с последующими этапами экспедиции, было весьма плохим. Было отмечено, что люди, вынужденные спуститься на меньшую высоту из-за болезни или посланные за

припасами, чувствовали себя при повторном подъеме значительно лучше, и отдых на низких высотах явно был им на пользу. Правда, отдельные альпинисты, поднимаясь вновь на высоту 6100 м. после отдыха на высоте 4900—5200 м, переутомлялись и страдали от учащенного дыхания, однако эти симптомы быстро проходили. Некоторые опытные восходители на Гималаи считают, что в начале восхождения на высоте 3700—4300 м. следует проводить не более нескольких дней, ибо более продолжительное пребывание на такой высоте мало что дает для акклиматизации к высотам, превышающим 5500 м. Подобная точка зрения подкреплялась тем фактом, что шерпы, постоянно живущие в Намче (около 3700 м), страдают от головных болей и учащенного дыхания, переходя через перевал Нангпа-Ла (5800 м.). С другой стороны, физиологические наблюдения, проведенные на Чо-Ойю, показали, что у человека, поднявшегося сразу до 5500 м. и выше и пребывающего длительное время на этой высоте, организм истощается в первые же две недели.

Ввиду того, что чувствительность различных лиц к высоте колеблется в весьма широких пределах, практически невозможно установить какие-то твердые правила в отношении возможно более быстрой акклиматизации. Целесообразно, повидимому, на первых стадиях восхождения организовывать лагери на таких высотах, которые не препятствовали бы нормальному аппетиту и сну всех участников экспедиции. В течение же дня они могли бы подниматься без переутом-

ления на возможно большую высоту. Опыт показал, что после периода акклиматизации и организаций перед окончательным штурмом вершины высотных лагерей люди, переутомившиеся на напряженной работе или по той или иной причине чувствующие себя плохо, должны быть посланы для отдыха вниз. Если этого не сделать, они не смогут достаточно быстро восстановить свои силы и быть готовыми в нужный момент.

Такая практика спуска для отдыха на меньшие высоты с большим успехом применялась в экспедиции 1953 г. В первый период акклиматизации группы поднялись до 6100 м. и провели две ночи или более на высоте 5200—5500 м. После пятидневного пребывания в горах они возвращались в Тхьянгбоче (ниже 4000 м) и здесь отдыхали три дня, перед тем как вновь подняться на 6100 м. Затем, перед восхождением до Базового лагеря (около 5500 м), участники экспедиции еще раз отдыхали в Тхьянгбоче. Всего на предварительную акклиматизацию перед началом трудных работ на ледопаде было потрачено три недели. После периода организации лагерей, когда грузы были доставлены к верховью Западного цирка, участники экспедиций спускались по очереди отдельными группами в Лобудже (5000 м) для трехдневного отдыха. Хотя в процессе работы участники экспедиции и теряли в весе, однако их общее состояние оставалось хорошим, и всегда было достаточно людей, чтобы выдержать темпы подготовки к штурму. Вновь подтвердились прежние на-

блюдения, согласно которым повторные посещения Гималаев усиливают сопротивляемость организма действию большой высоты. Не считая Тенсинга, все пять альпинистов, поднявшихся выше других, участвовали в прошлогодней экспедиции на Чо-Ойю. Это не означает, конечно, что другие участники не смогли бы подняться так же высоко, если бы им была предоставлена такая возможность. Однако характерно, что двумя единственными альпинистами, которые на большой высоте чувствовали себя плохо, были как раз два «новичка». Правда, после отдыха в лагере, расположенном ниже, они восстановили свои силы и впоследствии сыграли при восхождении важную роль.

Физиологические изменения на больших высотах

Приспособляемость человеческого организма к низкому атмосферному давлению изучается физиологами уже более восьмидесяти лет.

Из всех изменений организма, связанных с адаптацией, раньше других было открыто и лучше всего было изучено увеличение количества и концентрации в крови красных кровяных шариков, содержащих кислороднесущий пигмент – гемоглобин. Это открытие сделал в 1871 г. Вио. Однако имеются основания предполагать, что это свойство не играет такой важной роли, как считали раньше, ибо наряду с дру-

гими фактами было замечено, что некоторые люди с относительно низким содержанием гемоглобина в крови чувствовали себя хорошо на большой высоте.

Гораздо большее значение имеет увеличение объема воздуха, вдыхаемого каждую минуту ("легочная вентиляция"). Благодаря этому уменьшение плотности воздуха компенсируется увеличением количества воздуха, проходящего в минуту через легкие. Убыстрение ритма дыхательных движений регулируется стимулированием расположенных вдоль аорты и сонных артерий рецепторов, которые весьма чувствительны к понижению парциального давления кислорода в артериальной крови. В обычных условиях атмосферного давления мозговой центр, управляющий дыхательными движениями, реагирует не на парциальное давление кислорода в крови (остающееся постоянным, за исключением случаев резкого физического напряжения), а на прямое действие парциального давления углекислоты в артериальной крови. На большой высоте увеличение ритма дыхательных движений вызывает понижение давления углекислоты в легких, что находит свое отражение в соответствующем понижении давления углекислоты в артериальной крови. Таким образом, на большой высоте обычные стимулы уже недостаточны для дыхательного центра мозга, и последний начинает реагировать на стимулы, исходящие от периферийных рецепторов, которые чувствительны к парциальному давлению кислорода. Такое изменение в регулировании дыхания осу-

ществляется не так просто, и сперва имеют место некоторые "колебания", подобно тому, что происходит с любым саморегулирующимся механизмом, чувствительность которого недостаточна. Это проявляется в периодическом так называемом дыхании Чейн-Стокса, часто наблюдаемом на больших высотах и связанном с чрезвычайно неприятными ощущениями. Однако до сих пор в точности неизвестно, объясняется ли акклиматизация тем, что чувствительность дыхательного центра приспособляется к низкому артериальному давлению углекислоты на большой высоте, либо тем, что периферийные стимулы, вызываемые недостатком кислорода, продолжают на этой высоте играть для дыхания главную роль.

В первые дни пребывания на большой высоте, до того, как увеличится ритм дыхательных движений и произойдут другие компенсационные изменения в организме, ткани страдают от недостатка кислорода; влияние этого явления на мозг объясняет появление симптомов горной болезни – слабости, тошноты, рвоты, потери аппетита, бессонницы, головных болей. Другими изменениями организма, связанными с адаптацией, являются: а) усиление работы сердца во время отдыха. Однако было отмечено, что это явление после нескольких дней пребывания на высоте 4300 м. исчезает; тем не менее опыты, проведенные на животных, дают основание полагать, что оно продолжается выше 6000 м; б) нарушение щелочно-кислотного баланса крови, вызванное понижением пар-

циального давления CO_2 , компенсируется выделением мочи, имеющей щелочную реакцию; в) увеличение содержания миогемоглобина в мышцах. Миогемоглобином называется подобный гемоглобину кислород-несущий пигмент. Это явление было проверено лишь на животных. Опытов над человеком еще не производилось.

Все эти изменения направлены к тому, чтобы парциальное давление кислорода в тканях, от которого зависит химический процесс обмена веществ, удерживалось возможно более близким к его нормальной величине на уровне моря. Вероятно, в самих тканях происходят и другие, не известные нам изменения, позволяющие тканям нормально функционировать при уменьшенном кислородном давлении. Комбинированным действием всех этих изменений достигается замечательная степень компенсации, в результате которой на высоте, превышающей 6100—6400 м, человек может прекрасно себя чувствовать и с успехом выполнять не слишком тяжелую физическую работу. Однако полной компенсации не происходит; на большой высоте падают как максимальная скорость подъема альпиниста, так и число часов его работы в течение дня; так, на высоте 6400 м. эти показатели, даже для хорошо акклиматизировавшегося альпиниста, уменьшаются вдвое по сравнению с соответствующими данными на уровне моря. Выше 6400 м. наблюдается потеря в весе и истощение мышц, приводящие в конечном счете к падению работоспособности, к стремлению избегать физических усилий и

к потере аппетита. У подопытных животных, содержащихся при давлении, соответствующем высоте 6100 м, отмечаются изменения, приводящие к перерождению печени и других органов; вероятно, подобные же изменения происходят и в человеческом организме. Таким образом, одновременно с некоторой компенсацией, помогающей альпинисту по мере его акклиматизации при подъеме на большие высоты быть работоспособным и чувствовать себя хорошо, имеют место также разрушительные изменения в организме, принуждающие в конце концов альпиниста к спуску.

Холод

На большой высоте одной из важнейших задач является защита организма от холода. К действию низкой температуры воздуха еще прибавляется значительное увеличение теплотеря через легкие при нагревании и увлажнении вдыхаемого воздуха вследствие того, что ритм дыхательных движений как при отдыхе, так и во время работы резко возрастает. Предполагалось, что на верхних участках Эвереста альпинисты могут встретиться с температурами порядка -40° . Такое заключение было сделано на основании данных, полученных в 1933 г. метеостанциями в предгорьях Гималаев при помощи радиозондов: никаких сведений о температуре на самом Эвересте выше 7300 м. не имелось. Однако непосредственно перед появлением муссонов погода, по всей ви-

димости, должна быть очень теплой, иначе предшествовавшие экспедиции при том снаряжении, которым они располагали, должны были бы страдать от холода значительно более, чем это имело место в действительности.

В 1952 г. во время экспедиции на Чо-Ойю проводились испытания различного вида снаряжений. Выяснилось, что можно с успехом использовать многие научно обоснованные усовершенствования предохраняющей от холода одежды, применявшейся союзными войсками во время и после второй мировой войны. Предполагалось, что защитная одежда предохранит альпиниста от холода до температуры -40° . Общий вес ее, включая обувь и рукавицы, равнялся всего 7,7 кг, в то время как соответствующее арктическое обмундирование, дающее одинаковую защиту, весило около 10,4 кг. Спальные мешки и надувные матрасы были спроектированы с таким расчетом, чтобы обеспечить в течение ночи максимальные удобства. Важное значение этого фактора подчеркивалось Нортоном еще в 1924 г. При планировании гималайской экспедиции необходимо принять все меры, чтобы уменьшить усталость и излишнее напряжение.

Потребность в жидкости

Очень важно знать, как велика потребность организма в жидкости на большой высоте. Если эта потребность не будет удовлетворена, организм вскоре вследствие недостатка

воды будет испытывать еще большую усталость и слабость в дополнение к той усталости и слабости, которая происходит от действия высоты. По всей видимости, именно так и случилось со швейцарской экспедицией в мае 1952 г., когда участники ее во время пребывания на Южной седловине в течение трех дней потребляли жидкости менее чем по 0,6 л на человека в день.

Поскольку высоко в горах вода может быть получена исключительно из снега или льда, надлежащее снабжение ею зависит прежде всего от обеспечения подходящими продуктами и от достаточного количества горючего. Приблизительные подсчеты, основанные на количестве кружек супа, чая или лимонада, выпивавшихся ежедневно во время экспедиции 1952 г. на Чо-Ойю и экспедиции 1953 г. на Эвересте, показывают, что на человека приходилось 2,8—3,9 л жидкости в день. К этому следует добавить примерно 0,280 л воды, содержащейся в пище.

При таком расходе жидкости моча выделялась в пределах нормы. Это показывает, что потребляемое количество жидкости соответствовало потребностям организма. По всей видимости, количество жидкости, потребляемое во время штурма, было также достаточным.

Увеличенная потребность организма в жидкости на большой высоте объясняется большими потерями воды из легких вследствие сухости воздуха, ускорения ритма и увеличения глубины дыхания. Большое значение может также иметь и

потеря влаги в виде пота, особенно для альпинистов, поднимающихся по леднику в жаркое время дня. В Гималаях тепловое действие солнечного излучения весьма значительно: на Чо-Ойю, например, в мае 1952 г. на высоте 5800 м. температура на солнце была 69°.

Возник вопрос – оказывает ли влияние на ослабление организма уменьшение количества солей, наблюдающееся на большой высоте? Жителям жарких стран хорошо известно, что обильное и длительное выделение пота может вызвать состояние слабости и утомления вследствие недостатка соли в организме, если только потеря ее не компенсируется достаточным приемом соли в потребляемой пище. Потребление альпинистами на высоте большого количества жидкости вызывало предположение, не приводит ли обильное потовыделение к потере солей в организме. Однако возникновение такого состояния у альпинистов представляется маловероятным, так как увеличенное потребление жидкости объясняется не потовыделением, но скорее потерей влаги через легкие, а эта влага не содержит солей. Непосредственные измерения, произведенные в течение экспедиции 1953 г., показали, что через легкие теряется от 1,4 до 2 л жидкости в сутки. Это составляет примерно половину суточной нормы потребляемой жидкости и превосходит в 3—4 раза потерю влаги при дыхании на уровне моря в умеренном климате.

Кислород

Несмотря на то, что восхождения на Эверест дали много материалов для выяснения способности человека к акклиматизации на больших высотах, применение кислорода, которое обещает вызвать в высотном альпинизме революцию, было задержано на три десятка лет пустыми дискуссиями об этических соображениях и нежеланием воспользоваться опытом пионеров в этом деле. Оставляя в стороне вопрос, возможно ли успешное восхождение на вершину выше 8200 м. без кислорода, следует отметить, что, несомненно, кислород уменьшает опасности восхождения и намного увеличивает способность к субъективному восприятию окружающей обстановки, что является в конце концов одним из главных стимулов восхождения.

За исключением разведочной экспедиции 1921 г., кислородные аппараты использовались во всех экспедициях на Эверест. До швейцарской экспедиции 1952 г. единственные серьезные попытки применения кислорода делались Финчем и Брюсом в 1922 г., Меллори и Ирвином в 1924 г. и, наконец, Ллойдом в 1938 г. Финч пользовался аппаратом открытого типа весом 11,3 кг, с подачей 2,25 л кислорода в минуту. Он не расставался с аппаратом при подъеме от 6400 до 8230 м. и пользовался кислородом ночью перед штурмом, во время которого он достиг 8320 м. По словам Финча, приме-

нение кислорода принесло ощутительную пользу, и он свободнее поднимался, чем его носильщик. Опыт, произведенный в 1924 г. Оделлом, способствовал значительному укреплению существовавшего тогда у альпинистов предубеждения против кислорода. Поднимаясь с кислородом на высоту 6400—7000 м. и позднее – на высоту 7700—8230 м., он не ощутил существенной пользы от его применения. Нужно, однако, отметить, что подача при этом была всего лишь 1 л в минуту, и только на высоте 8250 м, в течение минуты или двух он увеличил ее до 2 л в минуту. В 1938 г. Ллойд и Варен пользовались аппаратами открытого типа весом 11,3 кг, с подачей 2,25 л в минуту. Ллойд поднимался с кислородом до 8230 м. и считал, что на нетрудных участках кислород ему приносил явную пользу, тогда как на технически сложных частях пути помощь, получаемая от кислорода, была, по его словам, менее значительна. Шиптон, однако, убедился в том, что показания Ллойда ненамного отличаются от показаний его товарища Тильмана. Был также испытан и аппарат закрытого типа, но от него пришлось отказаться из-за ощущения удушья, появившегося после кратковременного применения. Выводы, сделанные на основе всего опыта применения кислорода до 1952 г., сводились к тому, что если кислород и дает некоторое ощущение субъективной пользы, то дополнительный вес аппаратуры сводит на нет возможные преимущества кислородного питания.

Во время экспедиции 1952 г. на Чо-Ойю при подъеме на

вершину Менлунг-Ла (6100 м) были проведены испытания кислородной аппаратуры. Результаты этих испытаний и легли в основу проектов кислородного оборудования для экспедиции на Эверест 1953 г. Эти результаты могут быть сформулированы так:

1. Чем больше количество потребляемого кислорода, тем больше ощущаемая от него субъективная польза.
2. Вес аппаратуры в значительной мере компенсируется увеличением физических возможностей альпиниста.
3. Подача 4 л в минуту является минимальной для получения удовлетворительных результатов.
4. При кислородном питании наблюдается значительное сокращение ритма дыхательных движений.
5. Отмечается значительное уменьшение чувства усталости и тяжести в ногах во время движения. На этом основании можно предположить, что выносливость альпиниста должна возрасти, хотя в то время специальных испытаний по данному вопросу не производилось.

Во время испытаний на Чо-Ойю в ведении Бурдиллона находилась вся кислородная аппаратура, и он сам также подвергался испытаниям. Возвратившись в Англию, он был твердо убежден, что проблема кислорода решена в пользу аппарата закрытого типа, позволяющего восходителю дышать чистым кислородом.

Однако Высотный комитет Научно-исследовательского совета по вопросам медицины под председательством сэра

Брайэна Метьюза, который должен был консультировать экспедицию по всем вопросам, связанным с кислородной аппаратурой, вынес заключение, что предпочтение должно быть отдано аппаратам открытого типа как более удовлетворяющим физиологическим потребностям организма и более простым и надежным в эксплуатации. Применение аппаратов закрытого типа считалось желательным не только потому, что они подают кислород под нормальным атмосферным давлением, но также из-за сокращения потери тепла и влаги через легкие. Однако нельзя было рассчитывать, что за имеющийся короткий срок удастся создать надежную конструкцию такого аппарата. Тем не менее Научно-исследовательский совет по вопросам медицины рекомендовал заняться разработкой такой конструкции для экспериментальных целей. Характеристика и описание аппаратуры, взятой в 1953 г. на Эверест, а также условия ее эксплуатации уже приведены в приложении II.

Физиологический эффект дополнительного кислородного питания не только полностью оправдал ожидания, основанные на опыте экспедиции 1952 г., но даже превзошел их. Несколько возросла скорость подъема на большой высоте, однако основное влияние кислорода сказалось в увеличении работы, могущей быть выполненной в течение дня без большого утомления. Применение кислорода во время сна восстанавливало силы и значительно уменьшало высотное истощение организма. Самочувствие восходителей рез-

ко улучшалось, и они стали способны к восприятию окружающей природы; восхождение стало удовольствием. Во время своего завершающего подъема выше Южного пика Хиллари был в состоянии производить арифметические вычисления и точно рассчитать необходимую подачу кислорода, чтобы запасы последнего не кончились преждевременно. На вершине он снял маску и в течение десяти минут оставался без кислорода, фотографируя окружающую местность. Тем самым он доказал, что человек, лишившийся на высоте 8840 м. дополнительного кислородного питания, вовсе не теряет немедленно сознания. Возможность такого случая всегда являлась источником тревоги, хотя опыт Финча и Ллойда уже показал, что эта возможность не так уж велика. Следует также отметить, что хорошее самочувствие, вызываемое кислородным питанием, продолжается еще около часа после того, как доступ кислорода прекращается.

Санитария и медицинское обеспечение

Все довоенные экспедиции на Эверест уделяли большое внимание санитарии во время продвижения через Тибет. Тем не менее как при приближении к горам, так и во время восхождения участники их часто страдали от инфекционных заболеваний дыхательных путей и кишечника. Тибетское нагорье известно своими насыщенными пылью ветрами, что сильно повышает возможность инфекции. В горах имели ме-

сто заболевания простудного характера и горловые. Это объяснялось учащенным вдыханием холодного сухого воздуха, результатом чего являлось понижение сопротивляемости к заболеваниям верхних дыхательных путей. В 1924 г. Сомервелл рассказывал, как у него во время пребывания на верхних склонах Эвереста отслоилась часть эпителиальной ткани горла, едва не задушившая его.

После войны экспедиции начали снабжаться антибиотиками, и в связи с этим правила гигиены стали соблюдаться не так строго. Учитывая частые заболевания во время экспедиции 1952 г. на Чо-Ойю, при подготовке экспедиции 1953 г. на Эверест был разработан и тщательно проведен в жизнь план санитарных мероприятий. Главными мерами предосторожности были следующие:

1. Устройство лагерей вдали от селений. Отказ от использования местных жилищ для ночлега.
2. Защита пищи и посуды от мух.
3. Кипячение всей питьевой воды, а в случае невозможности это сделать обязательное употребление стерилизующих таблеток.
4. Контроль за поварами шерпами для обеспечения гигиены при приготовлении пищи.
5. Употребление мехов для надувания матрацев.

Европейцам, шерпам и носильщикам – всем выдавался палюдрин, хотя опасность заболевания малярией в предмуссонный период сравнительно невелика. Москитов бы-

ло немного, и антимооситный крем ДМР пригодился против других насекомых. Порошок против насекомых оказался важной частью снаряжения, так как нам приходилось бороться со вшами, блохами и клопами.

С медицинской точки зрения, экспедиция может быть вкратце охарактеризована следующим образом: к середине мая закончились неизбежные легкие заболевания кишечника и дыхательных путей, вызванные контактом между шерпами и европейцами, приехавшими из различных мест. Случаи поноса и заболевания горла излечивались антибиотиками. В период подготовки пути по стене Лходзе и в период штурма заболело лишь двое альпинистов из одиннадцати. Выше Передового базового лагеря (лагерь IV на высоте 6460 м) многие страдали раздражающим кашлем, который быстро исчезал после спуска в более низкие лагеря. Серьезных горловых заболеваний, какие случались в прошлых экспедициях, у нас не было; возможно, что это объясняется использованием кислородом. Физическое состояние участников экспедиции было превосходным, в особенности после долгого пребывания в Западном цирке и выше. Ни разу не было случаев такого сильного истощения и упадка сил, какие бывали в прошлых экспедициях; альпинисты, поднимавшиеся на большую высоту, уставали, но быстро восстанавливали свои силы. Члены Альпийского клуба, встречавшие экспедицию при ее возвращении в Англию, были поражены здоровым видом ее участников, составлявшим резкий контраст с состо-

янием участников предшествовавших экспедиций, возвращавшихся с Эвереста.

Физиологические исследования

В качестве продолжения работ, проводимых в 1952 г. на Чо-Ойю, в настоящей экспедиции была выполнена программа научных исследований в области физиологии. Проведение этих работ оказалось возможным лишь благодаря щедрости Королевского общества¹⁷ и Научно-исследовательского совета по вопросам медицины. Были изучены влияние высоты на дыхание, на содержание гемоглобина в крови и на питание, а также действие дополнительного вдыхания кислорода на альпинистов во время сна и при восхождении. Результаты этих исследований и подробный отчет о медицинской стороне экспедиции будут опубликованы в научных журналах.

¹⁷ Английская академия наук. *Прим. ред.*

Приложение V
СПИСОК ШТУРМОВЫХ ГРУЗОВ
(разработанный 16
апреля в лагере у озера и
пересмотренный после принятия
окончательного плана 8 мая)

Стена Лходзе (лагерь VII)

При двух аппаратах открытого типа

Кухни¹⁸ – 2шт (6,8 кг)

Горючее – 4,5л (4,5 кг)

Рацион для транспортных групп (в кг, на 24 часа) – 14 х
24 (12,7 кг)

Рацион для первого штурма²⁰ – 10 х 24 (9,1 кг)

Рацион для второго штурма²⁰ – 4 х 24 (3,6 кг)

¹⁸ Большие кухни употреблялись везде, за исключением лагеря IX; вес – 3,4 к?.
Малые кухни употреблялись в лагере IX; вес —2,27 кг.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

Штурмовые кислородные баллоны²¹ – 7шт (35 кг)

Палатки "Мид" – 3²²шт (20,4 кг)

Переносные радиотелефоны – 1шт (6,4 кг)

Разное – 6,8кг

Всего – 105,3 кг

Число шерпов-носильщиков²⁴ – 7

Груз, приходящийся в среднем на каждого – 13,6кг

При одном аппарате закрытого типа и одном аппарате открытого типа

Кухни¹⁸ – 2шт (6,8 кг)

Горючее – 4,5л (4,5 кг)

Рацион для транспортных групп (в кг, на 24 часа) – 15 х
24 (13,6 кг)

Рацион для первого штурма²⁰ – 2 х 24 (1,8 кг)

Рацион для второго штурма²⁰ – 8 х 24 (7,3 кг)

²¹ Включая штурмовой кислород для руководителей групп заброски на Южную седловину и для всех участников заброски в лагерь IX.

²² Одна палатка «Мид» была поднята в лагерь VI во время разведки 3-5 мая.

²⁴ При этом предполагается, что европейцы будут нести только личные вещи, спальные мешки и надувные матрасы.

¹⁸ Большие кухни употреблялись везде, за исключением лагеря IX; вес – 3,4 кг. Малые кухни употреблялись в лагере IX; вес — 2,27 кг.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

Штурмовые кислородные баллоны²¹ – 2шт (10 кг)

Кислородные баллоны на время сна – 4шт (36,3 кг)

Кислородные патроны аппаратов закрытого типа – 2шт
(8,2 кг)

Палатки "Мид" – 2шт (13,6 кг)

Переносные радиотелефоны – 1шт (6,4 кг)

Разное – 6,8кг

Всего – 115,3 кг

Число шерпов-носильщиков²⁴ – 8

Груз, приходящийся в среднем на каждого – 13,6кг

Южная седловина (лагерь VIII)

При двух аппаратах открытого типа

Кухни¹⁸ – 2шт (6,8 кг)

Горючее – 4,5л (4,5 кг)

Рацион для транспортных групп (в кг, на 24 часа) – 8 х
48 (14,5 кг)

²¹ Включая штурмовой кислород для руководителей групп заброски на Южную седловину и для всех участников заброски в лагерь IX.

²⁴ При этом предполагается, что европейцы будут нести только личные вещи, спальные мешки и надувные матрацы.

¹⁸ Большие кухни употреблялись везде, за исключением лагеря IX; вес – 3,4 кг?. Малые кухни употреблялись в лагере IX; вес — 2,27 кг.

Рацион для первого штурма²⁰ – 4 х 48 (7,3 кг)

Рацион для второго штурма²⁰ – 2 х 48 (3,6 кг)

Штурмовые кислородные баллоны²¹ – 16шт (80 кг)

Кислородные баллоны на время сна – 2шт (18,2 кг)

Палатки "Мид" – 2шт (13,6 кг)

Пирамидальные палатки – 1шт (11,2 кг)

Переносные радиотелефоны – 1шт (6,44 кг)

Разное – 6,8кг

Всего – 172,7 кг

Число шерпов-носильщиков²⁴ – 12

Груз, приходящийся в среднем на каждого – 13,6кг

При одном аппарате закрытого типа и одном аппарате открытого типа

Кухни¹⁸ – 2шт (6,8 кг)

Горючее – 4,5л (4,5 кг)

Рацион для транспортных групп (в кг, на 24 часа) – 7 х
24 (6,4 кг)

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²¹ Включая штурмовой кислород для руководителей групп заброски на Южную седловину и для всех участников заброски в лагерь IX.

²⁴ При этом предполагается, что европейцы будут нести только личные вещи, спальные мешки и надувные матрацы.

¹⁸ Большие кухни употреблялись везде, за исключением лагеря IX; вес – 3,4 кг?.
Малые кухни употреблялись в лагере IX; вес — 2,27 кг.

Рацион для первого штурма²⁰ – 2 х 48 (3,6 кг)

Рацион для второго штурма²⁰ – 2 х 48 (3,6 кг)

Штурмовые кислородные баллоны²¹ – 16шт (80 кг)

Кислородные баллоны на время сна – 3шт (27,2 кг)

Кислородные патроны аппаратов закрытого типа – 4шт
(16,4 кг)

Палатки "Мид" – 1шт (6,8 кг)

Пирамидальные палатки – 1шт (11,2 кг)

Облегченные палатки – 1шт (2,7 кг)

Переносные радиотелефоны – 1шт (6,44 кг)

Разное – 6,8кг

Всего – 182,2 кг

Число шерпов-носильщиков²⁴ – 13

Груз, приходящийся в среднем на каждого – 13,6кг

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²¹ Включая штурмовой кислород для руководителей групп заброски на Южную седловину и для всех участников заброски в лагерь IX.

²⁴ При этом предполагается, что европейцы будут нести только личные вещи, спальные мешки и надувные матрасы.

Юго-Восточный гребень (лагерь IX)

При двух аппаратах открытого типа

Кухни¹⁸ – 1шт (2,3 кг)

Горючее – 2,3л (2,3 кг)

Рацион для первого штурма²⁰ – 2 х 24 (1,8 кг)

Рацион для второго штурма²⁰ – 2 х 24 (1,8 кг)

Штурмовые кислородные баллоны²¹ – 8шт (40 кг)

Кислородные баллоны на время сна – 2шт (18,2 кг)

Палатки "Мид" – 1шт (6,8 кг)

Спальные мешки – 2²³шт (половина) (4,5 кг)

Надувные матрацы – 2²³шт (2,7 кг)

Разное – 4,5кг

Всего – 84,8 кг

¹⁸ Большие кухни употреблялись везде, за исключением лагеря IX; вес – 3,4 кг.

Малые кухни употреблялись в лагере IX; вес — 2,27 кг.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²¹ Включая штурмовой кислород для руководителей групп заброски на Южную седловину и для всех участников заброски в лагерь IX.

²³ Спальные мешки и надувные матрацы для всех поднимающихся до Южной седловины (лагерь VIII) включительно не принимались в расчет.

²³ Спальные мешки и надувные матрацы для всех поднимающихся до Южной седловины (лагерь VIII) включительно не принимались в расчет.

Число шерпов-носильщиков²⁴ – 7

Груз, приходящийся в среднем на каждого – 11,3кг

При одном аппарате закрытого типа и одном аппарате открытого типа

Кухни¹⁸ – 1¹⁹шт (2,3 кг)

Горючее – 1,1л (1,4 кг)

Рацион для второго штурма²⁰ – 2 х 24 (1,8 кг)

Штурмовые кислородные баллоны²¹ – 4шт (20 кг)

Кислородные баллоны на время сна – 1шт (9,1 кг)

Палатки "Мид" – 1шт (6,8 кг)

Спальные мешки – 2шт (половина) (4,5 кг)

Надувные матрацы – 2шт (2,7 кг)

Разное – 2,3кг

Всего – 50,9 кг

Число шерпов-носильщиков²⁴ – 4

²⁴ При этом предполагается, что европейцы будут нести только личные вещи, спальные мешки и надувные матрацы.

¹⁸ Большие кухни употреблялись везде, за исключением лагеря IX; вес – 3,4 кг?.
Малые кухни употреблялись в лагере IX; вес — 2,27 кг.

¹⁹ Одна кухня оставлена в лагере VI во время разведки 3—5 мая.

²⁰ В рацион для первого и второго штурмов входит резерв на плохую погоду.

²¹ Включая штурмовой кислород для руководителей групп заброски на Южную седловину и для всех участников заброски в лагерь IX.

²⁴ При этом предполагается, что европейцы будут нести только личные вещи, спальные мешки и надувные матрацы.

Груз, приходящийся в среднем на каждого – 11,3кг

Общий итог

Для штурма с двумя аппаратами открытого типа –
362,8 кг.

Для штурма с аппаратами закрытого и открытого типа –
348,4 кг.

СЛОВАРЬ НЕКОТОРЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В КНИГЕ

Акклиматизация — постепенное приспособление организмов к измененным условиям внешней среды (в частном случае – к большой высоте над уровнем моря).

Аноксия – кислородное голодание, нехватка кислорода для нормальной деятельности организма.

Барокамера – специальная герметическая камера, в которой искусственно создается разреженная атмосфера, соответствующая условиям, существующим на больших высотах.

Бергирунд – см. краевая фирновая трещина.

Гхи – перетопленное масло.

Дахл – чечевица.

Дзамба (тсампа) – мука, смолотая из поджаренного ячменя.

Камин – вертикальная расщелина в скале достаточной ширины, чтобы по ней мог передвигаться альпинист.

Кар – нитеобразное углубление на горном склоне, расположенное выше дна ледникового цирка; образовалось вследствие работы снега и льда.

Карниз – нависающая над склоном часть снежного гребня, напоминающая по форме завитый гребень морской волны и

образованная действием преобладающих ветров, переносящих снег с наветренной стороны гребня на подветренную. Термин «карниз» употребляется также иногда в применении к скальному рельефу и обозначает в этом случае узкую полку на скальной стене.

Карабин – стальная замкнутая скоба в виде продолговатого кольца, часть которого снабжена пружиной и может откидываться. Карабин служит промежуточным звеном между веревкой и крюком.

Карманы для рук – углубления, выбитые при восхождении на ледовом склоне.

Контрфорс – крутая и узкая скальная гряда, начинающаяся от гребня или ребра и спадающая вниз по крутому склону (стене).

Коум (Cwm) – по-гаэльски обозначает окруженную со всех сторон горами котловину. В высокогорных областях английские альпинисты называют так ледниковые цирки.

Кошки – стальное приспособление с острыми зубьями, надеваемое на обувь, чтобы преодолевать крутые склоны, покрытые льдом или плотным снегом (фирном).

Краевая фирновая трещина (бергширунд) – трещина в верхнем конце цирка или кара на переломе от крутого склона к пологому.

Крюк – стальной костыль с отверстием в головке (скальный крюк) или с кольцом (ледовый крюк). Забивается в трещину скалы или в лед, образуя искусственную опору для

страховки альпиниста на трудном участке.

Кулуар – желоб значительного размера, спускающийся со склона горы.

Лавина – падение по склону большой массы снега, вызванное нарушением равновесия между силами тяжести снега и силами его сцепления со склоном.

Ледопад – участок ледника, отличающийся сильной расчлененностью поверхности, что вызвано резким увеличением крутизны ледникового ложа.

Ледоруб – снаряжение альпиниста, напоминающее по форме кирку, служит для вырубания ступенек во льду или фирне и как дополнительная опора, а также для страховки на снежных склонах, когда древко его вгоняется в снег.

Лоханка – большая ступень, выбитая на ледовом или снежном склоне, в которой восходитель может стоять обоими ногами.

Морена – скопление обломков разрушенных горных пород, переносимых в настоящее время движением ледника или перенесенных ранее.

Мульда – впадина или котловина разного происхождения и формы; на леднике или на снежном горизонтальном поле мульдами называют плоские углубления.

Муссоны — ветры, периодически меняющие свое направление в зависимости от времени года. Летом дуют с океана (влажный муссон), зимой – с суши (сухой муссон).

Найлон — искусственное волокно большой прочности.

Плечо – неясно выраженное возвышение на гребне.

Ракиши – местный спиртной напиток.

Сераки – ледяные зубцы на поверхности ледника, достигающие иногда значительной величины и имеющие вид башен, спилей и т. п.

Страховка – предохранение от падения альпиниста путем надежного закрепления соединенной с ним веревки.

Траверс – пересечение склона по горизонтали или наискось; сквозной переход через одну или несколько вершин.

Тур – башенка из камней, складываемая обычно на вершине. В ней нередко помещают жестяную банку с запиской восходителей. В горных странах турами иногда отмечают направление дороги.

Фирн – снег с крупнозернистой структурой, являющийся переходной ступенью между снегом и льдом.

Цирк – расширение верховьев горной долины, окруженное крутыми склонами и обычное для горных стран с современным или древним оледенением.

Чанг – местный спиртной напиток.

Чатней – индийская приправа, изготовленная из плодов манго, каенского перца или красного стручкового перца и лимонного сока.